

Российская Академия Наук
Институт философии

СВОБОДНОЕ СЛОВО

Интеллектуальная хроника:
1999–2000

Альманах–2000

Москва
2001

УДК 323.5
ББК 66.3 (2) 5
С 48

Составитель и редактор

В.И.Толстых

Рецензенты:

доктор филос. наук *В.С.Семенов*,

доктор ист. наук *В.Б.Иорданский*

С 48 **Свободное** слово. Интеллектуальная хроника:
1999–2000. Альманах-2000. — М., 2001. — 304 с.

Альманах-2000 теоретического клуба Института философии РАН «Свободное слово» является продолжением публикаций под тем же названием трех книг, в 1996, 1997 и 1999 годах. В нем помещены сокращенные стенограммы клубных дискуссий 2000–2001 годов, посвященных актуальным темам и проблемам социально-экономической, политической и духовной жизни современной России. Альманах адресован широкому кругу читателей и дает возможность проследить за развитием модернизационных процессов в стране накануне нового столетия и тысячелетия.

ВЫХОД РОССИИ ИЗ КРИЗИСА. ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ (1-Е ЗАСЕДАНИЕ)

8 декабря 1999 года

В.И.Толстых

Тема, поставленная сегодня на обсуждение, конечно, связана с предстоящими парламентскими, а вскоре — и президентскими выборами. Но связана не внешне, не конъюнктурно, а я бы сказал — с дальним прицелом. Потому, что касается самого главного вопроса для страны, который, к сожалению, не обсуждается всерьез ни одной политической силой, участвующей в предвыборной гонке. Все увлечены ловлей голосов, обменом компроматов и демонстрацией наработанных избирательных технологий. Сейчас не до страны, не до России и ее будущности.

Кто-то может сказать: как же так, все партии и претенденты только о том и говорят на митингах и в своих программных обещаниях, что они сделают, если их изберут. Но речь-то идет совсем о другом — о том, что *надо сделать* независимо от того, каким будет новый парламент и кто станет новым президентом. Такова ситуация, что за эти десять лет все прояснилось и обнажилось с предельной очевидностью, и страна вновь очутилась перед вызовом и выбором — что делать и в каком направлении двигаться дальше. Завершилась целая эпоха радикальных экспериментов под знаком «курса политики реформ», очень болезненных потерь и сомнительных приобретений, острейших политических и социально-экономических коллизий. Общество вновь оказалось в состоянии повального недоумения, неясности и в отношении к своему прошлому, и в понимании настоящего, и, тем более, в прогнозах будущего.

Впрочем, ответы ищут и даже пытаются прогнозировать дальнейший ход событий. Как, например, в книжке «Сценарий для России», что только что вышла (мне подарили ее вчера). Ее созда-

ла целая группа людей, в количестве не менее ста человек, которые проводили семинары, круглые столы, сочиняли тексты и сценарные версии. А в итоге были разработаны три сценария: один — «плохой», второй — «так себе, ничего», а третий — «совсем хороший». В роли сценаристов выступали известные авторы — Александр Кабаков, Александр Гельман и Денис Драгунский. Лично мне они не понравились — каждый в отдельности и вместе взятые. Я бы сопроводил книжку подзаголовком «Нищета российского либерализма» — настолько они бедны в идейном и интеллектуальном отношении, не говоря уже о скучной, малоинтересной форме подачи материала.

Это еще больше убедило меня в необходимости выяснить суть российского кризиса и возможные пути выхода из него, опираясь на анализ реальных тенденций, ресурсов и действующих факторов. После десяти лет «курса реформ», кажется, все прояснилось и стало на свои места, позволяя более-менее определенно представить дальнейший ход событий. Разумеется, это могут сделать лишь те интеллектуалы, которые систематически и профессионально занимаются проблемой российских трансформаций.

В качестве ведущих дали согласие принять участие в дискуссии Сергей Юрьевич Глазьев, доктор экономических наук, профессор, давно уже разрабатывающий свою концептуальную модель возможного будущего России, и Дмитрий Сергеевич Чернавский, математик, физик, занимающийся моделированием экономических процессов. Им я и предоставляю слово.

С.Ю.Глазьев

Я благодарю Вас за возможность выступить с некоторыми размышлениями в отношении нашего выживания и развития в надвигающемся новом столетии и тысячелетии. Я постараюсь предельно кратко изложить некоторые мысли по поводу возможностей развития нашей страны в очень сложной ситуации нынешнего тяжелейшего экономического кризиса, усугубляемой вызовами глобализации, совершенно новыми реалиями геополитического противостояния.

Два слова в начале о тенденциях глобализации, с которыми нам необходимо считаться и которые во многом задают тот коридор возможностей, который у нас еще сохраняется. Я бы выделил три глобальных тенденции, на мой взгляд, определяющих современное экономическое развитие.

Первая тенденция — это ведущее значение научно-технического прогресса как главного фактора экономического роста и соответственно огромная роль транснациональных корпораций, которые первыми сегодня улавливают достижения научно-технического прогресса, внедряя их сразу в масштабах всего мирового рынка. Из этого вытекает основополагающее значение *интеллектуальной ренты* в современной экономической конкуренции. Те страны и те фирмы, которые способны создавать, улавливать интеллектуальную ренту, безусловно выигрывают в мировой конкуренции, они же и обеспечивают для себя устойчивое воспроизводство и развитие в будущем. Проигрывают те, кто сидит на экспорте сырья, поддерживая экономику на плаву за счет экспорта *природной ренты* в обмен на импорт инфляции. Они, в сущности, обречены на вымывание национальных природных ресурсов, прозябание на периферии мирового капиталистического хозяйства и генеральных тенденций экономического прогресса.

Вторая тенденция — это фундаментальное значение человеческого фактора в современном экономическом развитии. Речь идет о развитии науки, образования, культуры, интеллекта, высокоорганизованного творческого труда как определяющих факторов устойчивого развития, во всяком случае в развитых странах. За последние пятьдесят лет, точнее, середины 60-х годов, инвестиции в человека, образование, науку, культуру, здравоохранение превысили в развитых странах инвестиции в машины и оборудование. Так, скажем, доля расходов на НИОКР, то есть инвестиции в научные разработки, составляет ныне три четверти общих инвестиций, а расходы на науку в четыре раза больше, чем расходы собственно на покупку машин и оборудования.

И, наконец, *третья тенденция* — доминирование в мировых финансовых потоках спекулятивного финансового капитала. Известно, что объем финансово-спекулятивных операций за последние двадцать пять лет растет по экспоненте с темпом 20–30% в год, в то время как реальный сектор развивается с темпом 2–3% в год. Образовался колоссальный разрыв между финансовым капиталом и реальным капиталом. Этот разрыв связан с механизмами глобальных спекуляций против национальных валют, которые несут в себе угрозу финансового краха, а финансовым спекулянтам приносит огромную сверхприбыль.

Например, в России за счет финансовых пирамид, особенно пирамид ГКО, спекулянтам и нашим, и зарубежным удалось извлечь огромные доходы. Только на завершающей фазе финансо-

вых пирамид они извлекли 20 миллиардов долларов доходов. Сегодня, после финансового краха 17 августа 1998 г., девальвация рубля, стоимость всей российской экономики оказалась в 40 раз меньше, чем была до 17 августа.

Что собой представляет сегодня российская экономика? По своим масштабам на международном финансовом рынке она эквивалентна, может быть, двум-трем ведущим международным банкам; экономическая мощь страны сузилась практически до уровня среднеразвитых стран небольшого размера, до каких-то микроскопических величин на фоне былого экономического могущества. Этот процесс финансовых спекуляций, прокладывающий путь экспансии транснациональных корпораций в страны, национальное богатство которых обесценивается, получил в мировой литературе жаргонный термин «асфальтирование стран». Это приводит к разваливанию и затем утрате национального суверенитета, а экономика страны превращается в резервуар природных ресурсов, рабочей силы, интеллекта и так далее. Вот в такой ситуации мы сегодня и находимся.

Возникает вопрос: как мы можем дальше развиваться? Один сценарий мы наблюдаем повседневно. Это сценарий дальнейшего втягивания в процесс неэквивалентного экономического обмена, который для большинства нашего населения ничего хорошего не сулит. В целом для системы воспроизводства человеческого фактора он сулит только деградацию, оставляя нам лишь нишу экспорта сырья и какое-то еще время экспорта мозгов, которые сегодня в тех же масштабах перекачиваются на Запад, как и стратегические природные ресурсы. Вы сами прекрасно знаете о масштабах этого процесса. Ущерб российской экономики от утечки умов в принципе сопоставим с ущербом от вывоза капитала и оценивается больше, чем в сто миллиардов долларов. Поэтому я хотел бы предложить другой сценарий — не пассивного приспособления к экономической ситуации, а активной государственной политики и участия в экономике, мобилизации и удержания в стране тех экономических возможностей, которые у нас еще есть для обеспечения целей устойчивого экономического развития.

Первое, на что я хотел бы обратить внимание — у нас еще есть три-четыре года возможности работать на имеющемся научно-производственном потенциале. Сегодня загрузка производственных мощностей составляет всего лишь одну треть. Две трети мощностей не работает. При развороте макроэкономической политики в пользу производственной сферы, этот потенциал можно

оживить и запустить. Это возможно при обеспечении благоприятных ценовых условий для роста производства; дешевого предложения кредитов, то есть снижения процентных ставок и смягчения политики денежного предложения; запуска механизма рефинансирования производственной сферы за счет Центрального Банка, скажем, через пересчет векселей производственных предприятий; создания каналов притока денег в развитие производства, скажем, через Российский Банк развития. Потенциал роста здесь достаточно велик. К примеру, с октября 1998 года по май 1999 года рост промышленного производства составил 25%, всего лишь за полгода. После девальвации рубля удалось не допустить подъема цен на энергоносители, то есть мы работали это полугодие на низких ценах на сырье и энергоносители. Удалось воспрепятствовать давлению МВФ поднять процентные ставки, ввести механизмы валютного контроля, что привело к сокращению оттока капитала в три раза с миллиарда долларов в месяц до трехсот миллионов а также заставить Центральный Банк начать работать с реальным сектором. Очень важно, что одновременно было прекращено строительство всех финансовых пирамид. Попытки Центрального Банка и правительства запустить новую пирамиду ГКО тут же были пресечены. Возникли более-менее благоприятные условия для притока денег в развитие производства. Результат — сразу плюс 25% роста за полгода.

По нашим оценкам (на конец 1999 года — ред.), имеющаяся степень загрузки производственных мощностей позволяет поднять объем производства еще на 20% только за счет улучшения макроэкономического климата. Но этого, разумеется, недостаточно. Мне представляется, что нужно попытаться сыграть на трех наших конкурентных преимуществах. Первое — это остающиеся еще немалые по объему разведанные *запасы природных ресурсов как источник мобилизации капитала для реорганизации, реконструкции российской экономики*. Приведу лишь один пример. Только по нефтяной промышленности бюджет теряет в расчете на этот год примерно 60 миллиардов рублей, а в расчете на будущий 2000 год — примерно 150 миллиардов рублей прибыли, уводимой «в тень» от налогов. По экспорту газа мы недополучаем в доход бюджета примерно пять миллиардов долларов каждый год, которые могли получать, если бы этот ресурс оставался в распоряжении государства.

Второй момент. *Потенциал оздоровления денежного обращения*. В ситуации полной открытости финансового рынка и безграничного вывоза-ввоза капитала мы обречены на бесконечное повторе-

ние цикла «асфальтирования страны», становимся лакомым местом для финансовых спекулянтов. В отличие, например, от Малайзии, Индии, Китая, которые не пострадали от финансового краха в Юго-Восточной Азии, потому что у них были выстроены жесткие барьеры на пути движения спекулятивного капитала. Задача состоит в том, чтобы оградить наш финансовый сектор от спекуляций международного финансового капитала. Необходимо постепенно возвращать доверие населения к рублю и вытеснить доллар. Делая его все менее ликвидным на нашем внутреннем рынке, мы можем вернуть в экономический оборот объем капитала, который в три раза больше всей сегодняшней денежной массы. То есть за счет дедолларизации денежного обращения и расширения спроса на рубль мы получаем колоссальный источник для развития, который по своему потенциалу примерно в три-четыре раза больше, чем годовой уровень инвестиций на сегодняшний день. Об этом можно много и подробно говорить, но здесь я ограничусь лишь общим тезисом или требованием — безусловной необходимости обеспечения в самое ближайшее время серьезного и устойчивого решения спроса на рубль.

И, пожалуй, самое главное, о чем я хотел бы сказать. Мобилизуя таким образом ресурсы в экономический оборот внутреннего рынка, мы одновременно должны думать о ключевых направлениях экономического роста, по которым российская экономика могла бы осуществить масштабное и эшелонированное выдвижение на самые передовые рубежи глобальной конкурентоспособности. Видимо, сейчас бессмысленно ставить новый «железный занавес», когда уже потеряно 300 миллиардов долларов в виде «беглых капиталов» и на 100 миллиардов по каналам «утечки мозгов». Надо думать о том, как поднять конкурентоспособность национальной экономики с тем, чтобы она не оставалась дойной коровой для финансовых спекулянтов и транснациональных корпораций, а, наоборот, стала источником притяжения инвестиций всего мира. Для этого нужно добиваться завоевания передовых рубежей в нынешнем научно-техническом и технологическом развитии, осваивать такие приоритетные направления, где можно получить лавинообразную отдачу без больших инвестиций, опираясь на имеющийся в стране *интеллектуальный потенциал*.

О каких направлениях идет речь? С моей точки зрения, ответ на этот вопрос дает теория технологических укладов, которую мы разрабатываем совместно с ЦЭМИ РАН уже много лет и которая говорит о том, что мировое технико-экономическое развитие есть неравномерный циклический процесс. Он сопровождается пери-

одами высокого экономического подъема, достигает фазы зрелости, а затем сменяется застоем и депрессией. Глобальное экономическое развитие хорошо вписывается в эту концептуальную схему, эмпирически это подтверждено расчетами на основе теории «длинных волн Н.Д.Кондратьева». Иначе говоря, экономическая динамика интерпретируется как неравномерный процесс последовательного замещения технологических укладов.

Что мы видим на сегодняшний день? — Очевидные ростки нового технологического уклада в мировой экономике, и прежде всего — это биотехнологии. На сегодняшний день рост биотехнологических продуктов составляет 30–40, а по многим направлениям — 100 процентов в год и больше. Это не сравнить с ростом добычи нефти, например. Это взрыв, из которого вырастают новые отрасли деятельности, фирмы, целые отрасли хозяйства, генерируется огромный масштаб *интеллектуальной ренты*. За последние десять лет, скажем, в американском сельском хозяйстве доля трансгенных растений составила уже 40%, а в Китае, например, уже весь хлопок — это трансгенные растения, которые не нуждаются ни в пестицидах, ни в крупномасштабных инвестициях. На повестке дня разработка химических продуктов при помощи растений, в фармакологии уже широко применяется изготовление лекарственных препаратов при помощи трансгенных растений. При этом инвестиции в создание производственных мощностей в биотехнологиях очень невелики. Тут расчет простой. Чтобы создать современные производственно-интегральные схемы, нужно потратить больше миллиарда, даже несколько миллиардов долларов. Все дело в барьерах входа: когда технология старая — войти в эту технологию очень дорого, и соответственно высоки инвестиционные барьеры. Когда технология новая, растущая, — войти можно легко, без больших инвестиций, оседлав волну технического прогресса. За счет положительных обратных связей можно добиться колоссальных экономических результатов.

Такими же высокоэффективными направлениями развития сегодня являются телекоммуникации, программные продукты, информатика, авиаперевозки, космические услуги — целый спектр сфер, где мы можем на базе имеющегося научного потенциала получить лавинообразную, мощную отдачу, если будем целенаправленно и адресно эти сферы развивать.

Таковы, на мой взгляд, логика и идеология, которую можно и нужно положить в основу стратегии экономического развития. Она заключается в том, чтобы использовать имеющийся произ-

водственный потенциал и еще не использованный огромный объем *природной ренты* для того, чтобы через институты развития (Российский банк развития, Бюджет развития в Государственном бюджете страны), через государственные целевые программы обеспечить крупномасштабное стимулирование прорывных направлений научно-технического прогресса. Надо также создать условия для выращивания — именно выращивания! — мощных конкурентоспособных корпораций, которые способны с самого начала работать в условиях мирового рынка на передовых рубежах конкурентоспособности. У нас есть хорошие заделы не только в биотехнологиях, они есть в ядерной энергетике, есть в лазерных технологиях, есть, естественно, в космических технологиях. Есть очень много направлений, где российская наука все еще может сказать свое слово. Но период для этого крупномасштабного маневра я оцениваю максимум в четыре-пять лет.

Через три-четыре года начнется лавина выбытия производственных мощностей, которые уже устарели и которые недоинвестировались много лет подряд. Мы столкнемся с объективными узкими местами в сырьевом секторе — ибо геологоразведка не финансируется все эти годы и по сути развалена. Через два-три года вступят в силу жесткие ограничения по энергетике, добыче нефти, газа. У нас возможности сыграть на имеющемся еще производственном потенциале для финансирования научно-технического рывка достаточно узкие. Есть два-три года, чтобы решить эту задачу. Но для этого все-таки придется создать механизмы улавливания необходимых для реализации данных стратегий доходов, которые сегодня находятся вне досягаемости государства и бизнеса, работающего в русле стратегических национальных интересов.

Вот набор ключевых идей, которые, на мой взгляд, можно и должно положить в основу стратегий антикризисного и посткризисного развития России для возвращения ей адекватного статуса геополитического субъекта и великой экономической державы.

Д.С.Чернавский

Сразу скажу, что противостояния не будет, потому что я, в основном, с Сергеем Юрьевичем согласен. Поэтому я бы хотел в своем выступлении показать, как и почему мы пришли примерно к тем же выводам. Небольшие расхождения, которые здесь будут, закономерны, и я специально акцентирую на них внимание.

Во-первых, я физик-теоретик, работаю в ФИАН РАН, являюсь специалистом по развивающимся системам, по синергетике — моделированию сложных развивающихся систем. Десять лет тому назад наша группа занялась моделированием экономических процессов, получив ряд интересных результатов. Многие из них уже сейчас рассматриваются как очевидные. А некоторые можно представить как сравнительно новые.

В нашу группу входят сотрудники ФИАН, сотрудники других институтов и конкретные бизнесмены.

О результатах моделирования.

Первая модель, которая была сделана, касалась *экономической структуры общества*. За основу мы взяли распределение населения по размерам накоплений. Оно сформировано на основе косвенных данных, но достаточно репрезентативно. Тогда же было обращено внимание на то, что очень важен тип распределения, а именно — унимодальное или бимодальное. В случае бимодального распределения общество в условиях рыночного хозяйствования оказывается в ситуации, когда его значительная часть исключена как из производства, так и из потребления. Если оно будет переведено в рыночный режим в форсированном режиме, как это произошло у нас, то соответственно следует ожидать резкого взлета инфляции и затем ее стабилизации на относительно низком уровне. Кроме этого, с помощью данной модели хорошо просматривается еще и так называемый «хвост», — наши компрадоры. Это группа сверхбогатых людей, очень незначительная, менее 0,2 процентов. Но именно она владеет 70 процентами всех средств в стране. Такая концентрация капитала, вообще говоря, беспрецедентна, ну разве что в каких-нибудь наиболее отсталых африканских странах. На основе этой модели было вычислено, как используются доходы компрадоров. Оценка показала 20 миллиардов долларов, ежегодно вывозимых за границу. Все эти результаты, которые сейчас воспринимаются как банальность, получены были еще до либерализации российской экономики.

Второй результат. Была такая иллюзия, что рыночные отношения регулируют все цены. Оказалось, что цены на товары и услуги первой необходимости рыночными отношениями регулироваться в принципе не могут. Речь идет об энергетике, транспорте и так далее. Здесь необходимо государственное регулирование. Тогда же было показано, что без государственного регулирования неотвратима ползучая инфляция — в первую очередь по товарам первой необходимости, а за ними подтягиваются и все остальные.

И третий теоретический результат, полученный недавно совместно с Н. Старковым. Мы сформулировали вопрос: сколько стационарных состояний у такой системы, как, например, экономически закрытое общество? Было обосновано утверждение, что оно единственное — это рынок, и данный тип общества достаточно благополучен. Вопрос: а если их два? И оказалось, что из этих двух возможных состояний одно будет низкопродуктивное, с высокими ценами; другое высокопродуктивное, и цены там низкие. Поясню. Представьте себе: страна, достаточно богатая ресурсами, достаточно богатая рабочей силой, интеллектуальным потенциалом. Казалось бы, по всем законам божеским и человеческим страна должна оказаться в состоянии, когда высока продуктивность, на высоком уровне удовлетворяются потребности, цены низкие — в общем, все достаточно благополучно. Но, оказывается, даже такая страна может войти в другое состояние, когда никто не работает или работают мало, продуктивность низка, цены высокие, и все это тоже при богатстве ресурсов и всего остального. Почему она впадает в такое состояние? Всё зависит от начальных условий развития, а также от регулятивных или административных воздействий соответствующего руководства.

Спрашивается, может ли страна выйти из этого состояния, от низкопродуктивного режима воспроизводства перейти к высокопродуктивному? Модель показала: может. Были вскрыты механизмы, как это может и должно происходить. Страна может выйти из низкопродуктивного режима путем постепенного изменения макроэкономических параметров, а может и другими способами. О каких параметрах идет речь? Скажем, за счет инноваций, хотя это не самый главный параметр, как оказалось. Более существенно финансовое регулирование. За счет этого может происходить медленное движение в том же состоянии, а потом быстрый взрыв, экономическое чудо. И модель позволила описать это «чудо».

Возможен ли обратный процесс, переход из высокопродуктивного режима в низкопродуктивный? Да, возможен. Опять же известно за счет каких параметров, механизмов и так далее. Тогда это квалифицируется как кризис. Вообще, используемые нами модели «фазовых портретов» дают возможность выстраивать пучки возможных траекторий развития при различных комбинациях параметров, и выбирать те из них, которые в конечном итоге выведут к экономическому чуду.

С.Ю.Глазьев

Я с этой логикой согласен, но, к сожалению...

Д.С.Чернавский

Я еще раз подтверждаю, что у меня нет с Вами, Сергей Юрьевич, серьезных разногласий, а об уточнениях позиции можно поговорить отдельно.

Ю.М.Бородай

Сергей Юрьевич, а как можно совместить валютные механизмы контроля с господствующими радикально-либеральными умонастроениями властей предрежащих, т.е. без создания экономического «железного занавеса»?

С.Ю.Глазьев

Прошу прощения, только два слова. Механизмы валютного контроля, достаточно примитивные, которые были введены Центральным Банком в начале года, обеспечили за два месяца сокращение оттока капитала сразу в три раза. У нас экономика очень эластична, и в этом смысле даже небольших воздействий по изменению макроэкономических параметров достаточно: она тут же дает реакцию — снижение процентных ставок, стабилизация цен и валютный контроль.

Д.С.Чернавский

Сергей Юрьевич, из модели следует, что этого одного недостаточно!

С.Ю.Глазьев

Для экономического чуда этого, конечно, недостаточно, нужны механизмы развития.

Д.С.Чернавский

Для экономического чуда...? Я отвечу на этот вопрос. Берусь.

Так, для чего нужна эта модель? На самом деле фазовая модель и ее результаты, когда они получены, они могут быть пояснены на пальцах. Дело в том, что фазовая модель — это не инструмент расчета. Я специально это подчеркиваю. Многие относятся к математическому моделированию как к инструменту расчета. Относительно фазовых моделей это не так. Фазовая модель это — инструмент, помогающий мышлению, визуализирующий мышление, делающий его более строгим, более простым. Я считаю, что использование фазовых моделей в современной ситуации совершенно необходимо для того, чтобы не запутаться в деталях и действительно сформулировать концепцию.

Наряду с такими моделями существуют модели расчетные, они называются имитационные, которые позволяют каждый результат фазовой модели так или иначе просчитать. Такими моделями мы тоже занимались. А именно, рассчитывали адресную безинфляционную эмиссию. Вот здесь я несколько не согласен с Сергеем Юрьевичем, что одними только финансовыми запретами и вытеснением доллара дело можно реально подправить. Да, все эти меры нужны. Но необходима также и эмиссия, причем адресная, которая не приводит к инфляции. Когда она может не привести к инфляции? Покажу это на примере. Вот перед вами бимодальное распределение — здесь богатые, здесь сверхбогатые и так далее. Допустим, мы осуществили эмиссию. Если эта мера имеет место в обществе унимодальном, все сдвинется равномерно, цены повысятся. Если мы то же осуществим в бимодальном обществе, то возникнут искажения. Цены понизятся, как ни парадоксально это на первый взгляд. Мы накачиваем деньги в хозяйство, но даем их адресно, в результате цены на промышленные товары даже падают. Но надо иметь в виду, что есть условия, которые необходимо выполнить, чтобы цены не поднялись. Эти условия определены, разработана более или менее детальная модель и сценарий проведения безинфляционной эмиссии. Эти исследования мы делали по заказу Министерства экономики России, делали очень оперативно, но, как оказалось, бесплатно. Этот отчет принят и он прочитан. Это делалось в 1995 г. Тогда были другие условия, и эти идеи были очень своевременны, но они не были востребованы. Причина — запреты МВФ. Сейчас их реализовать много труднее, но все равно возможно и нужно. Сколько, кому, как направлять денежных средств — все рассчитано. Будут вопросы — с удовольствием отвечу.

Второе. Оптимальное налогообложение. Естественно, для того, чтобы строить оптимальное налогообложение, нужно знать распределение по накоплениям, распределение по доходам. Ибо глупо брать налоги у тех, у кого денег нету, и не брать там, где они есть. Здесь тоже все просчитано — эффект от этого направления экономической политики может быть очень серьезный, сопоставимый с теми, о которых говорил Сергей Юрьевич. И я считаю, что это более эффективно даже, чем вытеснение доллара из обращения.

Наконец, контроль за внешней торговлей. Об этом много говорил Сергей Юрьевич, я полностью согласен с ним, мы и это рассматривали и делали соответствующие просчеты. Вот коллега Бородай спросил, а можно ли сделать без «железного занавеса»? Мое глубокое убеждение — нельзя. И дело здесь вот в чем. Даже, если мы захотим плавно, мягко подрегулировать отток капитала, что необходимо, или приток капитала, что также необходимо, — то в ответ ведь нельзя рассчитывать сценарий по методике Винни-Пуха: «...слонопотам идет и смотрит в небо». Слонопотаму тоже надо знать — что и как? Остановить отток капитала экономическими репрессиями? Вопрос правомерен. Все меры, о которых говорил Сергей Юрьевич, очень существенно задевают экономику, интересы олигархов, криминала. Они задевают и интересы США. Разумеется, ответная реакция будет. Она будет и политической, и экономической. Но на мой взгляд реальность такова: выбирать нужно — либо действительно возрождение России с жесткими рамками экономических и, возможно, политических решений, либо полная экономическая и политическая деградация России в противном случае.

Из модели, о которой я говорил, никакое экономическое чудо в случае такой общеэкономической открытости как сейчас, просто невозможно.

Я заканчиваю. Спрашивают обычно, «кто виноват и что делать?». «Кто виноват?» — я конкретизировать не буду. А вот «что делать?» — попытался сказать в своем выступлении. Небольшие коррекции к тому, что сказал Сергей Юрьевич. Первое. В нашем низкопродуктивном состоянии инновации и технический прогресс не спасут. Инновации и высокие технологии тогда и только тогда эффективны, когда страна перешла в высокопродуктивное состояние. В низкопродуктивном — инновации непродуктивны. Они там ничего не дают. Второе. Вот сейчас Сергей Юрьевич сказал, что страна поднимается, за полгода столько-то процентов и так далее. Это не совсем так. На деле это выглядит иначе — подъем

сейчас уже кончается и скоро снова возобновится спад. Причина? — сырьевой голод. Страна лишилась своего сырья. Для того, чтобы делать электромоторы, нужны алюминий и медь. Оказывается, Россия — крупнейший поставщик меди и алюминия, а для своей промышленности их нету. С помощью одного лишь контроля за финансовыми агрегатами мы не достигнем экономической управляемости. Нужен не только финансовый контроль за потоками капитала, совершенно необходим и контроль за ресурсами, за экспортом ресурсов.

Последнее, что мне хочется сказать. Сергей Юрьевич обращал внимание главным образом на финансовую сторону. И правильно, она важна, очень важна. Но я бы хотел сместить акцент на реальный сектор. В этом плане нужен не менее серьезный контроль со стороны государства. Если это не будет сделано, то шанс на то, что в России произойдет экономическое чудо, будет безвозвратно упущен.

М.Л.Хазин

Я начинал заниматься экономикой в институтах Минэкономики России. Потом я работал в Министерстве экономики начальником департамента по кредитной политике, потом заместителем начальника экономического управления Администрации Президента Российской Федерации. С июня прошлого года я безработный.

Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу механизмов, о которых очень много говорили и Сергей Юрьевич, и Дмитрий Сергеевич. Я как чиновник всегда с некоторой опаской относился к абстрактным идеям, поэтому предпочитаю конкретику. Хочу остановиться на двух вещах — это безинфляционная эмиссия и внутренние источники инвестиций.

Механизм, о котором пойдет речь, называется «связанная эмиссия». Он был описан в работе, которая была опубликована в одной из газет примерно в сентябре 1998 года тремя авторами, в том числе и мною. Идея такова. Существует довольно много отраслей, в которых возможен быстрый экономический оборот капитала. Это прежде всего пищевая промышленность, сельское хозяйство (частично). Но в этих отраслях нет реального движения из-за нехватки инвестиций. Подход же состоит в следующем. Государство финансирует, например, пищевую промышленность за счет эмиссионных ресурсов. Эта эмиссия происходит под за-

лог форвардных контрактов на ту продукцию, ради производства которой государство и дает инвестиции. Дальше возможны два варианта. Вариант первый — продукция производится, она соответственно продается, и запускаются в оборот новые сектора экономики, которые сейчас не работают. Никакой инфляции не происходит, деньги и натура сбалансированы. Вариант два: всплеск инфляции может произойти. В этом случае государство выбрасывает на рынки те форвардные контракты, которые оно получило, и связывает лишнюю денежную массу. Это реальный механизм, который позволяет целевым образом направлять инвестиционные ресурсы именно в реальный сектор; он гарантирует, что они не устремятся в спекулятивный финансовый сектор.

Примерно в сентябре 1996 года Министерство экономики направило в правительство доклад, в котором были следующие цифры. Средняя цифра объема кредитов, которые выдается экономике государством и банковской системой во всех государствах мира примерно одинаков. Он составляет от 90 до 110 процентов ВВП. Эти кредиты идут не столько на инвестиции, сколько на поддержание платежей и расчетов. В СССР это было примерно 100 процентов. В России в конце 1996 года эта цифра составляла 8 процентов ВВП. В десять раз меньше, чем необходимо экономике! Все оставшиеся средства были замещены долларами, бартером и другими денежными суррогатами. Это и есть кризис неплатежей. На сегодняшний день эта цифра больше, она около 20 процентов, но все равно — в пять раз меньше, чем нужно. В результате экономика может принять совершенно колоссальный объем живых денег без всякой инфляции. Но вопрос — откуда взять инвестиционные ресурсы. Их нельзя просто напечатать, потому что в нашем родном государстве все, что перепечатано государством, крадется с совершенно невероятной скоростью. Выход может быть следующим.

Как известно, до 1991 года у населения было примерно 130 миллиардов долларов накоплений. Идея-то состояла в том, что необходимо создать некоторые инвестиционные фонды, владельцами которых будут являться граждане, владеющие сбережениями, и наполнить их за счет эмиссии. Деятельность этих фондов должна подчиняться специальному законодательству и быть абсолютно открытой. При этом необходимо исключить какое бы то ни было участие в финансовых спекуляциях. Обращаю внимание: для государственных, для бюджетных денег это невозможно. За счет такого восстановления сбережений можно свыше 100 миллиардов долларов инвестировать в экономику прямыми инвестициями.

Ю.М.Бородай

Кто понесет свои живые деньги в эти фонды?

М.Л.Хазин

Никто не понесет! Я еще раз повторяю, государство восстанавливает те 100 миллиардов, которые были фактически украдены, уничтожены, за счет эмиссии. Не сразу, а в течение, предположим, пяти или десяти лет. Направляются эти деньги на инвестиции.

Ю.М.Бородай

Вы хотите вынуть деньги у меня из подушки? Я понесу эти деньги в ваши новообразованные фонды?

М.Л.Хазин

У вас был счет в сберкассе в 90-м? Сколько на нем лежало? Сколько это сейчас стоит? Восстановим это в реальном объеме...

Д.С.Чернавский

Я абсолютно согласен с тем, что говорил Михаил Леонидович, более того, мы с ним это не раз обсуждали и пришли к общему согласию. То, что он изложил, это один из вариантов действительно безинфляционной эмиссии. Есть и другие, которые мы тоже обсуждали. Самое главное, что во всех вариантах никто не требует, чтобы у кого-то из-под подушки тащили его кровное. Нет! Речь идет о допустимых и экономически целесообразных формах эмиссии. Формы могут быть разные. В этой связи я хотел бы, чтобы выступление Михаила Леонидовича... не было неправильно понято.

В.И.Толстых

Я хотел бы, чтобы мы не «посадили» нашу дискуссию. Мы намеревались обсудить серьезные долгосрочные стратегии, обсудить исходные теоретические модели.

В. Н. Шевченко

Мне кажется, что наше обсуждение очень проигрывает от того, что мы уходим от разговора о политических и социальных ограничениях реформ, о соответствующих институтах. На мой взгляд, нет никаких специфических постиндустриальных, традиционных, или индустриальных обществ. Все эти общества имеют свои социальные характеристики, назначение и важность которых заключается в том, что они должны помочь точно обозначить субъекта, который будет заинтересован в проводимых преобразованиях. Назовите мне этого субъекта! Вы сколько угодно можете строить утонченные рафинированные модели, я буду ходить радостным — наконец-то мы нашли золотой ключик в сказочную страну экономических чудес. Но — модели моделями, а жизнь идет свои чередом. Обосновываются модели, принимаются концепции и программы, но те субъекты, которые их выдумывают, никак не найдут тех субъектов, которые бы поняли, приняли и реализовали умные доктрины.

Я исхожу из того, что неолиберальная модель реформирования не прошла. Попытка создания в России капитализма новоколониального типа сегодня зашла в тупик. По той простой причине, что она постоянно не только превращает нас в сырьевой придаток, она разрушает единое культурное, политическое, социальное и экономическое пространство, все больше и дальше прогрессируют тенденции к распаду, разложению. Когда Бжезинский нам говорит: «Хорошо бы, чтобы Российская Федерация стала конфедерацией», — он делает это по одной простой причине: различные регионы Российской Федерации впишутся в торговые зоны близлежащих мировых рынков, и с ними будет легче и выгоднее торговать, чем с субъектами единого государства. Будет прогрессировать разрыв единой территории, подтачиваться единство государственности, национальной экономики и национальных интересов, будут слабеть узы общности исторической судьбы, традиции, духовности и культуры. Я хотел бы задать нашим докладчикам лишь один вопрос: а есть ли в России единое экономическое пространство и каковы его перспективы? Не здесь ли опережающим образом срабатывает инстинкт национального самосохранения? Видимо, не случайно мы становимся слегка этатистами, антизападниками, изоляционистами. Этот поворот, идущий снизу и периодически проявляющийся в верхах — очевиден. И чем мы дальше будем переходить к строительству националь-

ного производительного капитализма, тем сильнее будет осуществляться поворот в сторону этатизма, антизападничества и изоляционизма, насколько это возможно в современном глобализирующемся мире.

Сегодня мы стоим на развилке. Перед нами три пути. Это левый путь, ведь и левые не скрывают того, что этап национального государственного капитализма — необходимый этап на пути будущего ренессанса социализма. Второй — путь политического центризма. И есть путь, который разрабатывается национал-либералами. Поскольку радикальные реформаторы-западники провалились, они задним числом становятся сегодня государственниками и, мимикрируя, активно заявляют себя патриотами. И сегодня идет ожесточенная схватка за то, кто возглавит процесс социальных изменений — левые и левоцентристы, правоконсерваторы и правоцентристы, либералы и иные правые. Но и здесь возникает проблема: есть ли угроза диктатуры как условия становления национального государственного капитализма, и кто будет проводить в условиях подобной диктатуры строительство национального капитализма, какова ее (и его) социальная база? Вот что меня больше всего интересует!

Социальная база национального государственного капитализма находится в стадии формирования. Это связано с пробуждающейся решимостью добиваться национального и государственного единства. В том числе мечом и кровью, — по Бисмарку. Есть подозрение, что это инициируется в русле определенного проекта, спланированного так, чтобы повязать нас единой кровью. И, похоже, нас тихой сапой уже вяжут. Такова политика находящихся во власти либералов. Есть и протекционистские тенденции; есть и возросшая жесткость в решении социальных конфликтов; и готовность к конфронтации по отношению к внешнему миру — вот что сегодня прорастает элементами возможной диктатуры, у которой есть перспективы формирования мощной социальной базы в лице люмпен-буржуазии и люмпен-пролетариата. Если у люмпен-буржуазии пока двойственная позиция, то люмпен-пролетариат уже сложился, со своей идеологией, которую можно охарактеризовать так: коммунизм без коммунизма — нам по жизни подходит брежневский застой, но без коммунистов. Это работа наполовину уже проведена. Идея коммунизма-социализма выветрилась, остается вторая половина — идея порядка и гарантий достатка. Налицо стремление превратить антикоммунизм в устойчивое состояние люмпен-пролетариата, но — и к

этому надо быть готовым — здесь будут преобладать другие тональности — коричневые. Все это очень точно вписывается в различные варианты принесения демократии в ритуальную жертву во имя свободного рынка и будущего капиталистического рая. Иными словами, нам грозит, как это ни парадоксально, либералитарная диктатура по известным латиноамериканским моделям. Это первый момент.

И вторая проблема — этническая. Почему очерченная выше альтернатива — путь самый непривлекательный? Почему самым привлекательным путем все-таки является путь политического централизма с внешне эклектической идеологией «работать по-капиталистически, а распределять по-социалистически». Это эклектика, как мне кажется, единственная, которая противостоит крайностям, сложившимся сегодня в нашем мире. Но дальше будет еще сложнее. Встает проблема строительства национального государственного капитализма в полиэтнической стране. Я был поражен, когда стал смотреть на статистические цифры, характеризующие структуру собственности в стране. В национальных республиках на территории Российской Федерации удивительно высок процент государственной муниципальной собственности. В Татарстане — 62 процента, в Калмыкии — 57, в Якутии — 50, в Башкортостане — почти 50. По краям и областям России — от 1 до 5 процентов. Почему это происходит? Почему сегодня заговорили о «репрессиях» против Татарстана, против Башкортостана и так далее? Ну не хотят они строить такой национальный капитализм, который задуман в Москве. И поэтому не хотят они такой тип отношений собственности, который сегодня Москва навязывает всем регионам.

Вы хотите построить национальный государственный капитализм с правами человека, с прочими универсальными ценностями и прелестями западной цивилизации? Тогда вы должны пройти, как сегодня было сказано, асфальтовым катком догоняющей модернизации по всем нашим этническим республикам, по всем этносам. Если вы уравниваете их асфальтовым катком — построите национальный капитализм. А Чечня — это отменный полигон для того, чтобы показать другим национальным государствам и республикам, что будет, если вы будете отказываться следовать в русле предлагаемой модели. Вот в чем проблема! И потому, по-моему, не пройдет, или пройдет с колоссальными трудностями и кровью, модель национального капитализма на основе установления диктатуры радикальных реформаторов. Вот в чем состоит бремя выбора, который нам предстоит сделать.

А.Е.Городецкий

Моя реплика заключается в следующем. Либеральная диктатура и национальный капитализм — это совершенно несопоставимые вещи. Если речь идет о либеральной диктатуре — здесь другая парадигма. Либерализм сегодня стоит на базе глобализации, и это не национальный капитализм, а национальный сегмент глобальной экономики, региональный рынок, региональная экономика. Поэтому вопрос о либеральной диктатуре — это вопрос о жизни и смерти, точнее об угрозе самому существованию национального, а тем более государственного капитализма. Эти вещи нельзя смешивать.

Е.А.Никифоров

Я историк, вот тут послушал экономистов, математиков, политологов. И у меня возникло странное ощущение: лежит труп, простите меня за натурализм, он еще тепленький, а около него врачей консилиум... В мозгу уже идут необратимые процессы, а спецы дебатировать, как восстановить пациенту кровеносную систему (это экономисты), нервную систему (политологи). Между тем вопрос о том, кто это сделает, как можно помочь трупу — этот вопрос им даже в голову не приходит. Вот профессор физики утверждал, что если изолировать экономику России от Запада, то тогда, может быть, будет шанс перейти от низкоэффективной к высокоэффективной модели. Как это сделать и главное — кто это сделает?

Прежде чем рассуждать о путях выхода России из кризиса, надо, видимо, уяснить себе, что такое Россия и что она представляет собой в данный момент как совокупность всех систем отношений. Я долгое время занимался изучением России как целого, стремясь, как и другие, сформировать целостную концепцию развития российской истории. На основе выработанной мною методологии выяснилось, что Россия как целое — это организм, сложное образование, которое возникло еще в VIII веке и просуществовало до прошлого, 1998 года, в течение тысячи лет. И есть определенные закономерности, какие-то существенные отношения, которые устойчивы и повторяемы на протяжении разных этапов российской истории. Они реализуются в достаточно устойчивых формах. Причем установление закономерности позволяет построить некую модель: она формируется в данной систе-

ме, проходит определенный жизненный цикл и, умирая, порождает новую систему. Переход от одной системы к другой — это и есть революция. Наша история — это смута начала XVII века; затем были 17–20-е годы русской революции; далее рубеж 80–90-х — переход, крушение советского общества и, наконец, это прошлый год, 1998-й год, когда постсоветский режим, на мой взгляд, рухнул. Рухнул в прямом соответствии с очень хорошей, прямо гениальной формулой Фазиля Искандера: «Россия утратила сюжет своего существования». Россия действительно как общество утратила сюжет своего существования. Я бы мог это все обосновать более подробно, но мои взгляды здесь хорошо известны, поэтому я не буду на этот раз занимать ваше время и специально останавливаться на этом.

Ключевые события российской истории можно не только качественно прогнозировать, но и привязать к определенному хронологическому периоду. Причем развитие это идет, образно говоря, в геометрической прогрессии: сегодня счет идет уже на месяцы. Скажем, у меня получилась довольно точно спрогнозированная критическая точка — осень 93-го года. Так же точно была спрогнозирована рубежная точка — осень 98-го года. Так вот, дальше история России как целого не прогнозируется. Все, что происходит — происходит без «России как целого». У нее нет сюжета, у нее нет истории. Остается «вся Россия». И что будет дальше, здесь можно рассматривать по-разному, можно взять даже, чтобы далеко не ходить, то, что происходит в политике сейчас у всех на глазах. Налицо острейшая политическая борьба. Есть, в сущности, две борющиеся группы. Одна группа, консолидированная под знаменами лужковского «Отечества»; это, так сказать, «Россия как целое». Она отторгается властью. И другая группа, которая называется «Вся Россия». Если первая ориентирована на сильную государственность, действенную властную вертикаль, то другая группа — это собрание, клуб региональных баронов, выражающих интересы регионов как элементов, составляющих Россию. Реально за партией власти практически не стоит ничего, поэтому они вынуждены действовать, нарушая все правила, принципы, нормы человеческой морали. Что касается положения второй группы, то ясно, насколько «вся Россия» слаба, фактически беспомощна против этих беспринципных людей «партии Власти». Мне кажется, что столкновение этих групп, их борьба покажет бесперспективность и победы партии власти, и победы движения «Вся Россия». Что же касается прогноза о выходе России из кри-

зиса, думаю, что выхода из кризиса как такового нет и быть не может, ибо нет кризиса, а русская история кончилась в прошлом году, и сейчас идут какие-то остаточные фантомные процессы, о которых нельзя сказать ничего определенного.

В.И.Толстых

А Путин? С ним связывают такие надежды!...

Е.А.Никифоров

Ну, Путин... А каким способом накачивают его рейтинги? Маленькая победоносная война, которая окончательно все разрушит. Вот и все. Это уже достаточно стандартный вариант, он только приближает, стимулирует крах. Все эта грандиозная провокация, начиная со взрыва домов и кончая развязанной войной — это методы, которыми имперская партия пытается сохранить свою власть в узкогрупповых, клановых, корыстных интересах. Так что говорить о том, что Россия может как-то выйти из кризиса традиционными путями, путем эволюционного развития экономики, не приходится. Экономика, безусловно, будет приобретать региональный характер, каждый будет следовать собственной стратегии выживания. И только таким путем можно кое-как на время стабилизировать положение, сохранить людей.

Самое главное, на что я хотел бы все-таки обратить внимание, что спасение общества, — а нам действительно его надо спасти, — возможно лишь путем преображения личности. Через личность и через ее развитие, через проповедь, через самовоспитание в себе нравственных начал. Я думаю, что нужно просто вернуться к Канту: есть Вселенная над нами, и есть нравственный закон внутри нас. То есть нужно жить, видимо, по совести и по универсальным законам этой самой Вселенной.

(Реплика: А в какое государство возвращаться надо?)

Государства больше нет! Да! Так что и возвращаться нам уже некуда!

Б.С.Барсов

Мы знаем с вами, что Советский Союз был одной из развитых индустриальных стран. Правда, он отставал от США и некоторых других развитых стран по производительности труда. Пер-

вопричиной этого, на мой взгляд, было то, что промышленность, точнее экономическая модель Советского Союза, не востребовала научно-технический прогресс в той мере, в которой это было необходимо, исходя из мощи научного потенциала, который сформировался в Советском Союзе. Мы все знаем, что многие и многие разработки лежали на полках. Известно также, что развитые капиталистические страны в XX веке перешли на другую структуру издержек производства. Они, исходя из кейнсианских подходов, включали в капиталистические издержки производства нормальную прибыль, дивиденды, процент и ренту. Таким образом формировались полные или экономические издержки. По Марксу мы знаем, что это действительные общественные издержки производства, в отличие от так называемых капиталистических издержек. Разница между ценою и этими издержками и дает капиталистическую прибыль. В развитых странах экономические модели и, что очень важно, налогообложение привязаны именно к схеме полных или экономических издержек. По отношению к слаборазвитым странам, как правило, более употребляема модель, которую мы знаем еще по «Капиталу» К.Маркса. Эта модель и была положена в основу ценообразования и счета затрат (издержек) в Советском Союзе. Поэтому проклятием плановой экономики была не только неповоротливая система планирования, но и привязка мотиваций и стимулов к текущим (в ущерб перспективным) интересам, прибыли и рентабельности.

В связи с этим можно сказать, что одной из глубинных причин поражения Советского Союза была несостоятельная экономическая модель, которая в плане системности не дотягивала ни до рыночных моделей, ни до коммунистических идеалов. Модель для коммунистической формации была, если хотите, у Маркса. Что имелось в виду? Целью производства перестает быть прибыль. Ею становится свободное всестороннее развитие человека. Общественная форма собственности становится базовым экономическим законом. Основным регулятором становится не закон стоимости, а закон экономии времени. Он неоднократно говорил, что экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени, — остается первым экономическим законом на основе социализма. Мы же в нашей социалистической экономике окончательно вернулись к использованию закона стоимости в его канонических формах. Чисто апологетически мы декларативно связывали его с законом планомерного развития. Эта идеолого-теоретическая эклектика в практическом плане ничего не дала.

Нет, впрочем, дала — в плане окончательной сдачи социализма и поклонения историческим моделям капиталистической организации позавчерашнего дня.

Те предложения, которые озвучил сегодня С.Ю.Глазьев, — очень важны. Они, наверное, помогут экономике стать на ноги. Но, посмотрите, я ведь специально начал с экономики Советского Союза. Она была в известном смысле высокоразвита, и все-таки потерпела крах. С чем это связано, я уже обозначил. Мне представляется, что С.Ю.Глазьев по существу привязывает свою экономическую модель к той же устаревшей теоретической парадигме, которая нас уже дважды (в СССР и в пореформенной России) привела к провалу. А учитывая то, как сегодня приватизируется национальное богатство страны, мы вообще можем оказаться в разряде новых колониальных стран. Принимая во внимание все сказанное, я все-таки остаюсь сторонником социалистического проекта для России, с учетом и опыта исторического социализма в СССР и Мировой социалистической системы; поисков современной зарубежной социалистической мысли; опыта социалистического реформирования в Китае и во Вьетнаме; и, конечно, трагического опыта капиталистического разворота в обратном историческом направлении, который совершила ельцинская Россия.

В.Л.Цымбурский

Когда я услышал, что Россия сейчас лежит трупом и ничего с ней не сделаешь, у меня возникла мысль: «Дать бы этому якобы трупу сколько-то сот вольт, и посмотрим, что будет, когда он рванет с места в карьер». Только так: *гальванизировать его надо!* Это так, зачин. А теперь я скажу очень конкретную вещь.

У нас ясно обозначилась альтернатива — Россия как страна национального капитализма или Россия как региональный сектор мирового рыночного хозяйства. Люди, пришедшие к власти в начале 91-го, несли именно эту идею — Россия как один из секторов мирового рыночного хозяйства, пообещав под эту идею престиж, благополучие, выгоды «возвращения в цивилизованное сообщество» и союзнических отношений с сильными мира сего. Что мы получили — видим очевидным образом. Мы живем в условиях провалившегося проекта, в который вложены огромные деньги. Те, кто «вкладывал», — не только рядовые несчастные российские «вкладчики»,

и у всех есть желание и ресурсы защитить свои интересы. Таким образом, в ближайшие годы встает реальный вопрос о возможности применения политического насилия.

Реально можно представить два варианта развития событий. Первый очертил мой коллега Д. Драгунский. А именно: армия, ФСБ и весь аппарат насилия защищает тех, кто олицетворял провалившийся проект против всех остальных. Все мы превращаемся в своеобразную массу — объект насилия со стороны кучки людей, приводящих в действие и направляющих этот аппарат. Фактически в лице Путина нам раскручивают человека, «сильную личность», «лидера нации и знамя реформ», который смог бы реализовать подобный сценарий подавления быдла, превращения несогласных и неприспособленных в отходы реформ, «рыночную пыль».

Другой вариант предполагает, что это насилие будет направлено не в защиту носителей провалившегося проекта, а против них самих. Страна реально оказалась в той ситуации, в какой она находилась в начале 1930-х годов. Тогда ею десять с лишним лет правили люди, пришедшие с идеей мировой революции и потерпевшие идеологическое и политическое фиаско по мере стабилизации капитализма и обнаружения неожиданных для всех ресурсов его обновления и саморазвития. Соответственно пророки и практики мировой революции оказались элементарными банкротами и отыгранными фигурами, обремененными огромной исторической ответственностью за кровь, жертвы, невиданные разрушения. Сегодня имеет место нечто похожее. Это и позволяет говорить, что страна созревает для повторения 37-го года. Парадокс ситуации в том, что Сталину было намного сложнее. Ему приходилось иметь дело с уже укоренившейся, окрепшей и даже заматеревшей в сражениях классовых битв элитой. Ему приходилось решать дьявольски сложную задачу: уничтожить правящую элиту, делая вид, что это не внутренние разборки в борьбе за власть, что это, напротив, совершается во имя тех же целей, которые она сама же и провозглашала и с не меньшей жестокостью проводила в жизнь.

Сейчас задача гораздо проще и гораздо яснее, потому что в принципе этот альтернативный режим не обязан сохранять преэминентность, он не обязан маскировать свои намерения, он может нанести четкий удар по конкретной, заранее намеченной группе людей. А прочую обслугу, включая и интеллектуальную элиту-дворню, просто снять с государственного кошта, лишит льгот и привилегий, вполне легитимно поувольнять. Наш российский Пиночет, пусть у него и другая фамилия (неважно, Степа-

шин ли, Путин ли, или кто-то другой в погонах) имеет возможность получить мандат власти, заключив новый контракт с нацией, — с тем самым «быдлом», которое предполагается давить в первом варианте. Таким образом, строго говоря, мы стоим перед возможностью, условно, почти бескровного 37-го года, который реально представляется мне, как это ни странно, наименее устрашающей перспективой для России.

На это нам говорят, что мировое цивилизованное сообщество возьмет вас за глотку. Но, господа! Если вы считаете, что у национального государственного капитализма достаточно сил, чтобы морально, экономически и политически противостоять пресловутому мировому цивилизованному сообществу; если, как говорит Сергей Юрьевич, этот потенциал достаточен, тогда о чем вы говорите? Рискуйте, делайте ваши ставки, господа!

Если же мировое цивилизованное сообщество рискнет попробовать задавить нас военными или другими отработанными военно-гуманитарными методами, — то, господа, надо не забывать, с чего начинаются военно-гуманитарные бомбометания с последующими наземными продолжениями. Они начинаются с визга насчет общечеловеческих ценностей, озабоченности за соблюдение гражданских прав и свобод, за выживание человечества. Я считаю, что возможный режим, который возьмет на себя ответственность за пресловутый «бескровный 37-й год», должен будет, несомненно, пересмотреть отношение к статусу России как ядерной державы, перестать относиться к нему как предмету политического торга. Придется вновь осознать, что, в конце концов, атомное оружие — это не только военный аргумент, но и моральный фактор; что мир был неизмеримо более моральным миром, пока он стоял перед угрозой ракетно-ядерного противостояния и возможного конфликта. Что, наконец, твари, потерявшей страх Божий и образ Божий, сможет вернуть потерянный образ сначала просто страх, а потом и «страх Божий и удаление от зла», которые и есть мудрость человеков. Этот режим, осуществляя миссию власти, должен будет иметь смелость сказать: «Мы считаем, что важнее не то, выживет ли человечество, а то, останется ли человечество достойным выживания?». Именно в таком ключе высказался в свое время президент США Р.Рейган, заявив в связи с планами звездных войн против СССР, исходя из своего понимания империи зла, что «...есть вещи, поважнее чем мир».

Такова, я думаю, действительная перспектива, альтернативная планам возведения на президентский престол генералов-триумфаторов, набивших себе руку на расстрелах парламента, во внутренних межэтнических конфликтах и всегда готовых усмирить «неденационализируемое и нелиберализуемое быдло».

Л.П.Буева

Мы обсуждаем лишь одну часть сформулированного вопроса — проблему экономического кризиса, а Россия переживает сегодня системный кризис, которым объединяет и цивилизационный, и формационный кризисы; не только экономика, но весь социум ввергнут в кризис. В нашей дискуссии полностью остается за кадром вся человеческая или антропологическая составляющая системного кризиса. Я бы поставила в этой связи два вопроса. Первый — способна ли наша власть в нынешнем ее состоянии к разрешению системного кризиса, а не частных проблем и вопросов? Второй, — кто является субъектами такого урегулирования? Называлась цифра — 0,2 процента населения, которое контролирует 70 процентов богатства. Выходит, что остальная часть населения полностью отчуждена и от теории, и от практики того самого строя, его ценностей, которые активно навязываются сверху, с помощью абстрактных теоретических моделей, пусть даже и исходя из самых лучших целей и благородных намерений.

Советскую систему мы критиковали прежде всего за кризис мотивации. Но спустя десятилетие с начала реформ кризис мотивации не уменьшился; он стал еще более глубоким, коль скоро только 0,2 процента людей могут мотивировать свою деятельность теми сверхприбылями, которые они получают. Может быть, прав В.Л.Цымбурский в том, что надо осмелиться поставить вопрос — а «достойно ли современное человечество выживания». Но поставить его с учетом определенных ограничений. Вот мы ссылаемся на то, что у нас есть высокий человеческий потенциал как фактор и ресурс осуществления реформ. Именно этим фактором и ресурсом мы пренебрегли в осуществлении реформ, что и сделало их неудачными.

Так вот, не пора ли нам разобраться в сути нового реформационного проекта, за неполных десять лет осуществления которого пошли прахом и наследие Российской империи, и модернизационный рывок социалистической сверхдержавы, и трансформационный проект Советского Союза времен горбачевской реформации.

В.Л.Махнач

Только что прозвучала очень важная мысль о том, что меняется самый характер культурно-исторического пространства. А я, историк культуры, утверждаю, что Россия по сей день остается в

великой восточно-европейской культуре, никуда она в этом плане не смещается, устойчиво действуют культурные приоритеты, которые сформированы на протяжении столетий, и они являются основой реальной возможности существования национально-либерализма. Стихийный русский национальный либерал исходит из старинных приоритетов русского человека, согласно которым первым наиболее почетным предпринимателем является промышленник, за ним следует купец и только потом банкир, к тому же с пренебрежительной кличкой «процентщик».

Далее, существует мощный протестный потенциал, который создает основу для существования национального консерватизма, совсем другой ветви политических идеологий и движений. Он вполне реален, тоже имеет свою предысторию и свои замечательные образцы.

Наконец, есть еще один важный социокультурный фактор и контекст — это контекст массовой профессиональной деградации, запущенной впервые еще при Хрущеве, именно он несет в себе столь разрушительный потенциал, а отнюдь не те персоналии из числа тех, кто разрушал Россию последние десять лет. Профессиональная деградация препятствует формированию гражданского общества, создает еще один штрих в общей картине — возникновение национального лейборизма. Таким образом, есть, как видите, социокультурная, вполне плюралистическая, модель, но каждому из элементов я сознательно добавил термин «национальный» в силу того хотя бы, что на протяжении двадцатого века более всех стран пострадала Россия, а более всех этносов — русские. Я считаю, что Россия менее полиэтнична, нежели Великобритания или Франция.

Я считаю, что историческая Россия это, скорее, Советский Союз, нежели Российская Федерация. Но мы сегодня говорим о кризисе Российской Федерации. Российскую Федерацию, в отличие от исторической России, с ее 85 процентами русского населения и примерно 5 процентами предельно близких и дружественных русским этносов, уже просто нельзя так рассматривать. Это уже очень хороший этнобаланс; в Литве, к примеру, хуже. Но этот закономерный процесс в политическом континууме не реализуется, ибо у нас нет правых партий. У нас есть «задние левые» в лице КПРФ и «передние левые» в лице Явлинского и Немцова. В подобном политическом меню не остается места здоровому центризму. Ибо центризм существует там, где есть «правое» и «левое». Центр может стать большинством даже в такой ситуации. Но

«центр» не может быть на фоне одних сплошных «левых» откидным стульчиком. Поэтому мне представляется, что именно в этом слабость ОВР.

В обществе, — это к вопросу о том, можем ли мы работать по-капиталистически, а распределять по-социалистически, — существует довольно мощная симпатия к идеалу гражданского общества. Оно, вообще говоря, формировалось и раньше, до начала рыночных реформ. Его формировали весь послевоенный период, но весьма интенсивно последние десять лет. Для молодежи это уже реальный приоритет, устранить его, вероятно, нельзя, авторитарные модели «славного Путина» тоже оказываются невозможными. Если учесть еще к тому же, что он лично предельно необаятелен, то этот вывод представляется еще более убедительным.

Идеал гражданского общества стимулирует еще одну тенденцию, которая может быть реализована, более того, она уже реализуется. Это — *корпоративизм*, и он тоже соответствует этнокультурным приоритетам русского народа. Напрасно доказывали многие, что русским надо учиться индивидуализму; русские по природе своей вовсе не коллективисты, они меньше коллективисты, чем немцы, и намного меньше, чем японцы. На самом деле русские *корпоративисты*. И так или иначе с этим придется считаться, даже если корпорации будут реализовываться в значительной степени в сфере криминальной, что на деле и происходит.

Невозможность реализации модели господина Драгунского для меня совершенно очевидна, я имею в виду первую модель, когда все силовые структуры защищают кучку богачей, эти самые 0,2 процента. Дело в том, что никто не в силах включить в этот процесс вооруженные силы, настроенные предельно оппозиционно к нынешнему режиму и люто ненавидящие эти самые 0,2 процента. Поэтому любые потуги к вооруженному перевороту утопичны. А вот во втором варианте (версия господина Цымбурского) армия возможна, запросто возможна.

В.Г.Арсланов

Как сказал один умный человек, необходимость надо осознавать и понимать для того, чтобы сопротивляться ей в необходимых условиях. Так вот по поводу исторической необходимости, которая у нас сейчас складывается.

С одной стороны — модель, которую нам продемонстрировали радикал-реформаторы. Это — союз Запада, западного спекулятивного капитала с нашим коррупционно-криминальным

капиталом, альянсы соответствующих элит. Вторая модель, вроде бы альтернативная ей, — «железный занавес», с коричневым колором, повторение 37-й года. Оба — «замечательные» варианты! Есть, конечно, и другие варианты, более-менее либеральные по фразеологии, но в общем-то все они сводятся на практике к одному из двух вышепоименованных — либо 37-й год, либо тот же «коричневый» вариант. Что выбрать?

А почему мы должны выбирать именно из них? Боюсь, что это та необходимость, которая вырастает из патологии нашей экономической и политической жизни. Но почему мы-то с вами должны соглашаться с этой прогрессирующей болезнью и ее легко прогнозируемым исходом? Почему бы не попытаться пройти между Сциллой и Харибдой? Не в этом ли задача теоретизирующего сознания вообще? Тем более, что если мы посмотрим на историю мировой культуры, все великое проходило в просвет между этими противоположностями. Возрождение счастливо прошло в щель между феодальной реакцией и нарождающейся буржуазной реакцией. Ведь есть и другая возможность! Конечно, фантастическая, совершенно невероятная. Но почему бы не поработать на союз нас и того, что есть не-бандитского, некоррупционного, не-антинационального в нашей стране? Для этого всего-то и нужны умная политика и умные политики. Умный политик Наполеон действовал по известному правилу: вмешаться в бой, а там поглядим. И не только Наполеон. Не менее умный Владимир Ильич действовал по такому же сценарию. Но не потому, что у них не было плана и они не понимали значения объективной необходимости. Именно потому, что они прекрасно понимали роль плана, целесообразности и объективной необходимости, они пытались действовать как люди, а не как Господь Бог.

Ю.М.Бородай

Из перечисленных в программе вопросов наибольший интерес, с моей точки зрения, представляет «Мобилизационный сценарий развития». Возможен ли постиндустриальный прорыв для России? На эту тему весьма содержательный запев дал Сергей Юрьевич Глазьев. В констатирующей части своего выступления Сергей Юрьевич абсолютно прав. Согласен я с ним и в предлагаемых мерах, которые надо предпринять. Но, может быть, за одним исключением. Как экономист он упустил из виду то, что все мобилизационные модели так или иначе базировались и базирую-

ются на внеэкономических факторах. Не надо забывать, что западный капитализм построили глубоко верующие религиозные люди, кальвинисты. Они строили в конечном счете капитализм, но преследовали свои, совершенно иные цели. Если уж говорить об экономическом чуде, то на ум в первую очередь приходит Япония. Подлинное экономическое чудо в Японии — это последняя четверть XIX столетия — когда Япония, до этого времени считавшаяся даже китайцами варварской окраиной, что-то вроде чукчей из российских анекдотов, — буквально за несколько десятилетий стала первоклассной державой. Это классическая, если угодно, мобилизационная модель. Только не надо забывать, что она основывалась отнюдь не только на чисто экономических мерах. Здесь неизбежны такие вещи, как национальная идея с ее культовыми составляющими, глубоко национальная мораль и трудовая этика, культ национальной традиции.

Возвращаюсь к выступлению С.Глазьева. Я задал ему вопрос: можно ли использовать мобилизационные модели без «железного занавеса»? Ясно же, что любые жесткие меры вызовут столь же жесткое сопротивление со всех сторон, в том числе и со стороны Запада. А мне в ответ говорят: «железный занавес» нам не нужен, и никакого ограничения экономических свобод не будет.

В.И.Толстых

На этот вопрос уже подробно, четко и ясно ответил Д.С.Чернавский — без «железного занавеса» не обойтись.

Ю.М.Бородай

Хорошо. Я мечтаю о постиндустриальном прорыве. О биотехнологиях, авиаперевозках, информатике, — ясно, что Россия последнее столетие не стояла на месте, развивалась. Если еще остались какие-то ресурсы, которых, как говорил Глазьев, хватит на ближайшие четыре года, если мы их попытаемся использовать — то их надо энергично использовать! Но как только встанешь на путь жесткого следования национальным интересам, этот самый «железный занавес» вам выстроят без вашего на то пожелания! Любое телодвижение на рынках глобальной конкуренции — и вы сразу будете иметь дело с «ведьмой Бролли» американской внешней политики М.Олбрайт, скоординированной

политикой американской дипломатии, «семерки», а то и НАТО. Перегородки появятся сами собой, без консультаций с коммунистами или патриотами.

В.Н.Максимов

Системный подход предполагает учет того, что в систему включается реальность. Если реальность произвольно не включать в систему, то о системном подходе бессмысленно говорить. Причем вся, какая она есть, даже с учетом того, что в конце XX века людей похищают, воруют, держат в яме, подвергая эксплуатации дикого рабского труда. Экономика превращается в абсолютную абстракцию, если она не учитывает всю совокупность факторов, в том числе и неэкономических. Включая и толерантность, существующую в России по отношению ко всем народам, которая сама по себе образует мощный экономический фактор будущего подъема. Говорить о том, что страна не жива, когда у нас растет потрясающе талантливая молодежь, когда по всему свету разъезжают и работают русские люди, — значит игнорировать реальность.

С такими умонастроениями нельзя лепить не то что стратегии, но и задорновские фельетоны.

М.В.Масарский

Мне приходится выступать под занавес, и я хотел бы вернуться к теме нашего обсуждения. А тема у нас — сопоставление двух моделей выхода из кризиса и последующего развития: мобилизационный вариант и так называемый «инновационный». Я буду говорить о последнем. Возможна ли инновационная модель — ресурсно, государственно и, наконец, цивилизационно? Ресурсно — вроде бы возможно, мы располагаем тридцатью пятью процентами всех природных ресурсов планеты. Эта цифра прозвучала в докладе академика Львова на Второй конференции по оценке национального богатства. Можно оспаривать точность этих подсчетов. Пусть будет не тридцать пять, а тридцать, и даже двадцать пять — это тоже очень много. На той же конференции прозвучала цифра, которая загуляла, и сегодня ее всячески склоняли — 0,2 процента населения России владеют 70 процентами национального богатства. Откуда эта цифра? Кстати, у Львова было

2 процента. Потом почему-то ее в десять раз уменьшили. Так, наверное, просто психологически привлекательнее, так страшнее. Так вот, и того-то нет.

Давайте не будем пугать себя жупелами, и создавать новую мифологию. Капитализм будет! Демократия — факт. Рыночное состязание — безусловно. Рынок... Кстати, Сорос не выступает против рынка, он поклонник другой модели. Он говорил, выступая в позапрошлом году в Москве, что ему очень нравится идея Хайека о том, что рынок позволяет соединять рассеянные ресурсы с рассеянной информацией, и это создает возможность инерционного развития общества. Я хочу напомнить, что сказал в своем блестящем выступлении Сергей Юрьевич Глазьев. Оно явно эволюционирует. Я ждал со страхом, что сейчас он сформулирует жесточайшую идею — возврат к мобилизационной модели, которая вообще невозможна во всяком постиндустриальном обществе. Оно невозможно технически, цивилизационно. Он это понимает, хотя и призвал, по-моему, неосторожно, воспользоваться природной рентой газонефтяных отраслей. Но деприватизировать Газпром и десять нефтяных корпораций невозможно, государство на это не пойдет, потому что государство не располагает необходимой властью. Совокупная экономическая мощь российского государства такова — 40 миллиардов долларов консолидированы в бюджет. Это бюджет одного города Нью-Йорка. А национальный совокупный продукт — на порядок больше.

Следовательно, гражданское общество впервые получает шанс выйти из системного кризиса, а кризис в России, как известно, не процесс, а состояние, в котором мы пребываем постоянно, не используя целиком системообразующие функции государства. Да, действительно, в истории России государство всегда играло системообразующую роль. Но впервые появилась экономическая самодостаточность общества, обремененного собственностью. Ведь 70 процентов в частных руках, и необязательно в руках Березовского и Гусинского. Их капитал финансовый, отчасти он низколиквидный, ресурсный, отчасти это капитал в динамике, верно. Но подсчитывать, сколько в руках у Транснефти, сколько у Газпрома, сколько в руках у монополии, скажем, транспортной — это совершенно бессмысленно. Подсчитывается не потенциал, а «актуал», то, что уже вылилось в продукт.

Очень черная картина получается у нас. Ну просто жить в такой стране не хочется. Говорили про Китай. Но китайское государство вообще не заботится ни о пенсиях, ни о бюджетниках, ни

о пособиях, ни о бесплатном образовании, ни о медицинском обслуживании восьмидесяти процентов населения своей собственной страны. Легко так совершать прорывы, плюс еще хуацяо. У нас явный дефицит реальных предложений, мы спорим о должном, а не о сущем, — у меня есть одно конкретное предложение, озвученное, кстати, недавно мною же на Совете по внешней оборонной политике. У нас вывезено то ли 70, то ли 300 миллиардов долларов. Как их вернуть? Почему наши хуацяо не возвращаются? Почему они возвратились в Польшу, в Чили, в Китай? Почему они пришли у нас только в виде портфельных инвестиций? Как их заинтересовать? Говорят: «объявим амнистию». Но им там хорошо и без амнистии. Нужно создать экономический стимул. В чем стимул? Стимул в норме прибыли. Норма прибыли у нас аномально высокая. Каким образом связать его там, прогарантировать его там и привлечь инвестиции здесь? Инвестиция — по-латыни значит «одевание», «облачение». Мы голые, не облаченные, нам нужны инвестиции и внутренние, и внешние.

Сейчас внешние. У нас, по оценке Пинкертона, в потенциальной собственности находится ликвидный капитал, перемещенный еще до 20-го года, это бывшая собственность Российской Империи. Это золотовалютные активы в Японии, в Швеции, в Соединенных Штатах, даже в Чехии. И плюс на Ближнем Востоке, частью на юге Франции, в Италии, — недвижимость, земля. Это спорное владение, спорное пользование находится сейчас в руках самых разных лиц. Частично государства, но все понимают шаткость пользования этими объектами. Наше государство могло бы вчинить иск, параллельно поддерживая своих «русских хуацяо» в претензиях по скупке этой, в общем, далеко небросовой, собственности, которую отсудить в судебном порядке, конечно, чрезвычайно сложно. Но поскольку нам сейчас все предъявляют претензии (чехи недавно предъявили претензии), мы можем вчинить встречный иск. И если мы сейчас предложим нашим хуацяо выгодные условия сделки, они купят с огромнейшим дисконтом — оценочная стоимость 120 миллиардов долларов этой собственности, — с огромным дисконтом в 50 процентов, 70 процентов, и везут на сумму дисконта капитал, но уже не в виде повинной головы, а в виде инвестиций под любой одеждой, под любым флагом. Государство получит мощный инвестиционный ресурс.

Второй источник — внутренние накопления. Здесь цифра была 130 миллиардов долларов накопления граждан России до дефолта. Цифра спорная. Сейчас называют тоже 70 миллиардов

долларов. Это очень много, это почти вдвое больше консолидированного бюджета России. Но люди государству и власти не верят! Держат 70 миллиардов в чулках! Так вот, надо капитализировать эти накопления, превратив их в долгосрочные инвестиции. Повторить экономическое чудо Японии, где две трети всех инвестиций состоят из внутренних накоплений граждан. Как заставить поверить? Сработает только авторитет власти! Когда Екатерина напечатала ассигнации, она могла вообще на носовых платках печатать — ей верили! Вот это был авторитет власти, стабильность.

Д.И.Дубровский

Мне понравилось выступление предыдущего оратора, который, в отличие от всех похоронных интонаций, которые я здесь слышал, был настроен позитивно. Чтобы говорить о кризисе, нужно учитывать, что и мировая цивилизация находится в очень приличном кризисе. Об этом написаны горы литературы. Так что рассматривать кризис в России надо в контексте кризиса мировой цивилизации.

Что нужно делать, когда кризис? Надо собрать волю, укрепить свой дух, думать и вкалывать! Говорят, что все плохо, все ужасно, Россия лежит уже мертвая — я смотрю на молодежь, — вот эти ребята молодые, — они и оживят Россию. Есть парадигма управляемости, так бы я ее назвал. Вот все винят Ельцина: он ничего не может сделать, он виноват во всем. А себя вы не вините? Себя? Я отвечаю вам: это очень сложная система, самоорганизующаяся система, в ней много элементов, тоже самоорганизующихся. И поэтому проблема управляемости такой системой это очень глубокая и сложная проблема. Ваша негативная уверенность, когда вы обвиняете кого-то в том, что он не сумел что-то сделать, мне кажется по меньшей мере примитивной. Потому что вы не учитываете спонтанные процессы, и собой вы управлять не можете. А хотите, чтобы кто-то управлял однозначно всей страной. Это интересная философская проблема — проблема управляемости и неуправляемости. Проблема управляемости собой, проблема собственной ответственности за то, что происходит сегодня. Все мы глобальные проблемы решаем, а вот частные, мелкие... И не видим хорошего, что есть у нас же. Очень много есть хорошего сейчас! Поэтому долг философа укреплять веру. Да, укрепить веру — раз, надежду — два, думать и работать, а не разводиться тоску и уныние. Это могут все и без вас делать.

Д.В.Чернавский

Я внимательно выслушал и ценю ваши замечания, попробую кратко ответить.

Первое. Начну с замечаний Марка Масарского. То, что все подчиняется нормальному распределению — это просто неверно. То, что 0,2 процента действительно владеют львиной долей — верно. Я за эту цифру ручаюсь. Если вы имеете другую, предлагаю сесть, сравнить расчеты и выяснить, кто прав. Далее, 70 миллиардов в чулках. Они не в чулках и распределены отнюдь не равномерно. Они также сосредоточены в руках, небольшом количестве рук, но рассованы по мелким банкам, по сейфам, а не в чулках. А это совсем, совсем другое дело.

Второе — экономика. Тут есть два аспекта. Во-первых, неплохо бы понять, как устроена эта система, и во-вторых — что делать. Ситуация такая, что на второй вопрос — что делать? — берется ответить каждый, это «знают» все. А как устроено — вот это, пардон, мы и пытаемся понять. Ну а советовать, что делать, не зная как устроено, с чем имеешь дело — это явление довольно распространенное.

Третье — вот тут прозвучало мне упреком, и справедливым упреком, что мы, предлагая концепцию, много на себя берем. Когда я ненароком говорил, что мы знаем, что надо делать, то имел в виду, что мы знаем в общих чертах, точнее, мы как бы предлагаем исходные основы концепции. Если ее реализовать, мы можем дать не более чем рекомендации тем, кто будет реально реализовывать. И при этом нужно иметь в виду: нельзя с нашими рекомендациями идти напролом, любые концепции, программы нужно обязательно реализовать в диалоговом режиме, все время отслеживая самый процесс изменений, реакцию общества.

Четвертое. Вот говорят, надо осуществить системный подход. Лучше сказать — синергетический. Это и есть системный подход. Согласно такому подходу исследовать объект нужно поблочно, не упуская из внимания остальные связи. Блок экономики — он фундаментальный. Учитывается ли в нем менталитет, учитываются ли в нем традиции, поведенческие реакции? Обязательно! Наконец, в этом системном подходе изюминка — метод фазового портрета как метод, помогающий думать. Я буду счастлив и вполне удовлетворен, если среди присутствующих найдется хотя бы один человек, которого этот метод заинтересует, который захотел бы им овладеть. Поэтому использование точных методов — большое подспорье в работе исследователя.

Ну, и наконец. Вот сказали, что Россия уже труп. Капица Сергей Петрович вообще уже давно предсказывает конец света. Более того, он утверждает, что в ряде стран он уже произошел, и этого никто не заметил. Думаю, что России это не касается. Россия это судьба, данная в преодолении и преображении. Смерть — не для нее. Для этого мы и думаем, и работаем, и спорим.

В.И.Толстых

Думаю, что мы эту тему продолжим, причем буквально на следующем заседании Клуба. Когда говорят «сценарии» или «модели», то подразумевают, что они существуют не только в воображении, в головах их творцов. Они обладают своей собственной реальностью, онтологией. И при появлении на авансцене нашей жизни очередной «модели» мы, конечно же, пригласим ее авторов, интерпретаторов или комментаторов, и, как водится, в ходе обсуждения «с пристрастием» подвергнем ее тщательному анализу и экспертизе.

Я хочу поблагодарить Андрея Евгеньевича Городецкого, который мне очень помог в подготовке этого заседания. И попрошу его подготовить послесловие к дискуссии.

А.Е.Городецкий

Послесловие к дискуссии

Мы не случайно обратились к столь важной, на наш взгляд, теме стратегического сценарного планирования. Страна находится на перепутьи. Что впереди — очередной виток безвременья в общем потоке смутного времени или начало преодоления Смуты, первые проблески оживления в экономике или, как и прежде, переходящие конъюнктурные улучшения, после которых восстанавливается статус-кво?

То, что в экономике в конце 1999 — начале 2000 года происходили положительные тенденции, — это факт. Нужно сказать о том, что во многом эти тенденции обусловлены тем, что в обществе появились ростки доверия к новой власти, президенту. У людей пробуждается надежда на перемены. Но фактом является так же и то, что в основе этих тенденций в большей мере лежат внешние факторы, связанные с конъюнктурой на внешних рынках, и прежде всего положительной динамикой цен на нефть.

Сегодня как никогда раньше актуальна дискуссия о путях развития России, тех программах, которые предлагаются теми или иными политическими силами. Парадоксом нашего времени является то, что провал либерализационных проектов, стабилизация экономики после дефолта 1998 года усилиями правительств Примакова-Степашина-Путина на путях усиления системообразующей роли государства, упорядочения регулирования рынка привели к активизации тех, кто стоял у истоков гайдаро-чубайсовских реформ и несет ответственность за события 1992–1998 годов. Стали навязчивыми разговоры о необходимости сильного государства во имя углубления либеральных реформ, возобновились славословия в адрес Пиночета и чилийского опыта. Позицию радикал-либералов озвучил А.Улюкаев, который пояснил, что на предыдущей фазе слабость государства и отсутствие институциональных основ не позволили последовательно, до конца провести в жизнь намерения наших младореформаторов. Теперь, по их мнению, такие условия есть, что и позволяет повторить попытку. Программа Г.Грефа по своему духу и букве и есть второй заход либеральных гайдаровско-чубайсовских реформ с опорой на укрепившуюся Власть и во всеоружии консолидированных силовиков. По сути, те, кто еще недавно возвышал свой голос против любых вариантов мобилизационного развития, обличал, в частности, идеи на эту тему профессоров Митина и Глазьева, сегодня подсовывают нам свою версию мобилизационного развития, закамуфлированную лозунгами либеральных рыночных свобод.

Нужно сказать, что по ходу дискуссии скрытым мотивом многих выступлений являлось то, что самотеком, в обычном, нормальном режиме экономика сама собой не восстановится; что в сложившемся положении недостаточно говорить об обычной практике государственного регулирования, которое эффективно при условии наличия устоявшейся, стабилизированной экономики. Поэтому тема мобилизационной экономики так или иначе витала и здесь. Поэтому я хотел бы поставить ряд проблем, которые могли бы концептуализировать само понятие мобилизационного развития и рассмотреть его как один из возможных сценариев развития для России.

Прежде чем обратиться к данной теме, я хотел бы еще раз озвучить цикл вопросов, которые уже самой своей постановкой, вне зависимости от того, какие позиции сталкиваются при попытках найти на них внятные ответы, допускают конструктивный тон в дискуссии по мобилизационной экономике. Вот эти вопросы.

Главный вопрос — это тема «Выхода России из кризиса и послекризисного периода: сценарии развития».

Для поиска возможных решений необходимо дать четко артикулированный ответ на следующие вопросы:

1. Глубина кризиса и масштабы регресса. Позиции России в современном глобальном сообществе. Оценка тенденций отставания от ведущих капиталистических стран. Возможности его преодоления.

2. Существует ли сегодня широкий выбор сценариев развития для России, заказана ли для нее модернизация, постиндустриальный прорыв?

3. *Инерционный сценарий* развития: «за» и «против». Сущность и варианты инерционного сценария. Может ли стабильность быть главной целью развития и насколько возможно «развитие на основе стабильности».

4. *Мобилизационный сценарий* развития:

- что понимать под мобилизационными моделями;
- есть ли в России объективные условия для мобилизационных моделей;
- может ли мобилизационная модель стать политически целесообразной и социально востребованной;
- политические персоналии, контуры и механизмы реализации мобилизационных моделей.

Не развивая здесь подробно собственную позицию по данным вопросам, я лишь констатирую, что она обуславливает высокую вероятность и актуальность мобилизационной модели развития.

Почему возникает тема мобилизационной экономики? Потому что обычные, нормальные — рыночные (саморегулирования) и нерыночные (государственного) системы регулирования — на определенных этапах истории перестают действовать или действуют в прямо противоположном ожидаемому направлении, не в состоянии обеспечить выработку необходимых решений, их реализацию. По умолчанию обычно предполагается, что речь идет об ограничении свободно действующих рыночных сил, экономических свобод. Но ограничения во имя целей развития могут коснуться также и гражданских, политических свобод. Надо сказать, что об ограничении экономических свобод, исходя из интересов развития, модернизации и т.д., говорится немало. Но свободный рынок может быть вполне сопряжен с подавлением демократии, личных свобод, что и продемонстрировал опыт некоторых новых индустриальных стран (Чили, Бразилии).

Наши отечественные радикал-реформаторы тоже не раз высказывались на тему о рынке и либеральных реформах как о более высокой ценности, нежели завоевания современной российской демократии. Поэтому **типы мобилизационного развития могут быть различными**. Они могут широко варьироваться: полное уничтожение экономических, гражданских и политических свобод во имя форсированного достижения поставленных целей; ограничение рыночных свобод при незыблемости гражданских и политических свобод; ограничение гражданских и политических свобод для полномасштабной реализации свобод экономических; различные комбинации ограничения экономических и гражданских, политических свобод для максимально быстрого и эффективного достижения целей развития.

Либеральная версия имеет свои мобилизационные модели: она может максимально использовать силу государства для внеэкономического перераспределения ресурсов ВВП и национального богатства (что и произошло в России в 1992–1998 гг.), подавления групповых и классовых интересов работающих, осуществлять предельную эксплуатацию человеческого ресурса через низкие зарплаты, рычаги безработицы и локаутов при максимальном ограничении или устранении профессиональных и правозащитных организаций в области защиты экономических интересов наемных работников.

Классический пример такой мобилизации, о котором сегодня никому не хочется вспоминать, — первоначальное накопление капитала на заре эры европейского экономического либерализма. Южноамериканские модели и пример с Пиночетом: вопреки расхожим легендам печально знаменитый «реформатор в генеральских погонах» был не вдохновителем и отцом экономических реформ, а охранителем и надзирателем того курса, который Международный валютный фонд и его ставленники проводили в Чили несмотря ни на какие издержки и жертвы. «Чикагских мальчиков» призвал не Пиночет. Они — «призванные и избранные» совсем другого «верховного существа». Российская версия торжества либеральных идеалов любой ценой — это идолопоклонство перед чилийским опытом; это идеи наших отечественных ультралибералов П.Авена, С.Федорова, Е.Ясина и примкнувшего к ним О.Дерипаски и др. *о соединении либеральных принципов и сильного государства во имя защиты (в том числе и силовой) бескрайней экономической вольницы для всех фигурантов сращенных в России собственности, власти и криминалитета.*

Но есть и иные прецеденты, и иной исторический опыт. В работах В.Г.Федотовой по теории модернизации сформулировано понятие инновационно-мобилизационных траекторий развития, которые могут сочетаться с развитием на основе собственной идентичности. Эти типы развития как в чистом виде, так и в различных сочетаниях характерны для становления новых индустриальных стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Очень интересен индийский опыт национальной консолидации и национального самоограничения в интересах модернизации и ускорения развития. *И это не просто проблема большего или меньшего объема государственного регулирования экономики. Это не только тема особых национальных моделей перехода от традиционного к индустриализированному либеральному обществу. Здесь — и это принципиально важно — есть глобальный трансформационный вызов и серия цивилизационных ответов. Восточные цивилизации находят свой убедительный ответ на вызовы эпохи глобальной трансформации, что и ведет к формированию многополярного мира. Общее, связанное с научно-техническими, технологическими, структурными, организационно-управленческими и информационными революциями, не ведет к цивилизационно-культурной унификации. Очевидно и то, что пути достижения этого многообразия, многополярности не могут сводиться к ложно универалистским моделям по образцу пресловутого Вашингтонского консенсуса.*

Исключительные условия как элемент мобилизационного развития — это не только и, главным образом, не столько экстремальные условия военно-политического или социально-экономического кризиса, конфликты, катастрофы. Революционные скачки в процессе исторического развития, системные трансформации в экономике и обществе, — когда традиционные механизмы саморегуляции и саморазвития перестают действовать, — это тоже исключительные условия, создающие потребность в адекватных реакциях субъектов исторического развития и порождающие вызовы в области политической воли и политического действия. Это переломные точки истории, определяемые как моменты *исторического выбора*, который совершают нации и государства, народы и их политические элиты. В этих условиях *сознательное, волевое целеполагание и такое же целедостижение* принимают решающее значение. Новое сначала рождается как отклонение от традиционных правил, как их нарушение. И требуются неординарные условия и усилия, чтобы исключения из правил и/или их нарушения стали новыми правилами. Такие *фазовые переходы по определению связаны с высоким напряжением истории*, — социальной,

политической, экономической напряженностью, — которая разрешается в конфликты и кризисы, порою в исторические катастрофы. Они требуют предельной мобилизации интеллектуальных, политических, властных (в том числе и силовых), организационных, материальных и финансовых ресурсов. На этих отрезках истории и возникают так называемые мобилизационные траектории развития, необходимость в которых не зависит от идеологических и политических предпочтений тех или иных интеллектуалов, политиков или «простых людей» из числа так называемого электората.

В дискуссиях по мобилизационным моделям экономики их, как правило, сводят либо к вмешательству государства в экономику и дополнению рыночного саморегулирования государственным регулированием (пусть даже и на рыночной основе, как у С.Глазьева), либо к антикризисным мерам экономической политики, которые при всей их жесткости якобы нельзя идентифицировать с какой-либо особой, самостоятельной моделью мобилизационной экономики. В других случаях мобилизационная экономика отождествляется с чрезвычайным положением, утрированно — чрезвычайщиной, когда в силу катастрофизма ситуации власть вынуждена принимать для спасения положения чрезвычайные меры политического и административного характера. Идеологи российского либерализма упорно пытаются свести модель мобилизационной экономики к тому историческому прецеденту, который имел место в СССР в период индустриализации и коллективизации страны, а также в периоды войн и обострения глобальных противостояний. Здесь, как акцентирует А.Илларионов, доминируют мощнейшие системы перераспределения ресурсов от населения к государству.

Нет сомнения, что перечисленные моменты так или иначе присутствуют в тех или иных конкретных типах мобилизационного или близких к ним разновидностях экономического развития. Они могут диктоваться реальными потребностями исторического процесса, а могут и вырождаться в его эксцессы. С точки зрения поставленной нами проблемы важно другое. Что может, а чего не может экономика и управление, работающие в режиме нормального воспроизводства под углом зрения глобальных вызовов истории, эпохи, цивилизационных противостояний, системных трансформаций? Возможно ли безболезненно выйти из тупиков системного кризиса при распаде ценностных и мировоззренческих основ жизни, традиций, нравственных устоев? Возможно ли сугубо эволюционное и правовое решение проблем экономики и общества при тотальной криминализации всех сфер жизни? Наконец, *возможны ли либеральные экономические модели при*

откате на траектории догоняющего развития, на которые радикально-либеральные реформы отбросили наше общество? — Очевидно, что все эти вопросы имеют прямое отношение к реалиям сегодняшней России и они не позволяют с порога отбросить идеи мобилизационной экономики для решения накопленных проблем.

Для России характерны следующие процессы, заставляющие всерьез рассматривать возможность и необходимость мобилизационных моделей развития. Стала фактом трагедия упущенных возможностей для решения проблем технологической и структурной революций, броска в постиндустриализм, в информационное общество. Запад успешно решал эти проблемы на рубеже 80–90-х годов. СССР и тогда отставал от ведущих стран Запада на этих направлениях развития. Но тогда Советский Союз, располагавший огромным интеллектуальным, научно-техническим и производственным потенциалом, был в состоянии, хоть и с опозданием, достойно ответить на постиндустриальный вызов. Сегодняшней России это сделать на несколько порядков труднее. *Тупиковые модели реформирования не решили ни одной из задач системной трансформации. В российской экономике конца XX века соединились худшие черты бюрократической системы предперестроечной поры и рыночного хаоса современной периферии капиталистического мира. Страна вошла в полосу глубочайшего, не имеющего аналога в истории системного кризиса, цикла которого неизвестна, перспективы выхода неясны, и который протекает на фоне острых социальных, экономических, политических и военных конфликтов. Стало нормой игнорирование и регулярное ущемление (порой прямое предательство) национальных интересов, выход за пороговые значения экономической безопасности практически по всем важнейшим критериям и показателям экономической безопасности. Не снижаются угрозы распада страны. Идет медленное сползание России в аутсайдеры глобальной экономики и мирового сообщества.*

В 1996 году С.Ю.Глазьевым были опубликованы расчеты по 22 видам важнейших социально-экономических показателей, где сопоставлялись пороговые значения экономической безопасности и фактическое состояние нашей экономики¹. Характерно, что по всем показателям буквально зашкаливало: фактические значения выхлестывались далеко за пороги безопасности. Спустя три года положение только усугубилось, о чем свидетельствуют следующие данные.

¹ Глазьев С.Ю. За критической чертой. О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны. М., 1996. С. 5–7.

**Официальные показатели экономической безопасности
России на начало 1998 года**

	Пороговые значения	Фактические значения
Объем ВВП на душу населения	100 %	25 %
Доля в промышленности производства машиностроения	20 %	17 %
Расходы на научные исследования в %% к ВВП	2 %	1,2%
Доля в населении людей с доходом ниже прожиточного минимума	7 %	21,5 %
Объем внутреннего долга в %% к ВВП	20 %	21 %
Текущая потребность в обслуживании и погашении внутреннего долга в процентах к налоговым поступлениям бюджета	25 %	>100 %
Объем внешнего долга в %% к ВВП	25 %	>28 %
Доля внешних заимствований в покрытии дефицита бюджета	30 %	48 %
Объем иностранной валюты по отношению к рублевой массе	10 %	50 %

Сегодня уже нет исторического времени на дискуссии и имитацию действий, постепенное и растянутое во времени решение стратегических проблем. Мы повсюду сталкиваемся с противодействием и усилением международной конкуренции со стороны наших геополитических соперников. Резко ухудшились геополитические и геоэкономические позиции России в современном мире. Важно видеть и правильно оценивать появление и укрепление социальных слоев, заинтересованных в исторической стагнации и сохранении статус-кво. Эти слои располагают мощной финансово-экономической базой, пользуются поддержкой определенных сил на Западе, имеют серьезные рычаги влияния на власть, в известной мере являются самой властью.

В этих условиях разработка мобилизационных сценариев имеет право на жизнь и она может и должна стать, как минимум, одним из эффективных способов давления на власть, сложившиеся элиты; она может и должна — при определенных условиях — подготовить к реализации ряд реальных альтернатив хаосу и застою.

Цели мобилизационной модели должны быть представлены целевой триадой «постиндустриальный бросок — трансформационный сдвиг — антикризисный прорыв и экономический рост».

Идеология мобилизационной модели. Этот вопрос обычно «по умолчанию подвергается умолчанию». Вообще, надо признать, что сила российских ультра-либералов в том и прежде всего в том, что они ортодоксально и последовательно придерживаются неолибералистической идеологической платформы. В этом смысле, если вы не становитесь на эту же платформу, то спор становится бессмысленным. Они всегда будут правы в своих убеждениях. Не случайно самые главные доводы гг. Е.Гайдара и А.Чубайса всегда начинаются со слов: «Я убежден, что... Для принципиального оппонирования либеральному реформаторству последних лет нужна иная идейная, мировоззренческая платформа». Здесь я не могу останавливаться на этом вопросе, но напомним, что только в истекшем году и в начале 2000 года мы обсудили возможности использования консервативной идеи и традиций российского консерватизма как идеолого-ценностной основы развития, перспективы социал-демократической идеи и социал-демократической партии в консолидации и мобилизации российского общества на пороге XXI века.

Ключевые объекты мобилизационных усилий — инвестиции; финансовый сектор и рынок ценных бумаг; ВЭД — как основные каналы оттока национальных ресурсов из реального сектора, интеллектуальной экономики, информационных технологий. Для того, чтобы сломать устоявшуюся систему отсоса национальных ресурсов, новую паразитическую, чрезвычайно криминализованную систему перераспределения национального богатства и ВВП, необходимо ее кардинально реформировать с тем, чтобы, как минимум:

- перекрыть каналы оттока капиталов на Запад;
- изменить законодательство о Центробанке России и основы монетарной политики. Может быть, надо рассмотреть вопрос вообще пошире — в контексте обоснованности и целесообразности концепции и модели национальной финансовой системы, избранной при старте реформ; модели отдельных сегментов этой

системы — банковской; бюджетно-налоговой, валютной, страховой, фондовой; взаимодействия ее с мировыми финансами с учетом глобализации мировой экономики;

- пересмотреть модели и правовые основы рынка ценных бумаг;
- ужесточить валютное регулирование и валютный контроль, таможенное регулирование и таможенный контроль, экспортный контроль;

- сформировать адекватные стратегическим целям, приоритетам и задачам развития институты. В этом плане необходимо безотлагательно возродить и в полной мере развернуть институты концептуального и стратегического планирования и прогнозирования, разработки и реализации национальных программ, осуществления государственной политики и государственного управления.

Регионы и региональная политика как объект мобилизационных усилий. Регионы могут быть черной дырой экономики в условиях явного и неявного сепаратизма, худших образцов субъективного, волонтаристского межрегионального перераспределения ресурсов федеральным Центром. Но регионы при определенных условиях могут стать союзниками Федерального Центра в реализации мобилизационных усилий.

К вопросу о механизмах функционирования мобилизационной экономики. Это очень сложный и многоплановый вопрос. Но хочу обратить внимание на идеи С.Ю.Глазьева, а также академика Д.С.Львова и проф. С.Д.Валентя о необходимости создания воспроизводственного контура, включающего прежде всего национальное богатство страны, а не только ВВП; задействовании механизмов учета, оценки, реализации и распределения основных, ключевых видов ренты — природной, интеллектуальной, интернациональной (через механизмы таможенного регулирования); создания фондов национального развития и национального дивиденда.

Основной рычаг мобилизационного развития — институциональный ресурс. Это тем более важно, что возможные ограничения экономических свобод не должны свернуть главные завоевания в области личных, гражданских и политических свобод. Ясно, что и мобилизационные траектории должны иметь свои *конституционные и политико-правовые коридоры, позволяющие экономике и обществу оставаться в правовом поле.* В этой связи выделим две опорные точки возможного мобилизационного развития: *властно-политические, институциональные и социально-экономичес-*

кие возможности государства, с одной стороны, и организационно-управленческие возможности крупных и крупнейших корпораций — с другой. Важно подчеркнуть, что последние являются носителем и воплощением производительной и технологической мощи, национальной конкурентоспособности. На их основе формируются крупные и крупнейшие финансово-промышленные группы, стратегические альянсы и транснациональные корпорации, глобальные альянсы, действующие на рынках глобальной экономики в национальных интересах России.

И в том, и в другом случае речь идет о силах, таящих в себе значительный потенциал монополизма, и с подобной угрозой необходимо считаться. Но очевидно и другое.

Это есть мощные силы, которые можно эффективно использовать для решения задач возрождения России как мировой экономической державы, восстановления утраченных геополитических и геоэкономических позиций в мире, выхода на качественно новые уровни национальной конкурентоспособности.

С этим вопросом тесно связан и другой фундаментальный вопрос — о субъекте, способном взять на себя реализацию мобилизационных моделей.

Сегодня ни один из участников рынка не способен взять на себя всю полноту ответственности за реализацию подобного круга задач. Соответствующим субъектом развития не станет в отдельности ни государство, хотя именно ему принадлежит доминирующая роль; ни какие-либо отдельные элиты, ни какие бы то ни было отдельные экономические институты. Здесь потребуются консолидированная мощь всех перечисленных субъектов национального развития, объединенных общим пониманием фундаментальных национальных интересов страны, стремлением к реализации этих интересов и способностью к добровольному самоограничению во имя их достижения. Этот метасубъект сам по себе явится мощной своеобразной «РФ-корпорацией», появления которой так боялись на Западе в конце 80-х — начале 90-х годов как результата возможного успешного исхода рыночных реформ в СССР².

² Кугушев С. «СССР ИНКОРПОРЕЙТЕД»: воспоминания о будущем? // Российская газ. 1998. 9 окт.

ВЫХОД РОССИИ ИЗ КРИЗИСА. ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ (2-Е ЗАСЕДАНИЕ)

2 февраля 2000 г.

В.И.Толстых

Сегодня мы фактически продолжаем обсуждать тему, которую начали обсуждать в начале декабря, когда здесь выступили Сергей Юрьевич Глазьев (тогда он был доктором экономических наук, профессором, но не был еще и председателем комитета Госдумы по экономической политике и предпринимательству). А также не менее авторитетный человек — в известной мере официальное лицо. Одновременно выступал не менее интересный человек, Сергей Дмитриевич Чернавский, который во многом солидаризировался с Глазьевым. И тем не менее дискуссия состоялась, обнаружив немало противоречий и различий в подходах и мнениях.

Сегодня вопрос фактически тот же, но ответы, я надеюсь, будут какие-то другие. Это определяется составом наших ведущих. Я благодарен нашему гостю, Андрею Рэмовичу Белоусову, он является руководителем Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования Института народного хозяйства РАН, а также членом коллегии Министерства экономики и технологий, как его сейчас именуют. Вы хорошо знаете и Вячеслава Семеновича Степина, ветерана нашего клуба, нашего уважаемого директора Института философии, академика, который вопросами, связанными с современным цивилизационным мироустройством, цивилизационными трансформациями занимается давно, высказывал очень интересные идеи, издал много книг. Мне показалось важным, чтобы здесь помимо точки зрения экономиста прозвучала еще и точка зрения философа. Этим определялся выбор сегодняшних ведущих. Я думаю, что мы начнем с выступления Андрея Рэмовича, а затем слушаем и Вячеслава Семеновича.

А.Р.Белусов

Передо мною была поставлена задача проблематизировать ситуацию, и потому я постараюсь больше говорить о проблемах ближайшего десятилетия, как я их вижу. В качестве преамбулы я бы хотел заявить, что, на мой взгляд, главные проблемы ближайших десяти-пятнадцати лет лежат не в экономической, а прежде всего в социокультурной сфере. То есть главная стратегическая проблема состоит в восстановлении нашей социокультурной идентичности в формате культурных, экономических, геополитических вызовов, которые образуют процесс глобализации. Последний предъявляет достаточно жесткие требования к экономической модели, или к экономическому росту, в рамках которых, а также в силу той инерции, которая просматривается у нас на ближайшие десять лет, мы в этот формат не вписываемся.

На мой взгляд, вызов состоит в том, что Россия, будучи полиэтничным и поликультурным обществом, все-таки до сих пор существовала и развивалась исключительно в рамках смыслового поля некоей национальной идеи. Неважно, как называлась эта идея, — «уваровской формулой» или «красным проектом», но Россия вне такой идеи и смыслового поля существовать не могла. Сейчас этнические компоненты, образующие российское общество, находятся в достаточно разогретых внешних цивилизационных полях и, если такой цементирующей идеи нет, или ее энергетики не хватает для того, чтобы удерживать все общество в некоем достаточно жестком формате, то возникает реальная вероятность и опасность того, что эти этнические компоненты начнут разбегаться, вплоть до распада общества. Это с одной стороны. А с другой стороны, глобализация резко обостряет и усложняет проблему восстановления идентичности: если понимать последнюю волну глобализации как становление некоего особого качественного социоэкономического пространства, то оно очевидно строится на совершенно иных принципах и иных механизмах, нежели прежние модели идентичности, в основе которых так или иначе лежали ценностные механизмы. Поясню. Я приверженец той точки зрения, что глобализация порождает и опирается на постмодерн, который, в свою очередь, отрицает ценностные основы формирования любого общества. В силу своей полинациональности и поликультурности Россия не может ответить на вызовы глобализации так, как отвечает на них Запад. Не «не хочет», а не может, даже если бы сильно захотела.

В чем тут дело и какое отношение это имеет к экономике? Прежде всего, это означает, что мы должны в ближайшие десять-пятнадцать лет одновременно решить две задачи. Первая задача — это повышение уровня жизни, как это ни банально звучит. Потому что только на основе и в рамках повышения уровня жизни можно обеспечить формирование некоей идеи как надстройки над реальным процессом. И вторая проблема — это повышение эффективности в любом аспекте и смысле — в корпоративном, общенациональном и т.д. До сих пор, в частности в послевоенной истории, не было случая и примеров, когда государство одновременно решали бы эти задачи. Практически во всех странах (с какой-то натяжкой здесь можно назвать Китай, но он, на мой взгляд, проблему эффективности не решил, и еще вопрос, сможет ли решить ее в принципе) эти две задачи были разнесены во времени. Единственное исключение, как ни странно, представляет Советский Союз, когда примерно со второй половины пятидесятых до конца шестидесятых годов мы действительно примерно удвоили уровень жизни и одновременно существенно продвинули решение проблем технологического обновления. Но сейчас возникла совершенно иная ситуация. И появились новые тенденции. Что это за тенденции?

Но сначала коротко о логике экономического развития последнего десятилетия. Динамику производства с 1991-го, т.е. с начала реформ, характеризуют две фазы. Первая фаза — это 1992—94 гг., вторая фаза — с 1995 по 1998 гг. Первая фаза характеризовалась тем, что мы прошли две последовательные волны спада производства, которые охватывают 80% общего спада. А начиная с середины 1994 года производство стало просто стагнировать — не было ни роста, ни спада, были некие колебания, которые в принципе укладываются в общую картину депрессии. При этом важно заметить и отметить, что в рамках этих двух фаз формировалась очень специфическая модель экономики, или, говоря старой терминологией, модель воспроизводства, которая, собственно, и просуществовала до настоящего времени и, видимо, просуществует еще какое-то время. Если говорить схематично, то парадокс нашего развития последнего десятилетия в базовых отраслях материального производства состоит в том, что именно здесь (а это примерно 40% с лишним) мы имели очень небольшой спад потребления. Госкомстат фиксирует, что за это время вообще спада потребления почти не было. По более адекватным оцен-

кам он все-таки был, но где-то в пределах 15–20%. Это означает, что в экономике возникли механизмы, которые делали сферу потребления достаточно автономной от сферы производства.

Примерно такая же картина — в потреблении социальных услуг, прежде всего образовании, здравоохранении, культуре, которые, конечно, деградировали как социальная инфраструктура, — но спад и здесь по своим масштабам оказался совершенно несоразмерен с сокращением ресурсной базы. Все это держалось, естественно, на налогах, которые в значительной мере висели на экспортном секторе. В рамках той модели, которая у нас стала складываться, у нас обособился достаточно благополучный экспортоориентированный сектор экономики, который включал топливные и сырьевые отрасли. Он занял лидирующее место по доходам, по динамике производства и на него соответственно легла огромная нагрузка, связанная с обеспечением баланса между падающим производством и условно стабильным потреблением. Однако проблема в том, что по своим параметрам экспортоориентированный сектор совершенно не мог справиться с этой функцией. В нем занято менее пяти миллионов человек и ясно, что пять миллионов могли бы прокормить пятьдесят, в том случае, если бы он был сверхэффективен. А это не так. Единственное звено, действительно эффективное по критериям мирового рынка — это газовая промышленность. Все остальное эффективно тогда, когда валютный курс сильно отрывается от паритета покупательной способности, либо еще по каким-либо причинам. Для того, чтобы общая конструкция могла держаться, нужно было обеспечить скрытое субсидирование этого экспортоориентированного сектора, что и происходило за счет обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Перекачка шла, с одной стороны, по каналам повышения относительных цен на товары традиционного российского экспорта (топливо и сырье), перестройки ценовых пропорций, а также за счет отрыва паритетного курса рубля от валютного курса. Другими словами, экспортный сектор продавал свою продукцию по мировым ценам, умноженным на валютный курс, а формировал свои затраты по внутренним ценам.

Понятно, что запас прочности у этой конструкции определялся тем, сколько можно вытащить отсюда финансовых ресурсов. Эти финансовые ресурсы кончились примерно к началу 1995 года. И дальше все остальное время мы пытались стихийно решить проблему, т.е. удержать этот разрыв в условиях, когда больше подкачивать уже нечего и неоткуда.

С 1996 года мы обнаружили, что существует большой неиспользованный ресурс в виде сбережений населения, закачали его через ГКО в бюджет и этого нам хватило примерно на год. В 1997 году мы обратили свой взор в сторону мировых финансовых рынков, закачали их источники и начали быстро наращивать внешний долг. Это все закончилось 17 августа 1998 года. На мой взгляд это объясняется не только ошибками экономической политики и злонамеренностью, хотя хватало и того и другого, но была некая внутренняя логика нашего развития, которая и привела нас к роковой черте. Что дальше? И есть ли выход из этой ситуации? 17 августа несколько сократило масштабы тех диспропорций, которые формировались в рамках данной конструкции. Прежде всего потому, что потребление упало несколько сильнее, чем производство (производство даже выросло), и примерно за год спад потребления составил где-то порядка 7–10%, что составляет половину того, что получили за весь период реформ. Такова цена стихийной балансировки конструкции. Но возник целый ряд новых моментов, о которых я сейчас скажу кратко.

Первый. Мы единственная страна в мире, которая уронила реальные доходы почти в два раза и при этом в условиях относительно мягкого политического режима смогла пройти весь этот путь без существенных потрясений. Это было связано с тем, что мы все-таки держали, несмотря на падение реальных доходов, уровень потребления, достаточно высокий уровень социальных услуг, остатки былых советских социальных гарантий, социальных гарантий государства. И создали довольно изощренную систему социального обеспечения той экономической модели, которая у нас сложилась в это время. Эта система состояла, примерно, из трех слоев. На сегодня примерно 40% населения оказалось с доходами ниже прожиточного минимума. Примерно 20% населения имело доходы, которые позволяли обеспечить потребление на уровне норм 90-го года, то есть на уровне дореформенного периода. Среди них, конечно, было 5% с высоким уровнем потребления, но в целом структура доходов явно с уклоном к ухудшению. И остаток — это некий средний слой, достаточно неопределенный по своей структуре. В ценностном плане, согласно социологическим замерам, примерно порядка 20% населения, точнее 15% — это слой с модернизационными ценностными ориентациями, с ориентациями на личный успех, готовностью рисковать ради высокой заработной платы, включая отказ от государственной поддержки, гарантий, льгот. И где-то порядка 40% — это слой

населения с традиционными квази-патерналистскими ценностными ориентациями, с желанием такого заработка, который обеспечит привычный образ жизни, с нежеланием рисковать ради более высокого заработка, с завышенными социальными требованиями к государству и предприятиям. При этом механизм вертикальной мобильности, который действовал, вынес всех социально активных, по-настоящему предприимчивых в слой преуспевающих, и они действительно смогли реализовать те преимущества, которые им давали новые условия. А те, кто остались в низших социально-доходных группах, оказались зажаты между теми условиями, которые сложились, и привычными условиями и образом жизни, и тут возник явный дефицит социальной активности.

Второй фактор, это — высокая доля социальных услуг в ВВП. Примерно до 1997–1998 года доля социальных услуг в ВВП непрерывно росла. Величина ВВП падала, а упомянутая доля росла. И она выросла с дореформенного уровня в 5–6% до примерно 9–10%, т.е. почти вдвое. Все это потом легло опять-таки тяжким бременем, на экономику, бюджет. Бесплатных ресурсов, естественно, не бывает, и отражение этого — в коллизиях госбюджета.

Третий момент — это доминирование социального критерия по отношению к экономической эффективности. Поскольку после 1998 года практически нет больше возможности поддерживать высокий уровень социальных услуг, радикально изменилось и поведение предприятий. Все опросы показывают, что частные предприятия готовы увольнять работников столько, сколько надо для того, чтобы обеспечить экономическую эффективность в интересах собственного выживания.

Поэтому первая проблема ближайшего десятилетия состоит в том, что у нас образовался огромный и растущий массив депрофессионализированных и деклассированных людей, который представляет из себя, если угодно, аналог плавильного социального котла, в котором будет вариться пока непонятно что.

Вторая проблема грядущего десятилетия — это проблема сырьевой базы. Капиталовложения в сельское хозяйство упали в 20 раз и лишь 5% остались от уровня 90-го года. Здесь ситуация выглядит совершенно тупиково; в рамках тех тенденций, которые складываются, неизбежно произойдет спад производства продовольствия где-то на рубеже 2004–2005 года. Аналогичная ситуация, но, может быть, менее острая, складывается сейчас и в топливном секторе, скорее в нефтедобыче.

Третья проблема касается производственного и технологического потенциала. Я утверждаю, что никакого роста на той производственно-технологической базе, которая у нас есть, уже быть не может. По мировым критериям средний, нормальный срок службы оборудования составляет около 8 лет. У нас он равен 16 годам. Если ситуация здесь не изменится, мы попадаем в ситуацию, связанную с избыточными энергозатратами и с избыточным потреблением сырья и материалов со всеми вытекающими отсюда последствиями. К этому надо добавить, что есть сфера в нашей экономике, где технологический потенциал будет очень быстро выбывать в любом случае — это сельское хозяйство и электроэнергетика. В течение ближайших десяти лет потребуется заменить примерно половину нынешних электроагрегатов, а это означает, что мы никак не сможем выйти по росту производства электроэнергии выше 30% за десятилетие, что в свою очередь означает, что наш предел роста в этой области — ниже трех процентов, что нас в принципе устроить не может.

Следующая проблема связана с бюджетом, с государственными финансами вообще. Дело все в том, что при том состоянии нашей бюджетной сети, государственных институтов, которые у нас сейчас есть, нам нужно расходовать (я буду говорить в терминах федерального бюджета, потому что эти цифры больше на слуху) где-то примерно на уровне 10% непроцентных расходов. На самом деле это как бы запредельный минимум, если угодно, потому что, например, мы столько тратили в последние годы. Плата за это была такая. Госкомстат в 1998 году провел обследование и обнаружил, что примерно четверть расходов по сметам бюджетных организаций не покрывается за счет бюджета, то есть мы перевели бюджетную сферу на такое экзотическое самофинансирование, когда (это хорошо известно) государство цинично не платит по им же принятым обязательствам, выкручивайтесь, мол, ребята, сами. Масштабы этого самофинансирования составляют примерно 25%. Плюс оборонка, где простые расчеты показывают, что и там, только для того, чтобы удержать нынешний уровень, даже без развития, без перехода на вооружение нового поколения, потребуется не меньше 5% ВВП, плюс придется выплачивать долги порядка 10 миллиардов долларов в год, а у нас все налоги, точнее вся доходная часть федерального бюджета, составляет примерно 20 миллиардов.

Итак, существуют, с одной стороны, объективные требования к экономическому росту, которые диктуются извне, прежде всего социокультурными и внешнеэкономическими условиями,

а с другой стороны, возник целый комплекс проблем и ограничений, который в ближайшее десятилетие достаточно жестко определит параметры нашего дальнейшего развития. И эти два пространства критически не совпадают. Так вижу я проблему, которую мы обсуждаем.

В.И.Толстых

У меня просьба все-таки подвести итог того, что вы сказали. Я много раз слышал о том, что кризис сейчас бежит быстрее, чем растет рейтинг Путина, но до Вашего выступления я не понимал смысла этого сравнения. Сейчас я, кажется, начинаю ощущать и понимать, что такое «кризис бежит быстрее рейтинга». Чтобы Вы лично и Ваш центр могли посоветовать Путину в этой ситуации?

А.Р.Белоусов

Ну, советуем мы непрерывно. Но есть стратегические вещи. Ключевая проблема состоит в отсутствии субъекта, для которого даются советы, разрабатываются стратегии и который следует нашим разработкам. Мы делали анализ сценариев, которые могут быть реализованы в обозримом будущем, используя при этом существующую в политологии технологию для выделения ключевых игроков и анализа вероятных стратегий этих игроков. Эту технологию мы применили к экономическим игрокам, и вывод был очень неутешителен. При всех наиболее вероятных конфигурациях существующих экономических игроков, которые могут возникнуть в обозримом будущем, ни один из конструктивных сценариев реализоваться не может. Поэтому первое, что здесь возникает, это проблема построения или формирования субъекта, вектор поведения которого совпадал бы с тем, что нужно для решения ключевых проблем. Примерно ясно, что это должен быть за субъект и как он должен быть устроен...

В.С.Степин

Что означает формирование экономического субъекта? Каков должен быть этот субъект? Какими параметрами обладать и т.д.? Прежде, чем выступить самому, мне бы хотелось попросить у Андрея Рэмовича конкретизировать свою точку зрения, в частности, о связи экономики и проблемы ценностей.

В целом мне понравился Ваш анализ проблемной ситуации, но я хотел бы услышать пояснения к Вашей схеме. Как можно черпать средства из отраслей обработки, особенно сельского хозяйства, если мы все время говорим, что оно хуже некуда и рушится? Вы говорите о «подпитке» экспортного сектора за счет отраслей обработки и сельского хозяйства. Вы имеете в виду обрабатывающую промышленность?

А.Р.Белоусов

Хорошо. Начнем с сельского хозяйства. Сельское хозяйство начало падать примерно с 1995-го года, причем существенно падать. В первые годы — 1992—1994 гг. — падение сельскохозяйственного производства было значительно меньше, чем падение в промышленности, особенно в обработке. Почему? Потому что в сельское хозяйство мы закачали очень много ресурсов, эти ресурсы, безусловно, использовались неэффективно, но они там были. И когда начались реформы, обнаружилось, что цены на производство, на энергоносители, на металл, которые определяют затраты на производство, и цены на компоненты химических удобрений, которые определяют стоимость ресурсов, потребляемых в сельском хозяйстве, растут, причем существенно быстрее, чем закупочные цены самого сельского хозяйства. Плюс та надбавка, которую забирали себе посредники. Это и есть тот процесс перекачки ресурсов, о котором я говорил. Ресурсы, которые были заложены в ценах добавленной стоимости еще в советский период, перераспределялись через относительные цены производителям тех ресурсов, которые как раз и потребляло сельское хозяйство. А концентрировались они, во-первых, у торгово-финансовых посредников, точнее, у торговых, и во-вторых, — в самом экспортоориентированном секторе, точнее, в некоторых особых его сегментах. В минусе оставалось сельское хозяйство. Механизм вывода ресурсов через диспаритет цен, неодинаковую скорость их изменения я и пытался показать. Сельское хозяйство имеет большой запас прочности в смысле адаптации. Этот запас реализовался, и мы за счет его жили три-четыре года примерно. Потом все это кончилось. Спад в сельском хозяйстве начал нарастать. Это уже 1996—97 год, а в 1998 году вообще все рухнуло. Это что касается перекачки ресурсов. Сразу на первый вопрос ответить?

В.С.Степин

Да, насчет ценностей. Вы о них упомянули, но потом это осталось в стороне.

А.Р.Белоусов

Предмет, о котором я собирался говорить, связан с чисто экономической проблематикой. Тезис мой состоит в том, что впереди нас ожидают очень большие экономические проблемы, и вся штука состоит в том, что вне общего контекста эти проблемы оказываются не проявленными. Попробую объяснить, что я имею в виду. Мы можем расти с темпом, скажем, два процента или три процента в год. Хорошо это или плохо? Я утверждаю, что с точки зрения проблем, связанных с социокультурным контекстом, в котором это все происходит, нам нужен рост не меньше пяти процентов. Если этого роста не будет, мы просто не сможем решить те проблемы, от которых зависит обретение социокультурной идентичности или просто идентичности в пресловутом формате глобализации. Я не хочу сейчас рассматривать это подробно, это другая тема. Кроме того, тема механизмов восстановления социокультурной идентичности скорее ваша епархия, чем моя. Но я хочу зафиксировать мысль о том, что эти механизмы предъявляют очень жесткие требования к экономике. И проблема, я здесь повторяюсь, состоит в том, что в рамках инерции, которая у нас сейчас господствует, мы в эти ограничения не очень вписываемся.

В.С.Степин

В самом общем виде моя точка зрения во многом совпадает с тем, что было сказано. Идея состоит в том, что в 80-х годах, даже в середине 70-х перед нашей страной возник исторический выбор. Он был связан с тем, что страны Запада осуществили технологическую революцию и перед началом 70-х годов создали предпосылки для постиндустриального развития с принципиально новыми параметрами этого развития, когда решающую роль начинают играть информационные технологии, быстрая обработка и передача информации, высокие технологии в различных отраслях производства. Технологическая революция ускорила процессы глобализации и развития мирового рынка. Перед нашей стра-

ной возникли вопросы об отношении к глобализации, к глобальному рынку: входить в него? не входить? как в него входить? Как создать предпосылки для постиндустриального развития?

Мы не смогли ответить на эти вопросы. Почему? Я думаю, что все-таки решающим было то, что наше общество базировалось на принципах жесткой плановой экономики и идеологической стерильности, что и не позволяло найти адекватного ответа на исторический вызов, обозначившийся в начале 70-х годов. О невосприимчивости к «ноу-хау» тотальной и жесткой плановой экономики уже много сказано и написано. Что же касается идеала идеологической стерильности, то понятно: никакой открытости общества быть не может там, где существует жесткий контроль за выездом людей за границы государства, за идеями, за всевозможными способами тиражирования идей и т.д. В условиях жесткого контроля со стороны органов безопасности ни о каком Интернете, свободных информационных технологиях речи быть не могло. Существующая тогда система не позволяла ответить на исторический вызов — подготовить условия для успешного постиндустриального развития страны. Но исторический вызов остался, и он стимулировал и перестройку, и последующие реформы. Пафосом начала перестройки (вспомним 85-й год) было «догнать и перегнать, обновить технологии, сделать технологический рывок». Не получилось! Последующий сценарий реформ, начатых Горбачевым (демократизация и гласность), а затем продолженных либералами-реформаторами начала 90-х годов в экономике, сформировал экономическую ситуацию, которая в существенных чертах выражена в предложенной А.Р.Белоусовым модели. Обратите внимание на следующее обстоятельство. Наши реформаторы-либералы выдвинули основной тезис: главное — экономика. Все лежит в этой сфере. Все остальное не имеет значения. Были две основные идеи реформ. Первая — отпустить цены. Гайдар тогда говорил, что покупательная способность рубля была 12 копеек, а на остальные 88 товаров просто не было. Это были пустые деньги. Вот для того, чтобы деньги стали настоящими, и нужно было отпустить цены. И была иллюзия, что мы быстро придем к цивилизованному рынку. Я сам слышал, как выступал Бурбулис и говорил, что инфляция и связанные с нею трудности всего на полгода, а через полгода заработает рынок и все будет замечательно.

Вторая идея реформ начала 90-х — это обвальная приватизация. Идеология была такая: проведем приватизацию — придет хозяин. Как ни странно, наша интеллигенция часто на такие уп-

рошенные идеи реагирует весьма некритично, я и сам думал, что общественная собственность неэффективна, потому что нет хозяина. Об этом все говорили, убеждая друг друга с телеэкранов и газетных страниц. Будет хозяин — будет эффективное производство, все заработает, повысится производительность труда. И только потом, когда осуществилась наша приватизация со всеми ее криминальными издержками, стали понимать, что хозяин-то — это же субъект исторический, он не просто где-то пребывал в нашей стране и ждал своего часа. Европа этого хозяина формировала в процессе духовной реформации, пройдя через религиозные войны, через обострения классовой борьбы, постепенно создавая правовую систему цивилизованного рынка. Хозяин — это особый актер рынка, а его у нас в наличии-то не было. В наличии были люди, которые стояли у рычагов власти. Это были партийные и комсомольские работники, люди из партгосаппарата, директора — в общем, те самые люди, которые распоряжались прежней экономикой и держали руки на кнопках всех ресурсов. Приватизация и произошла во многом в интересах этого слоя. Те, кто были собственниками госсocialистической собственности (по Джиласу), они ее и приватизировали. В старой системе социалистического распределения они вроде пользовались всем. Однако по наследству детям это отдать было нельзя. Возможность это все взять и сделать своим — это и было искусом и личностным стилем для многих представителей властной элиты.

Были еще и деятели теневой экономики, которая упорно расширяла свой ареал в условиях так называемого «развитого социализма». Они также активно включились в процесс приватизации, привнеся в него изрядную долю криминального духа. Все это во многом породило наблюдаемые нами особенности «российского первоначального накопления». Следует учитывать и то обстоятельство, что приватизация проходила в условиях ослабленного государства, отсутствия нормальной системы контроля за соблюдением даже тех мягких правил, которые декларировались принятыми законами. В этих условиях преимущества получал не рачительный хозяин, а временщик, задачей которого было в короткий срок выкачать максимальную прибыль любой ценой, даже разрушая производство. Полученный капитал этот временщик вовсе не собирался инвестировать в свое производство, а размещал в надежных западных банках. Как в народе говорится — «схалпал побольше и с деньгами за бугор».

Хочу зафиксировать следующую мысль. Экономические реформы у нас были ориентированы на принципы свободного рынка в духе «чикагской школы». На них и ориентировались наши теоретики-реформаторы начала 90-х, поставленные Ельциным во главе государства для проведения экономических реформ. Напомню основные идеи «чикагской школы». Это — идея рынка, где субъект ценит индивидуальную свободу превыше всего. Он действует в едином правовом пространстве, где законы для всех одинаково соблюдаются, действует расчетливо-рационально, следит не только за конъюнктурой, но и за завтрашним-послезавтрашним днем, чтобы не потерять своего потребителя, и следовательно, ему нет смысла воровать десять долларов, если завтра у него будет десять тысяч. Это субъект, который добивается личного успеха, и его личный успех совпадает с идеалом роста производства. Видимо, все согласны с тем, что такого рода субъект — актер рынка имеет определенные ценностные ориентации. Он ценит индивидуальную свободу выше коллективной свободы, индивидуальная свобода у него сопряжена с ответственностью, основой его действия является рациональный выбор. Такая система ценностей в западной культуре складывалась исторически. Но в России она в общем-то никогда не была укоренена. У нас всегда свобода коллективная ценилась выше свободы индивидуальной, как в далекие царские времена, так и при советской власти. Достоевский и Владимир Соловьев в свое время писали, что быть русским, значит быть всечеловеком, жаждать планетарного братства людей, что наш идеал свободы означает свободу для всех, что индивидуальной свободы для русского человека мало, надо, чтобы все были свободными. Отсюда и идеи анархизма, которые так процветали на нашей почве. Короче, за этим стоит определенный тип традиционалистской общинной культуры. Характерно, что сталинизм достаточно хорошо чувствовал эти традиции и использовал их. Но сразу сделать так, чтобы индивидуальная свобода совпала с ответственностью при снижении уровня социального контроля — это была иллюзия наших либералов-рыночников.

Далее, единого правового поля у нас тоже никогда не было. У людей до сих пор превалирует патерналистское сознание: «вот придет батюшка-царь и всех рассудит». Когда у нас говорят «державность», имеется в виду сильная власть, во главе которой Божий помазанник, а он выше всяких законов. И в народе, который жил в этом бесправии, сложились пословицы — «с сильным не судись, с богатым не рядись», «закон, что дышло...» и т.д. Это вы-

ражало народное сознание, его отношение к закону и праву. Жизнь в этом беспорядке регулировалась идеалом справедливости. Справедливость ценилась выше права и часто ему противопоставлялась. Идеалом жизни было жить по правде, по справедливости, а вовсе не по закону, который чаще всего несправедлив.

И последнее, относительно рациональности. Нормы рационального поведения в нашей культуре были развиты слабо. Еще Ключевский писал: что Россия — зона неустойчивого земледелия, где урожай может быть, а может и не быть, зона набегов, где опасно постоянно накапливать какое-то богатство — отнять могут всегда. Отсюда и формула — «живем на авось». Если для немца Dasein — «здесь-теперь бытие» — это высшая ценность, то в нашем языке, если использовать древнерусский его вариант, эквивалентом «здесь-теперь бытия» будет словосочетание «а во есмь». «Авось» просвечивает здесь довольно отчетливо. Отсюда, конечно, не следует вывод о некоем изначальном иррационализме русского сознания. В стабильных условиях, при наличии общих правил игры, наши люди действуют вполне рационально. Кстати, это не такая уж плохая штука «авось», если ты живешь в неустойчивом мире. В ситуации бифуркации, неустойчивого состояния системы, такого рода вероятностное поведение неизбежно и даже необходимо для выживания. Тут можно и рискнуть, а можно и подождать, — это уж каждый сам себе решает, как тут быть. Но рационально просчитывать свои действия в этих условиях трудно, а подчас и просто невозможно.

Все эти наши ментальности, наши ценности, традиции, конечно, не вписывались в нормативы «чикагской школы». Поэтому когда стали проводить реформы, получили совершенно не то, что хотели, а все получилось наоборот, не так как задумали. Идеальная теоретическая модель не состыковывалась с реальными условиями, в которых ее применяли. В результате наши реформы последнего десятилетия не стали адекватным ответом на исторический вызов — создать предпосылки постиндустриального развития страны. Никаких продвижений в этом направлении у нас пока не наблюдается, и судя по тому, о чем говорил Андрей Рэмович, согласно продемонстрированной им модели, не может произойти. С учетом обостряющегося исторического вызова я вижу три возможных сценария будущего развития.

Первый связан с крайне нежелательными тенденциями утраты интеллектуального и культурного потенциала страны, превращения ее в сырьевую базу и источник дешевой рабочей силы для

развитых стран Запада и Востока. В экономическом плане это может привести к фактическому уничтожению многообразия собственных наукоемких производств, к однобокому гипертрофированному развитию топливно-энергетического и сырьевого комплексов, постоянному оттоку капиталов за рубеж, росту начального долга и финансовой зависимости страны от транснациональных компаний и банков. В политической и социальной сфере — это доминирование компрадорской буржуазии, ее прямая или теневая власть, дальнейшая дифференциация доходов, низкооплачиваемый труд. В духовной — ориентация на приоритет «зарубежных ценностей» и западной массовой культуры, усиления, с одной стороны, экстремистского национализма, а с другой, утраты чувства национального достоинства и формирования комплекса национальной неполноценности.

Второй сценарий выглядит более привлекательным. Он связан с реализацией идеалов потребительского общества и формированием относительно высокого уровня потребления (хотя скорее всего более низкого, чем в сегодняшних странах «семерки»). В наше время этот идеал представляется желательным для подавляющего большинства российского населения. Этот сценарий нельзя считать маловероятным, учитывая ресурсы и потенциальные возможности страны. В его рамках возможны различные варианты: от развития с высокой степенью экономической и политической интеграции страны до развития, сопровождающегося дифференциацией единого пространства на зоны различного уровня жизни, тяготеющего к экономическим связям в меньшей степени друг с другом, а в большей — с зарубежными странами евроатлантического (европейская часть) и тихоокеанского (Сибирь, Дальний Восток) регионов. В последнем случае возможна трансформация России в конфедерацию самостоятельных регионов-республик.

Но во всех вариантах этого сценария страна будет тяготеть к воспроизводству экономического и социального развития Запада второй половины XX в., повторяя его в XXI в., тогда как другие страны уже будут реализовывать иные стратегии цивилизационного развития, формируя основы посттехногенной цивилизации. В таком случае Россия утратит статус страны, которая существенно влияет на мировые процессы, оставаясь во втором или третьем эшелоне движения к новому циклу цивилизационного развития человечества.

Наконец, *третий* сценарий связан с поиском устойчивого движения к информационному обществу как началу постиндустриальной цивилизации. Он предполагает выработку новой стратегии российских реформ, смену идеалов потребительского общества на систему ценностей, утверждающую престиж духовной и интеллектуальной сферы, развития культуры, науки, технологическую революцию, связанную с внедрением наукоемких, энерго- и ресурсосберегающих технологий, развития информационных технологий и т.д.

Стратегия реформ, если их рассматривать не в сегодняшней наличной ситуации, а с учетом исторической перспективы, должна ориентироваться именно на этот, наиболее благоприятный, но и наиболее трудно реализуемый сценарий.

Важными условиями его реализации является учет стереотипов и архетипов российского менталитета как своеобразного культурно-генетического кода Российской цивилизации и их возможностей трансформироваться в систему ценностей, необходимых для успешного постиндустриального развития.

Конечно, последний сценарий задает лишь самые общие контуры стратегии будущих российских реформ. Нужно отдавать себе отчет, что выбранный нами ранее путь создал весьма неблагоприятные условия для реализации этой стратегии. Но именно ее нужно иметь в виду при поисках тактических решений.

В.Ю.Царев

Не знаю, как у кого, а у меня первый доклад снял тяжесть с души. Я думаю, что докладчик совершенно ответственно все время говорил «мы, мы, мы». Вот теперь я вижу хотя бы одного человека, который открыто признает, что он во всем имевшем место участвовал и разделяет ответственность за результаты содеянного. Уже как-то легче, более-менее предметно. А так я думал — откуда это все на нас свалилось? И так, «мы» — это докладчик и еще кто-то из его поделщиков, единомышленников. Интересно, кто?

Ну, а теперь ответ прямо на вопрос «возможны ли у нас реформы хозяйственного характера, разумеется, благотельные реформы?». Мой ответ — ни под каким видом и ни в коем случае. Это первая часть. А вторая — слава Богу, конечно, что невозможны.

Почему они невозможны? Невозможны потому, что нечего реформировать. Когда один доктор теологии приколотил 95 тезисов к дверям одной церкви и после этого грянула Реформа-

ция, — этот доктор теологии полагал, что он ничего не преобразует; он лишь восстанавливает то хорошее, что когда-то было. Реформа — это восстановление, не преформа, то есть преобразование чего-то, а реформа. У нас восстанавливать нечего, потому что хорошего ничего пока не было. А то, что мы сейчас считаем хорошим с разными оговорками, то есть здоровая, уравновешенная хозяйственная система, — этого у нас не было никогда. Стало быть, в этом смысле, метафизически, **реформа у нас не состоялась, не могла состояться и никогда не состоится.** Во-вторых, когда говорят «реформа», то думают при этом по-русски, а именно полагают, что взойдет такой-то человек куда-нибудь на высокий холм, высоту надокрестную, оглядит все орлиным взором, созовет сподвижников, и они начнут все тут же переделывать-перелопачивать. То есть найдется группа людей, которая, сконцентрировав, собравши волю в кулак, всех остальных подвигнет на благодетельные хозяйственные подвиги. **Таких людей у нас тоже нет.** Сейчас из питерского песка извлекли головку какого-то «гадкого страусенка» и внимательно к нему присматриваются, ждут, что он совершит всевозможные чудеса. Но я думаю, что этот страус из той породы, который не несет яйца, а который яйца долбит. И поэтому и здесь нечего ждать. Может быть, найдется какая-то большая группа генераторов идей, которые все правильно сделают?

Недавно выступал по телевизору господин, если не ошибаюсь, по фамилии Явлинский, но я могу, конечно, и ошибиться. Очень он жалуется на новые власти, которые собираются увеличить социальные платы. И правильно, страна у нас, конечно, заелась, об этом и докладчик сейчас говорил, мол не по средствам живут люди, окоротить бы немножко надо. Я подумал в этой связи, что если люди, которых довели до состояния, можно сказать, форменного полураспада, — этих людей еще хоть чуть-чуть не подкормить, — то для кого тогда вообще все это делается? Кто еще что-либо в этой стране это будет делать? Вот хотелось бы взять этого человека, по-моему, Явлинского, потрасти по-дружески часа четыре и спросить: «а люди-то, люди-то, сукин ты сын, им-то что от этого всего будет»? Если все это так устроено, если все делается ради процентов каких-то, ради баланса между производством и потреблением, сырьем всяким, если все делается макроэкономически, то для конкретного человека ничего никогда сделано не будет. Российские «макроэкономисты» — это всего лишь навсего метабухгалтеры, они манипулируют цифрами, и за цифрами для них ничего больше нет. Но никто же не говорит, что,

скажем, все в мире электронов происходит по уравнениям Шредингера. Все происходит по внутренним законам, уравнения Шредингера лишь вредное их отражение. Все макроэкономические заклинания это не более, чем заклинания. Тем более, что на самом деле мир живет по хозяйственным законам, которые, на самом деле, вполне рациональны с точки зрения прежних хозяйственных моделей. Например, большая часть успешных стран огромную часть своего успешного хозяйственного развития проходят под знаком непрерывно растущего государственного долга. Это выглядит так, как бы общество, хозяйственный организм все время проедает больше, чем накапливает. Это, конечно, с точки зрения классической философии богатство выглядит как мотовство и транжирство. С точки зрения такой хозяйственной философии до сих пор непонятно, как можно было, следуя рекомендациям Дж. Кейнса, например, обустривать хозяйственные работы, не производя всякого благодетельного общественного продукта, который бы превышал расходы общественного продукта, добиваться общественного благосостояния. Никакой наличной теории, объясняющей такое существование совокупного хозяйственного тела, его благодетельную перегретость. Хозяйственные тела, особенно мировое хозяйственное тело, достигли такой гигантской массы, что выделяемая энергия никак не объяснима с точки зрения наличных теорий выделения этой энергии тепла. Тем не менее человечество обогрывается. Стало быть, эти расчеты насчет того, что не надо, скажем, расходовать больше, чем накапливаешь, нужно производить столько-то, нужно уравнивать ресурсы, эти все теории в чем-то глубоко ошибочны. Стало быть, нету и теории, которая бы подпитывала талантливых людей-реформаторов, буде бы они нашлись. Так что же делать? А ответ у меня на это дело русский. Мне и бабушка несколько раз в своей жизни это подсказывала, и я считаю правильно подсказывала. А ничего не делать! Спускать штаны и бегать, как говорится. Не нужно заниматься никакими реформами. Не нужно увлекать себя какими-то макроэкономическими шевелениями, не нужно заботиться о пяти, или о двух, или о семи процентах. Не нужно внушать себе мысль о том, что можно действительно в нужном направлении сдвинуть эту гигантскую систему. Она будет жить и она будет увлекать людей. В этом смысле делать ничего не надо, я не сомневаюсь. Разумеется, найдется всегда много людей, желающих командовать «грязь, едрена мать», когда молния только что блеснула. Но на самом деле это псевдокоманда, это псевдоуправление.

Нужно идти снизу. Я уже говорил как-то о том, что расширение спроса, ставка на бедные деньги, это необходимость. И эта необходимость как бы вычеркивает из расклада необходимость и возможность манипулирования финансовыми средствами, на чем строится вся без исключения реформистская, скажем так, программистика. Когда в больших странах типа Японии попытались, руководствуясь старым здравым смыслом, не трогая вещественных процессов хозяйства, заняться манипуляциями деньгами, они получили то, что они получили несколько лет назад, вспомните пресловутый азиатский кризис.

Нам сегодня дают кредиты на уплату нашего собственного долга. А если деньги будут давать, например, инвестиционно, под строгим условием, что они будут расходоваться на создание производств? Ведь об этом даже и разговора нет у людей, которые подпитывают идеями тех, кто сейчас вроде бы как бы стоит у власти. Между тем реальная деятельность, связанная с перемещением производств и с перемещением вещественной массы, это единственная деятельность, которая спасительна в условиях реального хозяйства. Говорить при этом, что, скажем, порог потребления в \$15 тысяч на человека — это недостижимый порог, мне кажется, этого говорить не следует, преждевременно говорить. Совокупный месячный национальный доход на душу населения Великобритании 19,9 тысячи фунтов стерлингов. Умножьте на 1,7, чтобы получить, сколько это в долларах. То есть совокупное производство на самом деле гигантское. А то, что говорят как о недостижимом у нас, это на самом деле не есть предел достижимого. Стало быть, речь идет о том, что нужно делать ставку как раз на зону рискованного хозяйственного поступка, тем более в нашей стране, где, как мне правильно напомнили, у нас все сельское хозяйство — это зона рискованного земледелия, кажется, так было сказано. Я могу сказать, что при этом, разумеется, ставится вопрос так называемого хозяйственного дирижизма. Но мне кажется, что этот вопрос снимается тем, что в мире не остается, даже имея в виду Соединенные Штаты, самостоятельных хозяйственных субъектов. В этом смысле потеря хозяйственного суверенитета — вещь неизбежная.

И как это будет происходить? — это будет скорее всего происходить как постепенное втягивание, а не рассасывание, втягивание людей, которые работают и которые потребляют в единый хозяйственный мировой производительно-потребляющий организм. Разумеется, от этого хуже будет только тем, кто хотели бы

обнести все загородкой и в этой загородке цвести и пахнуть и всеми править. Но я думаю, что это только мечта, это мечта гадких страусят, которым, я думаю, все-таки не дадут поклевать достаточно яиц, столько, сколько бы они хотели. Я на это надеюсь.

В.Г.Сироткин

Я хотел бы поставить проблему шире, в глобальном масштабе. Сейчас возникла довольно оригинальная ситуация. В прошлом году все крупные катаклизмы заканчивались глобальным международным соглашением. Напомню: тридцатилетняя война — Вестфальским миром в середине 17-го века; революционные наполеоновские войны — Немецким конгрессом 1814—15 годов; соответственно первая мировая война — Версальско-вашингтонским соглашением 1919—22 годов; вторая мировая война — Ялтинской, или точнее Ялтинско-хельсинкской системой 45—75 гг., когда даже спустя тридцать лет после окончания второй мировой войны еще раз были подтверждены сложившиеся границы.

Ныне никакого нового глобального соглашения, похожего на ялтинско-потсдамско-хельсинкское или тем более версальское, не заключено, что открывает простор для пересмотра каких угодно границ. Восточная часть рухнула — мировая соцсистема, СЭВ, Варшавский договор, СССР, — ничего не осталось, сплошь новые государства. Это выгодно прежде всего Соединенным Штатам Америки. На бумаге сохранена система биполярного мира, но одного партнера нет, есть только США, которые сохранили НАТО, и события на Балканах, в Сербии и Косово достаточно ясно показали, во имя чего это делается. Они сохранили всю свою прежнюю инфраструктуру. Заметьте, американцы не ликвидировали ни одной военно-морской базы, — ни одной с момента создания НАТО в 1949 году. Хотя, казалось бы, противника больше нет. Но не это самое главное: они сохранили доллар как основную валюту мира.

О том, что это дутая валюта, давно пишут, например, в интересной книге Пауля Фрица «Неминуемый крах доллара». В ней сказано, что 80% американских долларов находится за границей, в том числе и у нас. Реальная цена стодолларовой бумажки — 17 центов, и мы платим за 100 долларов сейчас около двух тысяч восьмисот — двух тысяч девятисот. С 1944 года, когда Рузвельт и Черчилль в Брэттон-Вуде договорились считать доллар эталоном расчета, резервной валютой, почти ничего не изменилось, американцы до сих пор цепляются за это, не отдавая себе отчета в

том, что они ставят под угрозу всю экономику мира. Не случайно в Конгрессе США работает сейчас специальная комиссия, которая пытается найти выход из ситуации гигантской инфляции, когда в мире скопилось в 25 раз больше денег, чем товаров. Подумайте, что произойдет с мировой экономикой, когда однажды откажутся признать доллары, которые находятся за границей, а там их, напомним, 80% от общего числа долларовой массы. Мы сидим на долларовой игле! Кому это выгодно? Это выгодно тем, кто вывозит сырье, кто наживается на бегстве капитала. Но представьте себе на секунду, что все это рухнуло. И что будут делать господа березовские и все остальные абрамовичи и мамыты с теми долларами, которые находятся в Европе? Здесь и встает вопрос: что нас ждет и что делать?

В выступлении Вячеслава Семеновича прозвучало три варианта возможного развития событий. Я бы их сузил до двух — плохой и очень плохой.

Плохой. Это — медленная стагнация, которая ведет к дезинтеграции России. Процесс дезинтеграции будет идти до мирового дефолта доллара, и тогда каждый спасайся как может, и все.

Что собирается сделать Путин? Мой личный прогноз. Лозунг он дал: «Мочить в сортире». Мочить кого? Он собирается усиливать государственную линию. Уже сейчас расставляются соответствующие кадры, в основном из спецслужб. Условно говоря, он пойдет путем Пиночета. Это приведет к изоляции Российской Федерации от Запада, в особенности, если доллар начнет качаться. То есть мы снова укроемся в своих необъятных пространствах. Это будет вариант не Сталина, а скорее вариант Николая Первого (вы помните, как и для чего он расширил колею железной дороги по сравнению с западными стандартами), период какой-то паузы для того, чтобы навести порядок внутри. Думаю, что возможен пересмотр итогов приватизации, а также тенденции усиления государственных регуляторов, восстановления каких-то планирующих органов. Вместе с появлением «Единства» мы вернемся вспять к принципу «народ и партия едины». Так что никакой демократии западного типа с честной конкуренцией и полемикой партий, гражданской политической борьбой — ничего этого у нас нет и быть не может. Все это можно виртуально смоделировать на телеэкране, нанять Павловского, Доренко, Киселева, которые и изобразят все в лучшем виде, заменяя и профанируя демократию политической дискотеккой для политических недоумков.

Н.М.Смирнова

По большому счету для того, чтобы понять, что у нас происходит, надо усвоить одну простую вещь: у нас западные методологии не работают в принципе — ни веберовская методология и его же теория рационального действия, ни социально-феноменологическая концепция понимания, и т.д. Почему так происходит? Потому что все они выражают ментальность модернистского сознания.

В России архетип восприятия социальной реальности очень сложный. Это причудливый конгломерат реликтов традиционалистского сознания, «недомодерна», который в значительной мере и есть традиционализм. Что такое «моральный кодекс строителей коммунизма»? Это некая мораль традиционного общества, выраженная другими словами. И постмодерн! Понимаете, у нас получается так, что не только бизнесмены или, скажем, деятели большой политики, не говоря уже о рядовом актере экономического процесса, не действуют сообразно обстоятельствам и не измеряют цели со средствами. Вот Валентина Гавриловна любит говорить, что люди сами по себе не плохи и не хороши, а они таковы, каковы обстоятельства. Я думаю, что применительно к России это не совсем так. У нас нет твердо установленных образцов социального восприятия. Поэтому, когда Бурдые говорит, что в современном постиндустриальном обществе борьба идет скорее за стиль легитимной перцепции, то есть за то, чтобы насадить определенное видение социальной реальности, — то у нас нет даже этого. Я не вижу конкуренции больших идей, идей стратегического масштаба. У нас ничего этого нет. И тем не менее, как ни парадоксально, я оптимистично смотрю на нашу ситуацию, несмотря на то, что только что сказал здесь профессор Сироткин.

Мой оптимизм основан на том, что структуры традиционалистского сознания, на которые опирались в свое время большевики, проводя послеоктябрьскую модернизацию — индустриализацию, коллективизацию и так далее, образуют куда более прочный сплав с сознанием постмодерна. Что такое культура постмодерна? Это ощущение усталости от модерна, который, безусловно, культурно-антропологически агрессивен и навязывает человеку свои ритмы. Функционирование техники ломает человеческие биоритмы, происходит обеднение социально-культурного многообразия. И потом, Запад устал от социальных и культурных технологий модерна. Это ощущение усталости от модерна реализовывается путем устремления назад, в архаику. Ну не

совсем в архаику, но, во всяком случае, в стремление восстановить многие утраченные ценности, свойственные традиционному обществу. Это момент, который у нас в литературе получил название «постмодернизация». У меня такое ощущение, что, не решив задач модернизации, мы в некотором смысле ближе к современности, чем страны — первые эшелоны модернизации. А они сейчас пытаются восстановить то, что у нас еще живо. Они реанимируют то, что у нас еще живет, — идеалы социальной справедливости, коллективизма, взаимопомощи и т.д. Когда шведы говорят, что они двадцать лет учились у нас сильной социальной политике, а мы вдруг взяли и отбросили сами себя на два века назад и догоняем Запад начала 18-го века; или, когда англичане празднуют тридцатилетие системы бесплатного медицинского обслуживания, тоже ссылаясь на наш опыт, я испытываю оптимизм. Я думаю, что сплав постмодернистского сознания с традиционалистским менталитетом образует весьма прочный сплав, который выведет нас, выражаясь языком синергетики, на устойчивый аттрактор развития. Я не знаю, как исходя из предложенных сценариев, что и каким образом надо конкретно сделать, чтобы восстановить, скажем, трудолюбие или стимулы к труду, сохранить страну, народ, культуру. Конкретных рецептов, я думаю, сейчас никто из нас не даст. Но я думаю, что у нас есть все основания надеяться, что это сделать возможно, потому что у нас, повторяю, еще живо то, к чему Запад сейчас стремится, пытаясь воскресить свое прошлое. У Запада не получается, получается уродливая карикатура, — это падение в неоархаику, неокочевничество, неотрайблизм. А у нас это все живет и мы можем осуществить задачи постмодернизации, минуя этот этап модерна, где мы всегда будем страной, догоняющей модернизации и мы всегда будем бежать в хвосте у развитых западных стран. И я думаю, что задача на сегодня — найти такие модели, в которых устойчивое развитие могло бы быть синтезировано с этими ценностями постиндустриализации, учитывая то, что все эти предпосылки для них горячо желаемое, а у нас — наличное. И в этом смысле я оптимист.

В.И.Данилов-Данильян

Ощущение, что мы заблудились, характерно для нашего национального сознания на протяжении нескольких десятилетий. Это ощущение становится достоянием все более и более широких масс, и процесс этот идет непрерывно. Поэтому я согласен с

господином Царевым, когда он призывает не увлекаться процентами. Он прав по той простой причине, что экономические измерители на самом деле, как должны понимать все экономисты, измеряют некую виртуальную реальность, а совсем не ту, в которой мы живем. И те, кто внимательно присматриваются к этой действительной реальности, прекрасно понимают отличие ее от виртуальной реальности. Многие из того, что сегодня здесь в чисто экономическом анализе было сказано, с моей точки зрения должно быть отнесено именно к области виртуальной реальности. Скажем, тезис о том, что достижение социокультурной идентичности может быть достигнуто только на базе повышения уровня жизни. Между тем в истории можно без всякого труда найти примеры, которые свидетельствуют о прямо противоположном — о том, что общность достигала своей социокультурной идентичности в период кризиса, а не монотонного, хорошо обеспеченного и сытого существования. Эти мои слова ни в коем случае не нужно трактовать так, что нужно стремиться к маргинализации и к углублению кризиса для того, чтобы население обрело свою идентичность. Избави Бог, мы и так уже прошли все уровни, которые априорно обозначались как уровни дна. Мы их безусловно прошли. Но и так однозначно связывать обретение социокультурной идентичности с устойчивым пятипроцентным ростом — тоже не надо. Или, например, тезис о русской общине, который для меня миф, и притом очень вредный. Мы ведь все время только и демонстрируем свою полную неспособность к самоорганизации и самоуправлению на уровне общины. Так что мы имеем в виду, выдвигая ее как какую-то вневременную национальную ценность? Мне, например, это непонятно. В странах, где об этой самой общинности и речи никогда не заходило, прекрасно научились управляться с проблемами, которые на уровне общины как раз и возникают. Может быть, я несколько приземляю проблематику, но согласитесь, что этот вопрос существует.

Вообще все правильные слова и понятия, например все рассуждения о справедливости, хороши для какого-то виртуального пространства, в котором отсутствуют внешние ограничения. Как только вы вводите внешние ограничения, все рассуждения о справедливости летят к черту, и никак не ближе. Сошлюсь на конкретный пример. Махатма Ганди после обретения Индией независимости, отвечая на вопрос какого-то дурного корреспондента, высказал очень глубокую мысль. Вопрос был такой: вот теперь Индия обрела независимость, так сколько лет понадобится, что-

бы независимая Индия достигла уровня благосостояния в метрополии, т.е. в Великобритании? Ответ был такой: *для того, чтобы достичь своего уровня благосостояния, Великобритании понадобилось ограбить полпланеты. Сколько же планет должна ограбить Индия с ее населением для того, чтобы подняться до этого уровня?* Это 47-й год! Вот пример удивительного прозрения. Но это прозрение как то остается вне поля зрения тех, кто занимается реальной экономикой.

Профессор Сироткин свое выступление начал с того, что мы попали в «долларовый капкан», что доллар неизбежно должен рухнуть и что из этого должно произойти. Я прекрасно знаю о том, что как только на каком-нибудь форуме произносятся слова о неизбежном падении доллара, сразу находятся люди, которые начинают старательно доказывать, что доллар вечен, и он не упадет никогда. Но вечного ничего нет. Я думаю, Бреттон-Вудские соглашения рухнут в довольно близком будущем. Что с нами может произойти после этого — достаточно серьезный повод для создания сценарных разработок.

В вопросе связи между падением производства и падением потребления в России счет надо начинать не с 92-го года, а уж по крайней мере с 88-го. Объяснение здесь простое — наше производство представляло собой хорошо организованную систему марштинского труда. Это была мощная производственная система, которая работала не на потребление, а на что-то совсем другое. И разрушаться она начала еще с середины 80-х годов, прежде всего в тех частях, которые с потреблением были связаны весьма косвенно. Известно, что сельское хозяйство в Советском Союзе жило исключительно благодаря бюджетным вливаниям, источником которых были нефтедоллары. Почему сельское хозяйство в годы перестройки постигла столь печальная судьба? Да очень просто — потому что нефтедолларов на сельское хозяйство стало катастрофически не хватать. Они направлялись в другие сферы. Поэтому рассматривать сельское хозяйство как источник для развития каких-то других секторов народного хозяйства неправомерно и просто бессмысленно.

Насчет того, что же у нас произошло с приватизацией и с либерализацией цен. У меня был такой незабываемый разговор с Егором Тимуровичем Гайдаром в самом конце октября 1991 года. Я приехал в Сосенки и получил приглашение в формируемое российское правительство. Я сказал, что прежде чем принять приглашение, я все-таки должен что-то услышать о программе этого

правительства. Мне было сказано: либерализация цен как первый пункт. Я на это ответил, что, с моей точки зрения, либерализации цен должна предшествовать демонополизация, потому что отпущенные цены в условиях полностью монополизированной экономики приведут к дикому абсурду, и, во-вторых, безусловно, приватизация, но чрезвычайно аккуратная. К этому времени вышла уже у меня книжка, которая называлась «Бегство к рынку», где, в частности, было сказано, что раздача социалистической собственности народу никак не должна рассматриваться в качестве компенсации за пережитые им за семьдесят лет несчастья. И уж во всяком случае идея ваучеров не может быть положена в основу серьезной программы реформ. Я полагал, что приватизацию хорошо сделать нельзя, но сносно ее сделать все-таки можно через механизм, аналогичный аренде. Но аренда к 91-му году не оправдала себя благодаря дурному управлению арендными отношениями и т.д. Так вот, Егор Тимурович мне сказал: да, да, конечно, здесь совершенно ясно, демонополизация, во-первых, аккуратная приватизация, во-вторых, и только после этого либерализация цен. Я с этими доводами согласился, а 12 ноября на заседании нового правительства Российской Федерации было объявлено, что первым шагом, начиная с 1 января 1992 года, будет либерализация цен.

Долго и мучительно рассуждая на эти темы, я пришел к выводу, что это не было сделано по неведению. Я думаю, что главная цель была не допустить реставрации коммунизма. Такова была главная цель. И те, кто принимал это решение, вопреки всей социальной логике, кто настаивал на этом решении, они прекрасно понимали, к каким экономическим последствиям это может привести. Они, может быть, ошибались в сроках, в масштабах, в разных других параметрах, которые в тот момент можно было воспринимать в качестве количественных. Но они, безусловно, предполагали, что это приведет к весьма болезненным последствиям. Но другого способа предотвратить реставрацию они не видели, и поэтому пошли на этот шаг. Масштабы и последствия того, что произошло, оказались, конечно, гораздо глубже, что Вячеслав Семенович заметил и отметил абсолютно точно. Ведь ясно было, что субъект рынка не может возникнуть по приказу Президента Российской Федерации. Субъект рынка — это собирательное понятие, за которым стоят многие десятки тысяч активно действующих экономических агентов, акторов, как тут говорят.

Тезис о том, что состояние постмодерна может быть даже ближе нам, чем бесконечно рассуждающей об этом состоянии элите на современном Западе, воспроизводит старую нашу установочку «обогнать, не догоняя». Когда говорят, что «кривая вывезет», всегда предполагают, что все идет по кривой, а мы по хорде проскочим. Может быть, в этом и есть некая правда, которая позволит нам достичь социокультурной идентичности без пятипроцентного роста, но у нас шансов на это не очень много.

В первый сценарий Вячеслава Семеновича я не очень верю. Совсем не потому, что я оптимист. Я просто не верю в то, что мы можем представлять великий соблазн для остального мира даже в качестве сырьевого придатка. Так что можете считать это суперпессимизмом.

Об упованиях на научно-технический прогресс. Единственное, что научился делать научно-технический прогресс — справляться с дефицитом ресурсов. Не более того. На одном газе мы очень долго не проживем, это совершенно ясно. С газом начнет происходить то же самое, что происходит с нефтью уже двадцать лет. Я не знаю, через сколько лет это начнет происходить с газом. Все более и более намечается переход от невозобновимых к возобновимым источникам энергии.

В заключение я вернусь к тому, с чего начал. Ощущение того, что мы заблудились, давно уже нас не покидает. Но если рассматривать Россию в мировом контексте, то нужно признать, что заблудилась не только Россия в этом мире, но и мир весь заблудился. Весь контекст заблудился. Мы заблудились вовсе не в английском или французском парке. Заблудились-то мы на самом деле в совершенно дремучей мировой тайге. Рассуждения о хорошем и спокойном экономическом росте в принципе отжили свой век. Никакого экономического роста в конечном счете больше не будет. Только виртуальный рост возможен благодаря манипуляциям с экономическими измерителями. Реального роста быть не может, если иметь в виду валовой мировой продукт. Просто по той причине, что каждый процент этого роста приближает мир, и с очень высоким темпом, к экологической катастрофе.

Конечно, отдельные точки роста в этом мировом дремучем лесу не исключены, не исключено, что это будет и Россия, но пять процентов на протяжении пятнадцати лет нам не грозят. Я это абсолютно точно говорю, просто исходя из экономического анализа. Но каждый процент роста мирового продукта, я повторяю это еще раз, приближает человечество к экологической катастрофе.

А.Р.Белоусов

Сначала по поводу цифр. Многие, не владеющие культурой экономического расчета, методами статистики, математического моделирования, пытаются генерировать некие суждения гуманитарного характера. Цифры им просто мешают и они будут говорить, что цифры плохие. К Виктору Ивановичу это, безусловно, отношения не имеет. Я принадлежу к школе А.И.Анчишкина, которую продолжил В.Еременко, все мое воспитание в этой части построено на той мысли, что цифра — это не более чем модель реального процесса. Если вы хотите работать с цифрами, вы должны прекрасно понимать, что они с той или иной достоверностью отражают реальный процесс. Отсюда столь высокая значимость балансовых методов, отсюда столь высокая значимость прогноза и так далее.

В советское время данные по балансу денежных доходов и расходов, которые полностью охватывают все показатели доходов, расходов, товарооборота и так далее, отличались от данных бюджетных обследований на 3–5%. А сейчас по некоторым показателям различие двукратное. Понятно, что эти различия статистическими способами преодолеть невозможно. Нужно разрабатывать модели с какими-то встроенными способами верификации результатов, чтобы преодолеть такие расхождения и неточности. Поэтому я не разделяю такого отношения к цифрам, просто с ними надо умеючи работать. Это первое.

И второе — что касается пятипроцентного роста. Я тоже считаю, что пятипроцентного роста достичь нам невозможно. Максимум, на что мы можем рассчитывать, это 3–4 процента. Но аргументации Виктора Ивановича я просто в данном случае не понимаю, потому что доля России в мировом хозяйстве совершенно микроскопическая, если мне память не изменяет, всего процентов пять, может быть, три. И поэтому может быть любой рост, мировое хозяйство его просто не заметит в силу микроскопичности орбиты. Дело-то не в том, что мир так не может расти, дело все в том, что мы так расти не можем в силу определенных ограничений, о которых я говорил.

И последнее, очень кратко насчет уровня жизни и проблем идентичности. Дело все в том, что здесь связь, конечно, не столь проста, как пытался интерпретировать Виктор Иванович. Для меня проблема уровня жизни на самом деле это чисто конструктивная проблема. Дело все в том, что нам необходимо создать не-

кий каркас устойчивости. Этот каркас устойчивости, на мой взгляд, — треугольник, одной вершиной которого является государство. Но вся штука состоит в том, почему нужно государство? Потому что иначе мы не можем обеспечить устойчивость собственности. Источником легитимности собственности, которая у нас сейчас есть, может быть на самом деле только государство. Но в рамках социального контракта, который у нас сейчас есть, просто в силу того, что у нас больше половины населения до сих пор живет в ожидании большего государственного патернализма, если мы не решим проблему уровня жизни, мы не сможем обеспечить общественную поддержку, общественный фундамент устойчивости государства. В этом смысле я рассматриваю уровень жизни как краеугольный камень идентичности. Достойная жизнь, личное достоинство, достоинство страны — вот почва для обретения идентичности, основанной на самоосознании и самоуважении.

В.С.Степин

Я хочу пояснить относительно первого сценария, который я обозначил. Дело в том, что когда я говорил о бытии России в качестве сырьевого придатка мирового рынка, я имел в виду следующее. Не мировой рынок востребует это от России, а просто мы пока ничего другого предложить-то и не можем. Что реально мы даем на мировой рынок? Газ, нефть, цветные металлы, лес. Это основная доля нашего экспорта. Это все сырье. И оружие. Вот что я имел в виду. Это та реальная тенденция, которая сейчас есть, и более того, я совершенно согласен с тем, что Виктор Иванович говорил, и отсюда следует, что этот сценарий, еще более худший, чем может показаться на первый взгляд, поскольку чем меньше мировой рынок будет нуждаться в этих ресурсах, тем более плачевным будет наше положение, если мы не сумеем как-то развить высокие технологии. Так что тут у нас точка зрения скорее общая.

А.И.Калганов

Мне кажется, Андрей Рэмович правильно зафиксировал нашу социальную ситуацию: надо накормить тех, кто недокормлен, и тогда, может быть, они задумаются о чем-то общенациональном, а не только о выживании, как сейчас. Но прав и Виктор Иванович, считая, что каждый процент роста материального производ-

ства приближает мир в целом, и нас вместе с ним, к очень неприятным последствиям с точки зрения экологической сбалансированности.

Хотя, конечно, «задние всегда хотят того, что и передние», и очень многие страны пытаются выйти на дорогу ускоренного промышленного роста, реализовать этот сценарий всем не дано. Поэтому битва за вхождение в клуб развитых стран будет идти все более и более ожесточенно, потому что *все* туда ни за что не попадут. И более того, *многие* туда ни за что не попадут, а попадут единицы в лучшем случае, да и то, за счет того, что, может быть, кого-то удастся оттуда вытолкнуть. Для нас тогда остается достаточно узкий коридор возможностей для более или менее сносного существования. Очень узкий. Потому что следовать той хозяйственной инерции, которая сложилась, это значит продолжать идти по пути деградации экономики. Эта экономика будет, может быть, более экологически безопасна, но только за счет сокращения объемов производства, больше ни за счет чего. Просто за счет того, что мы будем производить меньше, а жить хуже. И то, что эта экономика будет, может быть, более экологически безопасной, не сделает нашу жизнь более качественной. Потому что мы будем жить более экологически безопасно, но будем иметь меньшую продолжительность жизни и все прочие, связанные с этим, прелести. Кладбищенская благодать как символ торжества экологизма. Кстати, первобытный человек жил в очень равновесном мире, но средняя продолжительность жизни у него составляла 20 с небольшим лет.

Что же делать в сложившейся ситуации? Форсировать промышленный рост — это значит в стратегическом смысле вступать на совершенно нерациональную и даже тупиковую дорогу. Не форсировать промышленный рост — это значит постепенно ползти по той дороге деградации, по которой мы ползли до сих пор. Причем эта деградация началась, конечно, не в 91-м и не в 92-м году, она началась гораздо раньше. Но известные события ее пришпорили. Если в рамках инерции сложившейся системы воспроизводства нас ничего хорошего не ожидает, то выход только один: рамки эти надо ломать, значит, совершать не реформы, а революцию. Потому что невозможно обойтись без крутой ломки отношений собственности, системы мотивации хозяйственной деятельности, системы государственного устройства, так как при нынешнем государственном аппарате никаких позитивных перемен ожидать не приходится. Безусловно, без технологической

модернизации производства мы не сможем ни сократить ресурсоемкость производства, ни увеличить потребление, ни добиться каких бы то ни было других позитивных результатов. Для этого у нас нет источников накопления инвестиционных ресурсов. Откуда их взять? Ликвидировать отток капитала за рубеж путем контроля за этим оттоком вряд ли удастся. Можно сделать только одну вещь: не давать вообще аккумулировать средства, которые можно вывезти, тем субъектам, которые заинтересованы в вывозе. А еще лучше ликвидировать таких субъектов, заменить их другими. Когда мы говорим о замене социального субъекта, это вовсе не означает замену одних людей другими в физическом смысле. Потому что, например, многие лица, скажем, из нынешней администрации, весьма способные администраторы. Если их энергию канализировать в мирных целях, что называется, то они вполне могут выполнять полезные функции.

Вторая проблема. Для количественного наращивания потребления мы имеем очень устаревшую производственную базу. Если эту производственную базу использовать, как совершенно правильно заметил Андрей Рэмович, то мы будем производить неконкурентоспособную продукцию. Это правильно, но другой продукции мы сейчас производить не можем. Пока. И пока не можем, лучше будет производить эту, потому что она может войти во внутренний цикл расширенного воспроизводства. И внутри она будет пользоваться спросом. Но для этого нам нужна определенная и достаточно высокая степень автаркии и протекционистская защита внутреннего рынка. Придется пока заставить поработать эти изношенные, устаревшие, технически деградировавшие производственные фонды, и использовать возможности расширенного воспроизводства, которые они дают, для модернизации экономики. Разумеется, современные технологии при этом будут расти у нас в очень узких полосах, потому что во внутренних возможностях для развития высокотехнологичного производства у нас очень мало. Следовательно, выход в этом отношении может быть найден только в иной комбинации мер и хозяйственных связей России. Единственный мыслимый для меня путь такой комбинации — это комбинация нашего достаточно пока еще высокого образовательного потенциала и определенных сохраняющихся еще остатков традиций в области фундаментальных научных исследований с промышленным потенциалом новых индустриальных стран.

Безусловно, мы можем обеспечить только более низкий объем потребления, нежели современные высокоразвитые страны. Но, как ни парадоксально, при более низком объеме потребления мы можем обеспечивать более высокий его уровень. Каким образом? За счет двух факторов. Во-первых, за счет сокращения дифференциации потребления. Это сразу будет означать увеличение уровня потребления для значительной части населения и сокращение уровня потребления для незначительной части населения. Во-вторых, уровень потребления будет оцениваться самим потребителем по иным критериям, нежели его объем. Речь идет о вытеснении вечных потребностей постматериальными потребностями, в том числе и потребностями в экологической безопасности как одной из ключевых. И в этом плане есть возможность, все-таки, обойти Запад на кривой, не по объему перерабатываемых ресурсов, а как раз по достижению альтернативных целей.

Реализуема ли такая стратегия? Вот здесь я, к сожалению, выгляжу пессимистом. Хотя абстрактно я могу выстроить такую схему и такой прогноз, но в настоящее время я не вижу социального субъекта, который был бы способен эту стратегию реализовать. И как найти выход из этого противоречия, я пока не знаю.

В.Г.Федотова

Мне хотелось бы не согласиться с Царевым, который видит в Андрее Рэмовиче певца реформы. Его схема, конечно, упрощенная, причем настолько откровенно, что я просто поражена. Если мы зададимся вопросом, а где живут эти 50% населения, которые внизу ожидают государственного патернализма, то самый краткий способ ответить на него, это повернуть схему по часовой стрелке и поставить в самый низ вот эту обрабатывающую отрасль сельского хозяйства. Тогда получится полное тождество. Мои претензии к автору доклада состоят в том, что он не видит, что эти 50% уже никакой помощи от государства не ждут, а ждут лишь, чтобы их не грабили, чтобы выдавали зарплату, и не они являются единственным источником криминализации, а что криминализация живет в каждом этом слое, она сквозной продукт этих преобразований, которые, если говорить грубо, осуществились за счет народа. Я недовольна и тем, что брошенный тезис о центральной проблеме идентичности так и не получил развития. Мне кажется, в модели, представленной Вячеславом Семеновичем, это сделано более адекватно. С моей точки зрения, первая модель —

это модель развития третьего мира, вторая модель — это наше возвращение во второй мир, в российский, советский, как бы догоняющий эту модернизацию. А третья модель — это модель нашего вхождения в первый мир. Но так ли мы свободны для того, чтобы планировать любое из возможных вхождений? Мне кажется, что вопрос о том, хотим ли мы быть третьим миром в плане нашей идентичности, является основополагающим для решения всех вопросов. Есть такая теорема Томаса, в которой говорится, если нечто воспринято как реальное, то оно реально и в своих последствиях. Я берусь доказать, что рассмотрение СССР как третьего мира и привело к этому типу реформы.

Помните, мы говорили, Верхняя Вольта с ядерными ракетами, мы говорили, что мы ненормальная страна, что нормален Запад, в то время, как Запад составляет 10% мирового населения и является уникальным. Мы называли себя совками, лохами, мы подвергли уничтожению самоуважение населения. И к чему это привело? Какая все-таки экономика у нас возникла? Государственно регулируемая или рыночная, как нам представляли существующий расклад? Сейчас есть убедительнейшая работа, написанная сторонником реформы, но критиком того, как она проходила. Что мы получили эксплоярную экономику, ту, которая не является ни государственно регулируемой, ни рыночной экономикой. Это неформальная, теневая, невидимая, и прочая, и прочая экономика, где существует скорее рефеодализация, натурализация, чем какой-то переход к этой «невидимой руке». (Под редакцией Шанина Теодора книжка.) Если использовать эту методологию, спросим «а какой у нас порядок?». Он у нас какой — тоталитарный или демократический? На мой взгляд, он не является ни тем, ни другим. У нас тоже существует, я называю его анархическим, эксплоярный порядок с его тремя признаками: слабостью центральной власти, слабостью институтов, отсутствием коллективных представлений, то есть идентичности. Это не хаос, но порядок анархический, и мне кажется, если мы поставим вопрос «а какой мы построили капитализм?», то мы получим ответ, что мы построили автохтонный местный капитализм, где вместо свободы — воля, где вместо экономических интересов — страсть к наживе, где вместо некоммерциализации общественных отношений — бартер (Явлинский привел цифру: в 1991 году бартер был 4%, сейчас — 84%; какой бюджет? какие налоги?). И, конечно, впереди перспектива авторитарного режима, потому что из анархии демократия не вырастает. Почему она не вырастает? Потому

что анархия приятна людям, которые живут без государства и желают жить без государства, и не хотят никакого государства — ни демократического, ни коммунистического. Следовательно, государство опирается на слои, которые только тому и рады, что могут (это средняя линия, это макросхема) жить без помощи этого государства. И когда я спорила с Макхоллом, есть такой специалист в Колумбийском университете, что нет у нас демократического порядка, у нас анархический порядок, он улыбнулся и сказал: но зато у вас не будет коммунизма.

Что произошло? Я десять лет была критиком этого режима, была против этой модели. Против той модели, где слой, осуществляющий реформу, удовлетворен функционированием капитала и не желает заботиться о социальной субстанции, которая есть. Мы накормим, наверное, страну, при всех трех моделях. Но хотим ли мы быть страной третьего мира? Вот Шанин, методология которого мне очень импонирует, совершенно непонятен мне, когда он пишет «мы то же самое, что Бразилия». Я работала в Турции, и там турецкий профессор мне говорил: у вас есть Лев Толстой, у нас нет, мы не сумеем потянуть так, как вы. В Париже мне сказал один человек в книжном магазине: «вот, мол, Покрова на Нерли много лучше, душевнее, чем Нотр-Дам де Пари». Я тоже изумилась. Один американский профессор, уж такой прагматик и холодный человек, сказал: «в душе каждого человека живет Алеша Карамазов». Израильский профессор сказал, что Россия в Израиль поставила такую образованную публику, что мы перестали быть страной Востока, мы стали западной страной. Почему же мы сбрасываем нашу культуру, которая нас отличает от Бразилии, науку 20-го века?

Л.И.Булавка

Я буду говорить не о государстве, потому что сегодняшнее государство показало, что оно защищает корпоративные или частные интересы, идя на все, что угодно. И я убедилась в этом, побывав на днях в Выборге, на целлюлозно-бумажном комбинате, где власть не побрезговала, причем руками спецназа «Тайфун», стрелять в рабочих, брать их в заложники и избивать, в том числе женщин, и бросать людей в работающие промышленные холодильники. Я буду говорить о рабочих, и могут ли они быть субъектом, носителем интереса российского социума как некоего целого.

События осени прошлого года остались почти незамеченными, а между тем рабочее движение, начиная с времен шахтерских протестов, переросло в новое качество. Оно перестало быть стихийно протестным, в чем я убедилась, побывав этой осенью на шести предприятиях нашей страны — в Рязани, Туле, Выборге, Питере и др. Рабочие показали, что прошедшие годы не прошли даром. Ответов на самые жгучие вопросы жизни, конечно, пока нет. Но некоторые контуры стали проявляться. Рабочие считаются с законом, по крайней мере с уголовным, и, захватывая власть на предприятиях, первым, что делали рабочие, создавали дружины. Не для того, чтобы охранять себя, а чтобы охранять оборудование. Например, в Выборге на металлическом заводе. Имея невыплату заработной платы за несколько месяцев, рабочие, взяв власть на предприятиях, требовали в первую очередь не заработной платы, а решали вопросы (как в Ясногорском машиностроительном заводе) долгов, т.е. кому они — предприятие — в первую очередь должны, внешним кредиторам, государству и так далее.

Почти никто из рабочих не состоит в партиях. При этом везде говорили почти одно и то же про Зюганова. Как же так, говорили они, мы защищаем идеологию Зюганова, а Зюганов ни в коей мере нас не поддерживает. Отделяя его от коммунистической идеи, они не считают Зюганова коммунистом.

Но при этих, казалось бы, чертах, уже не стихийно протестного движения, все еще очень сильно наследие прошлого. Периферия этого рабочего движения очень пассивна. Она делегирует свои права лидерам рабочего движения. Существует разрыв между лидерами, активом, и периферией рабочего коллектива. Появляется недоверие. Этим пользуются обычно криминальные структуры.

Этой осенью рабочие одержали целую серию побед на своих предприятиях. Это движение возникло не на просто экономическом интересе, на требованиях «дайте деньги», оно возникло из качественно иной потребности — «быть субъектом экономической политики, управления». Когда в Выборге избивали рабочих, их избивали за то, что они посягнули считать себя личностями, имеющими права и защищающими их. Вот этот новый интерес быть субъектом экономической политики и обеспечивает победу. Но эти победы начинают растаскиваться лидерами, партийными структурами. И не какими-нибудь, а претендующими быть рабочими, коммунистическими.

И теперь заключение. Что будет дальше с этим качественно новым альтернативным, а не просто протестным, — рабочим движением? Судьба, на мой взгляд, будет в моем представлении сле-

дующей. Либо их все-таки сомнут, перекупят... Деньги как универсальная технология политики, экономики, в том числе подавления рабочего движения, сыграют свое дело, и подорвут изнутри рабочее движение, и это уже происходит. Либо рабочие, продолжая сопротивление, научатся отстаивать свои интересы, и тогда будут уже использовать себя как товар на рынке труда. И тут же я подумала: не станет ли тогда это рабочее движение дополнительной опорой капитализации страны? И в то же время «Я не хочу быть товаром на рынке». Это уже протест против капитализации. Что будет дальше? Сумеет ли это движение опереться не на государство, — государство это враг, — они это осознают очень сильно, но опереться на общество, в том числе на нас? Не знаю.

А.Е.Городецкий

Я очень сочувствую Андрею Рэмовичу в том плане, что его высокопрофессиональный и выверенный взгляд на сложнейшие проблемы российской экономики не находит должного понимания и соответствующего отклика в аудитории. Это отчасти объяснимо, поскольку в ней доминируют не экономисты. Но меня, честно говоря поразило выступление как раз экономиста, и в некотором роде даже правительственного экономиста. Речь идет о выступлении В.И.Данилова-Данильяна. Много в его суждениях вызывает желание поспорить, но я хотел бы обратить внимание на одно обстоятельство. В чем суть эпизода разговора с Е.Гайдаром и его последующими действиями в качестве главы правительства? Гайдар, оказывается, вполне понимал, как и с чего надо начинать реформы, но сознательно пошел на концептуально неверный вариант, исходя из соображений обеспечения необратимости проводимых реформ. Если по простому, то его действия по отношению к стране, населению представляли собой экономические реквизиции и экзекуции, которые в пределе окончились расстрелом парламента в октябре 1993 года. Причем не надо сводить последний к ошибке двух ветвей власти, амбиций политических лидеров. Из политиков в данном случае почти никто не пострадал. А вот люди, которые вышли на защиту Верховного Совета, более того, на защиту своих интересов, своего гражданского достоинства, — получили по полному счету. Значит, власть сознательно шла на исключительные варианты экономического развития, деморализацию народа, деклассирование целых социальных групп и слоев, превращение людей в «рыночную пыль», исходя из весь-

ма специфического понимания ею политической целесообразности. Такой безбрежный цинизм тех, кто претендует называться национальной элитой, впечатляет. Самое главное, что полезный эффект этих действий, помимо консервации ельцинизма, нулевой. Мы вот уже десять лет не можем расхлебать последствия разрушения экономики, деградации государства и общества.

И сегодня та же генерация политиков-либералов находится у кормила власти, определяет пути развития реформ, принимает далеко идущие решения. Греф-реформы по существу означают второй заход, вторую попытку радикальных реформ после того, как наметившийся было поворот после премьерства Е.М.Примакова в определенной степени стабилизировал экономику, кое-где создал возможности экономического роста. Вообще-то новая фаза реформ, собственно программа Г.Грефа требуют серьезного, обстоятельного обсуждения, более того, профессиональной экспертизы. Но самый дух его концепции, направленность экономической политики внушают изрядный скепсис в их результативности.

Я целиком и полностью поддерживаю мысль Андрея Рэмочича о том, что успешные реформы невозможны без обретения идентичности. Это вовсе не парение в философских эмпирях. Это важнейший экономических вопрос, связанный с механизмами целеполагания и стратегического планирования, формированием новых мотивационных механизмов, структурирования системы интересов. Я осмелюсь утверждать, что национальная идентичность, национальный интерес и экономический успех органично и непосредственно взаимосвязаны. Нет и не будет экономического успеха там, где отсутствуют два первых компонента.

И два слова о глобализации. В восприятии глобализации, на мой взгляд, присутствует какой-то странный фатализм. Я думаю, надо развести понятия объективного процесса глобализации и той ее парадигмы, платформы, на которой она сегодня целенаправленно и вполне регулируемо развивается под патронажем США и их геополитических партнеров. Да, это моноцентричная глобализация. Да, она, отражая интересы ведущих западных держав и транснациональных капиталов, стремится опрокинуть национальные и даже региональные (геополитические) границы. Но надо иметь в виду, что *экономическое естество не терпит монопольного доминирования*. И, объективно, полицентричная модель глобализации в большей степени соответствует как объективным реалиям мировой экономики, так и интересам государств и регионов, не входящих в «золотой миллиард». Для России очень важ-

но самоопределиться, выработает ли она собственное видение своего места в происходящей глобализации, выстроит ли она соответствующие геостратегические концепции глобализации, за реализацию которых стоит побороться. В противном случае мы и дальше будем под руководством современных гегемонов монополярного мира ускоренным маршем выдвигаться на периферию современного мирового экономического порядка.

Е.А.Никифоров

На мой взгляд, программа, которая была заложена в российском обществе, реализовалась к осени 98-го года. И дальнейшей перспективы российский социум как целое, как социальная культура и идентичность уже не имеет. То, что говорилось здесь в этой очень интересной дискуссии, да, собственно, и то, что сейчас вообще пишется в литературе, показывает существование трагического противоречия. С одной стороны, констатируется как факт, что те экономико-социальные связи, которые сейчас представляет собой российский социум, стагнируют, практически распадаются. Экономика России не экстраполируется, нет ни высокого благосостояния, ни пятипроцентного роста. Дело даже не в том, что процесс, который мы наблюдаем, можно рассматривать как трагедию. Идет процесс распада живой социальной ткани, который, слава Богу, еще не приобрел катастрофического характера, а могло бы быть и наоборот. Он идет постепенно. Та последняя программа, которая была реализована, закончилась крахом. Новой программы нет. С одной стороны, констатируется трагизм ситуации и в сфере материальной, и в сфере социальной. Что же касается сферы личностной, духовной, то выборы и все, что с ними сопряжено, показали прогрессирующий распад связей нравственных, личностных. Что же делать? Я думаю, все прогнозы, которые предлагаются, в том числе и здесь, не имеют перспективы. Для того, чтобы снять это противоречие между прогнозами, которые основываются на признании России как некоей целостности, нужно, видимо, отказаться от самого этого подхода. Надо найти мужество психологически себя перестроить и признать как факт, что Россия как некая социокультурная идентичность закончилась, что уже идут процессы ее распада. Все прогнозы то ли спасения, то ли просто оценки перспективы и соответственно возможного вмешательства должны исходить из этого. Нужно искать какие-то оптимальные пути и варианты, предлагать какие-то про-

граммы, которые позволяли бы с наименьшим трагизмом решать жизненные проблемы, но уже решать их не на уровне государственном, не общества как целого, не на уровне всей России, а на уровне той совокупности социумов, в которую она теперь постепенно преобразовывается.

Я бы здесь хотел затронуть еще один аспект и сюжет, который внушает определенный оптимизм. Я имею в виду процесс глобализации, который не был затронут. А здесь происходят важные и интересные вещи. Дело в том, что общество, социум, или социальная субстанция, если угодно, переживает *метареволюцию*. Дело в том, что концепция развития описывает не только развитые общества, но и развитие материи, материальной субстанции в целом. Было у нас вещество, вещество породило биологическую форму, причем есть определенное их соотношение. Биологическая форма включает в себя вещество в снятом виде, а сама становится средой биологической формы. Затем появляется социум, социальная субстанция, которая включает в себя биологическую форму в снятом виде, и она сама становится средой существования социума, социальной культуры. Сейчас происходит очередной переход от одного состояния субстанции к новому состоянию, и это уже вневременным существованием не описывается. Я имею в виду в данном случае информационную революцию. Информационная революция — это уже революция не социальная, это, если угодно, — суперглобальная революция. Что получается? Мы сейчас наблюдаем процесс генезиса, или генерации нового состояния субстанции. Причем социальная форма, мы об этом можем говорить уже сейчас, включается в снятом виде в этот новый способ бытия. А социум становится средой этого информационного поля. Стало быть, раз мы становимся средой, а человек перестает быть царем природы, видимо, уже это информационное поле и будет определять состояние социальной формы. Это произойдет уже в ближайшее время, поскольку здесь действует закон сходящейся прогрессии. Видимо, где-то в ближайшее время проблемы социальные в какой-то форме или в каком-то виде будут решаться таким глобальным способом.

А.Р.Белоусов

Я хотел начать с неких ощущений по поводу распада. Честно говоря, ту картину, которую нарисовали некоторые дискуссанты, — она, конечно, достаточно мрачная, и в этом смысле я пре-

красно понимаю, что те сценарии, которые действительно сейчас просматриваются, они в каком-то смысле тупиковые. Но я должен сказать, что лично у меня не возникает ощущения того, что мы живем сейчас в состоянии распада и тем более что все безнадежно и пессимистически черно. Во-первых, я должен сказать, что мне просто по роду деятельности приходится довольно много общаться с директорами. И буквально в последний год я замечаю колоссальный перелом настроения. Раньше, скажем, до 98-го года, я просто с уважением смотрел на этих людей, потому что у нас очень многие директора сохранили ментальность советских директоров в лучшем смысле. Ныне директор, это что-то вроде старейшины в африканской деревне, отвечающий за все. И в очень сложных условиях, я массу примеров могу привести, когда, скажем, ему там уже отключают тепло за неуплату, уже грозят электроэнергию отключить и так далее, но он все равно пытается какие-то схемы рисовать, барахтается, борется, и в конце концов как-то выживает. На самом деле, сейчас таких, на мой взгляд, большинство. Это люди (те, кто уже окончательно социально вымирал, ни на что не был способен, они ушли с арены где-то в период до 94–95-го года). Так вот сейчас эти люди демонстрируют оптимизм.

Второй момент, который меня несколько настраивает на оптимистический лад, это то, что за последний год обнаружилась новая генерация предпринимателей, которые ориентированы на внутренний рынок. Это люди, которые раньше были скрыты, зажаты олигархами. Это как раз тот слой предпринимателей, который совершенно искренне заинтересован в повышении уровня жизни. И, с другой стороны, это совершенно по-западному ориентированные, без всяких сантиментов люди, которые знают как делать, что делать и с кем делать.

И третий момент — это то, что адаптационный запас, слава Богу, у нашего населения совершенно колоссален. Я считаю, что только благодаря наличию таких больших адаптационных возможностей и, если угодно, благотерпению, мы вообще пережили 98-й год. Я прекрасно помню осень 98-го года, у меня было ощущение того, что все, «кранты». Мне тогда один хороший человек из аппарата власти сказал, что, слава Богу, что население не понимает, что происходит. И тем не менее из этой ситуации мы каким-то чудом вышли, и вышли на восьмипроцентный рост, который — Виктор Иванович, конечно, не поверит, — тем не менее действительно состоялся в прошлом году. И поэтому, если гово-

речь о распаде, то, с одной стороны, конечно, есть мертвая социальная ткань, налицо распад социальных структур, но, с другой стороны, очевидно и то, что возникают новые структуры, которые социально весьма конструктивны, экономически активны и исторически жизнеспособны.

Теперь что касается субъекта. На мой взгляд, появление субъектности, по крайней мере в обозримом будущем, упирается в решение двух задач. Это, первое, преодоление разрыва между властью и обществом. И преодоление внутреннего конфликта внутри элиты — второе. Я не являюсь сторонником, скажем, точки зрения Миграняна и Шевцовой, которые считают, что решение этих двух задач можно развести, что можно решить проблему консолидации элиты вне решения проблемы преодоления разрыва между властью и обществом. Единственная точка, где есть пересечение этих двух проблем, это уровень жизни. На мой взгляд, первый шаг к созданию субъекта — это создание механизма реальной ответственности власти за повышение уровня жизни как действительно работающего механизма.

Это казалось бы полнейшей утопией, если бы не два обстоятельства. Первое обстоятельство состоит в следующем. Вот, например, известное письмо тринадцати олигархов, которое долго и тщательно готовилось. В глазах многих простых наших сограждан это как бы самые «отпетые» люди. Тем более — факт показательный. Практически все понимали, что крупный капитал может функционировать вне государственного поля и государственной поддержки только до определенного уровня. Во всяком случае до выхода на мировой рынок, в новое социоэкономическое глобальное пространство, где без государственной поддержки ему делать нечего. Но получить государственную поддержку крупный капитал может только в том случае, если он берет на себя определенные социальные обязательства и социальную ответственность. Я собственными глазами видел, как крупные олигархи сидели и обсуждали, как эту самую социальную ответственность на себя взять. Вплоть до того, что предлагалось создать общественную приемную. Понимание этого и просветление в мозгах по этой части происходит достаточно быстро.

Второй пример. Когда Евгений Максимович Примаков столкнулся с шахтерской проблемой, возник вопрос, как вообще с ней поступать, потому что ресурса для социально и политически приемлемых решений здесь не было. Тогда стали рассматривать, а чего же вообще шахтеры хотят. И очень быстро обнаружилось, что в

целом ряде регионов есть такая штука, как закон о согласованном уровне жизни, который как раз и предусматривает совершенно конкретный механизм корпоративной ответственности за поддержание определенных стандартов уровня жизни. Грубо говоря, заключается некий социальный контракт: «Власть, мы тебя выбираем, мы тебя поддерживаем до определенного предела. Бюджетный процесс предусматривает конкретные параметры, связанные с повышением уровня жизни. Так вот, если ты эти параметры реализуешь, мы тебя поддерживаем. Если нет, — имеется механизм, который эту власть, точнее представляющих ее лиц, отстраняет». И именно шахтерские регионы оказались той силой, где эти законы были приняты практически повсеместно. В той или иной степени это есть в Кемерово, в Коми, в Челябинской области, в других регионах. В Центре же оказались политические силы, прежде всего коммунисты, которые эти новшества приняли просто в штыки. На мой взгляд, это и является некоей начальной точкой к становлению субъектности. Если такой механизм будет создан, то тогда как раз возникает формат ответственности, в котором могут действовать предприниматели, тот слой, о котором я говорил, слой, ориентированный на обеспечение и рост уровня жизни. Возникает естественным образом состыковка, склейка двух сил, которые могут формировать поле субъектности.

Теперь по поводу инвестиций. На мой взгляд, это миф, что у нас нет инвестиционных ресурсов. Простой счет показывает, что, — тут опять Виктор Иванович, наверное, со мной не согласится, — но у нас сейчас доля валовых сбережений составляет (она сильно увеличилась в 98-м году) примерно 20% ВВП. Сейчас по разным оценкам она составляет от 25 до 28% ВВП. Это реальный инвестиционный потенциал страны. Из этого инвестиционного потенциала мы используем на инвестиции в основные капиталы от силы 12%. Куда девается все остальное? Прежде всего — это вывоз капитала, который сейчас из-за скачка валютного курса более чем ощутим ныне, когда курс рубля упал в 4 раза, это 10% примерно ВВП. То, что эта величина в значительной мере фиктивная, тут я с Виктором Ивановичем соглашусь, но лишь в том смысле, что это не монетизируемая часть. Факт, что прибыль есть на бумаге, а живыми деньгами ее нет, потому что кругом бартер, немонетарная форма расчетов. Для того, чтобы этот ресурс извлечь, как-то актуализировать, задействовать, для этого, конечно, нужно вытеснять немонетарные формы расчетов. Простые

оценки показывают, что за счет этого резерва, сокращая вывоз капитала и монетизируя расчеты, мы можем реально удвоить инвестиционный ресурс страны.

Проблема с инвестициями заключена совершенно в другом. Во-первых, в мотивациях. Никто на самом деле не хочет инвестировать. Инвестиционный ресурс есть, а вот задействовать его не хотят. По крайней мере, пока не хотели. Захотели только сейчас, примерно начиная с третьего квартала прошлого года. Во-вторых, у нас инвестиционные ресурсы задействованы не там, куда их объективно надо вкладывать. Половина инвестиций сконцентрированы в топливно-сырьевых отраслях. А вкладывать их нужно, скажем, в сельское хозяйство. Есть такие зоны, где без инвестиций ситуация будет очень быстро ухудшаться и становиться действительно тупиковой. Поэтому вопрос состоит в том, как обеспечить этот прилив, это распределение инвестиций в соответствии с потребностями воспроизводства. И третья проблема — за счет чего эти инвестиции наполнять. Мы всегда очень сильно увлекаемся финансовой стороной инвестиционного процесса, забывая о том, что главная-то на самом деле проблема — материально-вещественное наполнение этих финансов. Где мы возьмем материальные ресурсы? Либо это импорт оборудования, что порождает целый отдельный сегмент проблем, о которых я сейчас не буду говорить. Либо это восстановление, воспроизводство нашей собственной инвестиционной базы, прежде всего инвестиционного машиностроения, которое сейчас за редким исключением находится в таком упадке, что не очень ясно, можно ли ее вообще восстановить.

И последний момент, это насчет инновационного потенциала, который Андрей Иванович Калганов собирается то ли продать, то ли предложить просто так в азиатско-тихоокеанский регион. На мой взгляд, здесь есть две проблемы, если не вдаваться в частности. Первая состоит в том, что те изменения в инновационном потенциале, которые происходят в мире, они имеют как бы две составляющие. Одна составляющая это то, что там происходят разные революции, переходы на новый уровень развития. И тут мы до сих пор держим передовую позицию, и при определенных условиях, прежде всего организационных, могли бы этот барьер взять. Вторая проблема выглядит гораздо хуже, потому что инновационный потенциал сейчас стремительно адаптируется в мире к сетевым структурам производства, или воспроизводства. К тому, что именуется калстехнологиями. Это как раз и есть способ адаптации к сетевому распределению инновационного потенциа-

ла. Когда огромное число предприятий, от тысячи до десятков тысяч производителей накрываются единым информационным полем, действуют в рамках единых стандартов. Благодаря чему одна деталь может производиться где-нибудь в Бразилии, а другая в Европе. Эти процедуры, калстехнологии, которые сейчас возникают, предъявляют целый ряд очень жестких требований, начиная со стандартизации и кончая информационным наполнением всех этих вещей. Мы к этому абсолютно не готовы. Сейчас мы начинаем только примериваться, в каких бы это вузах организовать обучение таких специалистов. Ясно, что если дело пойдет таким образом, то наш инновационный потенциал через 2–3 года просто обесценится. Он будет никому не нужен, потому что он просто не сможет удовлетворять тем элементарным стандартам, которые сейчас предъявляет глобальная мировая экономика.

Вторая проблема с инновационным потенциалом — это развилка, которую отчасти зафиксировал Андрей Иванович Калганов. Она состоит в следующем. В принципе можно использовать тот инновационный потенциал, который у нас есть, для создания постиндустриального уклада. То есть сформировать некую плотность из образованных кадров, инновационных ресурсов, продвинутых технологий и т.д. в соответствующих организационных формах для того, чтобы он воспроизводился. Воспроизводиться такой уклад может только лишь в том случае, если он инкорпорируется в мировые структуры воспроизводства. Но тогда с большой вероятностью мы просто лишимся сами этого потенциала, мы не сможем его использовать для модернизации нашего собственного индустриального слоя, индустриального уклада. И есть другой вариант, когда мы этот самый инновационный потенциал, грубо говоря, пустим на модернизацию своего собственного индустриального сектора. Но тогда мы его не сможем воспроизводить на адекватном с точки зрения мирового хозяйства уровне. Как мы эту проблему решим, не очень понятно, скорее всего как-то стихийно (кривая вывезет). И тем не менее она есть, и я ее хотел бы обозначить.

В.С.Степин

В критической оценке сегодняшней экономической и духовной ситуации в России у нас возникает своеобразное единодушие. Но это в критике мы очень конкретны. А когда начинаем искать пути выхода, появляются расплывчатые, неопределенные фра-

зы — «нечто, куда-то, что-то, как-то, соединить с чем-то...». У нас есть научно-технические кадры, допустим, в самолетостроении. Есть дельные люди, которые, допустим, имеют хороший проект, но не имеют ресурсов. Куда обратиться? К американским инвесторам? А у них свой «Боинг», свои корпорации, — они не пустят. Калганов предлагает искать некие третьи страны, у которых есть деньги, экономический потенциал, но нет «мозгов». Но я не понимаю, как можно иметь научные исследовательские центры, замечательную аппаратуру и не иметь мозгов? Идея Калганова привлекательна, но когда думаешь, как технологически ее реализовать, возникают вопросы без ясных ответов. Где найти те структуры, которые мы могли бы подпитать своим технологическим потенциалом, и чтобы этот потенциал никуда не ушел и все бы вернулось в конечном итоге в Россию?

В наших размышлениях о том, что надо сделать, чтобы реализовались лучшие сценарии постиндустриального развития России, мы не можем добраться до конкретных социальных технологий и конкретных программ. Может быть, не хватает знаний, а может быть, для этого сейчас просто нет условий. В этой связи я хотел бы обратить внимание на два принципиальных сюжета, возникших в предшествующем обсуждении.

Первое. Это то, что было сказано о рабочих коллективах. Есть опыт Святослава Федорова, который на базе старого социалистического производственного коллектива создал вполне капиталистическое предприятие. Он убежден, что эта модель приемлема для всех. Если действительно есть какая-то такая новая солидарность рабочего класса, о которой тут говорилось, то, может быть, это и даст какую-то точку роста для движения вперед. Но учтем и то, что было сказано о подкупе лидеров, о быстром расстройстве рабочих, когда им дают деньги, — и тогда возникают сомнения в том, насколько реальна перспектива превращения опыта Федорова в массовое движение, способное само по себе вывести страну на путь цивилизованного рыночного развития.

Второе. Андрей Рэмович говорил нам, что олигархи начинают осознавать свою ответственность. Что-то я в этом сомневаюсь! Чувство самосохранения, быть может, и должно им подсказать, что нужно менять стратегию обогащения, но больше подскажет им неприятие Западом методов отмывания грязных денег. Это видно и по тому, как раскручиваются все эти швейцарские дела — скандалы с банковскими счетами. Скажем, перестанут пускать Березовского в приличные страны. И куда ему деваться? Придет-

ся играть только на своем поле. Сегодня возник странный феномен «невъездных» среди наших богатых людей. Я сошлюсь в качестве примера на замечательного шефа реставрации московского Кремля. Его из России выпускают в любые поездки и в любые страны, но Запад его делает невъездным. Если он туда выедет, его арестует Интерпол. Значит, ему придется стараться здесь, трудиться на собственной ниве. Так что процесс глобализации имеет и такие необычные последствия.

Но все-таки ключевая мысль для меня состоит в следующем. Точки роста, о которых говорил Андрей Рэмович, связаны, как я понял, с надеждой на новые, отличные от прежних действия некоторых олигархов и их сотоварищей, которые начнут осознавать свою ответственность перед Родиной и народом, в том числе и за повышение его жизненного уровня. Но это же проявление старого советского принципа — повышение сознательности как метод решения экономических проблем. Это не экономический метод! Я пока не вижу здесь конкретных экономических рычагов. Можно не соглашаться с Дмитрием Семеновичем Львовым по поводу конкретных путей нашего выхода из кризиса, но он остро ставит ключевую проблему. Он говорит: есть то, что принадлежит народу от Бога, есть ресурсы России — нефть, газ, металлы и т.п. Их приватизировали, передали узкой группе людей, вместо того, чтобы оставить их принадлежащими всем и, опираясь на соответствующие доходы, поступающие от продажи ресурсов, инвестировать в те области, где есть высокие технологии. Но тогда возникает вопрос о собственности. Новый ее глобальный передел может погрузить страну в состояние длительной и опасной нестабильности, с реальной угрозой ее распада. Но если оставить все как есть, то останется только уповать, что у олигархов вдруг изменится сознание и они начинают работать на страну, а не на вывоз капитала за границу. Решение этих проблем становится ключевой предпосылкой перехода от нашего дикого рынка, с его господством спекулятивного капитала, к производительному цивилизованному рынку, перехода без новых политических взрывов и революционных потрясений.

Сейчас много говорят о структурной перестройке производства. Говорят и наши экономисты, и политики, и Международный Валютный Фонд. Но что конкретно означает понятие структурной перестройки? Мне, как и, наверное, многим, это малопонятно. Что это — новый виток бесконтрольной либерализации и приватизации, как и на предыдущих этапах либеральных реформ? Если да, то это, по-моему, окончательно добьет нашу экономику.

Теперь несколько замечаний относительно глобализации. На конференции в Гонолулу по проблемам компаративистики были доклады американских ученых, которые продемонстрировали модель будущего развития мирового хозяйства и распределения мировых ресурсов. И когда им стали задавать уточняющие вопросы, выяснилось, что в конечном счете только развитые страны и выигрывают от такой глобализации. А что достанется остальным? Доля остальных в этой модели все время уменьшается. Авторы доклада на все это отвечали просто и откровенно: а как вы хотели? Это же свободный рынок, а он все расставит на свои места. И когда ученые Индии и других стран говорили, что должна быть государственная политика протекционизма, защищающая экономику их стран, то ответ американских ученых сводился к следующему — протекционизм противоречит глобальному рынку, в нем должен доминировать принцип открытости. Возникал такой образ: у вас есть боксер, тяжеловес, профессионал, против него выставляется начинающий легковес-любитель, устраивается матч и объявляется сумма приза за выигрыш. Делайте ваши ставки, господа!

Сейчас нужно четко определиться в том, какое место Россия занимает в современном процессе мирового экономического развития. Что мы реально можем. Китай врывается на глобальный рынок за счет легкой промышленности. Во всяком случае так получилось, что примерно треть товаров, которые носит и потребляет рядовой американец, китайского производства, они самые дешевые. Китайцы нашли свою нишу. А где нам ее найти? Это первое, что надо выяснить, когда мы говорим о структурных изменениях и экономическом росте. И второй момент. Вопрос о формах приватизации собственности. Получилось, что самые доходные области приватизации — это то, что во многих странах принципиально остается общенациональным достоянием: железные дороги, аэрофлот, единая энергосистема. Нужно четко определить национальные приоритеты развития и затем соответственно приоритеты в области приватизации. Отсюда выстроится и инвестиционная политика: где и куда будет вкладывать государство, где и куда частные инвесторы, и как государство будет поддерживать частные инвестиции, обеспечивая финансовую базу развития экономики. Надо определиться и с олигархами. Будем ли мы дальше возвращать олигархическую экономику? Будет ли и дальше зависеть будущее общества от сделок власти с олигархами? Очевидно, что экономические программы должны опираться

ся на социальные и политические идеи. А эти идеи не должны расходиться с практикой политического действия, когда декларируется единство правил для всех, говорится о необходимости гарантии честной конкуренции, соблюдения законов, и т.д., а на практике все решается кулуарно узким кругом политических и олигархических элит. Поэтому сегодня главная задача создать такую сильную и ответственную власть, которая будет соблюдать законы и демократические нормы и не будет кланово ориентированной. Только тогда и возникнут условия для реализации эффективных научных концепций и программ экономического развития, отвечающих на глобальный исторический вызов конца XX века.

В.И.Толстых

Завершая нашу дискуссию, попробую кратко зафиксировать результаты состоявшегося обсуждения темы сразу по двум заседаниям.

Первый итог связан с определением и характеристикой самой кризисной ситуации в России, возникшей в ходе проводимой на протяжении почти 10-летнего периода «политики реформ». При всех разночтениях в оценке последствий так называемой «шоковой терапии» сегодня, кажется, все согласны с тем, что ее разрушительный импульс и потенциал явно превалировал над созидательным началом и результатом. Говоря проще, очень многое удалось разрушить и весьма мало удалось нечто создать и построить. В страхе перед возможностью реставрации, возврата к прошлому наши квази-демократы и модернизаторы пошли путем (неконтролируемый отпуск цен, обвальная приватизация и пр.), который по всем известным канонам политэкономии ни к чему другому, кроме как падению производства, массовому обнищанию и маргинализации населения и отката страны на позиции «третьего мира», привести и не мог. Это вполне предсказуемый результат был, кстати, вовремя замечен и отмечен на многих заседаниях нашего Клуба, начиная уже с первых месяцев 1992 года, когда этот либеральный «социальный эксперимент» начал реализовываться.

Главную причину провала такой политики и падения страны лично я вижу даже не в злонамеренности тех или иных политиков, а в нарушении элементарных законов перехода от «старого» уклада и образа жизни к «новому» — от административно-командной системы и централизованной экономики к рыночному хо-

зайству, от тоталитарного общества к демократическому. Опять-таки, говоря проще, в недопустимой степени открытости, которую вскачь и напролом, разумеется во имя благой цели — войти сразу и навсегда в число развитых цивилизованных стран, наши горе-реформаторы самонадеянно и не очень задумываясь над последствиями взяли на вооружение. Вспомните в этой связи наши дискуссии: «Смысл российских реформ» (декабрь 1996), «Профессиональны ли российские реформы» (февраль 1997), «Реформы в России и Китае — кто оказался мудрее» (ноябрь 1999) и др., и вы поймете, что я имею в виду.

Второй итог связан с идеей, которая в последнее время все настойчивее определяется как проблема «самосохранения» и «самоопределения» России. После многолетних дискуссий на, казалось бы, жгучие темы «капитализм-социализм», «демократия-тоталитаризм» и т.д. выяснилось, что решение всех судьбоносных вопросов упирается в проблему главную, ключевую — быть или не быть России как таковой вообще. Оказывается, страну можно реформировать и так, что она еще до того, как осуществляются модернизационные планы и проекты, просто распадется, исчезнет как целое, либо настолько потеряет себя, свое лицо, что не обрадуются даже те, кто их придумал и осуществлял с самыми высокими чувствами и целями. И то, что сегодня на наших заседаниях, посвященных обсуждению темы «выхода России из кризиса», проблемы сугубо экономические, несмотря на их безусловную важность и остроту, рассматривались в более общем — социокультурном, цивилизационном измерении и глобальном контексте, я считаю событием симптоматичным, знаковым и обнадеживающим.

А в качестве *третьего итога* я фиксирую явную потребность продолжения данной темы в самом ближайшем будущем. О чем и говорили мне некоторые члены Клуба после первого заседания, и сегодня, в кулуарах, во время перерыва. Напрашиваются такие темы для специального рассмотрения: во-первых, проблема российской модернизации в контексте глобализации, а во-вторых, экспертно-аналитическая оценка разработанной группой Грефа экономической программы правительства и президента Путина, о которой сейчас много пишут и говорят, но все это носит какой-то случайный и несистематический характер. Так что мы продолжим эту тему...

СТАТУС НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ³

29 марта 2000 г.

В.И.Толстых

Следуя давней традиции Клуба откликаться на какие-то важные реалии и события в общественной, политической, интеллектуальной жизни страны, мы впервые, делаем науку предметом специального рассмотрения и анализа, и я хочу поблагодарить тех, кто побудил нас это сделать. Я имею в виду большую публикацию, которая появилась 16 февраля на страницах приложения «Наука» «Независимой Газеты». Она была организована присутствующим здесь Андреем Вагановым и целой группой известных наших интеллектуалов, которые поставили проблему статуса науки в современной культуре, причем предельно откровенно, остро, и вызвали соответствующую реакцию. Конечно, тема старая, давняя. Я вдруг вспомнил нашу книжку 1968-го года «Наука и нравственность», которая, в более скромном виде, под этическим углом зрения поставила тот же самый вопрос, вопрос о роли, месте, ответственности науки в современном мире и так далее. Так что тема давно уже стучится и в двери, и в окна. Тем не менее по причинам, вам известным, она оставалась как-то на втором плане. А сегодня мы имеем возможность о ней поговорить всерьез и по-настоящему. В публикации в «НГ», мне многие идеи и мысли симпатичны, хотя много и спорного. Вот эти спорные вопросы и сюжеты, надеюсь, и станут, в основном, предметом нашего обсуждения.

Я благодарен Вячеславу Семеновичу Степину за то, что он с энтузиазмом, без минуты колебания согласился быть ведущим. Все знают, что недавно вышел его капитальный труд «Теоретическое знание», где многие из этих вопросов поставлены и нашли какое-то решение.

³ Материал состоявшейся в Клубе дискуссии послужил основой для создания и публикации отдельной брошюры «Судьбы естествознания: современные дискуссии». М., 2000.

В.С.Степин

Тема «Статус науки в современной культуре» связана с проблемой будущего современной цивилизации. Поэтому при ее обсуждении недостаточно анализировать только внутринаучные тенденции развития. Необходимо рассматривать их в более широком контексте глобальных цивилизационных перемен. Я различаю два типа цивилизационного развития. Один тип — **традиционалистский**, и второй — **техногенный**. Различаю я эти типы цивилизации по базисным ценностям, жизненным смыслам, которые представлены универсалиями культуры — пониманиями человека, природы, пространства и времени, деятельности, свободы, справедливости, личности и т.д.

Из выделенных и описанных А.Тойнби 21 цивилизации большинство принадлежало традиционалистскому типу. Техногенная цивилизация возникла позднее. Она родилась в европейском регионе примерно в XIV—XVI столетиях, ей предшествовали две мутации традиционных культур. Это — культура античного полиса и культура европейского христианского средневековья. Грандиозный синтез их достижений в эпоху Ренессанса, Реформации и Просвещения сформировали ядро системы ценностей техногенной цивилизации. Основой ее развития стал технико-технологический прогресс. Часто на протяжении жизни одного поколения он радикально меняет предметную среду, а вместе с тем и тип социальных коммуникаций, отношений людей, социальные институты. Динамизм техногенной цивилизации разительно контрастирует с консервативностью традиционных обществ, что обусловлено различием базисных ценностей двух типов жизнеустройства.

Это прежде всего характерное для техногенного общества представление о человеке как деятельностном существе, которое противостоит природе и предназначение которого состоит в преобразовании природы и подчинении ее своей власти. В традиционных культурах идеал деятельности наиболее ярко был выражен в принципе древнекитайской культуры «у-вэй», принципе минимального действия, основанного на чувстве резонанса ритмов мира. Далее следует выделить техногенное понимание природы как неорганического мира, который представляет особое закономерно упорядоченное поле объектов, представляющих материалы и ресурсы для человеческой деятельности. Противоположностью этим установкам было традиционалистское понимание природы как живого организма, малой частичкой которого является человек.

Если в традиционных культурах личность определяется через ее включенность в строго определенные семейно-клановые, кастовые и сословные отношения, то в техногенной цивилизации в качестве ценностного приоритета выступает идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая может включаться в различные социальные общности, обладая равными правами с другими. Наконец, в системе доминирующих жизненных смыслов техногенной цивилизации особое место занимает ценность инноваций и прогресса, чего тоже нет в традиционных обществах и т.д.

Успех преобразующей деятельности, приводящей к позитивным для человека результатам и социальному прогрессу, рассматривается в техногенной культуре как обусловленный знанием законов изменения объектов. Такое понимание органично увязывается с приоритетной ценностью науки, которая дает знание об этих законах. Научная рациональность в этом типе культуры выступает доминантой в системе человеческого знания, определяя многие другие особенности техногенной культуры. Техногенная цивилизация породила много всевозможных благ: улучшила качество жизни, обеспечила охрану здоровья, увеличила среднюю продолжительность жизни человека. Но она же и подвела человечество к порогу самоуничтожения: экологический кризис, антропологический кризис, оружие массового уничтожения... В связи с этим возникает проблема поиска нового пути цивилизационного развития. И я считаю, что разговор о ценности научной рациональности, о ее статусе в культуре в широком контексте связан именно с этой проблематикой.

Чтобы обсуждать эту проблему, нужно более-менее четко понимать, на что может претендовать наука и что она такое. Я рассматриваю научное познание как особый вид познавательной деятельности и человеческой активности, когда мир осваивается в форме объекта, предметности. К чему бы наука ни прикоснулась — все для нее объект, который живет по своим естественным законам. Она может изучать любые объекты — природные, социальные, технические, состояние человеческого сознания, знаковые структуры, семиотику культуры, но только как объекты, и там, где этой позиции нет — там и кончается наука. В этом ее достоинство и в этом ее ограниченность. Она не может собой заменить все другие формы познания, области культурного творчества.

И другая черта — очень важная! — наука не ограничивается только теми объектами, которые уже попали в поле массового практического освоения и не должна привязываться к утилитар-

ным потребностям своего дня. Она открывает человечеству предметные миры возможного будущего освоения, вырабатывает новое знание, приводящее к революциям в технике и технологиях.

У авторов дискуссии в «НГ» прослеживается такая мысль: все беды от естествознания, поскольку оно объектно, предметно рассматривает мир. А вот гуманитарное знание — это другое дело, там есть человеческая размерность, и нужно гуманитарное знание поставить в центр, а естествознание оттеснить на периферию. По этому поводу я должен сказать следующее. Во-первых, я считаю, что оппозиция естественные науки — гуманитарное знание некорректна. Почему? Можно сопоставлять естественнонаучное знание с социально-гуманитарными науками. Но нельзя сопоставлять естественные науки со знанием гуманитарным вообще, которое наряду с научным знанием включает и другие компоненты — биографии людей, эссеистику, публицистику, литературу, художественную критику, поэзию и т.п. Гуманитарные науки, при всей их гуманитарности, не перестают быть науками. Они изучают человека и человеческие состояния как объекты. И никуда вы от этого не денетесь.

Во-вторых, если речь идет о современном естествознании, то оно все чаще имеет дело с особыми объектами — сложными, саморазвивающимися системами. Стратегии исследования таких систем сближают естествознание и социально-гуманитарные науки. Знаменитое противопоставление В.Дильтема наук о природе наукам о духе, справедливое по отношению к науке XIX в., сегодня утрачивает свои основания.

Наконец, в-третьих. Изменение типа научной рациональности, связанное с освоением новых типов системных объектов, не означает утраты научной точки зрения на поиск истины. В нашей философско-методологической литературе последних лет это обстоятельство, на мой взгляд, проанализировано и обосновано достаточно убедительно.

Я хотел бы особо отметить, что в запале критики технократизма часто начинают критиковать науку в целом, возлагая на нее ответственность за глобальные кризисы современной цивилизации. Но все дело в том, что без науки, в частности без естествознания, преодолеть эти кризисы невозможно. И невозможно без науки и наукоемких технологий прокормить растущее население Земли. Оно к 2020 г. почти удвоится (с 6 млрд. возрастет до 10 млрд.).

Сегодня, когда речь идет о переходе к постиндустриальному развитию, об информационном обществе, не лишне напомнить, что это общество буквально будет пронизано наукой, что за но-

выми глобальными информационными системами и высокими технологиями стоят и научные разработки, в том числе и фундаментальные, и вложение огромных средств в науку. Если принять во внимание все эти тенденции, то можно с уверенностью предположить, что поиск новых ценностей и новых путей цивилизационного развития не отбросит научную рациональность на обочину культуры. Она сохранится как базисная ценность, как условие выживания человечества и благоприятных сценариев его будущего.

Е.А.Мамчур

Наука, как известно, является по преимуществу рассудочной деятельностью, не тождественной по своему содержанию деятельности Разума. Вопросы нравственного порядка и вообще ценностные вопросы всегда были прерогативой философского Разума. В том числе и в первую очередь — вопрос о человеческой свободе.

Но тогда почему вдруг философы стали перекладывать все эти вопросы на плечи науки? Да еще естествознания. Разве должен физик или биолог заниматься проблемой человеческой свободы? Зачем навязывать естествознанию не свойственную ему функцию? Ведь единственная функция фундаментальной науки в системе культуры, единственное ее предназначение — это добывание объективно-истинного знания о мире.

Никаких других задач у науки нет. И в этом, как любит повторять В.С.Степин — и сила ее, и слабость. Сила — поскольку только она одна может ответить на вопрос, как устроена природа, какими законами она управляется. Без знания, адекватного действительности, невозможно реализовать ни один проект, в том числе и тот, о котором с таким пафосом говорит В.Розин. И какие бы перипетии не испытывала в будущем человеческая цивилизация, в какие бы переделки не попал человеческий род, эта функция сохранится.

Однако в единственности задачи, стоящей перед наукой, заключается и ее слабость. Слишком многое остается за скобками научного рассмотрения. Вне поля ее интересов оказываются очень важные, просто-таки судьбоносные для человека вопросы. О смысле жизни, о добре и зле, о месте человека в мире и даже, казалось бы, такой близкий к науке вопрос о направлении и содержании научно-технического прогресса. Ученые не уклоняются от решения такого рода вопросов, но значит ли это, что всю ответ-

ственность, например, за развитие научно-технического прогресса можно теперь возложить на науку и ученых? Права П.П.Гайденко, что многие беды современного человечества причину свою имеют в том, что слишком долго человечество уповало на научную рациональность и отодвигало на второй план философский Разум. Так давайте вспомним о философском Разуме, его роли и назначении! Давайте активнее выступать в средствах массовой информации, активнее влиять на процесс принятия решений, хотя бы тогда, когда антиобщественное направление такого решения достаточно очевидно.

А то получается так: философы упрекают естествоиспытателей в том, что те хотят укрыться в «башне из слоновой кости» и совершенно справедливо призывают их покинуть эту башню, в то время как сами они совсем не прочь спрятаться в ней, уйдя в чисто теоретические разработки тонких вопросов истории философии, теории познания, логики, а не в решение насущных проблем человечества.

Призывы философов к естествоиспытателям быть морально ответственными нередко оказываются благим, но не реализуемым пожеланием.

Возьмем самое последнее открытие — расшифровку генома человека. Как его оценить? Почти каждому культурному человеку уже ясно, как можно использовать это открытие во вред человеку и человечеству. И вместе с тем очевидно, какие огромные возможности, хотя бы в плане лечения наследственных болезней, оно открывает. Беда еще и в том, что часто ученого и не допускают до принятия решения. С ним советуются лишь в том, что касается его профессиональных знаний, а потом стараются всеми силами избавиться от него, игнорируя его чисто человеческое мнение. Напомню свежий пример: конференцию, посвященную новому витку разработок противоракетной обороны в США, которую провели недавно физики. Что-то не видно и не слышно, чтобы на мнение ученых, выступивших с негативной оценкой этой программы и предупреждением о ее последствиях, кто-то из власти имущих в США обратил сколько-нибудь серьезное внимание. Не думаю, что мнение ученых в данном случае вообще будет принято во внимание.

Да, наука служит не только конструктивным целям, но и целям разрушения. Но решающую роль в том, как будет использован научный потенциал и научные исследования, играют не ученые, а власть, ее политика в отношении науки и общество в целом.

Совершенно очевидно, что многие ученые, в том числе и те, кто посвятил себя фундаментальному естествознанию, участвуют в прикладных разработках, имеющих деструктивные для природы и человека последствия. Понять их можно: им за это платят. Но есть и другие, даже в наше циничное время. (Смотри выше о последнем выступлении ученых против развертывания ПРО). Что в такой ситуации делать? Не уповать только на таких «хороших» ученых, не требовать, чтобы все ученые стали такими, а уповать на себя, делать все от себя зависящее, чтобы изменить политику власти. Сделать это под силу только обществу в целом.

Следует ли при этом требовать, чтобы изменилась научная рациональность? Развитие естествознания — это самоорганизующийся процесс. Менять нужно не научную рациональность, а принципы деятельности людей в их взаимоотношении с природой, с другими людьми. Нужно менять психологию людей, ориентируя их на взаимодействие с природой, а не на разрушение ее, на отказ от истощающей природные ресурсы экономики. Немалую роль в процессе такого изменения должны сыграть философы.

В.А.Лекторский

Участники Круглого Стола «НГ», хотя и спорят друг с другом по некоторым вопросам, разделяют одну общую установку: все или почти все беды современной цивилизации (от экологических проблем до наркомании, преступности и т.д.) идут от науки. Если бы науки не было, жить было бы легче. Так ли это? Действительно, в современной культуре меняется место науки и понимание научной рациональности. Все в большей мере осознается то обстоятельство, что наука не может быть истолкована и практикуема в узко технократическом ее понимании, что одностороннее технологическое развитие ведет не только к разрушению естественной природы, но и к гибели культуры и самого человека.

Означает ли это, что надо отказаться от исследования, от пафоса поиска истины? Я остановлюсь в этой связи только на двух тезисах.

Первый — это тезис о существовании многих реальностей, многих «миров» («полимундия», как выразился один из участников). Классическая наука исходила из того, что существует только одна изучаемая ею реальность, соответственно может существовать только одна истина. А нам говорят, что существует не одна, а

много разных реальностей, которые не соприкасаются друг с другом и существуют как бы в разных измерениях. Это не только та реальность, с которой имеет дело наука, но и реальность искусства, реальность повседневной жизни и обыденного знания, реальность эзотерических и оккультных практик, реальность сновидений и т.д.

Я могу согласиться с тем, что реальностей, действительно, несколько, но хочу обратить внимание вот на какие обстоятельства. Во-первых, этих реальностей не может быть бесконечно много. Во-вторых, каждая из них имеет свои критерии существования (иначе мы просто не отличили бы реальность от бреда). В-третьих, имеет смысл отличать реальность от лжи, кажимость от действительности по отношению к каждому типу реальности, хотя способы отличения будут разными в разных реальностях. Так что нацеленность на поиск истины не отменяется признанием существования разных реальностей. В-четвертых, эти реальности не просто существуют в разных измерениях и как бы не соприкасаются друг с другом. В действительности все они друг с другом связаны, исторически возникают друг из друга, взаимодействуют друг с другом, при этом нередко ведут друг с другом борьбу за существование, как бы спор на тему, кто из них «реальнее». Это касается и отношения научной реальности и реальности повседневной, и реальности субъективной и объективной реальности и т.д.

Второй тезис: не следует допускать, чтобы наука диктовала нам, о чем и как мы должны думать. Мол, научно-техническое развитие должно контролироваться человеком. Все это верно. Неверно то, что наука должна быть служанкой любого дискурса. Конечно, человек создал не только науку, но и многое другое: религию, искусство и т.д. Парадоксальность отношений между человеком и продуктами его творчества состоит в том, что, создав что-то, человек должен подчиняться логике, диктуемой этим созданным продуктом. Существуют нормы и идеалы научной деятельности, они носят над-индивидуальный характер и не могут зависеть от моего произвола. Конечно, наука не перестает быть творческим делом, а ее нормы и идеалы могут меняться и меняются. Существуют и над-индивидуальные нормы и идеалы, иначе заниматься наукой было бы невозможно. Поэтому метафора «хозяин и слуга» не передает сути отношений человека и науки. Человек создал и развивает науку. В то же время наука, как и другие сферы культуры, создает и пересоздает человека. Это же можно сказать и о религии, искусстве, морали.

Итак, я не согласен с тем, что наука сегодня вытесняется на периферию культуры и что пафос поиска истины исчезает. Другое дело, что мы начинаем понимать реальность и истину как более сложные и интересные предметы, чем это казалось в недавнем прошлом.

П.П.Гайденко

Я обратила внимание на тезис Вадима Розина: «Главное, чтобы мы понимали, что никакой природы самой по себе вне нашей интеллектуальной и практической деятельности не существует». По его мнению надо поднять на должный уровень методологическую работу, а там уже добиваться того, чтобы ведущую роль стали играть гуманитарные науки, и, таким образом, на место научной рациональности встает проектная рациональность. У нескольких выступающих звучала эта мысль. А мне-то казалось, что участники диалога сожалеют о том, что больше нет природного в мире, что все стало техноценозом, нет биоценоза. И это, несомненно, продукт науки, тут я согласна с большинством тех, кто выступал на этом «круглом столе». Но в конце я вижу, что с точки зрения участников круглого стола это-то ведь и хорошо. И не нужно природы, и нечего сожалеть о том, что ее нет.

Но это говорит не о том, что больше нет природы, а о том, что сама эта научная рациональность имеет свои границы, а потому и не надо возлагать на науку больше того, что она может дать, как справедливо заметил В.С.Степин. Существует способность, превосходящая тот тип рациональности, с которым имеет дело наука; эту способность древние греки называли «нус», «разум», отличая ее от другой способности — «дианойи», или «рассудка». Разум — это та способность, которая имеет дело прежде всего с понятием «цели», в отличие от рассудка, или научной рациональности. И не случайно Кант определяет теоретический разум как «способность целей».

С XVII—XVIII веков научная рациональность начинает вытеснять философский разум как инструмент рассмотрения природы. И именно поэтому научная рациональность Нового времени действительно, насколько я могу судить, не имеет дела с природой самой по себе. А где же начинается вот эта самая сакральная природа-сама-по-себе? Неужели она целиком — только продукт нашей деятельности? Нашей деятельности практической и умственной? Нет. Она начинается там, где в самой природе мы

находим цели сами по себе. А таковы — все живые существа; все они имеют душу, а душа подчиняется не механическим, а целевым причинам. Все живые существа поэтому построены по телеологическому принципу. Интересно, что когда новое естествознание отвергло этот принцип, то даже в биологии все чаще стали возникать попытки механистически объяснить и живую природу; в частности, дарвиновский принцип естественного отбора строится на механистической парадигме, а не на телеологической. Поэтому можно согласиться с немецким философом Г.Шнедельбахом, что в Новое время научная рациональность вытеснила разум. И научная рациональность, будучи принята за единственно возможный подход к рациональному познанию сущего, и в самом деле не оставляет места для природы. И если мы хотим увидеть природу, то надо взглянуть на нее глазами философии. Ведь именно философия имела дело всегда с целевыми причинами, и не только древние мыслители — такие как Платон и Аристотель, говорили о том, что конечная причина является основной, а действующая — подчиненной ей, но и Кант, гораздо более близкий к нам и очень авторитетный для большинства естествоиспытателей философ, требовал отличать разум от рассудка.

Я хочу сказать в заключение, что научная рациональность по сравнению с разумом составляет некоторую, я решусь сказать, более низкую, подчиненную ступень. Но в то же время без научной рациональности рассматривать что бы то ни было в качестве объекта мы не можем. Поэтому у научной рациональности есть свое законное место, без нее научное познание невозможно. Но в то же время наука должна понимать свои границы, должна ясно сознавать, что она не в состоянии заменить собою философию, в основе которой лежит понятие цели, а тем самым — понятие блага, которое с древности было важнейшим предметом философии. А поскольку мы начали разговор с понятия природы, то мне кажется, наступило время восстановления роли и значения натурфилософии, ибо именно натурфилософия есть философское осмысление того, что мы именуем природой. Сегодня, как, может быть, никогда ранее, востребована именно натурфилософия (а не только философия культуры, философия человека), на которой уже более чем столетие назад был поставлен большой крест.

В.И.Данилов-Данильян

Я, как и Пиама Павловна, все время вспоминал стихи, когда читал материал этого «круглого стола», и прежде всего стихотворение Верлена «Томление». Я прочитаю несколько строчек оттуда.

Я — римский мир периода упадка
Когда встречаю варваров рои,
Акrostихи слагаю в забытыи
Уже, как вечер, сдавшего порядка.

Вот весь этот «круглый стол» — это акrostихи. Которые лучше, которые — похуже, но они никакого отношения не имеют к тем проблемам, которые нужно на самом деле, как мне кажется, рассматривать.

Разговор о том, что природа умерла, это, извините меня... Я просто не понимаю, как такое можно говорить. Видимо, люди, которые это говорят, никогда не летали над нашей необъятной страной, например, на вертолете. Вы же можете лететь три часа и не увидеть ни одного следа деятельности человека! Вы знаете об этом или нет, те, кто говорит, что природа умерла? Наша территория 17 миллионов квадратных километров. Из них по официальным международным ЮНЕПовским стандартам 9 миллионов минимум считаются дикой природой, то есть практически не подвергшейся воздействию антропогенных факторов. Беда в том, что мы не изобрели до сих пор абсолютно ничего, что имело бы позитивное значение для регулирования окружающей среды. Всякому, кто в этом сомневается, я могу очень быстро это доказать.

Вот после этого и рассуждайте, пожалуйста, какова роль науки. Я считаю, что роль науки в том, чтобы понять ее реальное место, реальные возможности, определить границы деятельности человека, которые позволят ему не разрушить тот дом, в котором он живет. Ибо другого дома у него нет, не будет и не может быть, если говорить конструктивно. И совершенно напрасно мы возлагаем ответственность за все происшедшие события на научно-технический прогресс в его неоевропейском или модернистском понимании. Естественно, начинать нужно не с античности, а еще гораздо раньше. С огня, с неолитической революции и так далее. Вот откуда пошли те целевые установки для человека, которые привели к созданию того самого техногенного мира, в котором мы живем.

Что же касается всевозможных вненаучных идей, которые возникают в связи с поставленными вопросами, то это, собственно говоря, смутное, плохо осознаваемое ощущение сигналов обратной связи, поступающих из разрушаемого регулятора окружающей среды и разрушаемого генома человека, потому что человек разрушает себя не только через посредство окружающей среды, но в некотором роде и непосредственно воздействуя на свой геном. И это тоже дает постоянные каждодневные сигналы. Пути назад, конечно, нет. Это просто абсурд — думать, что мы можем вернуться в неолит или куда-нибудь там в эпоху до изобретения колеса. Мы оказались в ситуации бифуркации, и от нас зависит, куда мы двинемся дальше.

П.С.Исаев

Россия живет в определенных условиях мировой цивилизации. Каковы установки этой цивилизации? Какие задачи ставит внешний мир по отношению к России? Либо мы вписываемся в этот мир и займем в нем подобающее нам место, либо нас отодвинут на задворки мировой цивилизации и мы придем к «пещерному» образу жизни. У нас нет свободного выбора: мы обязаны сотрудничать со всеми странами и в области экономики, и в области науки, и в военном отношении, и в области культуры и т.д. Мы обязаны принимать участие в мировых экономических и научных проектах и сами предлагать свои проекты во всех областях человеческой деятельности. Проблем в России (и во всем мире) так много, что без собственных глубоких современных фундаментальных исследований в области естественных и общественно-политических наук она не сможет выйти в ряд передовых цивилизованных стран.

Поэтому меня несколько удивляет чисто академический подход к обсуждению проблем, поднятых авторами «круглых столов».

Высокий уровень фундаментальных наук в России — это будущее России. Государственная поддержка развития фундаментальных наук в нашей стране, также как и понимание этой задачи всем просвещенным народом России, есть обязательное условие научно-технического прогресса страны. Нельзя рассчитывать на процветание России, основываясь на старых знаниях, и бессмысленно пытаться решать новые глобальные проблемы по старинке, в рамках старых знаний и представлений. Россия должна быть государством, открытым для сотрудничества со всеми странами мира, но не просто сотрудничества, а взаимовыгодного сотруд-

ничества. Надо научиться жить, работать, вести политику в условиях жесткой конкуренции с западными цивилизованными странами во всех сферах человеческой деятельности, сохраняя при этом нормальные деловые отношения с ними.

Ясно, что проблема развития фундаментальных исследований в области естественных и гуманитарных наук в России сегодня прямо упирается в некомпетентность «демократических» правительств, в некомпетентность руководства страны, в законодательную базу новой России, в непонимание руководством страны выдающейся роли фундаментальных исследований. Я уверен, что если бы Россия в последние одно-два столетия тратила достаточные финансовые и материальные ресурсы на развитие фундаментальных наук, передовых философских концепций, на развитие культуры, не допуская незаконного обогащения десятков тысяч проходимцев, стоящих у власти и около власти, то сегодня во главе России, у ее государственного руля в центре и на местах стояли бы иные представители с иными взглядами и не было бы безнравственного, бездумного и безответственного развала Советского Союза, принесшего, как теперь уже всем видно, неисчислимые бедствия десяткам миллионов рядовых жителей нашей бывшей великой страны, не было бы Чернобыля, чеченской войны, вырождения народа. Недаром еще Сократ говорил, что философы должны быть правителями, а правители — философами (под словом «философы» в древнегреческом смысле слова понимаются «ученые»). Кстати, Макс Борн в своей книге «Физика в жизни моего поколения» признает, что «...вмешательство ученых в политику и управление кажется мне достижением, потому что они менее догматичны и более открыты доводам, чем люди, воспитанные на изучении законов или классических языков» (С. 355).

Сегодняшнее руководство в России настолько вовлечено в решение повседневных трудных экономических, финансовых, правовых, национальных и других сопутствующих им проблем, что не уделяет должного внимания развитию фундаментальных исследований в стране или, точнее, на словах поддерживает их развитие, говорит о них высокими словами, а настоящей финансовой поддержки не оказывает. Почему-то думают, что «наука может подождать» — и именно эта преступная мысль — «с наукой можно подождать» — губит страну на протяжении веков.

Французский физик Анатоль Абрагам, кстати, выходец из России, так писал об Англии: «...Что происходит с моей любимой Англией, которой я восхищался еще до того, как в 1940 году она

одна во всей Вселенной бесстрашно противостояла варварству, и которую я так полюбил, когда узнал ее лучше. Сегодня ее наукой правят близорукие филистеры, которые жертвуют ее будущим развитием для сегодняшней выгоды. Хочу надеяться, что эта великая страна опомнится, пока не слишком поздно...» (из книги «Время вспять...»). Не правда ли, к России эти слова можно отнести с еще большим основанием.

В.М.Межуев

Неудовлетворенность философии наукой даже в деле познания природы, казалось бы, должна стать главным предметом обсуждения в аудитории, считающей себя философской. Однако именно это собравшихся здесь науковедов философия, видимо, интересует менее всего. Они взяли на себя странную миссию защищать науку от философии, хотя последняя не отрицает и даже не принижает ее, а только доказывает ее нетождественность культуре.

Перестав быть служанкой теологии, философия не стала служанкой науки — тем более естественной. Она всегда защищала интересы культуры в целом, как бы представляла от ее имени. Этим и обусловлено ее меняющееся отношение к науке. В эпоху Просвещения ориентация философов на научный разум объясняется тем, что культура здесь, действительно, отождествлялась с наукой, трактуемой по образцу естественнонаучного знания. Все, что предшествует науке, объявлялось предрассудком и суеверием, недостойным культурного человека. Знание приравнивалось к бытию, а ученость была признаком подлинной культурности.

В XIX веке наука берет на себя функцию знания не только о природе, но и об истории. Культура наряду с природой становится предметом науки, хотя «науки о природе» и «науки о культуре» различаются по своему дисциплинарному и методологическому статусу. Никто более не сомневается в том, что наука не может быть более ограничена по своему предмету, что ей доступна любая область бытия. Но и в качестве знания о культуре наука не тождественна самой культуре, не подменяет ее собой (равно как и науки о природе не подменяют собой природы). Перед философией встает задача выяснить не только то, чем является природа вне ее научного постижения, но и то, чем является культура вне научного знания о ней: натурфилософия сменяется философией культуры, культурфилософией.

Отсюда следовала, в частности, невозможность сведения культуры к одной лишь науке, в том числе и к науке о культуре. Наука должна быть понята как часть культуры, как одна из ее символических форм, наряду с другими — языком, мифом, искусством и т.д. Подобную задачу и пытался решить Э. Кассирер в своей «Философии символических форм», пожалуй, самый крупный культурфилософ современности. При всей важности и ценности научного знания о культуре последняя в ее собственной — символической — функции может быть постигнута за пределами научно-теоретического знания, т.е. посредством ее философского осмысления.

В чем причина постоянного раздвоения познания на научное и философское? Почему наряду с естественными и историческими науками, социологией, культурологией, научной антропологией и пр., существует натурфилософия, историософия, социальная философия, культурфилософия, философская антропология и пр.? В чем необходимость дополнения научного знания философским? Вот вопрос, на который надо ответить при определении места и статуса науки в современной культуре. Тем более на него надо ответить тем, кто причисляет себя к цеху философов. Вместо этого мы слышим все ту же старую просветительскую песню о важности и ценности науки для человека, о значимости фундаментальных исследований не только для решения практических проблем, но и для познания научной истины. Никто с этим не спорит, но ведь проблема не в этом. Вопрос не в том, что может наука (она много может), а именно в том, чего она не может, где она должна уступить свое место другим формам сознания. Как же можно определить ее статус, не решая этот вопрос?

Претензии к науке исходят со стороны не только природы, но и культуры. Эти претензии как раз и находят свое отражение в философии. В науке — в том ее виде, какой она приобрела на сегодняшний день, — философы вполне законно видят одну из причин экологического и духовного кризиса, постигшего современное общество. Нет слов, наука с ее рациональными методами познания стала мощным двигателем научно-технического прогресса, важнейшим условием создания современной — индустриальной и постиндустриальной — цивилизации. Но так ли уж хороша эта цивилизация, вступившая в конфликт с природой и культурой? Что именно в науке способствует возникновению и обострению данного конфликта? Почему итогом научного развития становится все больший отрыв человека от природы и культуры, дающий о себе знать в крайней дегуманизации природы и обездуховлении культуры?

О причине конфликта науки с природой говорила здесь Пиама Павловна. Причиной же конфликта науки с культурой является, видимо, то, что она не решает главную для культуры задачу — обретения человеком индивидуальной свободы. Ведь только такая свобода, свобода выбора позволяет современному человеку не только творить культуру, но и жить в ней. И никакое научное знание о культуре не может заменить ему эту свободу.

Наука вообще не решает вопрос о целях, которые человек может или должен ставить перед собой в своей реальной жизни.

В современном обществе она большей частью служит целям не человеческой свободы (как на то надеялись просветители, отождествляя ее с моралью и культурой), а целям власти — экономической и политической. Научный разум, поставленный на службу богатству и власти, становится несомненной угрозой природе и культуре. А наши философы-научковеды, забывая об этом, пытаются задним числом навести на современную науку гуманистический глянец, придать ей, так сказать, в глазах общественности благопристойный имидж.

Критика науки со стороны философии имеет своей целью не ликвидировать науку, а поставить ее на свое место, объяснить ей, что она — не цель и не главный результат культуры, а только средство, которое можно использовать и во вред культуре. Может ли наука быть орудием, средством не только власти, но и человеческой свободы, служить целям культуры — это и есть тот вопрос, который должен обсуждаться в философской аудитории.

В.Л Махнач

В порядке реплики предложу три тезиса.

Мы все время путаем, взаимозаменяем, произвольно размещаем понятия «культура» и «цивилизация».

Лично мне близка гипотеза Флоренского, который культуру выводил из культа. Тогда аксиология для людей тысячелетиями была нормальной. Культ — культура — цивилизация. А для современного Запада он просто перевертыш, наоборот — цивилизация — культура, а культ стоит ломаный грош. Поэтому они так веротерпимы и настолько нетерпимы цивилизационно. Это первое.

Второе замечание. После блестящих выступлений, прежде всего Пиамы Павловны, одно слово висит в воздухе, и его никто не произносит. Когда мы говорим о происхождении, причем преимущественно прикладных научных дисциплин и их отличии от

фундаментальных наук, мы забываем, что фундаментальные науки вышли из области философии. Еще в XVIII веке их относили (в библиотеках университетов) к огромной сфере свободных искусств. В то время как прикладные больше относили к сфере ремесел. Почему? Что за этим стоит? Не было произнесено слово «магия». Прикладные науки в исключительном значении этого генезиса, а фундаментальные частично имеют магическое происхождение. Не случайно говорят — «эпоха Возрождения». В Средние века колдовали мало, в эпоху Ренессанса колдовали со вкусом и много, на каждом шагу. Вот методика... Как у мага, так и у ученого-прикладника: работает — значит хорошо. А может плохо, хотя и работает?

Ну и последнее маленькое замечание — это то, что касается опасности, исходящей от нас, несчастных представителей общественных наук. Я вообще не знаю, чем историки и искусствоведы опасны. Социологи — те могут. Социология все-таки до сих пор предстает как исключительно прикладная наука. У нее с фундаментальностью не очень получается. Как и у психологии не очень получается. Я друзьям из нашего университетского факультета психологии говорю: да, может быть, психология и станет наукой, я отношусь к вам в высшей степени положительно. Но вы совершаете один грех, из-за чего у вас все нестыковки, — вы пытаетесь все время психологию поднять на уровень пневматологии. И поэтому у вас ничего не получится.

Н.Ф.Овчинников

На пороге XXI в. пришла пора обернуться на прошедшие века и рационально оценить роль науки в складывающейся жизненной ситуации, попытаться осмыслить феномен науки в его воздействии на нашу жизнь. Когда мы слышим, что во многих наших бедах повинна наука, то невольно задаемся вопросом — о чем идет здесь речь? Что именно имеют в виду люди, когда они говорят о науке и о ее роли в современной жизни?

Создается впечатление, что те, кто порицает науку, не всегда отличают науку от других форм интеллектуальной деятельности и не видят различия в содержании самого понятия науки — ее ипостаси. Нам говорят, например, что наука коренным образом изменила свой облик и предмет исследования — занимается теперь конструктивной, а не познавательной деятельностью. Такого рода сентенции являются результатом упрощенного понима-

ния феномена науки. Они упускают из виду, что изменился, расширился сам предмет конструктивной деятельности, что, кстати, не отменяет теоретического статуса науки. Наука в качестве системной организации своего знания всегда стремилась так сконструировать свои утверждения, чтобы они относились к определенной области исследования. Такое ограничение позволяло открывать действительно достоверное знание. В этой связи я хотел бы подчеркнуть значимость проблемы демаркации, на которую обратил внимание В.С.Степин.

Думаю, что существует множество критериев, которые позволяют отличить научное знание от других его форм. Чаще всего вспоминают критерий Поппера: научное утверждение должно быть сформулировано таким образом, чтобы содержать в себе возможность опровержения (принцип фальсификации). Но есть и другой критерий, также высказанный Поппером, который мне представляется более фундаментальным: система научного знания тем более содержательна, чем больше она запрещает.

Мысль человеческая избыточна — люди способны теоретически сконструировать множество миров. Но только принципы запрета дают нам возможность отобрать среди такого множества реальную теоретическую систему, удовлетворяющую заданным требованиям. Принципы запрета — условие существования любой системы — не только теоретической, но и реальной, скажем, системы социума. Это общесистемные принципы.

Теоретическая компонента науки выростала в системе античной мысли — первые научные идеи связаны с концепциями пифагорейцев, элеатов и атомистов (перечисляем их последовательно), которые выдвинули идеи математически-логического атомизма, провозгласили неизменность бытия и представили мир как составленный из неделимых кирпичиков материи — атомов. Выделю лишь принцип запрета античного атомизма — нельзя (теоретически запрещено) делить атом. Этот принцип оставался основой теоретической физики до конца XIX в.

Открытие делимости химического атома не отменило принципов запрета, действующих в качестве основания системы знания, но перенесло их действие на фундаментальные свойства частиц — зарядовые свойства неделимы. Квантовая физика внесла новые принципы — это принцип запрета Паули, определивший формирование квантовой картины атомной структуры, и соотношение неопределенностей Гейзенберга — принцип, который запрещает определять одновременно точное значение

сопряженных величин. Вся физика в качестве теоретической системы может существовать и развиваться только при условии действия соответствующих принципов запрета. В том числе и классическая физика.

Хотя принципы запрета являются общесистемными, тем не менее необходимо подчеркнуть непрототу действия этих принципов в социальных системах. При исследовании природных систем открытие принципа запрета, действующего в данной системе, всегда ведет к значительному достижению в познании исследуемой области, к высокой теоретизации. В социальных же системах вступает в действие фактор рефлексии — чтобы организовать свободную жизнь в свободном обществе, люди вынуждены иногда мучительно искать равновесия между «свободой» и «запретами», своеволием и тоталитаризмом. Иллюзорная легкость возможности со стороны властей ввести ту или иную форму запрета, казалось бы, ради улучшения жизни людей, ведет иногда к непредвиденным и порою неисправимым губительным последствиям. Это означает, что люди власти, которые обладают исключительной возможностью вводить запреты, должны отличаться высокой культурой мысли. И при этом культура мысли должна сопровождаться культурой нравственных принципов. К сожалению, это только идеальное требование, хотя его провозглашение, надо думать, не будет предано забвению.

Великие религиозные мыслители давно уже осознавали необходимость запретов для естественной жизни любого человеческого сообщества. Об этом свидетельствуют известные Заповеди праведной жизни. Однако сами по себе Заповеди не дают гарантии счастливой жизни индивида и всего общества. Необходимо осознание средств их реализации. В современном обществе, где светская и религиозная жизнь неустранимо соседствуют, настоятельно необходимы поиски рационально обоснованных принципов человеческой жизни. Наука тем и значительна для нас, что именно система научного знания дает нам образцы организации социальной жизни. В этой связи существенно осознать значимость мысли, высказанной А.Пуанкаре: ныне человек уже не может быть счастлив без науки.

А.П.Огурцов

В связи с темой нашего обсуждения — статус науки в современной культуре, мне хотелось бы остановиться на взаимоотношении науки с тем, что ныне называется технократическим дис-

курсом. Если кратко выразить свое несогласие с той дискуссией, которая была в «НГ», то я бы перефразировал слова Игоря Губермана — творения Фауста не всегда становятся фаустпатронами. Наука и научная деятельность с 60–70-х гг. нашего века стали рассматриваться или как инструментальный разум (франкфуртская школа), или как технократический дискурс (французский постмодернизм). Приведу слова Ж.Лиотара о статусе науки в современном обществе из книги «Состояние постмодерна» (СПб., 1998): результативность становится способом легитимации научного знания. Широко введенный в научное знание технический критерий оказывает влияние и на критерий истинности. Можно сказать, что это весьма распространенная позиция, на основе которой строятся различного рода критические концепции науки в современной философии. Можно сказать, что идея о всевластности технократического дискурса стала истоком критики науки не только в европейской философии науки, но и у нас.

Что же такое технократический дискурс? Прежде всего — это ориентация на власть. Второе — это ориентация на технику и технологию. Третье — это подчинение знания критерию эффективности. Четвертое — падение собственно научного интереса, склонности к познанию, исчезновение энергии поиска истины, как говорили некоторые из участников круглого стола в «НГ».

Казалось бы, изменения, которые происходят в составе современной науки, свидетельствуют о всевластности технократического дискурса. В современной биологии увеличивается доля, вес, значимость геной инженерии — клеточной, молекулярной и пр. Социология непосредственно связана с социальной инженерией. Политология оказывается средством манипуляции общественным мнением, чему мы все были свидетелями на выборах. Однако существуют и контрфакты. Скажем, принципиальное различие между фундаментальной и прикладной наукой. Это различие составляет основу и социологии, и экономики науки. Американская статистика делит все расходы на науку на три составляющих — на прикладные исследования, на теоретические исследования и собственно на разработки. Прикладные исследования и технологические разработки являются вариантами технократического дискурса, а вне его остается часть, которая называется теоретическими исследованиями. При этом доля расходов на теоретические исследования увеличивается при всей прагматичности американской системы управления наукой и ее технократической ориентации.

Теоретический разум, движимый энергией познания, нарабатывает возможности, которые не всегда находят применение в прикладных исследованиях или воплощение в технологических разработках. Они могут быть в архиве науки и потом неожиданно всплыть, привлечь к себе внимание и интерес. В этом и состоит эффективность фундаментальных исследований — в расширении поля возможностей, в создании некоторой избыточности вариантов осмысления.

В конце 30-х гг. Р.Мертон выдвинул идею о том, что социальный институт науки связан с действием и признанием определенных норм. Он зафиксировал, как известно, 4 нормы — универсализм, коллективизм, бескорыстность, организованный скептицизм. Норма бескорыстности фиксирует не только незаинтересованность ученого, объективность и общезначимость результатов его поиска, но и неподвластность деятельности ученого технократическому дискурсу. Тот, кто не принимает хотя бы одну из этих норм, оказывается вне научного сообщества. Абсолютизация технократического дискурса, его роли в научном знании чревата тем, что будет узаконена ангажированность ученого, подчинение его научной деятельности интересам и целям заказчика или каким-то внеученым силам.

Преращение технократического дискурса в единственный критерий и исключительное основание всех форм научного знания коренится, по-моему, в стремлении подменить волю к истине волей к власти. В таком случае из научной деятельности элиминируются не только усилия ученых, направленные на поиск истины, но и морально-этическая и вообще аксиологическая составляющая. Ангажированность, инструментальность и эффективность оказываются в таком случае единственными критериями и идеалами деятельности ученых. Между тем в последние десятилетия происходят существенные позитивные сдвиги как в осмыслении этической составляющей научно-теоретического и даже прикладного знания, так и в институционализации моральной оценки приложений научных и технологических разработок. И это не просто этические размышления ученых-одиночек. Этическая оценка новых технологических разработок, например, в биомедицинских исследованиях получила институциональную форму — созданы этические комитеты различного уровня — от больниц до регионов, которые принимают решения о возможности применения тех или иных технологических разработок в ситуации морального конфликта.

В.Г.Федотова

Мне представляется, что главный вопрос, скрытый в этой газетной полемике, это вопрос о том, а все ли, что произведено наукой, общество может и должно применить? То есть вопрос об общественном контроле за результатами применения. Я полагаю, что одна из ключевых проблем — это как раз технологический контекст. Позволю себе не согласиться ни с Еленой Аркадьевной Мамчур, ни с Александром Павловичем Огурцовым относительно того, что фундаментальные науки не вплетены в технологический контекст. Если следовать разделению на фундаментальное и прикладное знание, имея в виду лишь долю затрат на эти виды знания, может быть, они и правы. Но, смотрите, что произошло. Технологический контекст настолько очевиден, что мне кажется, его невозможно отрицать: если паровая машина могла быть изобретена без термодинамики, то атомная энергетика не могла быть изобретена без атомной физики. Фундаментальные дисциплины в 70-х годах по существу открыли новые виды практики — атомную энергетiku, полеты в Космос, генную инженерию. Это — прямой технологический результат фундаментальных открытий, технологическое применение фундаментальных наук, которое составляет суть научно-технической революции.

Опасение участников дискуссии относительно технологических рисков, конечно, оправдано. Но, с моей точки зрения, произошла странная идеализация гуманитарных наук и умолчание рисков в социальных науках. Технологические риски существуют и в социальном знании, когда мы напрямую применяем социальные теории как проекты социальных преобразований (марксизм или неолиберализм). А то, что происходит сейчас в гуманитарном знании, особенно в психологии, вообще не поддается описанию. Приведу один способ, когда две ловкие или наивные (уж не знаю) аспирантки-культурологи, отвечая на запрос «новых русских» — «как провести деньги через таможню?» — посоветовали: оденясь в голубое и розовое, чтобы иметь простодушный вид. И получили от своих клиентов бешеные деньги. Когда социальный уровень разрушен, находятся люди, начинающие выступать от имени психологии, превращая ее в какую-то «псевдонауку».

Произошло не только то, о чем говорила Пиама Павловна — снижение философского разума до уровня научной рациональности, но и переход к снижению уровня научной рациональности до уровня технологической рациональности. В большинстве

социологических теорий говорится о том, что когда люди ждут манипуляции, то это свидетельствует о критическом разрушенном состоянии общества. Я вижу источник опасности — в бесконтрольной, необоснованной технологизации, которая идет от имени науки. И не столько в естествознании, где это произвольно произойти не может просто в силу высокой специфичности знания, а именно в социальной области.

Мне кажется, мы должны разделить вопрос о методологии, собственном существовании науки, и вопрос о том, как она функционирует в обществе. Это — старый спор о сциентизме и анти-сциентизме, который, однако, не следует драматизировать.

М.В.Рац

Как один из пяти «провокаторов», участников «круглого стола» в «НГ», я доволен бурной реакцией общественности на нашу дискуссию. Значит, мы действительно затронули некие болевые точки, а не просто так поговорили, не напрасно.

Что касается содержания. Несколько тезисов без развернутой аргументации за недостатком времени. Вячеслав Семенович очень точно подметил особенность науки как таковой, состоящую в том, что она основывается на субъект-объектной схеме. Дело в том, что это вовсе не единственный способ научного познания, как его можно понимать на рубеже XX и XXI века. Это старая галилеевская и декартовская схема, на которой строилась классическая наука и которая вовсе не является единственно возможной. Слава Богу, с тех пор возник системный подход, возник во многих вариантах, а я говорю о варианте, разработанном Г.П.Щедровицким, который снимает оппозицию субъекта и объекта. Вместо оппозиции субъекта и объекта появляется оппозиция процесса и материала и соответственно изменения в материале, которые вызываются текущим по нему процессом. Я не могу согласиться с тезисом, что законы природы едины и наука поэтому может быть только одна. Нет. Законы природы не едины, и наука не одна.

Я бы рискнул сформулировать тезис, противоположный тому, который здесь прозвучал — что наука задает границы человеческой деятельности. Так вот я бы сказал наоборот: человеческое мышление, разум, человеческая деятельность задают границы классической науке. А что касается неклассической науки, то тут совсем другая петрушка. Вовсе не надо хоронить классическую науку, она умрет своей смертью, когда придет время, это от нас не

зависит. Могу пояснить. В моем понимании новая наука основывается не на субъект-объектном отношении, а на системном подходе, если говорить очень коротко.

И последнее. Естественная наука — обратите внимание на выражение — двусмысленна. Она естественная, с одной стороны, в том смысле, что она изучает природу как бы существующую независимо от нас, а с другой стороны, она естественная в том смысле, что неуправляемая. Так вот я думаю, что одна из важнейших перемен, которые происходят на наших глазах, это переход от неуправляемой естественной науки к управляемой науке. Это очень большая и очень сложная проблема, о которой надо говорить специально.

Б.Ф.Славин

В нашей дискуссии мы поддались модному сейчас противопоставлению — науки и философии, культуры и цивилизации, науки и нравственности. У нас это — противопоставление фундаментальной науки и прикладной. Мне думается, что следовало бы задуматься, почему это происходит. Я совершенно уверен, что это связано с тем, что у нас происходит становление разделенного общества. И каждый пытается ухватить свой уголок, укрыться в нем, стать на чью-нибудь сторону. Так вот я предлагаю исходить все-таки из синтетического понимания общества. Я выступаю за то, чтобы наука и нравственность не противопоставлялись, а дополняли друг друга, чтобы философия не противопоставлялась науке, и т.д. Иначе мы получаем ненаучную философию или, наоборот, нефилософскую науку, получаем безнравственную науку и абсолютно ненаучную нравственность. Может быть, это идет от Канта, я не знаю, но, может быть, в этом и была главная ошибка Канта. В реальной жизни этот синтез налично. Так же, как и синтез между фундаментальной наукой и прикладной, который приводит к тому, что общество все-таки развивается и движется вперед. Возьмите наших славянофилов, наших традиционалистов. Что они противопоставляют современной науке? Причем они пользуются этой наукой, ее достижениями — ездят в машинах, используют лифты, современные новейшие компьютеры и так далее. Но настаивают, что компьютеры — это плохо, и машины — это плохо. Я думаю, что истина все-таки заключается не в противопоставлении, хотя, безусловно, различие есть и его нужно видеть, но в синтезе. И синтез произойдет тогда, когда наше общество снова осознает себя как целостный организм.

Ю.Н.Давыдов

Поскольку наше обсуждение находится уже, так сказать, на финишной прямой, я не имею возможности развернуть здесь нечто, хотя бы отдаленно напоминающее связную речь. Мне остается время лишь для того, чтобы пунктирно обозначить только одно соображение. Надеюсь, что оно будет небезынтересно для Вячеслава Семеновича и, по крайней мере, группы сотрудников, работающих в русле намеченного им направления современной философии науки. Я имею в виду разрабатываемую в этих стенах идею трюйственного членения современной науки на «классическую, неклассическую и постнеклассическую», на которую мы в Институте социологии «положили глаз» сравнительно недавно, когда перед нами встала проблема периодизации последнего этапа эволюции социально-научного знания.

Разрабатывая ее в концептуальных рамках нашего многострадального многоотомника по «Истории теоретической социологии», мы обратили внимание на целый ряд далеко идущих совпадений наших предварительных разработок с упомянутым членением современной научной рациональности вообще, что избавляло нас от необходимости заново изобретать тот же велосипед. Ни в коей мере не претендуя на роль первооткрывателей этой многообещающей схемы, мы все-таки не имели права не попытаться испытать ее на конкретных реалиях истории современной социологии хотя бы уже потому, что ведь и она (еще, по крайней мере, со времен О.Конта и К.Маркса) также претендовала на научную аутентичность. Для нас не составило особого труда подведение социологии XIX века, давно уже фигурирующей у западных историков социально-научной мысли в качестве «классической», под категорию «классической рациональности». Сегодня звучит трюйзмом ссылка на общеизвестный факт, что едва ли не все социологи той эпохи стремились выстраивать свою дисциплину по образу и подобию тогдашних естественных наук, скрупулезно копируя их методы в стремлении «открывать» новые и новые «законы общественного развития» (по поводу явной избыточности каковых в свое время иронизировал Питирим Сорокин). В то же время многое говорило и в пользу правомерности стремления некоторых социологов (например, патриарха немецкого вебероведения Иоханнеса Винкельмана) провести далеко идущую аналогию между открытиями А.Эйнштейна и М.Вебера, позволяющую идентифицировать новые тенденции, наметившиеся в социально-науч-

ной теории на рубеже XIX–XX столетий и вскоре наложившие свою печать на весь облик социологического знания прошлого столетия, с помощью понятия «неклассичности», уже прочно вошедшего в современный науковедческий обиход.

Но если квалификация новейших тенденций социологии прошлого века, повернувшей от методологического реализма («холизма») к номинализму («индивидуализму»), в качестве «неклассических» вообще не вызвала никаких сомнений у историков социальной науки XX века, то по поводу термина «постнеклассическая», используемого применительно к следующей фазе эволюции социально-научного знания, у нас возникли и все еще остаются некоторые вопросы. Судя по той содержательной расшифровке, которую В.С.Степин дает этому термину в последней главе своей итоговой книги, в данном случае было бы более уместно использовать префикс «нео» (неоклассический тип рациональности), поскольку он гораздо более релевантен для обозначения «универсального эволюционизма», являющегося, согласно автору этой книги, основой «современной научной картины мира», пришедшей на смену «неклассической», дав новое решение проблем, поставленных еще в культурно-исторически ограниченных рамках классической научности. Ведь, как утверждается в его «Теоретическом знании», именно последней принадлежит идея эволюционизма, подвергнутая сомнению в пределах неклассической науки, чтобы теперь обрести, наконец, новый, «универсальный», смысл категории, объемлющей как макро-, так и микрокосмос. Но если в науках о природе дело, быть может, обстоит именно так, то в науках об обществе и его культуре, особенно в социологии, мы наблюдаем сегодня иную теоретическую ситуацию, которую точнее было бы определить как «войну всех со всеми».

Что же касается уже не просто терминологического, но содержательного вопроса, который продолжает волновать нас, историков социальной науки, в данной связи, так это вопрос о собственно социологической артикуляции той самой «связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности», которая, согласно констатации В.С.Степина, выступала на передний план уже в рамках «неклассической науки», чтобы расширяться и углубиться в «постнеклассической». Нам представляется, что отправным моментом такой артикуляции должно стать новое, более углубленное понимание самого социального объекта, т.е. общества, учитывая его далеко идущие трансформации как на рубеже XIX–XX веков (начало эпохи мировых войн и револю-

ций), так и на рубеже II–III тысячелетий (переход к тотальной глобализации). В целом ряде случаев, обусловленных своеобразием социально-научного знания в отличие от естественнонаучного, эти упомянутые выше связи, которые совершенно справедливо акцентирует В.С.Степин, выглядят по-разному в каждой из этих областей. Это можно было бы показать и подтвердить, но потребовалось бы время, которого у нас сейчас нет.

В.М.Розин

Выступления моих друзей, Елены Мамчур и Александра Огурцова, меня не убедили. Я исхожу из того, что у науки ближайшего будущего не будет перспективы, если рефлексия науки не будет отражать реальное развитие наук, а следовательно, если не будет изменено понимание науки. Я сейчас для полемики буду говорить резко, может быть, несколько огрубляя положение дел.

Как многие из присутствующих отвечают на вопрос, что такое наука? Думаю, не ошибусь, сказав, что наука для них — это, по сути, естественнонаучный тип, что именно естественная наука задает идеал любой науки. Конечно, большинство из участников дискуссии — науковеды или философы науки, и они прекрасно знают, что кроме естественных наук есть гуманитарные, социальные, но одновременно полагают, что все эти науки представляют собой варианты либо модификации естественных наук, или это не настоящие науки, еще не точные, еще не развитые. Вот, например, Вячеслав Семенович, естественно, не отрицает гуманитарных и социальных наук, но предпочитает все же говорить о науке вообще, и все время обсуждает, в какой мере на основе научных знаний можно прогнозировать, рассчитывать и управлять явлениями. Так это только в естественной науке можно создавать знания и теории, на основе которых можно рассчитывать, прогнозировать и управлять, поскольку объект этих наук — природные процессы, а сами естественнонаучные знания строятся как модели. В других типах наук нет даже такой установки — рассчитывать, прогнозировать, управлять. Зато есть другие — понять явление, объяснить его поведение, полюбить или, наоборот, отстраниться от него, как-то воздействовать на явление (например, вывести из равновесия, заставить проснуться, стать активным и т.д. и т.п.).

На мой взгляд не верен и тезис о том, что наука представляет собой автономную реальность. Может быть, когда-то это убеждение было революционным и полезным, а сегодня оно тормозит

развитие науки. Вячеслав Семенович говорит, что наука — это когда мы всё представляем как объект, как независимую от нас, исследователей реальность. А Е.А.Мамчур считает фундаментальную науку сферой незаинтересованного научного познания, так сказать, плодом чистого созерцания. Но достаточно бегло взглянуть на историю наук, чтобы убедиться в том, что это не так.

Разве Платон или Аристотель не решали чисто прагматические культурные задачи? Затем была создана естественная наука в рамках уже другого, новоевропейского проекта, и поставлена цель овладения силами и энергиями природы. Именно в этом контексте формировались и эксперимент, и естественнонаучная теория, и сам идеал естественной науки и познания. Познания, которое почему-то сегодня некоторыми философами и учеными понимается как объективное и незаинтересованное. Ничего себе незаинтересованное! На основе этого незаинтересованного изучения мы уже почти изменили облик нашей Планеты, создали вторую природу, фантастические машины, поставили человечество на грань уничтожения. Современные исследования показывают, что каждый тип науки (античная, естественная, гуманитарная, социальная) создавался в рамках определенного культурного проекта, решая определенные прагматические задачи.

В генетической реконструкции процесс формирования отдельных типов наук выглядит так. В античной философии складывается как генетическое ядро науки, так и античный тип науки. В средние века, как показала Светлана Неретина, формируется «верующий разум», в рамках которого античное генетическое ядро существенно трансформируется: меняется логика, включая в себя идею двусмысленности, по-новому понимается научное обоснование, существенно меняются категории, знания становятся этически нагруженными. Но тем не менее все основные характеристики этого ядра сохраняются.

В Новое Время происходит следующая трансформация генетического ядра науки. Во-первых, изменяется понимание научной истины; к логической обоснованности добавляется требование экспериментального обоснования научных знаний. Во-вторых, меняются категории и онтология, поскольку основным объектом изучения объявляются процессы природы. В-третьих, существенно меняются представления о научной организации знаний. Но опять же, основные характеристики генетического ядра науки сохраняются.

Очередная трансформация генетического ядра науки падает на конец XIX, начало и середину XX вв., когда формируются гуманитарные и социальные науки. Здесь требование экспериментального обоснования научных знаний, характерное для естественнонаучного идеала, отходит на второй план или вообще опускается, зато выдвигаются требования последовательного проведения позиции ученого, рефлексивности научного знания, влияющего на свой объект, принципиального учета гуманитарной и социальной природы изучаемых явлений. Соответственно меняется понимание категорий, логики научного познания, структуры научной теории.

Ныне, отмечу особо, естественные науки функционируют и развиваются не сами по себе, а в рамках того, что можно назвать «технократическим дискурсом», который сложился при сцеплении (слиянии) двух сфер — сферы научного познания и инженерной деятельности со сферой опирающегося на инженерию производства и потребления. В контексте технократического дискурса нет природы самой по себе, вне нашего к ней отношения и деятельности. Действительность уже не сводится к природным феноменам, пусть даже их истолковывают в языке синергетики и аттракторов, и помимо галилеевско-ньютоновского понимания природы уже давно вышли на поверхность еще два понимания — природа как экологический организм и социальная природа.

В настоящее время обнаружилось принципиальные, можно даже сказать угрожающие недостатки социального проекта «овладения природой» и в противовес этому складывается новый социальный проект «выживания и контролируемого, осмысленного развития человечества». Однако реализация этого нового проекта предельно затруднена технократическим дискурсом, в рамках которого всеми институциональными средствами пропагандируются разного рода мифы науки. Поэтому если мы с вами хотим ответить на вызовы времени, то необходимо, во-первых, развести естественные науки и технократический дискурс (все же это не одно и то же), вывести представителей естествознания и философии науки из-под гипноза технократического дискурса, во-вторых, ориентировать науку (разные типы наук) на новый социальный проект, на духовную работу по спасению жизни и человека. Следовательно, я прогнозирую выдвижение в XXI веке на первый план гуманитарно-социальных наук и методологии, конечно, под зонтиком и водительством обновленной философии. Так я понимаю нашу с вами ответственность за судьбы науки.

Л.Б.Малкиель-Баженов

Сразу определяю свою позицию. Вопреки широко распространенному положению о том, что существуют две противостоящие позиции сциентизма и антисциентизма, я утверждал и утверждаю, что никакого сколь-нибудь четко выраженного сциентизма просто не существует. Сциентизм — это термин, просто придуманный антисциентистами. Антисциентисты (к каковым и относится резвившаяся на «Круглом столе» «великолепная пятерка») навязывают своим оппонентам утверждение о том, что наука призвана решать все проблемы, с которыми сталкивается человечество. Ни один серьезный ученый (и просто здравомыслящий человек) никогда не утверждал такого. Наука всегда изучает объект среди объектов; все, что может быть рассмотрено в качестве объекта в этом (но только в этом) качестве, и оказывается предметом науки. За этими пределами остается очень многое. Сошлемся в этой связи на Р.Фейнмана, шужливо заметившего, что не надо считать, что все хорошее — непременно наука. Например, любовь — это хорошо, но это не наука.

Но если сциентизм — это жупел, и только жупел, то антисциентизм — это совершенно серьезно и чрезвычайно опасно. В известном смысле я благодарен нашей «великолепной пятерке» за откровенное изложение основных тезисов антисциентизма. Приведу основные перлы.

В.Розин: «Сегодня становится очевидным, что естествознание работает на две вещи: с одной стороны, оно обслуживает технократический дискурс, который становится все более угрожающим для человеческой жизни; с другой — естествознание постоянно воспроизводит, тиражирует некую картину мира, культурное значение которой тоже может быть оценено только негативно». Этот тезис был усилен заявлением В.Межуева, что наука вообще враждебна культуре. Социолог Л.Ионин утверждает: «Мое мнение — большая часть неприятностей, которые мы имеем в России и во всем мире, есть порождение этой самой научной рациональности». И дальше: «Грядут времена, когда наука и культура, основанная на науке и технике, будет постепенно сходить на нет. Она перестанет существовать в том виде и масштабе, в котором существовала. Наука становится просто сосуществующей с разными другими культурами». Так вот, с одними культурами, например художественной, наука вполне сосуществует, а с другими, такими как оккультизм, колдовство, вера в сглаз и порчу, наука никак сосуществовать не может. Наука не враждебна культуре, но есть культуры, действительно враждебные науке.

Тезис о едином мире, изучаемом наукой, предлагают заметить тезисом о так называемом многомерии (или полимерии). Наши полимундисты утверждают, что мы можем сконструировать любые миры и все они будут иметь равное право на существование. В общественной жизни действительно можно сконструировать некий утопический мир и убедить население (на какой-то период времени) в его реальности. Мы сами семьдесят лет жили в таком мире. И считали, что у нас самый передовой общественный строй, что мы им всем покажем «кузькину мать», что мы вообще впереди планеты всей. Но даже в социальной сфере этот утопический мир не выдерживал столкновения с реальным миром и развалился как картонный домик. Но все-таки он 70 лет существовал реально. С природным миром такие фокусы не проходят. Итак, что же мы имеем в итоге? Я оцениваю выступления наших полимундистов как еще одну попытку похоронить науку. И честно говоря, эта попытка очень напоминает мне известную картинку, как «мыши kota хоронили».

В.В.Казютинский

Статус естественных наук в современной культуре парадоксален. С одной стороны, наша техногенная цивилизация немисла без науки, которая оказывает огромное и неоспоримое влияние на все стороны жизни современного общества и все другие феномены культуры. Но не менее очевидно и то, что современная постмодернистская культура всеми способами развенчивает науку, изображает ее чуть ли не наихудшим из зол, с которым сталкивается человечество наших дней. Подвергается сомнению роль научной рациональности, которую экстремистски настроенные сциентисты несколько неосторожно, может быть, объявили «высшим типом рациональности». Чем более мы оказываемся зависимыми от естественных наук (например, перспективы, открываемые изучением генома человека, поиска средств лечения рака, новых источников энергии и т.д.) — тем более предпринимается попыток принизить ценность научной истины и статус науки в культуре. В лучшем случае за наукой оставляют только «инструментальную» роль — овладение предметным миром для дальнейшего развития технологий.

Отрицают автономию, которую наука завоевала себе в жесткой борьбе. Настаивают на том или ином варианте синтеза науки, философии и религии, в котором научное знание оказалось

бы «растворенным» в знаниях иных типов, и подчиненным разного рода иррациональным конструкциям. Все это — настоящий поход против научной рациональности.

В чем же причины столь радикального пересмотра статуса науки? Это, во-первых, коренное изменение представлений о реальности, исследуемой естествознанием, о путях ее познания, а также невозможность абсолютного познания мира. Во-вторых, бурное развитие всего комплекса социальных наук, которые энергично теснят естественные науки, принижая их мировоззренческое влияние. В-третьих, исследования науки методами эпистемологии, логики, философии языка, социологии заставили серьезно уточнить некоторые традиционные представления о науке. Далее, изменения, происходящие в философии, которая сочетает в себе рациональные и ценностные компоненты, причем в разные эпохи доминируют то одни из них, то другие. Сейчас говорят о кризисе классической философии, об усилении влияния нерационалистических философских направлений, считающих науку враждебной сущности человека и т.д.

Является ли справедливым высказывание о «диктате» естественных наук над культурой? Отметим, прежде всего, что высказывания о диктате естествознания над культурой не совсем ясны. Наука, возникшая в новое время и отстоявшая свой особый социокультурный статус в острой борьбе, стала непосредственной производительной силой, новые научные достижения создают подавляющую часть богатства современного общества, и без науки современная цивилизация просто не могла бы существовать. Вот почему естествознание стало оказывать огромное влияние на все сферы современной культуры. Не в этом ли состоит его «диктат»?

Нравится ли это антисциентистам или нет, но именно наука создала современную цивилизацию. Какой окажется ее социальная роль в будущем — проблема, требующая тщательного исследования, тем более, что естествознание наших дней быстро меняется. Центральным объектом науки будущего имеет все шансы стать человек.

Вероятно, естествознание будет включено в какой-то новый «социальный проект». Но произойдет это не под диктовку антисциентистов, а с учетом социальных интересов и внутренних потенций самих естественных наук.

Б.Г.Юдин

Говоря о самоценности науки, я хотел бы возразить В.М.Розину. Он говорит, что энергия научного поиска в новой реальности будет иметь другой характер — не познание ради познания и

научного любопытства, а познание ради жизни. Это замечательно, когда человек познал нечто ради жизни. Но почему во имя этого надо «закрывать» познание ради познания и ради научного любопытства? В наше сверхпрагматичное время, когда достижения науки ассоциируются прежде всего с техническим могуществом человека, мы как-то склонны забывать, что наука, пусть даже ее считают служанкой, домохозяйкой, заложницей, наложницей, все же является и одной из сфер реализаций высших достижений творческого духа человека. И я не уверен, что есть достаточно серьезные основания оставлять все это в прошлом.

Несколько слов по поводу научной рациональности. Во-первых, мне в принципе не кажется реалистичным такой подход — вот сейчас мы посидим, подумаем, новый проект составим, а научную рациональность отменим и уберем. Во-вторых, даже если представить, что мы этого добьемся, то освободившееся пространство заполнят такие монстры, такие чудовища... они лезут и сейчас: чуть-чуть где-то обнаружился сон разума — и они уж тут как тут, и колдуны, и астрологи, и знахари, и кто только не вылезает, отбою нет! Нет уж, я лучше буду держаться научной рациональности, даже понимая, что она вовсе не панацея.

И последнее. Современный научно-технический прогресс порождает немало очень серьезных проблем. Ими приходится заниматься постоянно, необходимо уметь предвидеть и стремиться предотвращать их появление. Это — вещи вполне реальные, которые требуют все больших усилий. Сегодня всякая технологическая новация прежде, чем получить доступ в наш мир, должна быть изучена как с точки зрения тех новых возможностей, которые она может открыть для реализации человеческих возможностей, так и с точки зрения тех рисков для человека, его физического и психического благополучия, его прав и достоинства, которыми она может угрожать.

Ю. В. Сачков

В настоящее время при рассмотрении вопросов о природе, статусе и ценности науки в жизни общества нередко допускается весьма резкое противопоставление естествознания и наук об обществе. Особо настораживают крайне нигилистические высказывания по отношению к естествознанию. Утверждается, что естествознание порождает бездуховность, не имеет отношения к раскрытию природы и основных ценностей человеческой жизни, ответственно за порождение глобальных кризисов, угрожающих самому существованию человечества. Так ли это?

Отрыв естествознания от общественных наук, их прямое противопоставление, отлучение естествознания от духовной жизни общества фактически означает, что научный метод, как он вырастает из развития естествознания, не применим к познанию общественных явлений. Тем самым отрицается единство научного метода, единство науки. На наш взгляд, непонимание того, что развитие общественных наук идет в общем русле развития научного метода, есть отрицание возможности разумного познания происходящих в обществе процессов, познания строения и эволюции общественных структур. Последнее ставит вопросы о «назначении», ценности общественных наук. Естествознание образует теоретическую основу развития технологий, развития материальной деятельности человека. Подобным же образом основное «назначение» социальных, общественных наук заключается в том, чтобы служить теоретической основой выработки оптимальных форм организации жизни общества, теоретической основой преобразования социальных структур. Если науки об обществе не преследуют подобных целей, то практически нет и оправдания самого их существования.

Встает вопрос: а как воздействует научный метод на развитие самого человека, какова его роль в системе культуры? При рассмотрении вопросов о роли естествознания в развитии человека, в системе культуры обычно обращают внимание на то, что именно на базе естествознания вырабатываются базовые модели строения и эволюции мироздания, что позволяет человеку ориентироваться в своей жизнедеятельности. Отмечается также, что естествознание является теоретической основой развития техники и новейших технологий, что позволяет человеку стать творцом самих условий его бытия. Однако значимость естествознания зачастую не рассматривается в связи с научным методом, его воздействием на развитие интеллекта, мышления. Научное мышление есть высокоразвитое теоретическое мышление, которое предвяет путь другим типам мышления, включая обыденное. Тем самым мышление человека становится все более строгим, логически последовательным, доказательным и плодотворным. В развитии мышления концентрируется развитие познания, что составляет важнейший компонент духовности, а следовательно — и культуры. Игнорируя роль естествознания в развитии культуры, мы оставляем последнюю в жестких тисках примитивного мышления.

С.Н.Коняев

Обсуждаемая проблематика с потрясающей глубиной проанализирована Мартином Хайдеггером еще полвека тому назад. По Хайдеггеру, наука является органической частью культуры, наука ставится ... в ряд ценностей, которыми человек дорожит...

В ряде работ Хайдеггер говорил о «скрытой опасности» техники: «...технику никогда не удастся взять под контроль просто волевым человеческим усилием, будь оно позитивное или негативное. Техника, чья сущность есть само бытие, никогда не даст человеку преодолеть себя».

Действительно, не зря мы говорим сегодня о «техногенной» цивилизации. Техника входит в само «основание» современного общества. Элиминировав технику механически, т.е. системы коммуникации, энергоснабжения, транспорта и т.п., мы в лучшем случае вернемся к традиционному обществу, а в худшем — просто одичаем.

Хайдеггер не дает конкретного рецепта «вынесения» «существа техники». Почти в традиции дзеновских коанов он цитирует Гендерлина: «... где опасность, там вырастает спасительное». Таким образом, спасение, по Хайдеггеру, все-таки, в том числе, и в развитии науки и техники. При этом, конечно, необходимо и формирование «вектора развития цивилизации», соответствующего «пространства целей». В этом процессе, по-видимому, будут полезны усилия и философов, и ученых, и религиозных мыслителей.

Что касается практических шагов по созданию «техники с человеческим лицом», то, возможно, развитие CALS-технологий является становлением «экологически ориентированной инженерной парадигмы». Ведь, как известно, CALS-технологии, являющиеся результатом развития систем автоматического управления и проектирования, — это принципиально новая система взглядов на процесс разработки, сопровождения (с учетом возможных рисков техногенных катастроф) и утилизации изделия. С момента начала проектирования изделия учитывается весь его жизненный цикл и осуществляется сотрудничество с потенциальным потребителем. Разработчики, производители и потребители взаимодействуют «виртуально», посредством компьютерных информационных сетей. По-видимому, в контексте CALS-технологий можно даже говорить о наличии принципиально новой «виртуальной» онтологии.

А.Г.Ваганов

У меня пять минут — и пять тезисов.

Во-первых, «круглый стол» в «НГ», о котором идет разговор, это, не боюсь показаться нескромным, была сугубо моя инициатива. Я привлек тех людей, кого знал, с кем общался раньше. Правильно тут говорили, элемент провокационности был одним из двух движущих моих мотивов, которыми я руководствовался как заказчик, организовывая «круглый стол».

Второй тезис. Насколько я понимаю, а я вообще сам технарь по образованию, теплофизик, окончил Московский энергетический институт, т.е. обыватель в смысле философском. И как носитель обыденного сознания, я вдруг наткнулся на такую высокую философскую проблему, обнаружив, что в этой области философского знания что-то происходит. По этому поводу у меня третий тезис.

Происходит, на мой взгляд, вот что. Я читаю, скажем, выступление президента РАН Ю.С.Осипова, где он говорит, что так называемое научное мировоззрение давно пора отринуть и обратиться к синтезу науки и религии. Это он два года назад осенью говорил. Что это значит? Тут надо бы разобраться.

Четвертый тезис. Срабатывает закон притяжения информации. Начинаешь об одной теме думать, и тут как будто специально попадают какие-то книги, высказывания. Например, «Объективизм как и прочие околонучные предрассудки». Это у меня брошюрка такая, издана ИНИОНОм. Цитата вырванная, цитата точная. Я и вздрогнул, и отсюда вырос этот «круглый стол». Мне, носителю обыденного сознания, показалось интересным для себя узнать, что это значит. И поэтому я не согласен с Пиамой Павловной Гайденко, когда она говорит, что «научная рациональность вытеснила разум». Вот с этим мой разум никак не может согласиться хотя бы потому, что определение и понятие «научная рациональность» мы худо-бедно найдем, скажем, в книжке В.С.Степина, а что такое разум, не найдем, или наоборот, найдем бесконечно много. У братьев Стругацких в «Гадких лебедях» есть фраза, писатель Банев об этом говорит: «Жизнь — это болезнь материи, а разум — это болезнь жизни».

П.П. Гайденко

О разуме нужно не к Стругацким, а к Платону, к Канту...

А.Г.Ваганов

Я же предупредил: я носитель обывательского сознания.

И пятый тезис. На мой взгляд, отказываясь сегодня от науки или ставя ее под сомнение, не отказываемся ли мы в этом случае и от реальности, данной нам в ощущениях, в пользу какой-то реальности, данной нам в галлюцинациях, как сказал Лев Борисович. Я понимаю, что Вадим Розин сейчас это назовет технократическим дискурсом, и, наверное, он, с точки зрения каких-то философских понятий, будет прав, я ему полностью доверяю в этом смысле.

Но сегодня я услышал у академика Степина фразу, что эта цивилизация так уж устроена, что наука в ней самоценность. У меня так и остались вопросы: кем устроено? в результате каких процессов устроено? и как именно технологически побеждает та или иная стратегия развития человеческой цивилизации?

В.С.Степин

Я несколько удивлен тому, что Вадим Маркович Розин в форме полемики просто воспроизводил многие вещи, о которых уже написано, в том числе и в моих книгах. Не понимаю, почему я должен с этим полемизировать. То, что научная рациональность исторически развивается — это уже почти трюизм. То, что в этом развитии воспроизводится некий инвариант науки, ее генетическое ядро, которое соединяется с какими-то дополнительными признаками, — об этом уже тоже написано, о чем тут спорить? Важно выяснить, в чем состоит этот инвариант и дополняющие его варьируемые признаки.

Одним из проявлений исторической изменчивости науки является смена идеалов научной рациональности. Они тоже развиваются. Но в них обязательно есть пласт, который отличает науку от ненаучных форм знания. И этот пласт сохраняется, его разрушать нельзя. Если его разрушить — исчезнет и наука.

Я настаиваю на том, что одной из определяющих характеристик «генетического ядра» науки является то, что наука дает объективное знание о мире. Она рассматривает любые аспекты и феномены мира как объекты и в этом качестве их изучает и исследует.

Именно этот принцип явно или неявно подвергают сомнению мои оппоненты — авторы обсуждаемой публикации круглого стола в «НГ». К сожалению, их возражения не всегда даны в

форме четкой аргументации. Многое подается в контексте и в подтексте обсуждения. Поэтому я остановлюсь только на тех возражениях, которые более-менее четко артикулированы.

Прежде всего об отождествлении принципа объективности с натуралистическим подходом. Эта позиция лежит в основе рассуждений В.М.Раца о «незаконности» экспансии естественнонаучного рационализма в область социального познания. При этом не учитывается, что отождествление идеала объективности и предметности знания с натуралистическим подходом было присуще только классическому типу научной рациональности. Но такое отождествление несвойственно другим, позднее возникшим ее типам, в том числе и доминировавшим в естествознании XX века. Классическая наука полагала, что объективность знания достигается за счет элиминации из объяснения и теоретического описания любых ссылок на операции и средства деятельности. Законы природы, которые должна раскрывать наука, трактовались в этом подходе в духе лапласовской причинности. Применение этой парадигмы в социальных науках действительно приводило к упрощенной механистической трактовке социальных процессов (программы К.-А.Сен-Симона, О.Конта). Критика этих программ выделила ряд особенностей социально-гуманитарных наук (Риккерт, Дильтей и др.). Все это хорошо известно. И все это справедливо для классического этапа.

Но в XX веке возникла иная ситуация. В квантово-релятивистской физике объективность знания уже не тождественна классическому натуралистическому подходу. В ней утвердился неклассический тип рациональности, предполагающий включение в состав теоретического описания объекта характеристики средств и операций деятельности. Объективность описания достигается не вопреки, а благодаря такому включению.

Становление постнеклассической рациональности (последняя треть XX века) еще более расширило спектр условий, рефлексия над которыми обеспечивает объективность исследования. Кроме учета особенностей средств и операций деятельности для получения истинного знания здесь необходима дополнительная рефлексия над ценностями, регулирующими научный поиск. И это связано прежде всего со спецификой осваиваемых объектов. Такими объектами являются исторически развивающиеся системы с включенными в них человеком и человеческой деятельностью. Раньше с ними работали только социальные науки и медицина. Сегодня круг областей знания, где мы осваиваем объек-

ты такого типа, значительно расширился. Я назвал эти объекты человекообразными, чтобы сократить длинную фразу: «исторически развивающаяся система с включенным в нее человеком». Но я фиксирую, что с такими системами исследователь работает так, как и требует того наука, рассматривая их как особые предметности, подчиненные определенным законам, и остаются в силе базисные установки научного этоса: ищи истину и наращивай новые знания об объекте. Но, оказывается, для того чтобы исследовать человекообразные объекты, чтобы получить истину, нужны дополнительные этические регулятивы, потому что эти объекты включают человека и для них эксперимент становится ограниченным, невозможным в той части, в которой он способен породить непредсказуемые, опасные для человека последствия. В некоторых ситуациях он заменяется вычислительным экспериментом. В других — его стратегии выбираются с учетом этических соображений. И такие ограничения — вовсе не отказ от объективного исследования, а условие его осуществления.

Появление каждого нового типа научной рациональности не отменяет предыдущих типов, а лишь ограничивает сферу их действия. Они соседствуют, сосуществуют, причем в зависимости от исследовательских задач один и тот же объект может быть рассмотрен с разных системных позиций и стать предметом освоения в разных типах научной рациональности. Но во всех этих типах сохраняется установка на объективность исследования и получения объективной истины. И только в ситуациях классической рациональности эта установка выступает в обличье натурализма. В остальных ситуациях этого нет.

Социальные науки в той степени, в какой они *науки*, также ориентированы на идеал объективности. Другое дело, что условием объективного исследования является учет особенностей социальных объектов, историчности и уникальности многих из них, и необходимость рефлексии над ценностями (отнесение к ценностям) при построении социальных теорий. Но и здесь я не вижу резких разрывов с современным естественнонаучным познанием. В нем также появились исторически развивающиеся системы (биология, науки о Земле, физика высоких энергий и космология). И среди них есть уникальные, данные в одном экземпляре объекты — Метагалактика, Биосфера, уникальные биогеоценозы, рассмотренные в их становлении и развитии. Теоретические модели их описания предстают в качестве особых исторических реконструкций. И здесь тоже возникает своеобразная переключка

между естествознанием и социально-гуманитарными науками. Исторические реконструкции представляют собой особый тип теоретического знания, в котором соединяются индивидуализирующий и генерализирующий подходы. Исследователь здесь не просто описывает индивидуально-неповторимые события. Он выстраивает их особым образом, чтобы продемонстрировать логику изучаемого исторического процесса. Он имеет дело с неповторимым индивидуальным процессом и вместе с тем генерализирует. Как и во всяком теоретическом исследовании, здесь предварительно конструируются гипотезы, которые затем многократно проверяются и корректируются историческими фактами. Сама реконструкция одновременно выступает как специфическое объяснение фактов. Более того, хорошая историческая реконструкция обладает предсказательной силой, она способна выявлять такие новые факты, которые историк-эмпирик не увидел.

При построении исторических реконструкций исследователь всегда опирается на предварительно выбранную им систему оснований науки — на некоторую картину исследуемой реальности, на систему идеалов и норм науки, на определенные философские основания. И здесь все обстоит так же, как и при построении любой теории. Различие в выборе оснований приводит к разным реконструкциям одной и той же исторической реальности. В качестве примера такого различия можно указать на реконструкции истории первоначального накопления, представленные в работах К.Маркса, с одной стороны, и М.Вебера — с другой. В естественных науках — сходная ситуация возникает при сопоставлении различных моделей «Большого взрыва» и сценариев последующего развития Метагалактики, в концепциях происхождения жизни и становления Биосферы и т.д.

Все эти переключки между социально-гуманитарными и естественными науками, возникающие при исследовании сложных, исторически развивающихся, человекоразмерных систем, открывает новые перспективы их взаимодействия, обмена идеями и методами. Одним из таких сюжетов является внедрение выработанных в естествознании представлений синергетики и динамики неравновесных систем в область социальных исследований. С этих позиций абстрактные рассуждения о недопустимости экспансии естественнонаучной рациональности в сферу социально-гуманитарных наук выглядят, мягко говоря, малосостоятельными.

Вынужден еще раз констатировать, что принципиально важно различать в системе социально-гуманитарного знания научную и вненаучную компоненты. Они, конечно же, взаимодействуют, поскольку наука не развивается изолированно от других сфер культуры. Но на этом основании их нельзя отождествлять. Я не могу согласиться с позицией В.М.Розина о том, что важно говорить не о науке вообще, а о разных типах науки. Но без выяснения признаков, которые отличают науку от вненаучных форм знания (а это и есть обсуждение проблемы, что является «наукой вообще»), без такого выяснения остается лишь опираться на интуитивные представления о науке. А это весьма зыбкая почва, на которой возникает опасность постоянно соскальзывать к отождествлению науки и других форм знания, безразмерно расширяя само понятие науки и типов науки.

На мой взгляд, есть определенные несостыковки в рассуждениях В.М.Розина. С одной стороны, он характеризует устойчивое генетическое ядро науки, сохраняющееся во всех ее типах, как установку на построение идеальных объектов, разворачивание системы теоретических знаний (а они всегда моделируют, объясняют и предсказывают), а с другой стороны, утверждает, что моделирование, прогнозирование, управление свойственно только естественным наукам. В других типах науки, по его мнению, такой установки нет, а есть установка понять явление, полюбить его и т.п. (из контекста его рассуждений видно, что речь идет о социально-гуманитарных науках). Я думаю, что последнее утверждение во многом инициировано полемическим запалом. В книгах В.М.Розина, касающихся анализа гуманитарного знания, довольно хорошо показано, что в нем есть теоретическая компонента, предполагающая моделирование социальных процессов в системе идеальных объектов науки. Я здесь солидарен с В.Г.Федотовой, которая обратила внимание, что при всей специфике социальных наук в их функционировании также обнаруживаются интенции на объяснение, предсказание и управление социальными объектами. Более того, претензии социальных наук на возможность организовать общение весьма часто оборачивается стремлением к программированию и манипулированием личностью. Для эмоциональной разрядки приведу на этот счет один житейский пример. Я знал одну супружескую пару, где жена была довольно способным социальным психологом, сейчас уже она доктор и профессор. Когда от нее муж ушел, и у него спрашивали, почему он расстался с умной и красивой женщиной, он как-то ответил — «а надоела мне социальная психология на дому».

Теперь остановлюсь на некоторых замечаниях по поводу проблемы места и функций науки в культуре.

Я не могу согласиться с концепцией, которую явно и неявно отстаивал В.М.Рац. В ней культура сводится к традиции, к сохранению достигнутого, воспроизводству деятельности и образа жизни, а наука — к инновациям, обновляющим деятельность. Но в культуре есть и традиции, и инновации. Причем они проявляются в разных сферах культуры, а не только в науке. Что же касается науки, то в ней, при всей ценности инноваций, также есть традиция, сохраняющая ее как особый способ познания мира.

Возражения В.М.Розина относительно тезиса об автономности научного познания также представляются мне малообоснованными. В его трактовке этот тезис представлен как изоляция науки от социокультурного контекста и социокультурных задач. Но ни мне, ни Е.А.Мамчур, ни большинству здесь присутствующих такой трактовки приписать нельзя. Напротив, в наших работах на эту тему есть достаточно разъяснений, указывающих на социокультурные основания научных исследований. По Розину получается, что тезис об объективности и незаинтересованности научного исследования противоречит установкам «новоевропейского культурного проекта» — овладения силами и энергиями природы. Но это не так! Фундаментальные науки не в меньшей, а, может быть, в большей степени, чем прикладные, обеспечивают решение этой задачи, поскольку потенциально содержат в себе целые созвездия возможных будущих технологий.

Но чтобы систематически порождать соответствующий тип знания, нужно было предварительно обеспечить признание самоценности фундаментальных исследований науки, санкционировать ценность ее прорывов к новым предметным мирам, ценность знаний, выходящих за рамки сегодняшних возможностей их практической реализации и адресованных к практике будущего. Статус науки как объективного и незаинтересованного исследования как раз и обеспечивал этот тип развития. Его ценность конституировалась в новоевропейской культуре через признание мировоззренческих функций науки, ее права создавать картину мира, которая в системе обучения усваивается людьми и во многом организует их миропонимание. И только благодаря этому, благодаря включению в состав базисных ценностей культуры идеала объективного научного исследования, затем (уже в эпоху индустриализма) возникла вторая определяющая функция науки — быть производительной, технологической силой.

Я вынужден сжато повторить все эти уже опубликованные мною рассуждения, но все мы в той или иной мере относимся к категории «чукча не читатель, чука — писатель». Так что иногда приходится повторяться.

Наконец, о последней и, пожалуй, наиболее важной проблеме — о духовной работе, направленной на поиск новых ценностей и новых стратегий цивилизационного развития. Какое место занимает наука и научная рациональность в этих поисках? В постановке этой проблемы я солидарен с моими оппонентами в сегодняшней дискуссии. Но подходы к ее решению у нас разные. Я полагаю, что в современном научном дискурсе есть точки роста новых ценностей. Их нужно исследовать. И можно показать, что переход к освоению сложных, исторически развивающихся человекообразных систем приводит помимо всего прочего и к расширению поля мировоззренческих оснований науки. До настоящего времени она согласовывалась только с ценностями техногенной цивилизации. Теперь возникают ее переключки и с некоторыми ценностями традиционалистских культур. Научная рациональность органично включается в то, что сегодня принято называть диалогом культур, причем это относится и к естествознанию, и к социально-гуманитарным наукам.

Но я не думаю, что кто-то может предписывать науке, что ей нужно делать и что ей нельзя делать, какие науки будут участвовать в духовной работе на будущее, а какие должны быть исключены из этой работы.

В целом же я должен констатировать, что наше обсуждение было проблемным и плодотворным. Оно заставляет нас еще раз обдумать свою позицию, усилить там, где нужно, аргументацию, искать пути решения вопросов, обостряемых современной социальной ситуацией.

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Встреча с М.С.Горбачевым 19 апреля 2000 г.⁴

В.И.Толстых

Создание Объединенной социал-демократической партии в России — событие важное и заметное как в общественно-политической жизни страны, так и в личной биографии Михаила Горбачева. Партия учреждена, формально организована, но только начинается сложнейший процесс ее самоутверждения, и никто не отважится предсказать ее судьбу, хотя многие связывают с нею надежды на лучшее будущее России.

Знаковыми являются и сам исторический момент образования партии, и основной мотив, которым руководствовались ее создатели. Она появляется в момент нового судьбоносного выбора, который предстоит сделать России после драмы перестройки 1985—1991 гг. и трагических последствий «катастрофы» 1992—1999 гг., намереваясь, судя по всему, предложить альтернативу одновременно коммунистическому и либеральному фундаментализму. В этом, как мне представляется, состоит ее стратегическое предназначение в новейшей истории страны, издерганной расколотостью, «баррикадным» противостоянием и нетерпимостью. Можно предположить, что к ней потянутся — наверняка, не сразу и не скопом — все, кому близка и дорога идея социальной демократии.

Но времена меняются, и идеалы социал-демократии, выношенные и выстраданные более чем вековой историей борьбы внутри коммунистического движения, тоже меняются. Изменилась природа труда и капитала и соотношение между ними, наполняются новым содержанием классические понятия социализма и

⁴ Сокращенная стенограмма. Полный текст опубликован в брошюре: «Социальная база и перспективы развития социал-демократии в России. Встреча с М.С.Горбачевым. М., 2000.

демократии. Можно по-разному относиться к феномену глобализации мира — а он вызывает ныне самые противоречивые чувства и ожидания, но нельзя не считаться с объективной потребностью действительно всемирной перестройки фундаментальных оснований созданной человечеством цивилизации. Нетрудно представить себе, как мощные силы, действующие в современном мире, попытаются приватизировать этот объективный процесс в своих интересах, либо свести его к сугубо технологической, институциональной «переналадке» уже укоренившихся принципов и ценностей нынешнего мироустройства. Современной социал-демократии, ориентирующейся на «глобальный мир с человеческим лицом», предстоит найти и дать свой Ответ на Вызовы глобализации, что потребует немалых творческих усилий.

Наш Клуб на протяжении всех 12 лет своего существования живо откликался на злободневные вопросы современности, и потому, не мешкая, не дожидаясь официального признания новой партии, мы решили посвятить этому событию специальное заседание, пригласив председателя Российской объединенной социал-демократической партии — Михаила Сергеевича Горбачева. Ему я предоставляю первое слово.

М.С.Горбачев

Сегодня я выступаю в роли Председателя еще не зарегистрированной, но уже оформленной Учредительным съездом Объединенной социал-демократической партии. Мы проходим процесс регистрации. Здесь присутствует заместитель Председателя партии Борис Гуселетов. Кстати, в руководстве партии сейчас только два пожилых человека — Горбачев и Орлов Борис Сергеевич, теоретик, социал-демократ. Все остальные — «гуселетовское» племя, молодое и среднее поколение. Мы все — Богомолов, Шмелев, Попов и другие, кто входил в инициативную группу, заняли такую позицию: будем помогать молодому и среднему поколению, на плечи которого сейчас возлагается большая ответственность за будущее страны, — помогать в создании серьезной социал-демократической партии.

То, что я выступаю в такой роли, в этом, как я понимаю, для вас нет никакой неожиданности. Это честный, открытый выбор, а не какие-то «кремлевские тайны», ходы, рассчитанные на реализацию личных амбиций.

Почему инициатива создания РОСДП родилась сейчас, именно в этот момент? В течение двух-трех лет после того, как нас постигла неудача с попыткой реализации политики «третьего пути»

на выборах 1996 года, эта идея — объединение социал-демократических сил — активно обсуждалась. В это же время предпринимались новые попытки к объединению. Но до сих пор ничего не получалось. Мне думается, потому, что каждый раз допускалась одна и та же принципиальная ошибка, — это все были верхушечные схождения-расхождения, под какие-то выборы или под какие-то отдельные политические кампании. Вопрос же следовало ставить по-другому: для того, чтобы в стране укоренялась демократия, чтобы она стала функционировать как система, в которой мы должны жить, она должна опираться на ярко означенные социальные интересы, выраженные в деятельности крупных политических общенациональных партий, которые действуют не в связи с выборами, а постоянно.

Несмотря на все обращения ко мне последние два-три года, я не давал согласия взять на себя ответственность по объединению социал-демократических сил, потому что считал: люди должны во всем разобраться. Сейчас, как мне кажется, они во многом разобрались. Они не принимают советскую модель как модель для будущего. И теперь лучше представляют, что такое перестройка, как она развивалась, где она оборвалась. Поскольку такая ясность у многих людей в обществе есть — пришло время проявить инициативу по собиранию социал-демократических сил. Мы поставили цель — создать новую партию снизу. Пусть люди сами определяются, решают.

Более десяти демократических, социалистических, социал-демократических движений представлены были на нашем Учредительном съезде. Я считаю правильным, что в строительстве партии мы сделали ставку на молодое и среднее поколение. Уже в семидесяти пяти регионах созданы организационные структуры. Семьдесят были представлены на Учредительном съезде. Ну, а что такое база для социал-демократов? Говорят: «ее нет!». И что это утопический проект, который нужен лично мне. Нет, это не так. Мое мнение исходит из убеждения, что сейчас наступил момент, когда надо разворачивать работу по созданию мощной, серьезной, постоянно действующей организованной партии. И вместе с тем по-настоящему демократической, с определенными уставными положениями, обеспечивающими широкие права членов партии.

На днях я собираюсь съездить в Санкт-Петербург, где состоится конференция молодых социал-демократов. Тем самым будет положено начало общероссийской молодежной социал-демократической организации. Я поддерживаю эту идею, особенно

политическую активность студенчества. Сегодня студенчество — это активная решительная сила, а завтра — это специалисты, которые пойдут по жизни и будут ее менять. И мы должны дать им в руки такой мощный политический инструмент, каким является социал-демократия.

С.Н.Федоров

Я думаю, что для программы социал-демократической партии должны быть выработаны экономические основы. Партия должна выражать определенные экономические интересы достаточно большой группы людей. Сегодня социал-демократия Запада базируется на защите интересов наемного работника от жадности капиталиста: чтобы он все-таки платил достаточно большую пайку работникам предприятия. Но вы понимаете, одно дело защищать интересы современного экономического раба или экономического зэка, а другое дело ликвидировать само наемное рабство. Но чтобы сделать труд по возможности свободным, надо чтобы каждый работник получал за свой труд не жестко определенную зарплату, а долю, часть от заработанного всем коллективом предприятия, включая и часть прибыли. Ведь подлинная демократия начинается там, где люди начинают правильно распределять свой доход и прибыль.

Собственность на средства производства пока определяет многое в нашей жизни. Главное, что при частной или государственной собственности сохраняется наемничество, которое сегодня препятствует росту производительности труда. Когда Березовский покупает заводы или станки, он на самом деле покупает голову инженера или менеджера, но платит за работу этой головы столько, сколько сочтет возможным или ему выгодным: сам работник в этом процессе не участвует. В то же время любой завод, любая компания состоит из трех основных элементов: людей, которые придумали то, что производится, капиталиста, который дал деньги на производство, то есть купил сырье и соответствующие машины, и работников-профессионалов, которые создают продукт труда, эту красивую или полезную штуку, которую мы покупаем. Соответственно и общий доход должен распределяться между этими тремя основными субъектами производства. Часть должен получить тот, кто придумал вещь, другую часть — кто вложил в нее деньги, и третью часть должен получить непосредственный производитель. Размер доли каждого участника процесса зависит от размера его трудового или денежного вклада.

Это и есть тот «третий путь», по которому пошел Китай. Они оказались умнее. Семидесятивосьмилетний Дэн Сяопин убедил свое догматическое Политбюро и ЦК партии, что нужно соединить китайца с результатами его труда так же, как соединяется яйцеклетка со сперматозоидом, в результате чего появляется нечто новое, в одном случае вещь, товар, в другом — человек, живое существо. Человек, соединенный с трудом, это совершенно другой, новый человек, это уже свободное существо, которое нацелено на высокое качество и количество своего труда. Когда отдали землю китайцам в бессрочную аренду и сказали: «продукт — ваш», то через три года удвоился урожай, и китайцы накормили себя. Затем с 1992 года в Китае 41% государственных фабрик, заводов и других государственных предприятий передано в руки работников-профессионалов, которые там работают. И отдано без всяких ваучеров, без этих наших фокусов, которые никто не понимает. И за эти годы производительность труда на этих предприятиях поднялась в среднем на 250%. Китай, имея 170 миллиардов валового продукта в начале 90-х годов, вышел сегодня на цифру 900 миллиардов. Перегнал нас где-то в пять раз и говорит, что через 20 лет помашет рукой Америке. И это возможно, если в Китае будет 600 миллионов хозяев своего труда, которые на новейшей технике будут работать более производительнее, чем наемники в США.

Сегодня средний американец работает в 25 раз эффективнее, чем россиянин. Россиянин вкладывает в валовой продукт 1156 долларов, американец — 29500, японец — 30300. Кто же мы такие? Какой социализм? Какой демократизм? Какая может быть социал-демократия в стране, где нет свободных людей, самодостаточных личностей, умеющих работать?!

Конфуций сотни лет тому назад сказал: «Труд — душа жизни, нет труда — нет души, нет души — нет жизни». Если человек не владеет своим трудом, то, спрашивается, кто он такой? Просто говорящее домашнее животное, над которым можно производить любые политические фокусы. До тех пор, пока мы не свяжем человека с результатом труда, пока это не станет главной целью социал-демократии, у нас ничего хорошего в экономике не получится.

Сейчас у нас появились предприятия с собственностью работников. Их еще по-другому называют — народными предприятиями. Их уже несколько десятков. На них работник органически соединен с результатами труда. Они в наших тяжелых условиях работают стабильно, их работники исправно получают зарплату и соответствующие материальные поощрения в зависимости от

количества и качества труда. Здесь сидит руководитель артели Туманов, я был в его артели. Здорово ребята работали. Какая там государственная структура могла с ними конкурировать? И близко не могла! А кто может со мной конкурировать? Американские офтальмологи и близко не могут. В три с половиной раза наш коллектив производительней, чем они. В десять раз производительней, чем другие российские клиники. Потому что я зарабатываю, а не получаю деньги.

Я думаю, что социал-демократия должна провозгласить определенный тезис, который для россиян невероятно важен: производя — владей, мой труд — моя собственность, приватизация не средств производства — граблей и лопат, а приватизация результатов труда. Справедливая демократия — это и есть справедливое распределение создаваемого людьми, а не просто выбор очередного политического бандита, который будет меня грабить в ближайшие годы. Если мы думаем, что создадим гуманную систему грабежа, то этого никогда не будет.

Поэтому я думаю, что в основе социал-демократии сегодня должна быть не защита от злого капиталиста, а превращение каждого человека в своеобразного капиталиста, в собственника результатов своего труда. Надо соединить труд и капитал. Сам человек должен стать сегодня капиталом. Не лопата, не токарный станок, не крыша, а человек. Если это произойдет, у нас будет много и того, и другого, и третьего. Человек и его интеллект на информационной стадии развития общества становится главной движущей силой.

Поэтому я думаю, что основой социал-демократии должны явиться самодостаточные люди, сегодня их в России мало. И поэтому сегодня социал-демократия в России имеет пока небольшое количество сторонников. Чтобы их было больше, надо социал-демократам помочь созданию народных предприятий, или частных предприятий, где работают самодостаточные люди — собственники своего труда. Если их будет 15–20% — возможна реальная демократия.

Б. Ф. Славин

Прежде всего, что представляет сегодня понятие «социал-демократия»? Почему о нем много говорят в разных слоях общества и так мало голосуют за социал-демократов на выборах? Данное понятие состоит из двух слов — «социализм» и «демократия». Во многом они обесценены временем. Демократия обесценена сегодня, социализм — вчера.

Две современные политические силы, борющиеся между собой, пытаются выступить, отталкиваясь от этих слов: одни от имени социализма, другие от имени демократии. Прежде всего это зюгановская КПРФ, которая, по моему мнению, ничего общего с социализмом и тем более с коммунизмом не имеет, и радикальные демократы, которые своей политикой «шоковой терапии» и патологическим антикоммунизмом дискредитировали само слово «демократия». Рассмотрим эти силы более подробно.

Все больше людей осознает, что современная идеология КПРФ, выкинувшая за борт социально-классовый подход к явлениям общественной жизни, заменившая интернационализм державностью, атеизм православием, а рабочую демократию оправданием сталинизма, не может считаться подлинно левой партией. В подкрепление этого вывода назову те авторитеты, которым сегодня поклоняются некоторые лидеры и идеологи КПРФ. Это не Маркс и не Ленин, а идеолог белого движения Иван Ильин и бывший митрополит ленинградский и ладожский Иоанн. По мнению Зюганова оппозиция в России должна строиться наподобие войска Александра Невского: верующие православные — справа, коммунисты — слева, посередине — государственники. Вот с этим войском он и хочет одолеть существующий политический строй, выдвинув лозунг: «Никакой поддержки нынешнему режиму!».

На другом полюсе мы имеем неолибералов в идеологии и «радикальных демократов» в политике. Нет необходимости долго говорить о том, *что* эти силы дали народу за последние девять лет. Либеральные идеи на практике обернулись обесцениванием отечественной валюты, политикой «шоковой терапии», которая остановила работу тысяч отечественных предприятий, осуществила беспрецедентную в историю грабительскую приватизацию общественного достояния, породила массовую безработицу, опустила десятки миллионов россиян до грани нищеты и физического вырождения. Что касается идей демократии, то они были расстреляны танковыми снарядами по Белому дому в 1993 году, уничтожены бесконечной войной в Чечне и средствами массовой информации, которые монополизированы несколькими группами олигархов. Вот почему слово «демократия» у нас сегодня несет такой негативный смысл, что его стесняются употреблять даже демократы «первой волны».

Однако современное обесценивание понятий «демократия» и «социализм» не означает их полного уничтожения. Наполнение этих понятий современным содержанием уже началось. Так мне

пришлось непосредственно заниматься разработкой идеологии движения «За новый социализм». В ходе этой непростой работы мы искали ответы на многие вопросы теории и истории социализма. В итоге этой работы был написан Манифест, в котором мы постарались дать новое прочтение социализма, нарисовать модель общества, отвечающего, с одной стороны, основным критериям социалистичности, с другой — потребностям времени и грядущей постиндустриальной эпохи. В общих чертах новую модель социализма отличает, прежде всего, опора на науку во всех сферах общества. Подчеркивается приоритет развития производительных сил общества, информационных и других новейших технологий, забота государства о постоянном росте производительности труда на основе многообразия форм собственности. Новый социализм — это самоуправление, демократия и социальная справедливость, уважение к свободам и правам человека, политический, культурный и идейный плюрализм, творческое развитие теории общественного развития и социализма и т.д. Думаю, эта работа может быть использована новой объединенной социал-демократией при подготовке ее программных документов.

Основная идея подлинного социализма проста: привести к власти людей наемного труда, соединить их с результатами своего труда, а это возможно, если они будут непосредственно владеть и распоряжаться основными средствами производства. Я уверен, если бы в нашей истории на самом деле были осуществлены известные лозунги Октября: земля — крестьянам, фабрики — рабочим, власть — советам, то не было бы Августа 91-го года, когда ни один рабочий коллектив не вышел на защиту советского строя, не поддержал коммунистов.

Я думаю, что мы не выработаем современную программу социал-демократии, если не разберемся с нашей историей, не поймем ее движущих сил. История становления реального социализма в нашей стране мне представляется как борьба демократических и бюрократических тенденций, как постоянная смена периодов демократизации и авторитаризма. Как связана наша прошлая история с борьбой правящего сталинского режима с правой и левой оппозицией, что было верным в идеях оппозиции и что на самом деле являлось заблуждением? Без ответа на эти вопросы полноценной теории нового социализма создать нельзя: тот, кто игнорирует прошлое, не в состоянии понять настоящее и будущее.

После крушения реального социализма в СССР прошло много лет. Мы познали все прелести нашего варварского капитализма, на фоне которых бледнеют многие негативные страницы со-

ветского прошлого. Снова возникают вопросы: где мы находимся и куда идем, кто виноват и что делать? На мой взгляд, есть лишь три дороги, по одной из которых может пойти Россия. На двух из них мы уже побывали: это дорога назад, в государственно-бюрократический социализм, и дорога, по которой мы идем сегодня — дорога варварского бандитского капитализма. Одну из них предлагает большинство нынешних коммунистов, другую — неolibералы и радикальные демократы из «Союза правых сил». Думаю, они нам не подходят. Надо искать «третий путь», и он существует. Этот путь, я уверен, примет большинство народа.

Я имею в виду создание такого демократического общества, при котором будет возможно последовательное преодоление наемного и утверждение свободного труда путем соединения работников со средствами производства, органического слияния труда и капитала. Такое общество я называю новым, или подлинным социализмом. Это не выдумка отдельных интеллектуалов, а результат анализа реальных экономических тенденций в развитых странах. Материальные и социальные предпосылки такого общества сегодня можно эмпирически наблюдать на примере реализации программы ЭСОП в США, охватившей более десяти миллионов работников разных отраслей промышленности и сферы обслуживания, в испанских кооперативах Мандрагона, на строительных предприятиях Италии, известных автомобильных заводах Германии и т.д. Начали возникать аналогичные предприятия и в России под названием «народные предприятия». Эту тему затронул Святослав Николаевич.

Вопрос о социальной базе социал-демократии выводит нас на вопрос о социальной природе и структуре российского общества. Каковы сегодняшние социальные слои и классы в России? Прямого объективного ответа нет. Ясно одно — они во многом маргинализированы. Маргиналы всюду: и среди интеллектуалов, и среди рабочего класса. Судя по одежке, они сидят и в этом зале. Так на какой социальный слой должна опираться современная социал-демократия?

Социологи дают образную картину социальных структур различных обществ. Так американское общество по своей структуре напоминает образ лимона, где очень сильный средний класс (раздутая часть лимона) и малая верхняя и нижняя часть лимона, символизирующие небольшое количество высшего и низшего класса. Это классическое общество «двух третей». Если мы возьмем социальную структуру развивающихся стран, то она напоминает

Эйфелеву башню: при небольшом среднем классе очень большое количество богатых и очень большое количество бедных. А что же Россия? Для образного обозначения ее социальной структуры называют вдавленный к основанию треугольник, где очень маленькая вершина сверхбогачей, получающих в месяц сорок тысяч долларов, и громадное большинство людей, получающих в среднем сорок долларов в месяц. То есть, с одной стороны, это «поле чудес», с другой — «море слез». Вот на этой последней базе униженных и оскорбленных людей мы и должны работать.

Я думаю, что базой социал-демократии может и должен стать вообще весь класс наемных работников. Это люди, которые имеют среднее и высшее образование, но не имеют соответствующего материального обеспечения. Они сегодня раздроблены, они не понимают, в каком обществе живут и что необходимо сделать, чтобы качественно улучшить свою жизнь. Социал-демократы должны дать им соответствующие ответы. Главная задача сегодня заключается в объединении тех слоев общества, которые не принимают политику дикой капитализации России, приведшей к обнищанию десятков миллионов людей. Для этого надо стать на деле более социальной и радикальной партией, чем КПРФ с ее известным национал-оппортунизмом, и более информационно насыщенной, чем господствующие либеральные организации. Как это возможно сделать? Может быть, в какой-то степени вернуться к опыту Ленина с его идеями создания и практикой распространения массовых общероссийских газет? Конечно, лучше иметь не газету, а «ящик». Но телевизионный «ящик» принадлежит не нам. Им владеют всего три человека — Березовский, Лужков и Гусинский. Может быть, кого-то из них превратить в Савву Морозова, чтобы поделился своим капиталом? Здесь нужно серьезно думать и не менее серьезно работать и влиять.

М.В.Масарский

Здесь обсуждаются перспективы социал-демократии в России. Говорили об отсутствии у нас среднего класса. Но давайте уточним само понятие среднего класса. Российский средний класс — это не американский middle-класс. У нас другие классово-образующие типологические основания: для России, я думаю, показательной принадлежностью к среднему классу является индивидуальная способность капитализировать свой личностный ресурс, создать рабочее место хотя бы для себя, дистанцировать-

ся от держателя финансового и производственного капитала. Капитализировать избыточный труд — именно так поступала кооперация и те артели, которые упомянул профессор Федоров, например — артель Вадима Туманова. Обратите внимание: на пустом месте, без всякого уставного начального капитала, без государственной поддержки, промышленно-строительная кооперация СССР в 90-м году давала 25% общего строймонтажа. А артели, о которых мало кто знал (знали только криминальную сторону), давали половину годовой добычи золота. И это золото оказывалось самым дешевым в системе Минцветмета. Что же произошло? Куда исчезли миллионы представителей перспективной социальной базы, на которую могла бы ориентироваться российская социал-демократия? Их растоптал дикий рынок. Их растоптал радикал-либерализм.

По своей корпоративной принадлежности я должен был бы относиться весьма прохладно к социал-демократии. Я не кооператор, а капиталист, который нанимает носителей живого труда и соединяет живой труд и овеществленный. И я думаю, что стихийной базой среднего класса являлись в эпоху «перестройки» производственные кооперативы, экономически активные слои населения, состоящие из самодостаточных людей, дистанцированных, огражденных от государства. А человек, огражденный от государства, — это гражданин. Он огражден собственностью, квалификацией, правом. Поэтому я не столь пессимистически смотрю на перспективы создания российского среднего класса. Он непрерывно самовоспроизводится. Принадлежность к нему определяется не количеством автомобилей и квартир. Я не думаю, чтобы Жириновский, обладатель ста пятидесяти квартир, принадлежал к среднему классу. Он не капиталист, он маргинал во всех отношениях — политическом тоже. Дело не в сумме дохода, а, если угодно, в социальном самоощущении. Я считаю, что социал-демократия России просто органически присуща. Но социальная демократия, а не социалистическая. Ибо социализм возник как социальная критика цивилизации на ее индустриальном этапе, а мы сейчас вползаем, медленно правда, в постиндустриальную эпоху, где основным продуктивным фактором является человек, которого не просто лишить средств производства. Попробуйте его лишить квалификации, жизненного опыта, переживаний, интеллекта.

Информация, в отличие от материальных, вещественных ресурсов, не накапливается в отдельных руках, она просто из рук в руки перетекает. Здесь не может быть издержек первоначального

накопления: грабительского, капиталистического, разбойничьего. Информационное общество исключает перекосы дикого рынка. И поэтому, если мы общецивилизационный вектор принимаем как тенденцию своего собственного исторического развития, то есть если мы вступаем в постиндустриальную эпоху, — мы перескакиваем через историческую фазу, «делай, что хочешь, ибо ты не можешь хотеть дурного». Это тот самый жестокий либерализм, который растоптал и кооперацию, и самодостаточных граждан, и провел приватизацию грабительским, олигархическим путем.

Мы должны взять из прошлого огонь, а не пепел, — говорил Жорес. И, безусловно, не надо буквально понимать все, что написано сто и сто пятьдесят лет тому назад Марксом, Лениным, — они жили в другую эпоху. Их произведения устаревали буквально на следующий год после написания, ибо мир пошел совершенно по другому пути. Ни один из прогнозов Маркса не подтвердился: ни насчет абсолютного обнищания трудящихся, ни насчет загнивания капитализма от того, что рынок якобы исчерпал свои возможности. Но, — поздно спорить и раздувать холодный пепел брани, — не о марксизме речь. Можем ли мы выправить перекосы либерализма, не облагороженного консерватизмом, лишенного гуманистического составляющего социал-демократии? Безусловно. Можем ли мы сделать это без помощи государства? Нет, ибо государство остается по-прежнему главным системообразующим фактором российской истории. Следовательно, социал-демократической должна быть государственная политика. Государство должно стать более социальным, чем было до сих пор. Все реформы, начиная с 92-го года, были подчеркнута асоциальны. И ликвидировать асоциальность структурных реформ, цивилизационной модернизации — вот задача российской социал-демократии.

М.С.Горбачев

Мне понравилось выступление Марка Масарского. И, в частности, его высказывание насчет того, что сейчас, в контексте глубоких перемен в самом характере труда, надо по-новому рассматривать проблему среднего класса.

В самом деле, все меняется, а средний класс — что, не меняется? Нужен новый взгляд на этот счет. И тогда мы получим, может быть, правильный ответ на вопрос: что является социальной базой социал-демократии. Может быть, следует взять за точку отсчета интересы, а не сводить все к размерам дохода. В реальной

политической жизни мы имеем дело, во-первых, с теми реальными людьми, которых в советское время можно было считать средним классом. Если у него нет доходов, так что, он вообще испарился? Что, дело разве только в доходах? Вы правильно, Марк, поставили вопрос о самоощущении людей. Разве учитель, врач, инженер, агроном, ученый, журналист, исследователь, при том, что их доходы сегодня не велики, перестали ощущать себя таковыми? И, кстати, то же самое можно сказать о представителях малого и среднего бизнеса. Интересы этих людей, их самооценки или совпадают, или близки.

Эти люди, скажем, слой общества, как раз и составляют социальную базу социал-демократии. А главное — в обществе сейчас сознательно или бессознательно говорят о подходах, которые по сути являются социал-демократическими. Но можно ли проводить социал-демократическую политику при отсутствии серьезной партии? Поэтому я еще раз хочу подчеркнуть: пришло время формирования серьезных партий, в духе плюрализма. Но, естественно, я социал-демократ, и я за то, чтобы была сильная, организованная, действительно действующая, с развитой сетью, с газетой, с телевидением новая социал-демократическая партия. И время пришло, и социальная база есть для этого.

В.М.Межуев

Существует мнение, что возрастающая социальная однородность современного общества сужает социальную базу противостоящих друг другу партий, делает излишней многопартийную систему, влечет за собой появление правящей партии, пусть и с сохранением некоторой условной оппозиции ей. В свое время подобный аргумент использовался для обоснования руководящей роли КПСС, якобы оправданной социальной однородностью советского общества, отсутствием в нем враждебных классов. Сегодня он используется для доказательства ненужности остальных партий, помимо «партии власти».

Свое право на существование любая партия обычно пытается обосновать наличием в обществе определенного класса, слоя или группы людей, чьи интересы она и пытается защищать в своей политике. Апелляция к интересам — серьезный довод в пользу этого права, но насколько он достаточен при определении социальной базы данной партии? Выявить эту базу можно после того, как партия уже создана и приняла участие в политической борьбе

бе. И далеко не факт, что та часть населения, интересы которой партия считает для себя главными, в обязательном порядке поддержит ее. Социальная база современной партии не поддается однозначной социальной стратификации и может рекрутироваться из разных групп населения.

На мой взгляд, партии, претендующие на серьезную роль в политике, создаются не только вокруг интересов определенной части общества, но, прежде всего, вокруг идей, имеющих общенациональное значение, обращенных к обществу в целом. Каждая из этих идей как бы выражает всеобщий интерес, а какая из них получит *большую* поддержку и одобрение в обществе, соответствует чаяниям большинства, может быть выявлено только в результате борьбы за голоса избирателей. Во всяком случае, пока нет идеи, которую партия может предложить обществу, рано судить и о числе ее возможных сторонников. Нужна идея, способная овладеть массами. С ее обсуждения и следует, видимо, начинать разговор о будущем социал-демократической партии, о ее возможной социальной базе.

В целом социал-демократию можно определить как идею демократического перехода к социализму, т.е. посредством завоевания власти легитимными, с правовой точки зрения, средствами. По сравнению со своими предшественниками современная социал-демократия еще менее радикальна. Она уже не ставит задачу изменения политического строя, а стремится решать свои проблемы в рамках существующего (при условии, конечно, его демократичности). От леворадикальных партий она отличается по *методам* осуществления социальных преобразований, от праворадикальных — по *целям* этих преобразований. По своим методам социал-демократы — демократы, по целям — социалисты или, во всяком случае, люди левых убеждений. Отказ от демократии дискредитирует в их глазах любую идею, даже социалистическую. Но и политическая демократия для них — только средство достижения социальной цели, которая далеко не совпадает с капитализмом и свободной рыночной экономикой. Последние, скорее, порождают те проблемы, решение которых и составляет собственную цель социал-демократии.

Наиболее точно эту цель выражает, на мой взгляд, слово «равенство». Социал-демократия есть по сути эгалитаристское движение, понятое не формально, а как фактическое равенство людей в их праве быть тем, кем сделала их природа, кем они являются по своим задаткам, способностям и талантам. Такое равенство

обеспечивается не только чисто юридическими правами, но и реальной доступностью для каждого всех необходимых условий полноценного человеческого существования, включая труд по избранной профессии, образование, культуру, отдых, здравоохранение, жилище и пр. Никто не может быть обделен в праве на жизнь, соответствующую понятию о человеческом достоинстве, в праве не просто «иметь» что-то в качестве своей частной собственности, но и «быть» человеком, независимо от степени своего материального богатства. Подобное равенство и защищает социал-демократия. Его можно назвать социальной демократией, или социальным равенством (равно как и социальной справедливостью), и оно достигается посредством не рынка и свободного предпринимательства, а всего общества в лице государства и других организаций, свободных от чисто денежного расчета.

Иными словами, социал-демократической политикой является политика социальной защиты населения от отрицательных последствий рыночной экономики, порождающей неравенство, разделяющей людей по степени обладания ими вещественным и денежным богатством. Она есть политика уравнивания людей в их праве на достойную жизнь, предполагающая и превращение государства из только правового в социальное.

Разумеется, так понятое равенство предполагает и новые отношения собственности, отличные от частной. Здесь я поспорил бы со Святославом Николаевичем Федоровым относительно природы общественной собственности. Идея рабочего предпринимательства, соединения человека с результатами собственного труда — хорошая идея, но она еще не решает проблему фактического равенства. Последнее обеспечивается собственностью каждого не только на плоды своего труда, но и на все то, что создано в плане человеческой культуры. Собственность каждого на все культурное богатство общества и есть общественная собственность. И пока человек лишен свободного доступа к этому богатству, он продолжает жить в условиях частной собственности, в условиях неравенства. Культура как синоним всего человеческого богатства должна принадлежать каждому. С таким пониманием собственности, как мне кажется, и связана идея социал-демократии.

В.С.Степин

Я выскажу три тезиса по теме исторического вызова и судеб социал-демократических идей.

Первый тезис. Все, что произошло в нашей стране в эпоху перестройки и последующих реформ, не было никаким злонамеренным шагом, направленным на разрушение страны. Хотя, бесспорно, была холодная война, была работа спецслужб — все это было. Но самое главное, был исторический вызов, на который нужно было ответить. Страны Запада в 70-х годах осуществили научно-техническую революцию и создали технологические предпосылки для постиндустриального развития. Мы же этой революции осуществить не смогли.

При обсуждении вопроса о постиндустриальном развитии важно различать две его трактовки. Первая представляет его как простую пролонгацию того типа цивилизационного развития, который доминировал в XIX—XX столетиях. Я его называю развитием техногенной цивилизации. Трактовка постиндустриального общества как продолжения этого пути развития ведет к известной концепции «золотого миллиарда». Оно не решит проблемы обострения экологического и других глобальных кризисов, поскольку для этого потребуются радикальный пересмотр многих предшествующих стратегий отношения к природе, организации человеческой деятельности, идеалов потребительского общества.

Но существует и вторая концепция и соответственно вторая стратегия постиндустриального развития. Она представляет его особым переходным периодом, где должен быть найден новый, третий (по отношению к традиционному и технологическому) путь цивилизационного развития. И речь здесь идет не только о технологической революции, а также о радикальной реформации ряда фундаментальных ценностей техногенной культуры. Возможно, это будет духовная революция, подобная той, которая произошла в эпоху Ренессанса и Реформации, когда формировались базисные ценности техногенной культуры, ее культурно-генетический код. И уже сегодня можно отследить, что, хотим мы этого или не хотим, возникают точки роста новых ценностей в самых разных областях жизни современного общества — в науке, в технологической деятельности, в религиозном сознании, в стремлении найти новые мировоззренческие ориентиры, регулирующие отношения человека к природе, обществу, отдельным социальным общностям и т.д.

Отмечу особо, что все левые идеи, связанные с коммунистическими идеалами справедливого распределения, развивались в русле мировоззренческих презумпций техногенной культуры. В программах КПСС было записано, что при коммунизме будет дос-

тигнут такой высокий уровень производительных сил, что польются полным потоком блага, которые мы будем распределять по потребностям. Так что многие аспекты коммунистического идеала изоморфны идеалам общества массового потребления. Скажу больше: техногенная цивилизация реализовалась в двух вариантах. Один вариант — капитализма, другой вариант — советского социализма. Оба типа техногенных обществ конкурировали между собой. Эта конкуренция была не только конфронтацией, но и взаимным влиянием. Неизвестно, как пошла бы история капитализма в XX веке, не будь Советского Союза. И как складывалась бы социально ориентированная экономика развитых капиталистических стран вне идеологического противоборства, в котором Советский Союз предъявлял свои достижения в области бесплатного образования, бесплатного медицинского обслуживания, организации отдыха трудящихся и т.п.

На мой взгляд, проблема здесь в том, что идеи социал-демократии надо соразмерять с возможными стратегиями постиндустриального развития второго типа — как переходного периода к новому цивилизационному циклу и новой системе ценностей, лежащих в его основании. Программа новой социал-демократии, не учитывающая этих обстоятельств (для чего, разумеется, нужна особая аналитическая работа), будет иметь мало перспектив.

Второй тезис. Важно выяснить, почему у нас ничего не получилось с идеями социал-демократии в эпоху перестройки. Могу констатировать, поскольку принимал участие в подготовке новой программы партии в конце 80-х, что это была социал-демократическая программа. Михаил Сергеевич задумал реформировать коммунистическую партию, приняв социал-демократическую программу, но ничего из этого не получилось. И не получилось, наверное, по совершенно ясным причинам: потому что сама идеология коммунизма была связана уже с идеологией потребительского общества, и перед нами маячил образ западного супермаркета как распределительной системы, где можно по потребностям брать товар. Но идея «давайте жить как на Западе» — еще один вариант быстрого перехода к светлому будущему — обернулась своей противоположностью, «диким» и «криминальным» капитализмом.

Идеи крайнего либерализма в начале 90-х имели преимущество перед социал-демократическими, поскольку общественное мнение требовало демонтировать партократическое управление, а социал-демократическая программа воспринималась как попыт-

ка сохранить его. Сама социал-демократическая идея, в той форме, в которой она реализовывалась в конце XX века, выступала как центристская, как идея эволюционного развития. Но наше общество тех лет было настроено на революционные перемены, и страна была в митинговом угаре. Социал-демократические идеи в то время, в начале 90-х, не привились ни в партии, ни в народе. Они так и остались не востребованными. Сегодня, пройдя через все крайности революционных перетрясок 90-х годов, люди требуют стабильности, и для восприятия идей социал-демократии возникла благоприятная почва.

Наконец, **третий тезис**. Когда мы говорим о судьбах социал-демократии с точки зрения перспектив постиндустриального развития страны, мы сталкиваемся с необходимостью сформировать реальные программы и образцы действия. Откуда мы берем эти образцы? Чаще всего мы обращаемся к опыту западной социал-демократии. Конечно, это опыт весьма ценный. В нем увязаны идея справедливого распределения с идеей стимулов к труду, сотрудничества предпринимателя и наемного работника. Но вопрос в том, как перенести этот опыт на российскую почву.

Когда наши либералы-реформаторы попытались построить цивилизованный рынок, апеллируя к идее индивидуальной свободы и индивидуальной ответственности, то это не нашло опоры в традициях российской культуры, в архетипах нашего сознания. А эти архетипы сохранились в современной российской культуре, и даже в интеллигентной среде, в научных производственных коллективах можно наблюдать их проявление. Мы индивидуальную свободу чаще всего подчиняем свободе коллектива. Еще В.Соловьев и Ф.Достоевский писали, что русскому человеку индивидуальной свободы мало, его идеал — свобода для всех, что быть русским — значит быть всечеловеком, жаждать планетарного братства людей. Нас воодушевляет идея освобождения народов, стран значительно больше, чем борьба за права отдельного человека.

Это не значит, что идея индивидуальных свобод и прав человека противоречит идеям коллективной свободы. Я как-то писал, что Запад сейчас идет от идеи прав человека к идее коллективных свобод (прав коллективов, народов). А другой путь, по которому начали двигаться мы — от идеи коллективных свобод к идее свобод индивидуальных, к признанию прав человека. Но у нас доминантой пока остается ценность коллективных свобод. Святослав Николаевич говорит, что его коллектив — это особая хозяйствен-

ная ячейка. Но я уверен, что вместе с тем это и особый тип жизни и работы людей, соединяющих ценности работы, ценности общения и ценности жизни. Недаром пишут, что русский человек, в отличие от западного, дома говорит о работе, а на работе — о домашних делах. У нас все это склеено. Я думаю, что эти черты свойственны многим коллективам, в том числе и тем, которые сложились в сфере интеллектуального труда.

Не все традиции нашей жизни надо разрушать. И не во всем нужно копировать Запад. Наш производственный коллектив включает в себя много непроизводственного, связанного с человеческим единением людей. Родился сын — все отмечают, день рождения — отмечают, квартиру получил — помогают в переезде, похороны — тоже все помогают. Я думаю, что именно эти социальные ячейки сопротивляются нравам дикого рынка. И они составляют социальную среду, заинтересованную в цивилизованных, а не в диких формах рыночной экономики, то есть формах, в которых производительный, а не спекулятивный капитал играет доминирующую роль. Сегодня это как раз то звено, которое может быть сферой распространения социал-демократических идей.

Г.Х.Шахназаров

Дискуссия разворачивается вокруг двух основных вопросов. Во-первых, что такое социал-демократия сегодня, и, во-вторых, почему она у нас не получается. Ответ на второй вопрос подскажет, видимо, что надо делать, чтобы она, в конце концов, получилась, в том числе был успех у объединенной социал-демократии, за создание которой с некоторым опозданием, — честно говоря, я думал, что это надо было сделать намного раньше, — взялся Михаил Сергеевич.

Так что такое социал-демократия? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Ясно только, что это не российская социал-демократия начала века и, скажем, не английская социал-демократия. Кстати, в Западной Европе от страны к стране совершенно разные, во многом не похожие модели социал-демократии. Одно дело в Великобритании, где лейборизм складывался из трех элементов — лидер, парламентская фракция и тред-юнионы. Партия собирается там раз в год на конференцию где-нибудь в Блекпуле, поговорят всласть, а фактически все решает верхушка во главе с лидером. Разве что профсоюзы изредка встают на дыбы. Другое дело во Франции. Там традиция идет от революции, там есть креп-

кая партия, со своими организациями на местах, так же, как у коммунистов. Миттеран жестко закрепил такую структуру и, может быть, именно благодаря этому так долго держался у власти. В Соединенных Штатах социал-демократическая партия крошечная, но зато социал-демократический дух живет там внутри двухпартийной системы. Со всем этим надо определиться.

Я хотел бы сказать о другом — почему у нас уже десять лет ничего не получается с социал-демократией. Все вы помните, что на июльском пленуме ЦК КПСС 1991 года была принята социал-демократическая программа. К сожалению, она не оставила никаких следов в самой партии. Кстати, это первая причина, почему ничего не получается: левое поле прочно заняла КПрФ, которая не меняется и не желает извлекать уроки из истории, как это сделали практически все компартии Восточной Европы (многие из них уже побывали у власти и имеют шансы вернуться). КПрФ ориентируется на самую отсталую свою часть. Послушать Геннадия Андреевича, так получается, что все, что было у нас до перестройки, было нормальным. По его словам, перестройка — это предательство, сокрушение, как он выражается, всей нервной системы советского общества. Не хочет признавать даже того, что был XX съезд, были попытки переосмыслить многие традиционные классические марксистские понятия, такие, как, к примеру, диктатура пролетариата. Даже этого не хочет признать! Прямо из 1952 года шагнул в 2000 год. Ну, как же можно на такой основе в изменившемся мире строить политику левой партии?

Но вот вопрос: почему защитник интересов народа в лице социал-демократии до сих пор не сложился? Я не очень согласен с уважаемыми философами, которые ссылаются на то, что не сложился средний класс в стране. Дело в том, что последний следует рассматривать как основу гражданского общества, но отнюдь не социал-демократии. Ведь средний класс может поддерживать кого угодно. И за Жириновского могут голосовать, и за «Единство» — за кого угодно. Кстати, не только у нас, это во всем мире так. Однако в России, так уж сложилось, не партии формируют власть, а власть формирует партии. Вспомним классическую историю. Владимир Ильич собрал узкую группу: он, Плеханов, несколько десятков соратников и несколько тысяч сознательных рабочих, готовых ради идеи идти на каторгу, на смерть, на что угодно — вот где истоки партии. И я убежден, что без такой первоосновы у нас ничего не будет.

В сегодняшней России, увы, нет такой породы людей, из которой формировались и набирались большевики, — это надо признать. Костяк РСДРП составляли люди, свято верившие в свою идею, а придя благодаря революции к власти, превратили свою организацию в массовую. Сначала определили численность — 300 тысяч, потом — 500 тысяч, следом «ленинский призыв», и, в конце концов, — 17 миллионов. Что это было, партия? Нет. Это фактически был электорат, связанный с государством и Центральным комитетом.

В 1989 году Сахаров и кучка его соратников воспользовались политической свободой, дарованной Горбачевым, за три года провалились к власти и превратили Межрегиональную депутатскую группу в правящую НДР. И уж совсем недавно Путин, получив власть из рук Ельцина, за три месяца сколотил свою партию. Пока он будет у власти, «Единство» будет процветать, потому что из этой партии будут набираться губернаторы и городские головы, всяк, кто в нее вступит, получит какие-то дивиденды.

Мне кажется, социал-демократия в России сейчас шансов на то, чтобы стать массовой, не имеет. Она должна заняться тем, с чего начал Владимир Ильич — с «Искры», с собирания сил, воспитания бойцов. Другой вопрос, что это будут уже другие люди, с другой идеологией, настроенные общаться и с либералами, и с консерваторами, и с коммунистами, а не только биться насмерть. Иного способа формирования жизнеспособной социал-демократии я не вижу.

Посмотрите, сидят рядом Михаил Сергеевич и Святослав Николаевич, выдающийся политик и не менее выдающийся наш врач и общественный деятель. Партия создана, но пока не видно, чтобы Федоров привел свою дружину в ряды Горбачева. Причем я должен сказать, что не согласен с Межуевым в отношении экономической программы Партии самоуправления трудящихся. Я считаю, что это единственная действительно зрелая и реалистическая программа для социал-демократии.

М.С.Горбачев

Я хочу поставить несколько вопросов.

Первый вопрос. Каков наш выбор на будущее, каким должно быть общество? К какому обществу мы идем в XXI веке, учитывая современные вызовы, происходящие цивилизационные сдвиги. Я придерживаюсь того мнения, что выбор на будущее не будет

выбором из дихотомии капитализм-социализм — мы идем к новому обществу, которое на самом деле будет синтезом опыта XX века. И это найдет выражение в социал-демократии, адаптированной к вызовам XXI века.

Второй вопрос — о «судьбе партий». Действительно, налицо кризис партий — это одно из проявлений кризиса современной демократии. Молодые страны, идущие от тоталитарных диктаторских режимов к демократии, переживают свой кризис, связанный с переходной ситуацией.

Но я бы не ставил под сомнение значение и роль демократии. Как показывает жизнь, демократия делает общество более гибким, плюралистичным, отсюда и более успешно функционирующим в новых условиях. Демократия нам нужна для организации жизни в национальных рамках, но не менее — для решения проблемы управляемости в условиях глобализации. Ну, а что касается кризиса партий, то тут следует иметь в виду, что в большей мере он задел партии парламентского типа. Скорее всего мы наблюдаем обновление партий, и это нормальный процесс. Нам нужна живая демократия, опирающаяся на разветвленную систему демократических институтов, в том числе и партии.

В.С.Семенов

Я рад, что до меня один человек, а именно Шахназаров Георгий Хосроевич, сказал, что шансов у социал-демократов в России нет. Я придерживаюсь такой же позиции и постараюсь ее обосновать.

Момент первый связан с глобальным аспектом социально-политического содержания борьбы в мире. Это борьба левых и правых, где левые выражают интересы труда, а правые — капитала. Ценности: у левых — коллективизм, альтруизм, справедливость, у правых — эгоизм, элитность. От исхода этой борьбы зависит, куда пойдет мир в XXI веке. Сейчас вверху господство мира правых, внизу напор левых тенденций, и борьба уже идет на сверхуровне.

Второй момент. Степень радикальности социалистов и социал-демократов. Она разная, и здесь можно отметить четыре момента. Они все, на мой взгляд, носят положительный характер. Это, во-первых, социальная справедливость, во-вторых — демократия, степень народовластия, в-третьих — гуманизм, роль человека, и четвертая, самая главная — отношение к власти. Большинство социалистических и социал-демократических партий существуют и

функционируют в рамках власти, выступая за эволюционную корректировку развития, но были в истории и социал-демократические более радикального типа, выступающие за изменение власти, как, например, РСДРП, которая не случайно называлась не просто «социал-демократическая», но и «рабочая». Это был 1898 год, тогда рабочие были наиболее организованы и могли стать наиболее радикальной революционной силой. РСДРП вела борьбу против самодержавия.

Что же касается современной России, то сейчас, на мой взгляд, нет шансов сложиться, родиться социал-демократической или социалистической массовой партии. Ибо налицо раскол верхов и низов, социальный антагонизм, социально-классовые, даже сверхклассовые противоположности. Вот данные Независимого института социальных и национальных проблем за июнь 1999 года: за чертой бедности — 20,0%, с низким уровнем жизни — 57,3%, совокупность бедных и сверхбедных — 77,5%, со средним уровнем — 19,7%, и с высоким уровнем доходов — 0,5%. Такова реальная объективная ситуация. Когда же задали вопрос «что вы выиграли от реформ, начиная с 1992 года», ответ был такой: полностью проиграли — 63,6%, ничего не получили — 18,8% (в совокупности — 82,4%), выиграли только 5,8%. Общие данные такие, что 80 процентов — это обездоленные, или, как сказал Борис Славин, «море слез», море бедности, и это действительно так. Какое же может быть единение?

Теперь о ситуации в самой партии. На выборах в Государственную Думу в декабре 1999 года за КПРФ проголосовало 16,2 миллиона человек, это 24,3%, за четыре другие партии, более радикальные — Сталинский блок, Трудовая Россия, Мир-Труд-Май и ДПА — 2,6 миллиона, т.е. в целом 18,8 миллиона человек проголосовало за тех, кто занимает радикальную позицию. В то же время за социалистов, которые не предлагают более радикальной программы, проголосовали так: социал-демократы получили 51,434 голосов, меньше всех из трехсот партий, на втором месте Социалистическая партия России Вартазаровой — 61,776 голосов, и больше всех брынцаловская Русская социалистическая партия — 156,735 голосов. Все вместе эти партии получили 270 тысяч голосов. Тысяч! А коммунисты радикальные — 2,6 миллиона, КПРФ — 16,2 миллиона.

М.С.Горбачев

А «Отечество» вы к кому отнесли?

В.С.Семенов

Это, конечно, буржуазная партия с национальной ориентацией (отечественное производство), с элементами, конечно, и демократическими, и социальными, даже социалистическими. Она боролась против правой ориентации на Запад, против Союза правых сил. Это два блока мощнейших частнособственнических партий, что «Отечество», что «Единство»...

М.С.Горбачев

Вот вы нарисовали картину, а я вам скажу, что имею целую папку данных всех наших фондов социологических исследований, которые говорят, что сегодня, как никогда, социал-демократические настроения присутствуют в обществе, особенно, когда респонденты отвечают на конкретные вопросы. Это как раз то, на чем и должна базироваться программа социал-демократии. Бороться с бедностью надо, но, согласитесь, что это не означает возвращения в прошлое — это разные вещи. К тому же, если Ваши тезисы правильные, то почему Зюганов никак не выиграет президентство?

В.С.Семенов

Я кратко отвечу. Первое — в ситуации бедственного положения и вымирания народа, нищеты, все партии, даже правые, используют моменты демократизма, социальности, и понятно почему — надо спасти свой капитал, а для этого сохранить режим любыми способами. Вот почему из всего спектра левых партий избиратели предпочитают поддерживать наиболее радикальные.

Социальность — хорошо, демократизм — хорошо, но для поворота страны нужны более радикальные, более решительные политические силы, каковыми социал-демократы в конце XX века не являются.

В.Г.Федотова

Мне кажется, что неудача социал-демократического движения в нашей стране объясняется тем, что мы предпочитаем радикалистские варианты в политической жизни. Из всех вариантов социализма мы выбрали самый радикальный — марксистский, из всех вариантов либерализма также самый радикальный — запад-

ный либерализм фундаменталистского толка, не вполне пригодный даже для многих стран Запада. Может быть, Михаилу Сергеевичу не удалось довести реформы до конца именно потому, что радикальный вариант коммунизма породил у масс требования большей радикализации реформ.

Я хотела бы поспорить с Вадимом Межуевым относительно того, что у социал-демократии нет близких точек соприкосновения с либерализмом. У нормального либерализма есть. Возьмем либеральную концепцию Дж.Роулза. Наш неолиберализм — это либерализм без справедливости. Наш коммунизм был социализмом без свободы. Либерализм Роулза — это, прежде всего, концепция справедливости. Такой подход характерен сегодня для всех нерадикальных направлений западного либерализма. Роулз говорит, что справедливость — это честность. Поэтому в своей предельной трактовке либеральный капитализм Роулза, по мнению многих исследователей, мало чем отличается от рыночного социализма. Поскольку к либерализму, основанному на свободе, добавляется справедливость, мы сходимся, а не расходимся с социал-демократией. Если коммунизм, базирующийся на равенстве, соединяется с идеями свободы, он тоже приближается к социал-демократии.

Есть еще два аспекта, в которых сходятся либерализм, коммунизм и социал-демократия. Все социально-политические концепции до Макиавелли были основаны на идее блага. Начиная с Макиавелли, стали считать, что каждый ищет собственное благо, как он его понимает, и нет одного блага для всех. Идея блага была вытеснена идеей свободы. Речь стала идти о том, что, обладая свободой, каждый может достичь того блага, которое он желает получить. Такой взгляд типичен для либерализма, в то время как коммунистические позиции основаны на идее общего блага.

Есть такой термин — «хорошее общество», который эмпирически и нормативно выражает идею конвергенции между капитализмом, социальной рыночной экономикой и социализмом. По выработанной шкале рейтингов первое место среди «хороших обществ» занимает Норвегия (общество социал-демократическое), на втором — Канада, на третьем — США. То есть хорошими могут быть разные общества, но один из вариантов — социал-демократия.

Что же касается вопроса о социальной базе социал-демократии, то мы решаем его так, как будто наше общество структурировано, и у нас есть социальные группы с явно выраженными интересами. Однако общество неоднородно, даже аморфно, мы не про-

шли ступеней дифференциации, интеграции, структурирования, которые, казалось бы, должны были пройти при провозглашенных целях реформ. Поэтому социальной базой может быть что угодно, кто угодно, и вовсе не обязательно тот слой, который выделяет Святослав Федоров. Посмотрите: за Ельциным шли все не потому, что были глубокие демократы, а потому, что хотели жить лучше. Потом, по мере ухудшения жизни, народ перестал быть опорой режима. Остались те, о ком говорил Святослав Федоров, — представители неформальной экономики, семейной экономики, челноки и так далее. Они-то и оказались последним оплотом Ельцина.

Я согласна с тем, что сегодня в мире центральным является вопрос о труде. Макс Вебер (по архивам, открытым Ю.Н.Давыдовым) в 1905 году написал письмо Сергию Булгакову, спрашивая о том, как церковь в России участвует в формировании трудовой мотивации в период буржуазной революции. Булгаков ответил ему, что церковь формирует мирскую, а не трудовую аскезу. Вебер после этого вообще перестал верить в возможность буржуазного строя в России, не предполагая такой перспективы для Азии в целом.

Мне кажется, проблемы среднего класса могут у нас вставать, прежде всего, в связи с проблемой образования. Главная черта западного образования — это производство среднего класса, который мы не производим. Студенты спрашивают «А для чего нас готовят?». Это болезненный вопрос, где соединение либерализма со справедливостью как раз и выступает на одно из центральных мест. Конечно, двухпартийная система Запада у нас вряд ли скоро сложится, потому что там одна партия — за статус кво, другая — за изменения, они балансируют, подправляя эффективность или увеличивая справедливость при решении социальных проблем. Они имеют консенсус по поводу западных интересов и социальную базу могут формировать буквально все. Ведь богатые тоже хотят сейчас, чтобы у них была гарантия превращения их жадности в экономический интерес, чтобы они могли спокойно пожить, используя свое богатство.

У нас же партия лидерского типа. Я полагаю, что Михаил Сергеевич, взяв на себя эту нелегкую ношу, сможет, используя те тенденции, которые есть у нас, действительно способствовать формированию такой партии. Мне кажется, что такая перспектива есть и что наши коллективистские настроения, идеалы справедливости и наша неудовлетворенность либерализмом без справедливости и коммунизмом без свободы — все это как бы стягивает общество к признанию этой срединной линии сегодня. Я думаю, что

скорее всего после нынешней анархии воцарится авторитарный порядок, который и будет в течение какого-то времени господствовать. Но этот авторитарный порядок похож на такой порядок, который как бы примиряет, стягивает общество для того, чтобы можно было потом реализовать потенциал демократии. Но, может быть, будет и не так.

В.Ю.Милитарев

Социал-демократия не имеет четко выраженного математического определения, ее концепция складывалась исторически. Первые или, так сказать, ранние социал-демократы были марксистами, считали, что революционный путь допустим, идея о преимуществе парламентского демократического пути пришла в их головы гораздо позднее, когда мысль Энгельса о возможности прихода социалистической революции парламентским путем была подхвачена Каутским. Потом, когда наши соотечественники продемонстрировали западным товарищам по Интернационалу, как выглядят революционный путь и его эксцессы, те в ужасе отшатнулись и приняли эволюционную идею как единственно возможный вариант. Идея эта никогда не была идеологически сформулирована и как бы сама собой «устаканилась» за счет того, что на Западе очень не понравилось, как действовали у нас при Ленине, а потом при Сталине. В результате эти «новые эволюционисты», все еще вполне ортодоксальные марксисты в душе, решили, что, так и быть, придут к власти демократическим путем, а потом установят социализм. Не вышло, потому что народ не поддержал.

Во всех странах, где социалисты были влиятельными, кроме Англии, к власти придти не удалось, а в Англии их довольно быстро съели, когда они попробовали — с марксистских позиций — все национализировать. Тогда-то в их головах и зародилась сначала крамольная мысль о том, что капитализм не так плох, надо только в него «встроиться» и его гуманизировать. И получилось! Создали социальное государство кейнсианского типа — «я тебе повышаю зарплату, от этого соответственно у тебя повышается покупательная способность, плюс мы с тобой вместе платим больше налогов, отсюда берут социальные льготы».

Лет десять-пятнадцать эта модель работала, а потом началась глобализация, и идея социального государства на Западе полностью провалилась.

Теперь о социал-демократии в России. С западными социал-демократами дружить, конечно, надо, потому что если мы с ними не будем дружить, нас выдадут в том обществе, которое мы имеем, за левых экстремистов и у нас ничего не получится, потому что общество у нас манипулируемое. Но заимствовать нам у них почти нечего, потому что у нас нет того установившегося капитализма, с которым мы можем сжиться, с которым мы можем дружить и в рамках которого мы можем гуманизировать строй и защищать наемного работника. Говорю честно: ответа на вопрос о том, что такое социал-демократия для России, я не знаю, я только могу строить всякие гипотезы. Как должен выглядеть социал-демократический проект в условиях постсоветского общества, в котором была стопроцентная госсобственность? Даже если бы не было этого грязного десятилетия, не было бы этих двух пятилеток разворывания и развала, мы все равно бы этого не знали, требовалось бы решить сложные теоретические вопросы. Сейчас мы этого не знаем вдвойне.

Теперь о перспективах социал-демократической партии в России. Мы живем в принципиально беспартийном обществе, в обществе настроений, пиара, имиджа и манипуляций. В таком обществе, где люди живут иррациональными мотивами — страхами, надеждами, подвергаясь разного рода манипуляциям, — создать действующую партийную машину тяжело. Мы живем в обществе страха.

Есть три страха у людей левых взглядов. Первый — что отберут маленькую мелкобуржуазную собственность, которая сегодня есть — возможность менять рубли на доллары, возможность сдавать квартиру, возможность съездить за границу и так далее. Второй страх — боязнь репрессий. И, наконец, третий — бояться, как бы это сказать поинтеллигентнее, бояться жидоедских намеков, присутствующих у ряда виднейших идеологов КПРФ. А виднейшие идеологи КПРФ простодушно так говорят — двадцатый съезд, говорят, был началом предательства. А еще говорят — есть, товарищи, мировая закулиса.

Поэтому если мы хотим захватить и организовать некий социальный слой, то важно не просто сформулировать некий набор идей, который будет близок нашему населению, а потребуетесь весьма тонкая работа: чтобы по косвенным признакам лозунгов, которые сформулированы, люди поняли, что, с одной стороны, в социально-экономическом плане мы радикальнее КПРФ, а с другой стороны, в плане гуманистических ценностей, мы — свои

люди, нормальные, готовые удовлетворить всем требованиям самого капризного демократического электората. Это очень непростая работа.

Я бы предложил две конкретные идеи, которые мы должны выдвинуть и быть при этом искренними. Это, все-таки, идея пересмотра итогов приватизации, а возможно, и национализации базовых отраслей, но параллельно с идеей всемерной поддержки мелкого и среднего бизнеса, и частного мелкого и среднего предпринимательства, в том числе, может быть, и в финансовой сфере. Эти идеи действительно могут обладать мобилизующей силой, особенно если учесть тот фактор, что у нас весьма странное население. Оно голосует только за те партии, во главе которых стоит очень крупный ныне действующий или отставной начальник, и в этом смысле я действительно считаю последним шансом левого некоммунистического движения в России то, что Михаил Сергеевич Горбачев согласился возглавить партию.

В.И.Холодный

Начиная с 1987 года, наши мысли, на мой взгляд, витают в «виртуальной» реальности. И сегодня мы верны избранному пути, поскольку обсуждаем понятие «социал-демократия», которое уже давно отвергнуто российскими «стихиями жизни» (А.И.Герцен). Более того, после распада Советского Союза это понятие и на Западе потеряло свою объяснительную функцию и политическую значимость. Мир стал совершенно другим, и оно ничего не объясняет в нем.

«Омертвелость» обсуждаемого термина доказывается хотя бы таким эмпирическим фактом, который сегодня озвучивался на заседании клуба. Оказывается, что и почвенника Г.Зюганова, и либералократа, откровенного западника Г.Явлинского, и косовских «террористов» Т.Блэра и Г.Шредера — всех их можно назвать социал-демократами. Достаточно политику сказать стандартную фразу: «Я выступаю за социально ориентированную экономику», — и он считается социал-демократом.

Реальные жизненные процессы «подсказывают», что если Россия начнет выходить из зоны всеохватной криминализации и появятся признаки цивилизационного возрождения, то в нашей стране будет две партии: почвенническая и прагматично-чиновническая. Последние были интегрированы в малоподвижном состоянии в прежней КПСС, но временно оказались вытесненными на

«обочину» либералократическим беспределом. Вывести из застойной ситуации конструктивный потенциал КПСС, интеллигенции и народа в целом и было реальным смыслом горбачевской перестройки. Но этот смысл не реализовался на практике — деструктивные и криминальные силы овладели инициативой.

Партия почвенников синтезирует в себе вечностные (общечеловеческие) и национальные духовно-ценностные архетипы. Зюгановская КПРФ является прообразом мощной почвеннической партии, а не социал-демократической виртуальности. И в качестве таковой она будет освобождаться и от традиционных стереотипов, о чем говорил Виктор Милитарев, и от стремлений подстроиться к новым веяниям.

Правящая уже сегодня в нашей стране прагматико-чиновничья партия вынуждена приспосабливаться к почвеннической ментальности. Но если не суждено возродиться России как одной из первооснов всемирной соборной эволюции, то правящая партия будет меняться согласно новым веяниям.

На заседании Клуба и в печати рассуждают о «третьем пути» развития. Признаю творческо-конструктивный характер этих рассуждений, но считаю, что человечество, сохраняя свою природу, изначально и до сих пор эволюционирует путем духовно-целостного «постоянства» (стабильности), видоизменяющегося по форме и порождающего духовно-ценностное многообразие. В своей эволюции оно прошло два глобальных этапа: мифологический и авторитарный религиозно-соборный. Состоится ли третий этап — этап рефлексивного секулярно-соборного видоизменения или человечество погибнет как таковое? Эту проблему, так или иначе, предчувствовали некоторые русские и западные мыслители еще в середине XIX века.

Михаил Сергеевич говорил о ревизионизме Горбачева, В.И.Ленина и И.Христа. На мой взгляд, понятие «ревизионизм» необходимо признать виртуальным. Слова И.Христа «...не нарушить пришел Я, но исполнить» (от Матфея, 5:17) выражают тот факт, что христианство выступает многовековым «исполнителем» ветхозаветных заповедей, которым израильтяне следовали как внешнему для них закону, данному Богом через Моисея. «Исполнение» состоит в том, что для христиан, в отличие от древних евреев, заповеди перестали быть чем-то внешним, они обрели статус внутренней ментальности.

В отличие от И.Христа В.И.Ленин «пришел исполнить» волю ветхозаветных пророков, которые отстаивали идею социальной справедливости в земном существовании человека. Ленин — ге-

ний-пророк. И «пришел» он на многие века как предтеча рефлексивно-секулярного этапа соборной эволюции человечества. Гениальным продолжателем дела Ленина является Ден Сяопин. Будем надеяться, что и в России, а не только в Китае, начнется возрождение ветхозаветного пророчества.

В.Н.Порус

Я отлично понимаю, что Михаил Сергеевич пришел сюда не для того, чтобы агитировать за социал-демократическую идею. Он пришел спросить совета ученых. Поэтому я беру на себя смелость дать совет руководителю социал-демократической партии. Михаил Сергеевич, Вы говорили о социальной базе социал-демократии и назвали средний класс, в который Вы, как я понял, зачисляете людей, у которых богатый интеллект и тощий кошелек. Это наша интеллигенция — врачи, инженеры, ученые, философы и так далее, и так далее.

Михаил Сергеевич, это очень ушлый народ...

М.С.Горбачев

Скажу больше. Я сначала поосторожничал, а сейчас, думаю, пора сказать по ходу дискуссии: в нынешней ситуации, когда валовой продукт в развитых странах на две трети формируется вне материальной сферы и только на одну треть в материальной сфере, ясно, какие силы выходят на первый план. Если мы входим в информационное, постиндустриальное общество, то роль интеллигенции все время повышается, и не только в духовном отношении. И эта «прослойка» огромна. На нее, наверное, социал-демократия и должна опираться, и мы должны говорить о ее ведущей роли.

В.Н.Порус

Я с Вами согласен, что на это можно, наверное, рассчитывать. Но это не означает, что такой расчет дает стопроцентную гарантию. Это действительно очень ушлый народ и он подвержен политическим колебаниям ничуть не в меньшей степени, чем другие слои, социальные группы населения.

М.С.Горбачев

Не в меньшей, а в большей.

В.Н.Порус

Может быть, даже в большей степени, согласен с Вами. И Вы в своей политической практике нередко и болезненно сталкивались с этим. Но я хочу сказать о другом. Это, во всяком случае, грамотный народ, и первое, чего они потребуют от политической партии, — четкого теоретического обеспечения своей политической деятельности. Вот здесь, на мой взгляд, сейчас у современной российской социал-демократии дело обстоит как нельзя хуже. Мне кажется, что теоретическая беспомощность нашей социал-демократии абсолютно очевидна. Это видно даже в этой аудитории. Ведь, помилюй Бог, о чем мы спорим? О первоначальных, базовых понятиях. И сколько людей, столько мнений. Даже среди тех, кто сочувствует социал-демократии и от всей души желает ей успеха. Нет даже намека на решение той задачи, о которой Вы сказали, — задачи войти в XXI век, ответив на его вызовы. Вы высказали здесь ряд довольно смелых идей о том, до какой степени может адаптироваться идея социал-демократии, сохраняя свои базисные идеи и ценности. Но еще раз говорю, это ведь только интуиции, некоторые попытки создать теоретический аппарат, но вовсе не его наличие. А уж интеллигенция-то в первую очередь потребует от Вас четкой теоретической позиции.

Здесь уже давали Вам советы — я тоже дам совет. Здесь говорили — надо начинать с общероссийской политической газеты, пробиться на ТВ, развить структуру партии по всей стране, привлечь агитацией и пропагандой широкие слои сочувствующих, объединиться или размежеваться с другими политическими силами. Все это, наверное, правильно. Но я бы посоветовал будущему политическому движению во главе с Вами в первую очередь создать общероссийский мозговой центр партии. Совершенно необходимо сейчас заняться теорией, это именно та ситуация, когда промедление смерти подобно. Если в ближайшее время теоретическая основа деятельности социал-демократической партии не будет создана, перспективы весьма плачевны. Необходимо отвечать на те вопросы, которые ставит жизнь, смело пересматривать традиционные политические понятия, которыми мы оперируем, например понятие субъекта политической власти. Вот В.М.Межуев считает, что партия — не субъект. А кто субъект — он не сказал.

Я считаю, например, что индивид (избиратель) в последнее время быстро теряет признаки политического субъекта, а становится скорее объектом политического манипулирования. Значит, возникает проблема определения субъекта политического действия. Проблема теоретического определения самого властного пространства, поля борьбы за власть. Можно подробно показать необходимость тщательного пересмотра чуть ли не всех фундаментальных понятий, и с точки зрения их содержания, и с точки зрения их форм и взаимосвязей. По сути, речь идет о создании новой современной теории политики, теории, отвечающей жизненным реалиям информационного общества. Это огромная работа, и без этого обнищавшего материально, но все еще богатого интеллектуально класса социал-демократия не сделает ни шагу в том направлении, в котором Вы считаете нужным двигаться.

Я даже не столько советую, сколько призываю — не упустите этот момент. Иначе Вы потеряете все. Несмотря на то, что у вас будут и газеты, и структуры, и так далее, и так далее. Без теории сейчас социал-демократия беспомощна.

Л.И.Сараскина

Михаил Сергеевич, желая лично Вам всяческого успеха в любом Вашем начинании, хочу сказать следующее. Меня абсолютно не заботит судьба социал-демократической партии, которую Вы и Ваши соратники будут создавать. Я недавно услышала одну милую шутку: у нас какую партию ни создавай, получится КПСС. Мне интересно, потому я и пришла сегодня, Ваша личная роль, Ваше историческое поведение в том, что Вы собираетесь делать. Почему? Все-таки история левого движения в России, и не только РСДРП конца века прошлого, а и левых начала XIX века, когда составилась первый этап революционного движения, свидетельствует: Россия и русские люди всегда выбирали радикализм. Чем круче, тем интереснее, головокружительнее, успешнее. Самое ужасное, что точно так же обстояло и с историей правого движения. История последних — тут кто-то очень красиво назвал — последних «десяти грязных лет» показывает то же самое. Смотрите, всех тех, кого большевики не убили, называют недобитыми. У них, левых, никакого раскаяния. Здесь привели прекрасный пример, что XX съезд левые назвали историей предательства. Но посмотрите на последние десять лет — разве раскаиваются радикалы-реформаторы? Нет, они говорят, что были у нас ошибки, но в чем?

Ошибки были в том, что мало давили, шоковая терапия была недостаточной и что нужно было действовать решительнее. Это говорит Гайдар, это говорит Чубайс, и все это прекрасно знают.

Я хочу сказать, что радикализм нашего интеллектуального мира — это не степень качества, это само качество, это формула крови, это формула интеллекта. Поэтому у меня к Вам вопрос. Вы сегодня очень деликатно говорили о целях Вашей партии, о ее задачах. Но все мы проходили школу раннего ленинизма, все мы сдавали экзамены по истории КПСС, и знаем о том, что партия, если она не валяет дурака, не замазывает глаза и не пудрит мозги, отвечает на главные вопросы — о целях, о задачах: хочешь ты взять власть, как это ты будешь делать и что именно ты будешь делать с этой страной. Ничего этого внятно я не услышала. И честно Вам скажу, слава Богу, что это не прозвучало. Потому что Вы слышали пожелания создать партию радикальную, бойцовскую, издавать снова газету «Искра». И я тогда спрашиваю — а зачем? Ответите, наверное, — «чтобы влиять». А я скажу — «а потом?». А вы скажете — «Ну, потом членов партии будет больше, больше, охватим половину населения России, а потом две трети». А я спрошу: «а зачем?» И вот тогда вы вынуждены будете ответить — зачем Вы хотите эту партию создавать.

И вот тут-то я и начинаю бояться — знаете чего? Вы вошли в историю нашей страны, в историю XX века как человек, который хотел социализма с человеческим лицом и который совершил много разных акций, которые начинаются с приставки «де-» — десоветизация, дебольшевизация, денационализация... И Вы, лидер с человеческим лицом, теперь хотите создать партию, у которой по определению не может быть человеческого лица.

Я очень уважаю слова Вадима Межуева о том, что левая идея — идея обаятельная. Это действительно так. И что ею «болеют» порядочные люди... Вот только в России слишком часто власть берут мерзавцы и негодяи.

Я очень хочу, чтобы Вы остались в истории России лидером с человеческим лицом и желаю Вам добра.

А.Б.Вебер

Есть ли в России социальная база для социал-демократии? Трудно сказать однозначно. Скорее всего ответ должен быть таким: и да, и нет. Да, поскольку в принципе такой базой в современных условиях могут быть самые различные слои общества —

рабочие, служащие, интеллигенция, средний класс, предприниматели. Нет, поскольку социал-демократия как массовое движение предполагает укорененность в обществе соответствующей политической культуры — культуры социального и политического компромисса. Но ее-то как раз нам катастрофически не хватает.

Россию характеризуют как «расколотое» общество. В этой оценке верно схвачена одна из главных особенностей, которая проходит красной нитью через всю нашу историю. Внешние и внутренние факторы, обусловившие исторический путь России, не способствовали выработке так называемой срединной культуры. Роль, которую в Западной Европе играло третье сословие и создаваемые им гражданские институты, у нас брало на себя государство, выполнявшее функции главного социального интегратора. Проблема «общего согласия» решалась преимущественно на основе традиций, восходящих к идеалу соборности как формуле обязательного, даже принудительного единогласия.

Попытка с позиции горбачевского нового мышления покончить с манихейским видением мира, привить обществу политическую культуру диалога и компромисса не привела к решающему успеху. Российское общество вновь, как и после февраля 1917 года, не сумело воспользоваться плюрализмом и гласностью для достижения согласия в отношении целей развития. К сожалению, был упущен открытый перестройкой шанс на создание в России влиятельной социал-демократической партии.

Один наш известный писатель даже выступил в популярном тогда еженедельнике с требованием... устроить суд «над самой идеей социализма как над одной из мировых ложных идей, совратившей, — по его словам, — немало порядочных, честных людей». В разряд «совращенных» попадали, таким образом, и 200 миллионов избирателей, голосовавших в то время за партии Социалистического интернационала. Перешедшие под контроль демократов органы массовой информации со злорадством писали о неудачах западноевропейских социалистов и социал-демократов на выборах, предрекая им скорый уход с политической сцены. В то же время широкую поддержку в кругах творческой интеллигенции получила политика безжалостного и грубого гайдаро-чубайсовского экономического либерализма.

В этих условиях предпринимавшиеся в те годы попытки создать в России устойчивые социал-демократические организации и превратить их в серьезную политическую силу были заведомо обречены на неудачу. Как отмечает Борис Орлов, один из актив-

ных деятелей основанной еще в мае 1990 года Социал-демократической партии Российской Федерации, «неудачи социал-демократии в России — это и упрек в адрес всей мыслящей и социально ориентированной российской интеллигенции...».

Сегодня, после провала так называемого «курса реформ», по крайней мере среди части «мыслящей и социально ориентированной» интеллигенции происходит, кажется, отрезвление. Это позволяет рассчитывать на более широкую и заинтересованную поддержку социал-демократических ценностей и целей. В процессе перехода к рыночному хозяйству и демократии становится все более очевидным, что утверждаемый либерализмом индивидуалистический принцип личного интереса неполон и недостаточен в качестве организационного принципа общества; что рынок нуждается в общественном контроле, который невозможен без государственного вмешательства; что демократия без ценностей легко превращается в манипулируемую, «управляемую» демократию и вырождается в авторитаризм, в демократуру.

Восприняв основную ценность либерализма — индивидуальную свободу, социал-демократы дополняют ее ценностями социальной справедливости и солидарности как равными по значению. Признавая рыночную конкуренцию необходимым инструментом эффективного хозяйствования, они считают вместе с тем, что рынок не решает всех проблем, что сам по себе он не может обеспечить ни необходимого уровня занятости, ни справедливого распределения, ни защиты окружающей среды. Да и вообще, по их мнению, рынок не должен определять направление развития общества, выбор социальных и технологических приоритетов. В частности, социал-демократы выступают против подчинения рынку таких общественных сфер, как социальное обеспечение, образование, здравоохранение, культура. Все это нашло выражение в известном принципе, сформулированном еще в Годесбергской программе СДПГ (1959): «экономическая конкуренция — насколько возможно, планирование — насколько необходимо».

В понимании социализма социал-демократы давно отказались от свойственной марксистской трактовке социального детерминизма — в пользу ценностного понимания. Для них социализм — это не синоним некоего целостного общественного строя, устанавливаемого в результате устранения существующего, а реализация в повседневной политике (и в пределах возможного) ценностей свободы, справедливости и солидарности. В противоположность коммунизму Маркса и Энгельса, понимаемому как «подлинное

разрешение» противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, индивидом и родом, социал-демократия не претендует на устранение противоречий общественного развития, не обещает гармонии.

На протяжении своей долгой истории западной социал-демократии — под влиянием меняющихся обстоятельств (в том числе и вследствие их собственной деятельности) — не раз приходилось уточнять или пересматривать свои цели и принципы, основные ценностные установки. Так происходит и сейчас, когда мир меняется в результате действия мощных процессов глобализации, информационной революции, становления постиндустриальной цивилизации. И вновь в социал-демократическом движении развертываются дискуссии, в центре которых — роль и место государства в социально-экономической жизни, соотношение рынка и государственного вмешательства, вызовы глобализации, глобальный экологический кризис, перспективы социальной и политической демократии в XXI веке.

Речь идет об огромном пласте старых и новых проблем, очень неоднозначно воспринимаемых в общественном сознании. Это относится, разумеется, и к России. Сдвиги в ценностных ориентациях россиян, фиксируемые социологическими исследованиями, носят крайне противоречивый характер. С одной стороны, отмечается усиление эгоистических, меркантилистских мотивов индивидуального поведения, нравственного релятивизма. Возросло число людей, ставящих материальные блага выше свободы, хорошей зарплатой — выше интересной работы. Заметно снизилась оценка моральных факторов и мотиваций как условия достижения успеха в профессиональной деятельности. Значительная часть представителей молодого поколения нацелена на благосостояние любой ценой, то есть готова преступить ради этого через моральные нормы. Исследователи отмечают также ослабление чувства гражданственности, сопричастности к делам страны.

С другой стороны, в общественном сознании происходят и такие процессы, которые позволяют с определенным оптимизмом говорить о перспективах социал-демократии в России. Так согласно опросам наибольшей поддержкой пользуется принцип смешанной экономики. Большинство россиян отдает предпочтение государственному регулированию. Хотя не менее половины респондентов выступает за свободную деятельность частного сектора, особенно в сфере обслуживания, мелкого и среднего бизнеса, — многие высказываются в пользу сохранения государственного контроля в частном секторе.

Основная масса россиян, соглашаясь с рыночной экономикой в принципе, оговаривает это требованием дополнить рынок «социальной защитой населения». Когда в ходе одного из опросов респондентов просили ответить, какую модель общества они предпочли бы: общество индивидуальной свободы, то есть американскую модель, или общество социального равенства (имея в виду равенство возможностей), — более половины выбрали второй вариант. Это можно интерпретировать как социал-демократическое по смыслу понимание ценностей и целей существования общества и человека.

Сдвиги в массовом сознании российских граждан отразили разочарование негативным опытом прежнего «курса реформ». Явственно проступила тенденция к кристаллизации некой «срединной» ценностной ориентации, способной ослабить раскол общества, стать основой его будущей консолидации. Стержнем такой ценностной ориентации мог бы послужить разделяемый большинством идеал «социального государства», действующего во имя «общего блага».

Обнадеживающим можно считать также тот факт, что достаточно большое число российских граждан сознает серьезность глобальных угроз для человечества. Примечательно, что на вопрос: «должна ли Россия участвовать в международных соглашениях по защите окружающей среды, если это может нанести ущерб российской экономике?» — положительно ответили 58,8% респондентов, отрицательно — 19,8% (декабрь 1998).

Если судить по этим данным, то у российской социал-демократии есть перспектива.

Г.Г.Водолазов

Для современной политической России «социал-демократия» — новая привлекательная идея. Из которой, однако, по моему убеждению, принимая во внимание характер первых теоретических и организационно-политических шагов ее сторонников, ничего серьезного, ничего путного не вырастет. В чем причина ее привлекательности и одновременно — ее (в нынешних формах) бесперспективности и обреченности — своими соображениями на сей счет мне и хотелось бы поделиться.

Прежде всего о привлекательности. Это просто поразительно: кто только не желал бы в наши времена называться социал-демократом! Накануне президентских выборов 1996 года Ельцин

причислил себя к социал-демократам («по сути»). И Лужков перед выборами в 2000 году — тоже. И Гавриил Попов — ныне просто официальный социал-демократ. И коммунист-ельцинист Рыбкин, и коммунист-левоцентрист Селезнев, и коммунист-бизнесмен Семаго — все «социал-демократической ориентации». А бывший марксист-коммунист, «министр пропаганды» брежневских времен, а ныне ельцинист А.Н.Яковлев — даже создал и возглавил партию социальной демократии (передав, правда, недавно руководство ею «социальному демократу» из компании «Чубайса-Кириенко» самарскому губернатору Титову). И «Яблоко», согласно широко распространенному мнению, является партией по сути «правой социал-демократии». Даже Зюганова многие телекомментаторы (Киселев, например) зачисляют по ведомству социал-демократии (а то как же — частную собственность вроде бы признает, и — смешанную экономику, и рынок, и многопартийность, и свободу печати...). И вот теперь — Михаил Сергеевич объединяет все «здоровые» социал-демократические силы.

Представляете, какое интересное могло бы сложиться Политбюро современной российской социал-демократии: Ельцин, Лужков, Г.Попов, Явлинский, Семаго, Селезнев, А.Н.Яковлев, Титов, Зюганов, Горбачев. Практически все виднейшие политические лидеры — здесь. Ну, разве что Чубайсу с Новодворской, да Анпилову с Жириновским сюда доступ закрыт...

И я, кажется, понимаю причину этой всеобщей тяги политической элиты нашей к социал-демократии. Из трех крупнейших современных политических идеологий две — «коммунистическая» и «либеральная» — в России XX столетия скомпрометировали себя напрочь. Под их знаменами к власти уже не пробьешься. Осталось попробовать третью, срединную — социал-демократическую, пока еще не слишком захватанную правящими группами политической элиты.

Правда, следует заметить, что большинство из перечисленных политических вождей считает себя социал-демократами лишь «по сути», а «по форме» и нынешним политическим ярлыкам они, умудренные и искушенные (отдающие себе отчет в том, что социал-демократия — идеология весьма серьезная, с мировыми традиционными ценностями, с которой надо обращаться серьезно и осторожно), предпочитают называться как-то туманно и неопределенно. Например, — «Единство» (кого с кем — пойми, кто может), «Отечество» (за какое именно они отечество — поди разбери), «Вся Россия» (странно, по крайней мере, — я знаю совершен-

но точно, что я туда не вхожу, а какая же без меня и многих таких же, как я, «невходящих», может быть «вся» Россия?), «Голос России» (что это за «голос», кому и что он собирается пропеть — одному Богу известно)... И только Михаил Сергеевич (из крупных политических лидеров) с прямотой (и, добавим, некоторой долей простодушия) открыто обозначил свое движение как «социал-демократическое», полагая, по-видимому, что это знамя объединит многих не безразличных к судьбам страны людей, а написанные на этом знамени классические социал-демократические лозунги обеспечат в будущем политические победы.

Я искренне желаю Михаилу Сергеевичу удачи. Но уже первые организационно-политические шаги этого движения, его первые программные установки приводят меня к твердому убеждению: никакого серьезного политического движения из этой затеи не получится и никаких, даже мельчайших, побед ожидать не следует. Почему же?

Передо мной «Программные ориентиры» этой партии, принятые ее Учредительным съездом 11 марта сего года. Вот как в них определяется место социал-демократов в политической системе России. Они-де — между «либералами» (которые «придают основное значение личной свободе, в ущерб Справедливости и Солидарности») и «коммунистами» (которые «стремятся обеспечить равенство и солидарность за счет свободы»). И вот новые социал-демократы объединят воедино Свободу, Справедливость, Солидарность, соединят «либеральный» рынок и «коммунистическую» государственность. Что и говорить, ясная и красивая диспозиция... — на ящике с песком: стойкие оловянные солдатики социал-демократии против игрушечных же солдатиков «либерализма» и «коммунизма». Ну, в самом деле. Где же это в нашей реальной жизни вы видели «либералов», пекущихся о «личной свободе»? Реальные-то, а не придуманные российские либеральные вожди, как известно, пеклись в основном о хитросплетениях жульнической ваучеризации, о выстраивании самодержавно-президентского политического режима и криминально-олигархической экономической системы. А где это вы видели коммунистов (говорим о влиятельных, политически значимых фигурах, а не о мало на что влияющих индивидах из «народной толщи»), которые бы действительно радели о «равенстве» и «солидарности»? Реальная «коммунистическая» номенклатура во времена своего безраздельного господства (с 1929-го по 1985 год), как известно, создала общество, отличавшееся самой высокой степенью неравенства и несправед-

ливости — общество, жестко разделенное на всемогущую партгосбюрократию и совершенно бесправный народ. И нынешние зюгановские коммунисты-сталинисты всю славят то время — время Гулага и народного бесправия.

Вот по отношению к каким «либералам» и «коммунистам» следует определяться-то, в первую очередь. Но об этом «объединяющиеся» социал-демократы — ни слова. В своих «Ориентирах» они и далее продолжают вести игрушечные бои на ящике с песком, в придуманном мире.

Современная российская социальная демократия, на наш взгляд, сможет состояться только тогда, когда она поймет:

— что главное, реальное, жизненное противоречие нашего общества — это противоречие интересов гражданского общества (т.е. громадного большинства российских граждан) и интересов всей господствующей (либерально-коммунистическо-яблочной) политической «элиты»;

— что в современной России она должна быть не просто «партией наемных рабочих» (какой она была в Европе в XIX веке), не «партией средних слоев» (какой она стала на Западе в середине XX столетия) и не «общенародной партией», сближающейся, а то и сливающейся с либеральной демократией (как то происходит ныне в развитом постиндустриальном мире), а — Партией Гражданского общества в целом, констатирующей наличие глубочайшей пропасти, исторического разрыва между гражданским обществом и политической «элитой», партией, стимулирующей развитие гражданских инициатив, народной самодеятельности, общественного самоуправления, партией, органически сочетающей в своих установках демократически-социалистические и демократически-либеральные ценности, партией, провозглашающей и осуществляющей на практике соединение политики и морали, партией глубоких, подлинно демократических, осуществляемых самими гражданами (и их действительными представителями) реформ, способных обеспечить (разумеется, в рамках Конституции) замену нынешнего номенклатурно-олигархического строя строем подлинного НАРОДОПРАВСТВА.

М.С.Горбачев

При всех взаимных претензиях и разногласиях было интересно. Все-таки люди собрались думающие: за каждым тезисом, за каждой фразой есть какое-то понятие, представление, взгляд, совет.

Жить в «нерациональном» обществе и пытаться найти рациональные ответы на вызовы, бросааемые ему настоящим и будущим, — это, конечно, задача не из легких, даже для Института философии и уж тем более для обычных людей, не «замученных» философским образованием. Я всегда слегка подшучивал над Раисой Максимовной, когда она читала курс диалектического и исторического материализма. Как доходило до теории познания, мы с ней начинали дискуссии. Я говорил: «Слушай, по-моему, самое главное состоит в том, что вы считаете, будто движетесь от меньшего знания к большему, а я понимаю так: от меньшего незнания к еще большему незнанию». Она отвечает: «Одно не противоречит другому, так и есть».

Нам еще надо поработать над формулой объединения социал-демократов с учетом вызовов XXI века, с учетом нашего опыта, с учетом российского контекста, в котором мы действуем. У нас особенная история, знаем какая! Все выбираемся из ее тупиков и никак не выберемся, особенно в головах это трудно происходит. Теперь вот идет модернизация, цивилизационные сдвиги, причем мы потеряли много времени, пытаемся прорыв сделать, а это значит, пахнет новой мобилизационной формулой... Надо это иметь в виду, рассчитать, — есть ли ресурсы, а если есть, то в каком виде. Я за такой подход, что мы не должны повторять все этапы движения от стадии индустриальной к постиндустриальной. У нас есть шансы двигаться быстрее, я вижу их, и мне кажется, они должны быть изучены и реализованы.

Сегодняшнее обсуждение убеждает меня в том, что мы правильно договорились на своем учредительном съезде создать консультативный совет при партии и рабочую комиссию с насыщением ее интеллектуалами. Причем из разных сфер науки и практики, чтобы не получился какой-то «флюс» при работе над новой программой, которую мы планируем принять уже в конце 2000 года на специальном съезде партии.

Собственно, вот и все мое заключение. Остальное — процесс дискуссии, которая, надеюсь, будет продолжена с участием всех активистов и приверженцев социал-демократического движения. Для чего мы постараемся познакомить их с материалом, опубликовав стенограмму состоявшегося разговора.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В РОССИИ С МОРАЛЬЮ?

17 мая 2000 г.

В.И.Толстых

Открывая заседание, я бы хотел напомнить, что за 12 лет существования клуба мы уже третий раз обращаемся к проблеме морали в контексте реформации России. Первый раз, в 1992 году, мы обсуждали тему «Нравственность и наш путь к рынку», затем в 1996 году — тему «Телевидение и общественная мораль» с участием Владимира Познера.

В обоих случаях заглавный доклад делал — и сегодня сделает — Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, член-корреспондент РАН, член нашего Клуба, которого я, шутя, но с уважением называю главным этиком России. В качестве соведущего выступит Виталий Товиевич, которого тоже не надо особенно представлять; главного редактора «Независимой газеты» хорошо знают, читают, в своих политологических публикациях он всегда, прямо или косвенно, касается морального аспекта анализируемых им проблем, событий или тенденций. наших двух сегодняшних ведущих объединяет одно качество. Они очень разные, оба не морализаторы, никогда не сводят свой анализ к морализаторству, как это часто делают многие политологи и политики.

Я бы так, используя форму сложносочиненного предложения с придаточными оборотами, сформулировал тему и проблему нашей дискуссии: отринув не только моральный кодекс коммунизма, а, пожалуй, и всю нашу традиционную мораль с ее, как полагают многие, отжившими представлениями о совести, правде, справедливости, чести и стыде и так далее (можно пройтись по всем категориям морали), мы, пользуясь свободой, не завоеванной нами самими, а данной нам свыше, добытой чьими-то руками, и не зная

толком, что с ней делать и как себя вести в этой совершенно беспрецедентной новой ситуации, оказались сегодня по ту сторону добра и зла, в ситуации моральной вседозволенности, в ситуации, которая, как мы все полагаем, ведет нас к благу и обязательно завершится добром; наизусть зная «Отче наш», и будучи в состоянии без запинок пересказать все десять заповедей Нагорной проповеди, мы несколько не смущены и не так уж возмущены тем, что нарушение заповедей типа «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» и так далее, происходит у нас у всех на глазах в особо крупных размерах, открыто и сознательно, ибо основной формулой бытия стал тезис «все продается и все покупается», принятый в буквальном положительном смысле, а не в нарицательном, не в переносном; так что никто даже не пытается уточнять и объяснять, а есть ли что-нибудь такое, что не продается, и что-нибудь такое, что не покупается, и т.д. и т.п. Вот в этой ситуации президент в начальных пунктах своей программы, опубликованной в Интернете, заговорил о необходимости морального возрождения России, не уточнив, правда, о чем, собственно говоря, идет речь, предоставляя нам возможность самим догадываться об этом. Вот так мы и живем, и в общем неплохо себя чувствуем, вне морали и без морали. Этот тезис я считаю не пессимистическим, а вполне реалистическим. И предстоит разобраться в этой, с моей точки зрения, достаточно беспроектной моральной ситуации.

А.А.Гусейнов

Валентин Иванович, может быть, слишком резко, но общий возможный итог своего рассуждения сформулировал. Преобразования, которые шли у нас в последнее десятилетие, обернулись следствиями, которые и в самом деле вызывают нравственное негодование, как бы при этом мораль ни понимать. Это массовая люмпенизация населения; нецивилизованные формы решения конфликтов стали почти нормой жизни; это потеря веры, если хотите, силы жизни, что, на мой взгляд, является решающей причиной депопуляции населения; бурный рост форм поведения (проституция, наркомания и пр.), которые свидетельствуют о дегуманизации личности; перевернутая система оценок, когда люди честного профессионального труда оказываются на обочине жизни и т.д. Короче, такие вещи, которые очевидны и заставляют нас ставить вопрос о том, что цена преобразований была слишком высока.

Первое, я что хочу зафиксировать, — конечно, нравственное состояние в обществе кризисное, но оно не безнадежное. В качестве аргумента я приведу такое соображение. Само наше утверждение о том, что общество переживает моральный кризис, мы куда отнесем? В этике есть так называемый «парадокс грешника», который состоит в том, что грешник, считающий себя грешником, уже грешником не является, по крайней мере в той мере, в какой он себя таковым считает. Это, конечно, кризис, но еще не катастрофа. Катастрофа начнется тогда, когда мы плюс ко всему, что мы имеем, начнем еще кричать, что все это очень хорошо.

Мораль — очень многозначное понятие, с чем связывают ее особую роль в культуре. Я понимаю мораль как единство двух противоречивых идей. Первая — это идея свободной воли, или идея суверенности личности. Моральный индивид — это такой индивид, который действует так, как если бы он сам был последней причиной и целью своих действий. У Гомера поведение его героев управляется мотивацией двух уровней. С одной стороны, все, что они делают, замыслено богами на Олимпе, и с другой стороны, все, что они делают, имеет вполне достаточные человеческие основания. Роль божественного Олимпа, небесной мотивации в жизни современного человека, по крайней мере светского, выполняет как раз мораль. Моральные мотивы не находятся в одном ряду со всеми прочими конкретными мотивами, скажем, выгоды, честолюбия, власти, удовольствия. Они находятся за ними, возвышаются над ними. Это как бы мотивы мотивов.

И вторая идея, с которой связана мораль, — это идея коллективности. Мораль всегда рассматривает человека с точки зрения его способности жить в человеческом общежитии, строить гармоничные отношения с другими людьми, как бы очерчивает пространство совместной жизни. Если воспользоваться кантовской терминологией, можно было бы сказать, что данная идея выступает измерением и регулятивным принципом человеческого достоинства. Мораль в этом смысле и есть пространство человечности, как бы высшая, последняя апелляционная инстанция в человеческих делах.

Мораль не имеет какой-то своей особой сферы, особой предметности в обществе. Она есть способ оценки людей, поступков, общественных отношений во всех других формах единения и солидарности — экономической, политической, национальной и так далее. Когда мы рассматриваем последнее десятилетие с точки зрения нравственных последствий, то приходится констатировать, что

моральный кризис связан не с переоценкой ценностей, а с тем, что она происходила на грани отказа от морали и моральной солидарности вообще.

Беда была не в том, что мы подвергли критике коммунистический строй, а в том, что сделали это без того, чтобы взять на себя вину и ответственность за него. Беда была не в том, что мы решили открыться Западу, захотели в европейский дом. А в том, что мы делали это как-то истерично, потеряв собственное лицо и достоинство. Как точно заметил Достоевский в своем дневнике за 1873 год: «Мы все стыдимся самих себя, стремимся спрятать и прибрать свое, данное Богом русскому человеку лицо, и явиться другим, как можно более чужим и нерусским лицом». И, наконец, беда не в том, что мы выступили против уравнительности, а в том, что разрыли такую пропасть между бедными и богатыми, что не знаем, как ее и перейти.

В оценке морального кризиса надо учитывать и то, что ситуация существенно изменилась в Новое время, когда возникает современное сложноорганизованное общество, где мораль не может держаться только на доброй воле индивидов, на их индивидуальных добродетелях. Она обязательно должна быть институционально оформлена, институционально подкреплена. Говоря о деформациях в общественных нравах, которые происходят в нашем обществе, я бы сказал, что они у нас подорваны в аспекте институциональной этики, поскольку разрушены, находятся в состоянии хаоса именно общественные институты — правовая система, система образования, в каком-то смысле средства массовой информации и т.д. Общественные нравы, конечно, сохраняют здоровое начало в той мере, в какой они опираются на индивидуальную этику, на этику добродетелей. Самый яркий пример здесь — это люди, которые работают, не получая зарплаты.

Еще один важный момент. В общественных нравах издавна существовали две основные доминанты. Это — аристократический этос и мещанский этос. Так вот, российские нравы, как мне кажется, всегда были акцентированы антимещански. Во всех проявлениях — и в форме дворянского этоса, и в форме оппозиционного демократического этоса, который развивался в XIX веке, и в форме советского этоса тоже. После 1991 года явно или неявно у нас произошел сдвиг к мещанско-пуриганскому этосу. У нас стали официально культивировать присущие ему установки — индивидуальный успех, выгода, богатство и — помните? — «нравственность — это эффективность». Причем этот этос внедрялся в своих

внешних, утилитарных выражениях, без той внутренней аскезы, которая была его движущей силой по крайней мере в XVI—XVII веках, когда он утверждался в Европе, без связи этого сугубо мирского этоса с немирским божественным началом. Он стал культивироваться в форме потребительского образа жизни.

Суть дела состоит, однако, в том, что мы не были готовы признаться себе в том, что у нас нет никаких больших исторических духовных оснований для того, чтобы этот этос возвести в какой-то общественный образец, взять его в качестве путеводной нити. Моральные переживания и оценки в нашем общественном сознании сохраняют самостоятельную значимость. Они не конвертируются в богатство и, если хотите, не конвертируются в презумпцию невиновности. Это обстоятельство, с которым нельзя не считаться.

И последнее, что следует иметь в виду при оценке морально-го кризиса. Это — исторический нравственный опыт народа. В любом варианте — царском, православном или коммунистическом — наше общественное сознание высоко ценит такие вещи, как служение общему делу, патриотизм, отзывчивость, все то, что исходит из представления о человеке как о добром существе. Этот опыт сегодня оставил следы в виде определенной беспечности человека в жизни, сниженного порога индивидуальной ответственности, как и в том, что человек видит в государстве олицетворение патерналистского начала и потому не проводит четкую грань между деловым общением людей и личным дружеским общением. Поэтому когда государство ушло из сферы воспитания, сняло с себя подобные идеологические функции, это сказалось на морали еще более разрушительно, чем уход государства из экономической сферы.

В общем, как мне кажется, есть какая-то динамика состояния общественных нравов, какие-то важные объективные тенденции, с которыми нельзя не считаться, оценивая негативные явления и последствия общественных преобразований, которые у нас происходили.

В.Т.Третьяков

Я чувствую себя несколько неудобно в столь высокой аудитории. Во всяком случае люди, которые в наше время способны обсуждать такие темы, сами по себе вызывают у меня почтение. Может быть, каждое поколение ощущает эту проблему столь же ост-

ро — но, на мой взгляд, мы очевидно катимся в пропасть и именно в смысле морали дорога туда уже проложена и поворота назад нет, лично я выхода не вижу. Хотя он скорее всего есть.

Я впервые задумался о проблемах морали как о коренной проблеме современного общества тогда, когда западные дипломаты, политологи и корреспонденты стали приставать ко мне с вопросом о том, почему так аморально ведет себя Россия, русская армия в Чечне — ковровые бомбардировки, убивают людей, мирных жителей и т.д. В одном разговоре собеседник стал мне говорить, что акция против Югославии — это морально, хотя это и война, а Россия действует в Чечне не морально, хотя это тоже война. И тут меня как-то озарило и я ему сказал, что я не могу согласиться с тем, что ваша натовская война против Югославии более моральна, чем наша в Чечне. Он спрашивает: почему? А потому, ответил я, что вооруженные люди, которые в силу своего технологического превосходства над другими вооруженными людьми могут убивать этих, других, издалека, не подвергая свою жизнь никакой опасности и даже не видя конкретно, кого они убивают, — они ведут аморальную войну, именно из-за этого громадного технологического превосходства. Когда русский солдат идет в бой, и его убивает чеченский террорист, инсургент, это все-таки какая-то более-менее честная схватка. Несмотря на то, что у одних «Грады», «Катюши», у других что-то менее мощное. А сама ситуация аморальная, нет этой честности, нет прямого столкновения, ты застрахован максимально. Плюс всякие гаагские суды, европарламенты, конгрессы США — все стоит за тобой, ты знаешь, что ты не будешь наказан в любом случае. Но если это так, то мы просто имеем глубочайший кризис морали в рамках той цивилизации, в которой мы либо живем, либо, если Россия — это особая цивилизация, той, в которую мы пытаемся войти, чтобы сосуществовать и нести гордое звание европейцев.

Какой здесь выход — я не знаю, поскольку убежден, что мораль вообще не способствует выживанию. Она — то, что мешает выживать, противоречит функции человеческого организма, которая состоит в том, чтобы все-таки жить. Как выйти из этого парадокса, я не знаю. Но если мы всерьез считаем, что Россия по совокупности показателей более моральная страна, чем западная евроатлантическая цивилизация, то можно заканчивать дискуссию, поскольку мы обречены на вымирание, мы просто проиграем соревнование, что, собственно, мы уже и сделали несколько раз, выходя до этого на очень высокие пики развития.

Ю. М. Бородай

То, что моральность, влечение к самоограничению вплоть до самопожертвования не способствует выживанию, отмечал еще Дарвин. В «Происхождении человека» он назойливо не уставал повторять, что высоконравственные особи погибают в первую очередь и, как правило, не оставляют потомства. Не работает биологический закон полового отбора по этому признаку. Поэтому биологам по сей день непонятно, как чудом возникшая человечность могла не только эволюционировать в ходе истории, но и вообще сохраниться. Я говорю о человечности, потому что Дарвин отверг общепринятое определение человека как «существа разумного». Суть человечности — нравственность, которая есть первоисток сознания вообще, первоисток всех первичных ценностно-культурных представлений, языка и, в конце концов, разума, что вполне доказано современной наукой. Биологический парадокс моральности заключается в том, что она вовсе не инструмент выживания отдельных особей — прямо наоборот! Это жертвенный цемент скрепления различных человеческих общностей — этнических, религиозных, идеологических. Общность, включающая в себя достаточное число членов, способных к жертвенности ради группового фетиша или общей цели, получает огромное преимущество в конкуренции с другими общностями — нациями, конфессиями. Беда, однако, в том, что в любом самом крепком сообществе в силу биологических законов число носителей моральности со временем неумолимо уменьшается — отсюда тезис об «инерционности этногенеза», то есть об этнической истории как процессе неизбежной постепенной утраты исходного потенциала высокой моральности. Но нравственность, бывает, возрождается, что выглядит таким же чудом, как сам исходный антропогенез.

В. Т. Третьяков

Да, Дарвин, наверное, прав... И я думаю, что какой-то выход есть и для нас. А вот какой? Как и выжить, и сохранить некую мораль? Когда я слышу, как ругают все советское и говорят, что советское общество было бездуховно, аморально и все там было лишь ханжество и цинизм, то я в это не верю не только потому, что я сам жил в советском обществе, где все это, конечно, присутствовало, но и потому, что остался некоторый еще не закопанный археологический слой этого общества, например в виде художественных

фильмов, мультфильмов. Поскольку у меня сейчас маленький ребенок, то это последнее для меня тоже актуально. Я просто сравниваю советские мультфильмы, выпущенные в брежневские времена, с мультфильмами, которые демонстрирует нашим детям сейчас наше телевидение, то есть западными мультфильмами. И вижу, что одно гуманно, морально, а другое — плохо со всех этих точек зрения. Не знаю, насколько морально было общество русское при государе-императоре, но сейчас среди демократов принято считать, что оно было более морально, чем советское. Конечно, если судить по основному массиву советской литературы, то нельзя сказать, что это было глубоко моральное общество. Но для меня очевидно — ведь я жил в этом обществе, — что цель *быть моральным* была четко выражена и в том же моральном кодексе строителя коммунизма, и в постоянном апеллировании к высоким ценностям, хотя в жизни их не придерживались и знали, что не придерживались. Это доказательство того, что, оставаясь авторитарным, даже, может быть, полутоталитарным, это самое советское общество несло в себе мораль хотя бы как цель.

Сейчас все постоянно говорят о том, что нет моральных авторитетов. Ну, может, только Солженицына называют, а вот еще недавно они были. Но это моральные авторитеты, с точки зрения хронологии, — советские. Я просто перебираю фамилии. Скажем, академик Лихачев — моральный авторитет, все об этом говорят публично. Но я же знаю, как возник этот феномен. Я, конечно, не ставлю под сомнение профессиональные качества академика Лихачева. Но в тот период в противовес авторитету академика Сахарова и Солженицына для русской интеллигенции нужно было выдвинуть какую-то официальную альтернативу. И такая альтернатива была найдена и раскручена советскими средствами массовой информации в лице академика Лихачева. Осознавал ли он роль, отведенную ему, или не осознавал — я не знаю, с ним никогда не встречался. Но если бы встретился, я бы ему обязательно задал этот вопрос, а вопрос неприличный...

Александр Исаевич Солженицын. Вот его вроде бы все уже признают — и демократы, и бюрократы, и коммунисты даже, и антикоммунисты, все говорят — Солженицын! И только один пример. Недавно в программе «Итоги» было недлинное интервью Солженицына, где он впервые с момента приезда в Россию назвал Ельцина по фамилии, впервые. До этого он критиковал режим, строй, демократов, — и ни разу не называл Ельцина. Не хвалил никогда, но никогда и не ругал. То, что для другого человека мож-

но было бы назвать долгом приличия, — ну, как же, в страну пустили, дали вагон и возможность проехать по стране, дали Троище-Лыково, живи себе, квартиру дали — неприлично о таких людях говорить плохо. Но это с точки зрения обычного человека. А вот с точки зрения человека, которого все считают моральным авторитетом общества, — на мой взгляд, неприлично как раз не говорить таких вещей.

Церковь. Я неплохо знаю жизнь Русской Православной Церкви. Именно конкретное поведение некоторых конкретных иерархов Русской Православной Церкви убеждает меня в том, что Бога нет. Я человек неверующий, но думал периодически — нужно верить или не нужно верить? И именно из-за поведения некоторых иерархов Русской Православной Церкви я пришел к выводу, что Бога нет. Потому что... Понятно почему.

Еще моральными авторитетами у нас являются известные люди — артисты, танцующие и поющие, писатели, начиная с тех, еще с советских времен существующих, и до нынешних. Ну, что касается артистов, то более аморальных людей по поведению я просто не видел. И именно им всегда дается трибуна для рассуждения о морали. Всегда! Никого из вас, если вы занимаетесь моралью профессионально, я уверен, за последние десять лет ни разу на экран телевизора не пустили.

Здесь упоминали об олигархах. Петр Авен в «Коммерсанте» прямо утверждал, что богатый человек моральнее бедного. Какая-то доля правды в этом есть. Во всяком случае, голодному человеку очень трудно быть моральным, это точно, если ты только не выбираешь аскезу специально... Но вернусь к парадоксу: либо ты морален, либо ты погибаешь. Преимущество морали в том, что она может быть личным выбором; на войну тебя просто посылают, если не удалось этого избежать, то ничего не сделаешь, — а вот моральность может быть личным выбором. Но это личный выбор для тебя — и ты готов к тому, чтобы страдать, голодать и все остальное. А вот по отношению к твоему ребенку как? Он же не сделал этот выбор. Как найти для себя объяснение, оправдание и успокоение? Я нашел это оправдание в утверждении, что мы находимся в состоянии холодной гражданской войны, а в условиях гражданской войны, что холодной, что горячей, мораль просто не действует, поскольку война — это есть нечто внеморальное. А раз мораль в годы войны естественным образом не действует, то каждый из нас, находясь на своей политической, или гражданской, или со-

циальной кочке, имеет право оправдывать свои неморальные поступки и имеет право действовать не морально. Это есть оправдание нашего существования.

Итак, что нужно делать? Первое, что я бы сделал, я много раз уже об этом говорил, я бы просто всю русскую интеллигенцию, ныне существующую, направил на Кипр...

В.И.Толстых

Говорят, там хорошо...

В.Т.Третьяков

Да, все в восторге, я знаю. И она, интеллигенция, собственно, туда очень стремится. Ей-богу, если бы я был президентом России, не пожалел бы какого-то миллиарда долларов из бюджета, говорю об этом совершенно честно.

Реплика. Пароход уже был...

В.Т.Третьяков

Про пароход знаю. И тем не менее прихожу к этому убеждению. Чтобы она не мешала.

Реплика. А зачем деньги?

В.Т.Третьяков

А чтобы их там кормить. Не так, чтобы отправил на пароходе — а вы там живите сами. Нет. Содержание будет идти из Москвы, на деньги государственного бюджета России русская интеллигенция будет жить на Кипре.

Л.И.Сараскина

Виталий Товиевич, «чтобы не мешала» кому?

В.Т.Третьяков

Чтобы не мешала наладить нормальную систему образования и преподавания, прежде всего русской литературы в школе, чтобы возникли нормальные авторитеты, в том числе на экранах телевизоров, а не те самые поп-звезды, к которым русская интеллигенция тоже очень прилипчива.

Конечно, я погорячился. Не интеллигенция, на мой взгляд, является носителем морали. Единственное, чем может быть интеллигенция, это популяризатором морали — лучшая, моральная часть интеллигенции. А носитель морали — это, на мой взгляд, государство. Увы, это так.

Именно политика может помочь с моралью. Почему политика? Не потому, что политики лучше интеллигентов, — а потому что в политике, в отличие от почти всех остальных сфер нашей сегодняшней жизни, правда является оружием, которое иногда и даже очень часто, если ею умело пользоваться, приносит успех. В политике правда, как и ложь, помогает и выживать, и побеждать, нужно только уметь пользоваться и тем и другим. В построении морального государства (каждый может под этим понимать все, что угодно, я понимаю совсем не то, что можно считать тоталитарным государством) можно восстановить эти моральные ценности. Это печально, потому что это вроде бы один шаг до фашизма, или до коммунизма. Но, по-моему, это так.

Ю.М.Бородай

Один вопрос можно? Там будет департамент ФСБ или отдельное министерство?

В.Т.Третьяков

Поскольку мы своим историческим опытом и личным отказом решили, что коммунизм не осуществим, — либо плох, либо осуществим лишь в оруэлловском варианте, то, значит, это будет не коммунизм. Следовательно, там будут присутствовать спецслужбы. Во всех самых моральных и претендующих на моральность современных обществах спецслужбы являются сильнейшим и важнейшим элементом структуры. Это просто «номер два» после того демократического каркаса, который наравне с гражданским обществом обеспечивает жизнеспособность нации.

О.М.Здравомыслова

Меня поразила идея, высказанная Виталием Товиевичем, что, с одной стороны, нужно строить моральное государство, а с другой стороны — моральных авторитетов у нас нет. А строить его будет кто? — возникает тогда вопрос. И что делать бедному насе-

лению, на голову которого все это обрушивается? Мы можем только надеяться на то, что население само по себе добродетельно, поскольку, как сказал Салам Керимович, оно работает даже без зарплаты. Тогда эта ситуация абсолютно тупиковая. Я считаю, что она, конечно, очень драматическая.

Я проводила в течение ряда лет исследования среди молодых людей. И могу вам сказать, что, по моим предположениям, моральный кризис и, даже может быть, катастрофа, у нас как раз впереди. Мы все, и те, кто несколько старше, и те, кто чуть-чуть моложе, — мы все воспитаны в обществе, которое было, может быть, больным и несовершенно, но обществом стабильным, оно имело свою систему норм, на которые люди могли ориентироваться. Люди нарушали эти нормы, как это делают везде, но они понимали, что есть норма. И понимали, что они от нее отходят.

Сейчас в головах людей, и прежде всего молодых, это представление о норме абсолютно обрушено. Например, в ходе большого опроса, проведенного в 1998 году среди молодых людей в нескольких регионах России, пытались выяснить оценку разных способов добывания денег. Конечно, большинство считают, что для того, чтобы иметь деньги, нужно работать или подрабатывать. Но примерно 40% считают, что абсолютно нормально просить денег у родителей, 30% считают, что нормально заниматься разного рода перепродажей, 20% — что нормально вступать в брак по расчету, столько же — добывать хитростью, и так далее, и так далее. В общей сложности примерно треть молодых людей считают, что абсолютно нормальны практически любые способы добывания денег. Примерно 60% считают, что не платить налоги — это не просто нормально, это даже вполне естественно и хорошо. И практически 90% молодых людей считают, что успех измеряется деньгами. Ничем другим. Таким образом, для молодых претенденты на моральный авторитет символами успеха быть не могут.

А суть дела состоит в том, что главной ценностью для нашего общества на протяжении последних лет стала ценность социального успеха. При этом успех измеряется не моральными добродетелями. У молодых людей нет образца поведения в этом обществе, но есть отчаянное стремление к успеху. Понимаете, в какое положение это поколение поставлено? Ситуация чрезвычайно опасная. Что же касается добродетельности, то она переселилась в семью. Семья — это то единственное место, где могут быть добродетели. Однако скажите мне, откуда могут быть добродетели в семье, если их нет в обществе? Это тоже иллюзия.

В.Г.Федотова

К вопросу морального авторитета, который поднял Виталий Товиевич. В этой связи мне вспомнился один советский анекдот, как этика вызывают на партком за неморальное поведение и говорят ему, что как же так, вы — этик, а ведете себя не морально, на что он отвечает — а орнитологи тоже не летают. То есть и этики аморальны, и политики аморальны, и журналисты аморальны, и ученые аморальны. Тем не менее моральные авторитеты существуют. Видимо, Виталий Товиевич имеет в виду то, что наверх не выдвигаются люди, обладающие моральным авторитетом.

Вообще в этой попытке найти моральный авторитет мне видятся две проблемы. Одна состоит в том, что в сложноструктурированных обществах люди действуют, руководствуясь не моральными мотивациями, а множеством других мотиваций, где моральная мотивация предпологается имплицитно. То есть моральность не является прямым фактором поведения человека. И второе — мы ведь жаждем абсолюта. Виталий Товиевич хотел получить стерильно морального субъекта, который был бы всем примером. Я сейчас читаю одну забавную художественную вещь, в которой описывается крестившийся монгольский князь. Но церковь прознала, что крестился он от того, что хотел одну из своих душ, самую низшую душу (а у него было три души) продать дьяволу. Стали консультироваться у лам. Что будет, если он потеряет верхнюю душу, среднюю душу и низшую душу? Если верхнюю — будет жить еще долго, если среднюю, то умрет скоро, а если нижнюю — плохую — то совсем скоро умрет. Этот монгольский князь просто прочитал «Фауста» и хотел продать свою низшую душу дьяволу. Но вот, оказывается, что он скоро умрет, и он был убит. Вот этот абсолютизм нашей культуры, одна из предпосылок того, что мы не приходим к согласию по моральным вопросам, о чем говорил Салам Керимович.

Конечно, моральные максимы всегда очень высоки, хотя они существуют в разных средах, и они никогда не имели в качестве субъекта-носителя какого-то отдельного конкретного человека, разве что великих моралистов. Я думаю, что субъектом такой морали является человечество. Идеи категорического императива, универсальной этики, моральных ограничений, свободы как условия морали выдвигались классиком философии тогда, когда человечество было совершенно раздроблено и жило в совершенно разных обществах. Но сегодня, когда все говорят о глобализации,

вдруг оказывается, что все наоборот. В глобализующемся обществе появляется плюралистическая этика, этика для нас, свободная воля вместо морального ограничения, благо вместо свободы и так далее, хотя и классики говорили о том, что свободная воля должна быть доброй.

Какие качества считаются преступными в любом обществе? Питирим Сорокин называет два качества. Первое — отсутствие жалости, безжалостность. И второе — сознательный обман, то есть манипуляция с целью обмана. Я думаю, что эти качества скорее врожденные, они находятся на уровне чувств, возникших в ходе первичной социализации. И безжалостность сегодняшнего общества лично для меня является проблемой — и прежние воры и бандиты были жестокими, но как бы целесообразными в этой жестокости. Сейчас этот порог сильно снизился, и я не знаю, чем его определить. Я помню, в детстве мой брат нечаянно убил курицу, ему было четыре года. Я помню, как он дрожал, как он говорил: «Мама, Валя, я курицу убил, она никогда не будет больше живой!». И он не ел до 16 лет кур. Но ведь сегодня такого вообще невозможно себе представить.

Вновь обращусь к Питириму Сорокину, который говорил, что в период революций (или вот этих холодных гражданских войн) действует закон поляризации масс. Когда одни хватаются за оружие идеализма и моральности, другие мечтают только о том, чтобы освободиться от всякой культуры, от всякой морали, проявляя себя лишь на уровне инстинктов. Второй закон, который он выводит, — это закон дезиллюзионизма, когда все иллюзии на каком-то этапе этих революционных завоеваний не осуществляются и полностью исчезают. И третье — это, конечно, возникающая аномия, то есть отсутствие ценностной системы. Ведь страсть к наживе была провозглашена как официальная идеология, и вся эта ситуация рушилась сверху, как бы со стороны тех мер и тех микро-идеологий, которые предлагались сверху, — обогашайтесь, наживайтесь, и так далее. Во-первых, такая идеология не привела к экономической реформе, потому что страсть к наживе коренным образом противоречит экономическому интересу, и на ее основе не может сложиться нормальное общество. И во-вторых, она как бы релятивизировала все ценности.

Являюсь ли я пессимистом? Не в такой мере, как Виталий Товиевич, но, пожалуй, на уровне Салама Керимовича. Мораль существует не одна, а наряду с другими институтами, в том числе с институтом государства. И я не вижу никакого авторитаризма в

утверждении, что без государства в России вся эта люмпенизация, криминализация не может быть прекращена. Я не знаю, сильно ли французы задумываются о морали, но у них есть система, которая им помогает быть достаточно моральными. Это — их рационализм, чувство меры. Наверное, у нас такими сопутствующими системами являются все-таки социальный контроль, ближний групповой контроль, какие-то системы социальной коррекции, которые сейчас полностью рухнули и создали вот эту атмосферу такого морального цинизма. Попытка моральной проповеди абсолютно бессмысленна, она возможна только в традиционном обществе.

Меня потряс спектакль Петера Штайна «Гамлет» в театре Советской Армии. Я не могла понять, с какой стати режиссер напихал в этот спектакль сцены из жизни «новых русских» — какие-то кабаки, казино, голых баб и так далее. Но когда я посмотрела в зал, я увидела, что спектакль смотрят преимущественно «новые русские» (билеты дорогие, спектакль престижный). И я поняла, что это была попытка поставить гамлетовский вопрос перед «новыми русскими». Казалось бы, кто мог понять лучше, что пока ты держишь другого за горло, кто-то уже приготовился, чтобы схватить за горло тебя. Но они ничего не поняли, потому что они — дети этого совершенно деструктурированного общества. Мы впали как бы в естественное состояние — тот, кто был морален и мог воспитать свою семью в моральном состоянии, тот сохранил эти качества. А те, кто был в другой ситуации, — так и не смогли.

Ю.М.Бородай

Сразу по поводу некоторых ярких, но парадоксальных вещей, которые здесь прозвучали. А не отправить ли интеллигенцию на Кипр? Я, в отличие от Виталия Товиевича, оптимист, и думаю, что с моралью у нас в обществе совсем дело не закрыто — как он выразился, «поворота уже нет». Я думаю, что это не так. И государство не последний деятель в этом процессе. Надеюсь, что я доживу до возрождения моральности в России. И может быть, это возрождение начнется со своего рода закона о запрете на профессии. Я имею в виду прежде всего жесткий государственный запрет на допущение в органы государственной власти представителей заведомо аморальных профессий — адвокатов, журналистов, артистов, писателей, для кого профессией стала торговля публичной совестью, получая деньги.

Салам Керимович, Вы говорили о раннем капитализме, но там есть одна маленькая деталь. Капитализм на Западе строили протестанты-кальвинисты, очень верующие люди, которые ради своих моральных убеждений без всякого колебания шли на виселицу, под нож и так далее. Моральные максимы для них стояли на первом месте. Ведь неважно даже, какого содержания мораль. В морали важно одно — готовность и способность пожертвовать собственной шкурой ради того, в чем ты полагаешь свое достоинство. Если это доминирует в обществе, такое общество непобедимо. От чего зависит победа в войне? Да просто от количества людей, которые готовы жертвовать своей шкурой. Я специалист по генезису капитализма, и потому знаю, что капитализм был построен на Западе именно такими людьми. А сейчас это общество потребления, где просто-напросто проматывают то, что создано отцами и дедами.

Дело в том, чтобы, наконец, делами в России начали заниматься просто элементарно честные люди. Эта потребность назрела. Посмотрите на результаты последних парламентских выборов. Масса мудрецов гадала, кого же выберут. Блоки фантастические сочинялись, деньги тратились бешеные. Сколько Лужков с Гусинским потратили — я не знаю, наверное, очень много. Пиаровские технологии пускались в ход... Все полетело к чертовой матери! На выборах в этот раз мандат получили люди, которые меньше всего мелькали на телеэкране, о которых меньше всего писали в газетах. Оказалось, что для выборов самое главное, самое лучшее — чтобы о человеке вообще ничего не было известно. Не сумели на Путина набрать компромата — не сумели или не захотели, я не знаю — и его избрали, потому что его мало кто знал.

Дело не в моральных векторах, они могут быть разными. Но если власть заказывает спекулятивно-финансовый капитал — стране хана. Так что, пока мы не покончим с засильем спекулятивного капитала, Россия на ноги не поднимется, нельзя и мечтать о возрождении нравственного начала в стране.

В.Л.Рабинович

Как поется в песенке Юлия Кима, — «до чего же плохо все у нас пока». Этот вселенский плач Ярославны — просто ужас какой-то, и ничего нельзя нормально, тихо и спокойно сказать.

Я вспоминаю стихотворение Николая Асеева «Песня о Гарсии Лорке». Начало потрясающее: «Почему ж ты, Испания, в небо смотрела / Когда Гарсия Лорку повели для расстрела? / Андалузия знала, и Валенсия знала. / Почему же земля под ногами убийц не стонала?», и так далее. А заканчивается гениально — жандармы, которые его убили, «сидели, лимонад попивая, и слова его песен про себя напевая». Моральны они или нет? Они понимали, что говорил Лорка, им это все нравилось. Им нравилось слушать песни Высоцкого, Галича и так далее, только чтобы другие этого не слушали. «Я знаю музыку, знаю слова, и авторов знаю отлично — это уже Гейне — Они без свидетелей тянут вино, проповедуя воду публично»... Оказывается, есть такие вещи, которые вообще необъяснимы. Что плохо, что хорошо — все можно объяснить, как сделать карьеру, как разбогатеть десятью способами, как увернуться от налогов... Но есть вещи, которые вне обговаривания. Мы понимаем, что вот этого делать вообще не следует — и мы про это молчим, мы просто этого никогда не сделаем, потому что это предел, который вне наших обсуждений. По сути дела это гамлетовская ситуация, ситуация первого европейского интеллигента — быть или не быть?.. Вещи, связанные с моралью, с нравственностью, — они вне обсуждения, они даны как бы интуитивно и говорить о том, как надо поступать, — это действительно морализаторство, которое никому ничего, естественно, не даст, поскольку договориться здесь невозможно, ибо что хорошо для одного, для другого плохо. Одно укладывается в десять заповедей Нагорной проповеди, а другое не укладывается.

Я должен сразу сказать, что на Кипр я хочу, а нижнюю душу продавать не стану... Здесь Виталий Товиевич сказал о пользе чтения книг. Для чего вообще книги? Если нам будут внушать, например, что есть десять заповедей, есть моральный кодекс строителя коммунизма, выполняйте это... Но выполнить это как некоторое указание вообще невозможно. Никакие заповеди в качестве регламента меня не убедят ни в чем, наоборот, будут вызывать некоторый протест, как рекомендации «голосуйте за того, а не за этого». Но зато литература, искусства разные, всякие художественные прельщения для того, на мой взгляд, и существуют, чтобы дать нам возможность каждую заповедь Нагорной проповеди прожить перипетийно. То есть если сказано «не убий», то я должен не то что убить, как Раскольников, старушку, я должен почувствовать ситуацию «убий», не убивая, конечно, в лучшем случае не убивая, почувствовать ситуацию «укради», чтобы понимать,

что такое «не укради», и так далее. То есть художественная литература дает мне возможность, как здесь сказал Салам Керимович, действительно переиграть в себе грешника, чтобы в этот момент стать безгрешным. Тогда этот регламент будет мной выстрадан, пережит и станет частью моих мыслительных и душевных переживаний.

В.В.Сербиненко

Как мне представляется, главным социальным результатом «реформы» стал переход от позднесоветской стагнации (период системного кризиса) к состоянию хаотической стагнации, суть которой предельно кратко можно выразить тремя «не»: не стабильность, не порядок, не развитие. Естественно, пребывание в этом «мире неясного и нерешенного» в полной мере сказалось и на общественной морали.

Что же касается суверенности личности, то и тут, к сожалению, дело обстоит не лучше. Попытка внедрить самый примитивный индивидуализм в массовое сознание удалась вполне, и он прекрасно сосуществует с идеологией и психологией материалистического типа. От того, что при этом постоянно звучали слова «демократия» и «либерализм», потребительско-накопительский индивидуализм никакой этики породить не мог. Были еще, правда, сетования по поводу отсутствия в российской истории замечательной Реформации и дифирамбы «протестантской этике». Конечно, капитализм у нас собрались строить отнюдь не знатоки Вебера. Но, допустим, учитывалась бы веберовская модель. Это что же значит? Взять безысходно фаталистический кальвинизм XVI века и ждать, когда на российской почве он трансформируется в некую «новорусскую» этику? Конечно, в период перестройки и постперестройки не было недостатка в морализме. Но морализм и нравственность — это, как известно, далеко не одно и то же. Метафизик, создатель фундаментальной нравственной философии Вл.Соловьев писал даже об «импотентном морализме». Я вспоминаю, как часто и с каким энтузиазмом произносили знаменитые слова: не согласен с вашими убеждениями, но готов умереть за ваше право их высказывать. Произносили их те, кто, безусловно, считал себя либералами и демократами, но при этом постоянно проявляли (и проявляют) поразительную невосприимчивость и враждебность к иным, чуждым им позициям, нередко разрушая саму возможность общественного диалога. Моралистическая демагогия такого рода, по крайней мере в нашей ситуации,

мне представляется совершенно аморальной. Это только один пример. Слишком много было обычной глупости и слишком мало элементарной рациональности. Думаю, что общество вправе предъявить по крайней мере моральный счет тем, кто способствовал нарастанию хаоса и абсурда в общественном сознании. Конечно, «орнитологи тоже не летают». Но, с другой стороны, назвался интеллектуалом или, как сейчас принято выражаться, «экспертом», то хотя бы отдавай себе отчет в том, что именно ты вещаешь, и отвечай за свои слова.

О.В.Гаман-Голутвина

Среди уже прозвучавших в ходе дискуссии мнений преобладают алармистские оценки, суть которых в том, что политика становится все более безнравственной. Этот алармизм не случаен: повседневная реальность дает к тому все больше поводов. Однако наряду с уже отмеченными бедами он содержит несомненный позитив. Суть этого позитива можно выразить в двух тезисах. Первый. Подлежащая моральной регуляции сфера жизнедеятельности общества в нашем обществе сужается за счет ограничения возможностей классической общепринятой морали в качестве регулятора политических отношений. Второй тезис заключается в том, что этот процесс рационален, целесообразен и благотворен. Поясню, что я имею в виду.

Критерии нравственности в политике специфичны и весьма существенно отличаются от норм и ценностей общепринятой морали. В России, вследствие относительной молодости политики как самостоятельного социального феномена, присущие именно политике специфические нормы и механизмы нередко подменяются теми, что сложились в рамках общепринятой морали. Поэтому здесь кристаллизация специфически политической нравственности — процесс благотворный.

Я исхожу из того, что феномены политики и морали существенно различны. Суть морали — в незаблестности раз навсегда установленных идеалов, норм и ценностей: «Возлюби ближнего, как самого себя», «Сам погибай, а друга выручай» и т.п. Иначе говоря, суть морали — в укрощении эгоистической природы человека в пользу альтруизма на основе соблюдения фундаментальных незаблестных идеалов. Между тем суть политики иная: здесь константой является понятие интереса, а не идеала. Отсюда — необходимость постоянных изменений политики, ориентированной на

реализацию интереса, как функциональный принцип политики, ее несущая конструкция. Суть политики может быть выражена известной формулой: «В политике нет вечных друзей и вечных врагов — есть вечные интересы». Это не значит, что политика по определению безнравственна: просто базовый критерий нравственности в политике иной. Суть этого критерия — в соответствии политики национально-государственным интересам нации (в данном контексте понятие нации является синонимом единства общества и государства). Отсюда — весьма простой и инструментальный критерий оценки степени нравственности (или безнравственности) политики: курс, соответствующий интересам моей страны, есть нравственная политика. То, что этим интересам противоречит, есть политика аморальная. При этом личная нравственная состоятельность конкретного политика — вопрос второстепенный.

Вопрос о средствах достижения политических целей — вопрос особый, и потому также нуждается в применении соответствующих адекватных процедур (нередко рассуждения о «слезе ребенка» являются декором изощренно антигуманной политики). Так что происходящий сегодня в нашем обществе процесс освобождения политики от неоправданно широкого применения критериев классической морали рационален. Массовое политическое сознание постепенно освобождается от излишнего морализаторства, становится более прагматичным и проникается разумным эгоизмом, без которого общество рискует остаться сообществом лохов — сообществом, которое легче всего облапошить под аккомпанемент разговоров о приоритете общечеловеческих моральных ценностей. В полной мере это демонстрируют дискуссии об оправданности применения силы для борьбы с криминальным режимом в Чечне.

Проблему я вижу в несформированности понимания сущности политики абсолютным большинством населения: в сферу политики привносятся критерии и оценки, свойственные иным социальным сферам, и прежде всего морали, а традицией оценки населением политики и политиков стал принцип «плохой-хороший». Этот модус отношения, будучи помноженный на свойственную отечественному менталитету «всемирную отзывчивость», в политике нередко и оборачивается массовым «лохотроном». Что касается примеров, то всем памятен морализаторский фетишизм времен перестройки и начала реформ, когда стенания о засилье государства послужили прологом к разрушению общества. Пожалуй, самый яркий пример дилетантского морализаторства в поли-

тике — это акция председателя КГБ Бакатин, а передавшего США схемы технического оборудования американского посольства в Москве (не случайно эта акция вызвала шок у самих американцев). Итогом дилетантского морализаторства в политике 90-х гг. стало геополитическое поражение страны. Поэтому привнесение здорового прагматизма в политику есть процесс благотворный.

Р.Г.Апресян

Изначально я боялся, что разговор может пойти в жанре «о времена, о нравы». И это все-таки есть, хотя Вы, Валентин Иванович, сказали, что оба докладчика известны своей неморализаторской позицией.

Реплика. А что, кто-то занимался морализаторством?

Р.Г.Апресян

Я не говорю, что это морализирование, просто мне кажется, что необходимо ввести в наш разговор какие-то методологические коррекции, предполагающие хотя бы разведение этики личности и социальной этики. Если мы будем говорить о том, что происходит на уровне общественной нравственности, но при этом оставаться на позициях перфекционизма, мы, вероятно, будем подменять одно другим. У Юрия Мефодиевича это звучало, Владимир Львович рассуждение свое развивал в этом же духе. Даже у Виталия Товиевича, когда он говорил о моральных авторитетах, — не о том, как функционируют эти моральные авторитеты в обществе, а о том, что они на самом деле из себя представляют, а это разные вещи. Я очень многих людей знаю, которые высоко ценят академика Лихачева, хотя то, что сказал Виталий Товиевич, звучит вполне достоверно. Но это разные измерения, разные существования одного и того же образа. Необходимо учитывать это различие. То, что происходит в нравах, то есть на уровне массовидного поведения, нельзя понять в контексте индивидуальных выборов, а на государственном или на социальном уровне — можно. Я разделяю позицию тех, то выразил свой непессимизм и даже оптимизм. Если посмотреть с государственной точки зрения, то, конечно, разломался социальный порядок, но это не есть непременно знак упадка нравов. Далекое не все, что происходит на уровне личной морали, можно назвать проявлением нравственного упадка. Та же люмпенизация — это более широкое явление, и функ-

ция более глубинных процессов. Это скорее связано с утратой или сменой идентичности, профессиональной и социальной. Тогда и проблема становится другой, и выход из этой проблемы иной.

Мне кажется, если сконцентрироваться на общественной нравственности как некоторой совокупности нормативных ценностных установок, которые циркулируют в общественном сознании, а также на общественных нравах как совокупности каких-то реальных стереотипных действий или поступков, то, по-видимому, возможны какие-то усилия по восстановлению социального порядка. Но не таким образом, как это происходит сейчас. Я готов солидаризироваться с теми, кто настаивает на том, что государство — это субъект морали. Вопрос в том, какое государство? Если это субъект именно общественной нравственности, то что-то возможно делать. Тогда возможно достаточно быстрое восстановление социальной упорядоченности хотя бы в пространствах публичности. В каких бы формах мы ни брали бы эти пространства публичности — городская среда, улица...

Или вот, допустим, степень правосообразности общественных установлений, общественных порядков. Возьмем хотя бы ситуацию с чеченской войной. Я почему-то думал, когда шел сюда, что больше всего будут обсуждаться вопросы порнографии на экране и войны в Чечне. Потому что война в Чечне — это предельно драматичный, доходящий до трагичности, кровавый показатель глубочайшего кризиса и провала общества вопреки тому, что говорится вокруг этого. Для очень многих не только военных, не только политиков, но и для некоторых наших коллег-философов это стало поводом для героизации, многие видят в этом какой-то предмет для национальной гордости. Кстати говоря, эта война в свете нашего разговора интересна хотя бы показателем значительной правовой несообразности в головах наших политиков и генералов.

И здесь только лишь Виталий Товиевич выразил, мне кажется, характерную позицию в отношении войны, которая называется «реализм». Реалистическая точка зрения, которая говорит: где война — там нет морали.

Ю.М.Бородай

Как быть с Флоренским, который работал полковым священником и благословлял солдат, идущих в бой?

Р.Г.Апресян

Ну я же совсем не про это! Я говорю о том, что и война, и военные действия, и принятие решений могут быть сообразными или несообразными определенным этическим и правовым принципам. А сейчас в массовом сознании, в печати господствует либо реалистическая точка зрения, либо милитаристская точка зрения.

Реплика. Патриотическая.

Р.Г.Апресян

Какая? Патриотическая точка зрения оказывается лишь ширмой. А за патриотизмом скрывается милитаризм и скрывается реализм. А реализм — это значит что? Раз война, то значит, что хотим, то и делаем. Раз у нас экономическая разруха — значит, все, что хочется, то и можно делать. Мне кажется, одной из причин этого является непроясненность возможных правовых оснований социального действия. На уровне общественной нравственности, конечно же, мораль, с которой что-то происходит в России, коррелирует с правом и с правовым состоянием общества. Я бы не стал разделять такую точку зрения, которая часто звучит: раз Россия, значит не право, значит правда, значит мораль, значит духовность. Никакое общество не может быть построено на этих принципах. Современное общество предполагает иные, правовые основания. Откуда они берутся? Исходя из определенных этических принципов, которыми руководствуются те, кто принимают те или иные законы, те или иные политические решения.

В.Ю.Милитарев

Мы живем сейчас в стране, где верхние 10% населения делают то, что они считают нужным, исходя из своих целей, при либо попустительстве, либо невозможности возразить со стороны остальных 90% населения, а в некоторых случаях 99%. Мы живем в стране, где верхние 10% населения, конфликтуя, тем не менее проводят каждый раз невидимые референдумы, в которых выбирают победителя, и, не имея никакой идеологии, каждый раз делают безошибочную, хотя и бессознательную ставку на этого победителя. Мы живем стране, в которой участие народа, то есть остальных 90% населения в политике заключается только в двух вещах — в том, что народ выделяет из себя группы кланеров, которые апло-

дируют кому-то в верхних 10%, и в пассивном созерцании политики при помощи электронных и бумажных СМИ. Здесь вспоминаются два афоризма. Первый — что до перестройки власть в стране осуществлялась посредством схватки бульдогов под ковром, Горбачев сорвал коврик, и по всей стране десять лет идет бульдожья свадьба... Второй, ильфовский, — до революции, скажем по-нынешнему, до перестройки, он был генеральской задницей, перестройка его освободила, и он начал самостоятельное существование...

Выскажу смелую гипотезу, как мне кажется, в литературе практически не формулирующуюся, хотя она лежит на поверхности. У меня есть представление, что естественное состояние в России сводится к тому, что можно назвать социально-психологическим разделением труда. Я пока не занимаюсь анализом причин, я строю теорию феноменологически, из двух-трех социально-психологических или этологических каст. Какие это касты? Подавляющее большинство населения, особенно у нас в России, по названным выше причинам представляет собой социально-психологическую касту, которую, если говорить вежливо, можно за Эриком Берном назвать «простаки», но лучше годится русский перевод, давно уже в нашей жизни утвердившийся, — «лохи». То есть люди а) чрезвычайно доверчивые, б) особым патологическим образом неимоверно податливые к любым, даже скрытым угрозам и к любому, даже скрытому, давлению — давлению соседки, жены, я уже не говорю об институционализированных формах давления начальнического номенклатурного и бандитского типа. Меньшинство населения, как правило, порядка 10%, составляют те, кого опять же можно назвать на этом же языке «ломщиками». Под ломщиками я имею в виду людей, которые имеют цели, но не знают, почему они их имеют и почему вся их жизнь посвящена реализации этой цели. Цели, как правило, задаются социокультурные, и все знают, что это за цели, — это статус, власть и богатство. Существенно, что в условиях отсутствия институциональных и культурных сдержек выигрывают отнюдь не самые рациональные из них, но отнюдь и не самые злобные. И наконец, один процент населения составляют те, кого условно я бы назвал философами, но в смысле Вебера и Кьеркегора, а не в смысле принадлежности к Институту философии, хотя это, отчасти, совпадает. То есть это люди, склонные к рефлексивному взгляду на жизнь. У них положение более сложное, поскольку в условиях институционального вакуума только они способны описывать ситуацию и ставить стратегические цели, но, как правило, в этих условиях лица, которые способны принимать

решения, никогда не являются лицами, способными к осуществлению стратегического анализа. И если не наступит осознание и агрегирование собственного интереса, без понимания которого, как справедливо говорил Ленин, трудящиеся вынуждены оставаться на всю жизнь жалкими дурачками, ничего не произойдет, то этот кризис будет продолжаться вечно. Тогда мы будем наблюдать всего лишь гонку трех процессов — процесса гниения, процесса коррозии, то есть внешне проржавливающего влияния так называемого цивилизованного мира на нас, и процесса взрыва, который, боюсь, вопреки химии здесь окажется самым медленным.

Так что остается лишь надеяться на то, что в определенных условиях возможно что-то и произойдет, и нынешнее смутное недовольство населения рано или поздно перейдет в разочарование. Это смутное недовольство населения действительно можно канализировать для пользы нашего народа, для того, чтобы население перестало быть населением, не отличающимся, как правильно говорит Проханов, сахар от гексогена, а стало народом.

Т.В.Самсонова

Дело в том, что в прозвучавших здесь очень интересных высказываниях, как это у нас часто бывает, не было четкости, разделения двух, пожалуй, даже трех вещей, которые тесно связаны с тем, что есть нравственность. Прежде всего, не было четко определено, что мотивация поступка человека совсем не сводится только к моральной мотивации. Более того, моральные мотивации в структуре всех других элементов, которые мотивируют человеческие поступки, далеко не всегда занимают первостепенное место, а в данный момент существования нашего общества тем более.

Сейчас общество переживает кризис, прежде всего кризис экономического. Мы наблюдаем нищету нашего народа. О какой моральной мотивации, которая бы стояла во главе мотивационной структуры, может идти сейчас речь? И не потому, что мы плохие или хорошие, и не потому, что кто-то злонамерен. И кого надо на Кипр отправлять, я не знаю. Но только знаю, что интеллигенцию — не стоит. Потому что, как правило, интеллигенция всегда везде бывает неоднородной, и в ней тоже есть разные элементы. В том числе те, кого, может быть, и стоило бы отправить на Кипр. Но далеко не всех. Интеллигенция всегда выполняет определенную роль. Она аккумулирует в себе своеобразным образом эту мо-

тивационную структуру и задает тон этой мотивационной структуры. Но каким образом она задает тон и как в нравственном отношении — это другой вопрос.

Вспомним президентские выборы 1996 года, когда Ельцина выбирали последний раз. Как мы выбирали? Мы выбирали президента по принципу «меньшего зла».

Реплика. Это они выбирали.

Т.В.Самсонова

Я не знаю, они или мы, но в целом народ, большинство народа. Нам предлагали так выбирать, это была, если на то пошло, даже государственная установка. Все кричали, что лучше меньшее зло, каким якобы являлся Ельцин. Не будем сейчас выяснять, кто большее зло, кто меньшее... Тут ущербна сама нравственная логика — «меньшее зло». Нам же навязывали этико-логический беспредел! И мы его проглотили, наш народ его проглотил. Почему меньшее зло? А почему не добро? Почему нельзя было проголосовать против всех, а потом назначить других соперников и выбрать все-таки добро?

Теперь вернемся к сегодняшним выборам. Какие были прекрасные эффективные избирательные технологии! Мы так были этими технологиями заморожены. Конечно, разные слои общества по-разному это воспринимали, но результат налицо. Прежде всего, мы не знаем, что такое Путин. И вот с этим «мы не знаем» мы гадаем, что это за «икс» такой идет. А вдруг «икс» позитивный? Люди не накормлены, жизнь неухожена, плохо с образованием, плохо с тем, плохо с сем, неизвестно, с чем хорошо. Дальше. На Путина нет компромата. Это уже для нашего человека, привыкшего к тому, что каждый, кто сидит у власти, почти скомпрометирован, уже достоинство. Нет компромата! По крайней мере не наши. Значит, уже хорошо. Опять же нравственно. Что еще? Скромнен, более того, благороден, настолько благороден, что он за добро отвечает добром. Ельцин его выдвинул — и вот он ему благодарен.

И пожалуйста, результат — выбрали. Скромный человек, а ведь программы-то до сих пор нет! Но отсутствие программы не смущает, потому что оно выдается за вдумчивое отношение, за серьезность. Наш новый президент никому ничего не обещает — это тоже благо, потому что он не хочет обманывать народ, он хочет обещать только тогда, когда будет взвешенное обещание, и так далее... Прекрасно! Я считаю, что тот, кто избрал эти техно-

логии, и тот, кто нашего президента нам представил и добился соответствующего результата, просто-напросто очень талантливый человек.

Нам надо разобраться, что же с нами произошло. Куда в этой структуре мотиваций делась наша мораль и откуда она произошла? Да, был у нас этот тоталитаризм, а вроде бы и моральные были люди. Каждый из нас, наверное, считает себя нравственным. А мы ведь там жили-то. И были моральны. Как же так? Тоталитаризм же был, а мы еще и моральны! Что же все-таки было нормой того общества, из которого мы вышли? Мы совсем забыли, дорогие друзья, сегодня по крайней мере мы об этом совсем не говорили, что нормы, критерии нравственности, которые нам упорно навязывали, звучали следующим образом — нравственно все то, что служит делу коммунизма. Что это такое? Макиавелли! Цель оправдывает средства.

Вот тут нам говорят — «самопожертвование». Великое достижение нравственности. Да, когда человек действительно всем жертвует ради других людей, ради общества, ради государства, я не знаю, ради чего еще, ради великой цели, — это велико в нравственном отношении. Но когда эту так называемую великую цель начинают навязывать чуть ли не с автоматом в руках, когда ее желают превратить в основную норму морали, она оборачивается своей другой стороной. И тогда мораль действующая становится лживой моралью. Общество тоталитарное, что бы мы ни хотели отсюда взять (а можно кое-что взять, мы действительно много чего и позитивного там натворили вопреки всему), вместе с тем было обществом, имевшем идеологический, макиавеллистский тип морали — лживый альтруизм. Тут вспоминали такое слово — «коллективизм». Да, в моральном кодексе коллективизм, по-моему, на втором месте стоит. Вместе с тем вы помните, как он раскрывался? Подчинение личных интересов общественным интересам. Опять ложь! Невозможно всю практическую мораль построить на этом принципе, ибо он не соответствует нормальной человеческой мотивации целого общества. Общество, которое обращается к этому принципу и навязывает его каждому гражданину, — большое общество. И наше общество действительно было больным.

И сегодня мы имеем страшнейший разрыв наличной власти, ее побуждений, ее стремлений — и народа, то есть населения нашей страны. Вот это и создает на сегодняшний день структуру мотивации поступков у иных людей и ставит нравственную мотивацию на определенную ступень.

Таким образом, наша задача сейчас — заставить, я не знаю, каким образом, начинать не с логико-этической пропаганды, хотя ее надо проводить, а с той головы, которая мало думает о нашем населении.

Л.И.Сараскина

Честно признаюсь, хотела уже уйти, чтобы успеть на фильм «Бандитский Петербург», который является энциклопедией аморализма. По нему можно изучать всю горизонталь и всю вертикаль нашего общества, где бандитизм имеет хотя бы некие понятия, а менты ничего не имеют, где женщины — монстры, мужчины — монстры, любовь монструозна, измена монструозна, все монструозна. Мне это было интересно как раз с точки зрения нашей темы. Но здесь прозвучало нечто, что меня настолько захватило, что заставило остаться.

Во-первых, я глубоко признательна первому докладчику, уважаемому Саламу Керимовичу за блестящую формулировку, которую я записала и хочу ее повторить — «моральные переживания сохраняют самостоятельную значимость и не конвертируются в успех, богатство и даже в презумпцию невиновности». Блистательное выражение! И это то, что я тоже исповедую. И конечно, на меня произвело впечатление выступление Виталия Третьякова, которого я знаю очень давно и читаю его газету. Я без нее не живу, читаю каждый номер, в отличие от других газет, она для меня барометр, по которому я изучаю положение вещей. Но Виталий Товиевич умудрился меня сегодня абсолютно поразить. Я, правда, догадываюсь, что он намеренно провоцировал всю компанию и выступал в несвойственной для себя роли. Почему? Виталий Товиевич, который является вообще суперэкспертом политики и состояния общества, выступал сегодня как молодой нигилист, как такой юноша Писарев. Он выдвинул два тезиса. Первое: «Я увидел плохих священников, плохих иерархов, и понял, что Бога нет». И второе: «Я увидел, что моральные авторитеты допускают какие-то проколы, просчеты, нарушения, и я решил, что нет морали». Это типичная и очень хорошо известная классическая формула, что Бога нет, и все позволено. А поскольку мораль «Бога нет» и стало быть, — тут Юрий Мефодиевич меня поддержит — раз Бога нет, то и морали нет. Помните? — «Если Бога нет, какой же я теперь штабс-капитан», — сказал известный персонаж. Если Бога нет — какая мораль? Раз нет Бога и раз нет морали, то идите все вообще на Кипр,

к чертовой матери, вы нам тут не нужны, и мы будем строить. И тут я не выдержала и спросила — «А кто эти мы, кто будет строить?». Помните, Петр Верховенский сказал — «строить будем одни мы. Мы построим здание каменное, и заплачет Россия по старым богам». Это мне так знакомо, так узнаваемо.

Второе, что я хотела сказать. Знаете, есть такое выражение, оно принадлежит Иоанну Лествичнику: «Ангел никогда не падает, бес до того упал, что всегда лежит, а человек падает и восстает». Вот отличие, вот иерархия трех этих субстанций, трех этих существ. И что касается моральных авторитетов. Да, конечно, человек, если Вы говорите о моральных авторитетах как о людях, человек грешен. Нет безгрешных людей, даже если это — моральные авторитеты. Во-вторых, моральный авторитет может быть не прав. Вот Вы о Сахарове ничего не сказали, а я скажу. Я Сахарова бесконечно уважала. Я была членом той самой уже легендарной Московской трибуны, которую Сахаров создавал, и ходила на всякое заседание. Но я видела, что Сахаров был не прав. Мое чувство справедливости не могло вынести, когда Сахаров на одной Московской трибуне сказал по поводу карабахского конфликта так: «Мы, московская интеллигенция, должны однозначно принять правоту только одной стороны». Я не могла с этим согласиться, никак. Я понимала, что Сахаров поддался какому-то чувству и что он не прав. Но моральный авторитет Сахарова от этого не был поколеблен.

То же самое относится и к Солженицыну. Вы сказали о том, что Солженицын высказался по Ельцину. Но Солженицын еще полгода назад, когда тот же Киселев у него спросил, как он относится к Путину как к возможному кандидату, ответил: «Не может быть монархического наследника в демократической стране». По-моему, этим было сказано все. Но даже если Солженицын сказал что-то не так, нечто, с чем Вы не согласны, это не значит, что он не является моральным авторитетом. Он может быть не прав. То, как я с ним спорю по многим пунктам, мне доказывает, что Солженицын признает свою неправоту в разных вещах. Теперь что касается Ковалева. Меня абсолютно не устраивает, что Сергей Адамович Ковалев, выступая по поводу прав человека в Чечне, никогда не говорит о правах русского населения. Мое чувство справедливости безмерно страдает от такого двойного стандарта. Или он говорит гораздо меньше об этом, чем о другом. Поэтому есть моральный авторитет и есть чувство неправоты, которое иногда не совпадает.

Тут все как-то высказывались про оптимизм и пессимизм. Если всю интеллигенцию отправить на Кипр вместе со всем, как говорили в советские времена — трудовая интеллигенция, колхозное крестьянство и рабочий класс — вот если все население отправить на Кипр, все остальные, кто останутся, будут строить то, что они хотят, они перегрызутся, перережут и пустят кровь такую, которой действительно от коры до центра пропитается Земля. Если при том беспределе, который существует сегодня, как-то какие-то формы жизни поддерживаются, то это только благодаря тому, что пусть молчаливое, пусть незримое, пусть какое угодно, но моральное существование нации, народа, в том числе интеллигенции — оно существует. Русский язык тому самое блестящее доказательство. Русский язык не принимает вот этих всех новаций. Он дает точное определение, он дает точное название всему, что происходит. Элита самозванная, которая нахапала денег и сидит и думает, что она элита, она на самом деле страшно несчастна, я так думаю, потому что никто не хочет ею быть. Многие женщины в Англии хотели быть принцессой Дианой и обожали ее. Этим никто не любит, их никто не обожает.

В.Т.Третьяков

Они от этого не страдают точно.

Л.И.Сараскина

Наверное, они от этого не страдают. Но когда они станут невъездными в другие страны, а эта тенденция уже наблюдается, ощущение того, что тебя ненавидят, не любят, не хотят и презирают тотально (хотя, конечно, все хотят быть богатыми и здоровыми, а не бедными и больными) — это не придает счастья. Наша элита, эти самые полпроцента населения — они умудрились стать супербогатыми и очень несчастными в своей стране. Они это несчастье, конечно, от себя прячут, потому что это абсолютно тотальное фиаско того, что они достигли и того, как это видится со стороны.

Р.Г.Апресян

А что русский язык не принимает? Это интересно!

Л.И.Сараскина

Русский язык мгновенно реагирует. Вот слова — «прихвятизация», «дерьмократия» — это не Проханов выдумал и газета «Завтра», они только использовали эту лексику. Вы понимаете, если русский язык, вместе с русским народом, частью которого мы все являемся, сумел дать название тому, что происходит, это значит, что он, народ, понимает, что происходит, это значит, он дает моральную оценку тому, что происходит, это значит, что он не быдло, это значит, что он не тупой совок, каким его хотят изображать.

Б.Ф.Славин

Я хочу вернуться к первому докладу, к вопросу о том, что такое мораль. Мне кажется, мораль — это, конечно, оценка. Оценка двух понятий, которые в фундаменте морали лежат, — понятий жизни и смерти. И понятий человеческого и человека, я здесь полностью согласен с Саламом Керимовичем.

Моральная проблема возникла тогда, когда общество было неразделенным, когда не было опосредствующих товарных отношений, рыночных отношений и других, когда эти моральные понятия были однозначными — убивать — плохо, жизнь — это хорошо. Но весь парадокс заключается в том, что с тех пор, как это общество стало разделенным и когда одна часть общества стала жить за счет другой его части, возникли коллизии моральные. Я в этой связи напому слова Отто Лациса. Это было в Горбачев-фонде, когда он стал доказывать, что шоковая терапия — задумайтесь! шоком лечат психически ненормальных людей, а здесь шок применен к целому народу — шоковая терапия сделает экономику эффективной. Я спрашиваю: «а если народ умрет?». «Ну что же, — он отвечает, — возможен и летальный исход». Вот квинтэссенция морали или философии зла, но родившаяся в голове крупного экономиста — эксперта. Буквально то же самое сказал и Гайдар.

И еще один момент. Я согласен, конечно, вывозить не нужно на Кипр или в Америку, или еще куда-то. Но некоторых нужно вывезти, и я думаю, что не обязательно на Кипр, а может быть, еще в какие-то другие места. Одна актриса сказала в 92-м году: «Люблю богатеньких». Если раньше считалось, что бедность не порок, то теперь — «люблю богатеньких, обожаю». И один юморист, я имею в виду Жванецкого, выдал на вечере Окуджавы нечто

очень любопытное: в то время, когда власть давила и расстреливала, он сказал «не кидайте дерьмо наверх». Вот такого типа интеллигенцию, конечно, нужно посадить на пароход.

Я тоже оптимист, я тоже считаю, что рано или поздно будет создано общество, которое в известной степени воспроизведет то, что было, которое не будет опосредовано различными вещными отношениями, потому что сегодня вещь стала выше, чем человек, человек стал ниже, чем вещь. В этом квинтэссенция сегодняшнего общества. Но я верю в то, что нравственность снова вернется к своему первоистоку, когда будет ясно, что такое жизнь и что такое смерть. И слова Христа о том, что Я есть Жизнь, Путь и Истина, как основа нравственности, рано или поздно восторжествуют.

Г.В.Сорина

Я полагаю, что два очень хороших доклада в общем-то ответили на вопрос о том, что происходит с моралью в России. Но этот вопрос имел еще одну совершенно четкую неявную предпосылку — попытаться ответить на вопрос, а каким образом можно изменить сложившееся положение вещей в сфере морали. В связи с этим я хотела бы отреагировать на два выступления: Рубена Грантовича Апресяна, который сказал, что мораль коррелирует с правом, и Валентины Гавриловны Федотовой, которая задала совсем не риторический вопрос о том, более ли моральны были французы, которые опирались на идею рациональности.

Смысл моей реплики заключается в следующем. Три структуры, которые были обозначены, или три формы культуры — нравственная культура, рациональная культура и правовая культура — если мы будем использовать идею кантовского схематизма, они абсолютно идентичны между собой, потому что они работают в соответствии с жестко введенными правилами, и в этом смысле они абсолютно формальны. А если обратиться к другому вопросу, как изменить сложившееся положение дел, то на мой взгляд, рецепт выработан давно, и двадцатый век в том числе очень хорошо показал, как этот рецепт работает. Нельзя изменить сложившуюся ситуацию с моралью и нравственностью, не изменив систему образования в России, не придав системе образования в России приоритетный характер и не введя в него формальные позиции того, что делает человека человеком — знать и овладеть правовыми основами, рациональными основами и нравственными основами. Их надо различать, но не разделять, как это, к сожалению, происходит в современной России.

В.Т.Третьяков

Я был очень внимательным слушателем всего того, что здесь проносилось, мне кажется, что это было очень интересно.

Теперь о моем оптимизме. Я вообще-то большой оптимист, чем говорил. Поскольку это все-таки философский кружок, а я все-таки не философ, мне трудно спорить. Но там, где я в чем-то разбираюсь, я хочу просить и вас быть точными. Начну с Людмилы Сараскиной, которую очень люблю и уважаю, — не обольщайтесь, это литературные примеры, что сидит богатый и страдает от того, что его не любят. Знаю много богатых, не знаю ни одного, который бы страдал от этого. Может быть, к старости, просто уже дряхлость заставляет думать о чем-то другом...

Более серьезно. Вы же из всей этой эмпирики строите то, что в свое время будет для нас каким-нибудь марксизмом или еще чем-нибудь в этом роде. Поэтому в эмпирике не ошибайтесь. Не потому Путина избрали, что не было на него компромата и это понравилось народу. На Явлинского нет компромата вообще. Что же вы не избрали его тогда? Все сложнее. Ельцина выбрали — это лишь кажется, что потому, что это меньшее из двух зол. Я к этой формуле тоже привык. Когда сейчас об этом пять минут говорили, я задумался. И сейчас утверждаю, что Ельцина выбрали не потому, что это меньшее из двух зол, — его выбрали как добро. Объясняю: элита это просто знала, а народ чувствовал: боялись зла, гражданской войны — если придет к власти Зюганов и проявится реваншизм у коммунистов и они начнут опять делить. Второе: боялись, что Ельцин, если проиграет, власть не отдаст и тоже развяжет гражданскую войну. То есть выбор Ельцина снимает две кровавых проблемы одновременно. Выбрали добро, стабильность, хотя и в виде этого монструозного президента.

Должен сказать о Солженицыне. Меня поправили здесь, я действительно об этом забыл и отчасти снимаю к нему свой упрек — действительно, отказом от ордена, который ему был дан, он несколько снял эту проблему.

О Сахарове. Если Сахаров — это добро абсолютное, а Березовский, как сейчас принято считать, — это почти абсолютное зло, то я напомним любимый афоризм Бориса Березовского. Любимый афоризм Березовского, и он всегда цитирует его со ссылкой на Сахарова, звучит так: «жизнь есть экспансия». Кстати, о Березовском и об олигархах. Я их хорошо всех знаю, и лучше всех, естественно, Березовского. Это к вопросу о морали, собственно, я здесь не об олигархах говорю... Я утверждаю, что по-своему Березовс-

кий — я за честный разговор и за честное изложение на бумаге, что-то останется, а мне с ними встречаться, поэтому я и говорю: «по-своему» — по-своему он самый честный из олигархов. Все олигархи скрывают — это психопатия такая — то, что часто говорит Березовский, ведь все боялись прихода коммунистов, и все хотели оставить Ельцина. Но боялись Коржакова, который предлагал перенести выборы, а заодно открутить кое-каким олигархам головы. Березовский инициировал этот процесс, выражающий, вообще-то говоря, по крайней мере инстинкт самосохранения нации, чтобы не было гражданской войны. А уж инстинкт самосохранения олигархов — точно. Он на это пошел, и открыто пошел.

Более того, все долго пудрили мозги о том, что приватизация нужна — и Чубайс, и самый честный Гайдар — все говорили, что приватизация нужна для счастья народа и что те, кто приватизирует, они сразу начнут народу все отдавать. Березовский единственный в интервью, которое было опубликовано, по-моему, в «Коммерсанте», довольно давно уже, сказал: «Вы не понимаете, что такое приватизация. Объясню — сначала приватизируется прибыль, потом — собственность, а долги в последнюю очередь». Он сказал это честно...

В.И.Толстых

Вы сказали — по-своему морален...

В.Т.Третьяков

Нет, я сказал, что он по-своему моральнее других олигархов. А с точки зрения общества — он морален или не морален, действуя как олигарх, но очень часто честно раскрывая то, что скрывают практически все? Это очень интересно. С одной стороны — это вроде цинизм. А с другой — вроде моральность. Не знаю.

Чеченская война и проблема морали — на мой взгляд, это квинтэссенция. Рассматривая эту ситуацию, можно о современном российском обществе, о состоянии морали понять все. Но нет Толстого и Достоевского. И тут, конечно же, все не так просто, потому что на войне побеждают не только те, кто готов на гибель, побеждают самые рискованные. Кстати, это проблема — риск и мораль. Олигархи — это те, кто не боится рисковать. Действительно, о тысячах, не ставших олигархами и убитых киллерами, мы не знаем. Мы знаем только о победивших. Рискует ли моральный чело-

век? Аморальный точно умеет рисковать, а моральный — не знаю. Поэтому Героями Советского Союза становились очень часто те, кто в жизни были просто хулиганами и весь двор терроризировали. Но на войне эти качества оказались полезными, они были самыми смелыми, у них не было чувства страха, страха смерти. Это я к тому, что возникают какие-то вещи, которые вам нужно в первую очередь обдумать. Но вы не пишите статей в газеты, большинство из вас. А зря.

И последнее. Это о моем якобы пессимизме. Я сказал, что чувствую, что выхода вроде бы не должно быть по теории и особенно по практике. Но предполагаю, что он все-таки есть. Просто не знаю, в чем конкретно он состоит. Мы как-то вывернемся. Так что я не пессимист, но и не оптимист, я уже давно фаталист. Плюс я фаталист отчасти оптимистический, во всяком случае барахтающийся. Я все-таки изложил некую программу выхода из морального кризиса. Я сказал, что интеллигенцию — надо на Кипр, я сказал, что новую мораль восстановит моральное государство через то, что политики будут говорить правду, поскольку правда политикам нужна для целей борьбы, а интеллигенции правда, как правило, не нужна, особенно самой крикливой части интеллигенции. Так что некую инструментальную часть я все-таки изложил. Она, может быть, неудачная, но я об этом думаю, и тут, по-моему, что-то можно найти. Но я точно убежден, что без государства не обойтись. Тем более, что мы говорили сейчас о морали все-таки в парадигме или в дискурсе, как сейчас выражаются, этой евроатлантической, европейской цивилизации. Посмотрим, как мы заговорим о нашей морали, когда европейская цивилизация все-таки столкнется с мусульманской в кровавой схватке, — а собственно, этот процесс сейчас уже происходит. Судя по всему, они все-таки столкнутся. Сейчас очаг этой войны возник у нас в Чечне. И не нужно заблуждаться на этот счет — никакой там борьбы за независимость чеченского народа нет. А вот это есть. Помимо всяких криминальных дел и многого другого. И выдержит ли европейская мораль борьбу с угрожающей ей цивилизацией, с другими моральными нормами — я не уверен. Потому что в Европе уже не выдерживают — когда туда нахлынула масса турок, алжирцев и всех остальных...

Тем не менее завершаю — с нашей интеллигенцией что-то надо делать. Всю, конечно, ее выселять нельзя, даже на Кипр... Большое от нее зло идет, но есть и добро. Я в последнее время больше ощущаю зло. Она народу пудрит мозги. Поэтому на прозвучавший

здесь вопрос — кто будет строить, отвечаю — строить будет, увы, власть. Не интеллигенция, не народные массы, а — власть. Будет умная власть — построим, будет глупая, как была, — не построим. А как сделать так, чтобы власть была умная, это уже другая проблема. Так что надеяться есть на что. Хотя кто-то сказал здесь, что при своей жизни надеется еще увидеть восстановление какой-то морали. Я несколько моложе, но не надеюсь.

В.Г.Федотова

А как насчет списка отправляющихся на Кипр?

В.Т.Третьяков

Это самый сложный вопрос. Я могу сказать, что либо я не принадлежу к интеллигенции, либо принадлежу к той части интеллигенции, к лучшей части интеллигенции...

Ю.М.Бородай

Которая будет отправлять? Всегда хочется принадлежать к той части, которая отправляет.

В.Т.Третьяков

Возможно, я испытываю угрызения совести при каких-то других решениях, поступках, мыслях. При мысли об отправке части интеллигенции на Кипр, повторяю — за государственный счет и всего лишь на десять лет для того, чтобы не сбивали народ с толку, — а это очень гуманно, это максимально гуманно все-таки — вот здесь я угрызений совести не испытываю. Я же честно говорю, что я так думаю. Хотя это, конечно, метафора какого-то технически другого решения этой проблемы. Их просто надо занять каким-то делом.

А.А.Гусейнов

Я тоже постараюсь быть очень кратким. Прежде всего хочу сказать, что Тамара Васильевна Самсонова нас напугала формулой «выбор меньшего зла». На самом деле в этой формуле нет ничего страшного. Мы всегда выбираем меньшее зло. Это кажется, конечно, парадоксальным, поскольку, по Сократу, зло нельзя вы-

бирать. Его нельзя выбирать по определению, ибо мы называем злом то, чего мы избегаем. Но мы выбираем меньшее зло не потому, что оно зло, а потому, что оно меньшее. Именно из-за того, что оно меньшее. И вот эта разница между большим злом и меньшим злом как раз и дает добро. И это связано с другим замечанием, которое я хотел бы сделать. Относительно роли интеллигенции в эмоциональном и даже фактическом плане я согласен с тем, что говорил здесь Виталий Товиевич. Но тут вот какая вещь. Выслать одних — появятся другие. Как говорится, свято место пусто не бывает. А место, занимаемое нашей интеллигенцией, свято. Еще как свято. Решать моральные проблемы было бы очень просто, если бы можно было отделить добрых от злых. Тогда добрые командуют, злые подчиняются. Но вся проблема в том, что этого сделать нельзя. В принципе нельзя. Мы часто совершаем ошибку, которая коренится в нашем моральном благодушии и историческом оптимизме. Борясь против чего-то плохого (как, например, против КПСС десять лет назад), мы думаем, что то, что придет на смену, будет лучше. Мы упускаем из виду другую возможность, когда то, что приходит на смену, бывает еще хуже, как это, между прочим, и случилось с нами.

И еще одно замечание. Меня в нашем сегодняшнем обсуждении больше всего поразила та жесткая позиция, которая была высказана во вступительном слове Виталия Третьякова, что если жить с моральными представлениями в обычном человеческом смысле, стараясь быть добрым, отзывчивым и так далее, то лучше сразу удавиться. То есть в таком случае жить будет невозможно и нужно выбирать — или выживать, или быть моральным. Жизненный успех и чистая совесть в этом смысле находятся в глубоком диссонансе. Он не сегодня возник и он является, собственно говоря, основой всех этических размышлений. Но сегодня, пожалуй, он имеет какое-то новое измерение. В XX веке были люди (Лев Толстой, Махатма Ганди, Альберт Швейцер), которые создали очень оригинальные моральные учения и сами явили высокие образцы моральности. И все трое были активными противниками цивилизации. Они были против цивилизации в ее основных проявлениях — против современных технологий, демократических институтов и так далее. Начисто отрицали ее.

Почему они это делали? Потому что они видели, что современная цивилизация враждебна морали? Действительно, современные формы общественной цивилизованной жизни не могут держаться на морали в ее классическом понимании, морали, ко-

торая выступает как совокупность мотивов бескорыстия, индивидуальных добродетелей — мужества, щедрости и так далее. Вы, Виталий Товиевич, хорошо сказали о войне НАТО против Югославии. Да, она уже никакого отношения к мужеству не имела. В то время как раньше война была ареной, на которой демонстрировалось мужество и формировалось мужество как личная добродетель. Но тем не менее ситуация не безнадежна. Здесь возможны иные решения, чем те, что предлагали Толстой, Ганди, Швейцер. Они состоят в том, чтобы цивилизовать общественные институты, подвести под цивилизацию этический фундамент. Ситуация складывается таким образом, что это возможно сделать. Почему? Я имею в виду следующее. Все важнейшие сферы жизни приобретают форму системной организации, когда решающее значение имеют те основания, которые сознательно задаются системе и на которых она держится. Вот, например, что такое рынок? Это прежде всего система определенных законов, правил, регулирующих обмен результатами деятельности. Эти законы и правила задаются людьми, задаются сознательно как результат определенных решений. И вот когда эти основы создаются, то здесь огромную роль играют моральные представления, моральные предпочтения людей. Это очень важный и, мне кажется, даже решающий канал, через который можно решать те сложные нравственные проблемы, которые сегодня возникают в нашем обществе. Особо при этом следует выделить такие институты, этическая нагруженность которых является преимущественной: образование, СМИ, организация власти. Разве это не поддается регулированию, нравственно обоснованному контролю? Поддается. Здесь мне хотелось бы указать на прикладную этику, в рамках которой берутся под особый общественный контроль те ситуации, которые сопряжены с морально рискованными и морально безответственными решениями.

Или еще. Известно, что основная добродетель общественных институтов — это справедливость. А почему мы не можем так изменить наши общественные приоритеты, чтобы принимаемые решения удовлетворяли требованиям справедливости? Исходя хотя бы из простого понимания, что справедливым является то, что признают справедливым люди, на которых распространяется принимаемое решение, в том числе и те, которые в результате остаются в проигрышном, невыгодном положении. Я думаю, это возможно. Российский опыт всегда был по преимуществу опытом внутренней свободы. Отсюда — великая литература. А сейчас мир такой, что нужна и внешняя свобода, нужна организация среды.

Здесь Рубен Апресян правильно говорил — нужно развести индивидуальную этику и социальную этику. Конечно, социальная этика не оторвана от индивидуальной. Но это — совсем другой аспект человеческой жизни. Ты, Борис, можешь быть добрым человеком и являешься таковым, но твоя моральная позиция не только в этом и не столько в этом, а прежде всего в том, какой ты востоковед, специалист.

Б.С.Ерасов

Или я хороший киллер...

А.А.Гусейнов

Извини меня, зачем же утрировать? А то, хороший ты специалист-востоковед или нет, это, вообще-то говоря, может быть автономно и независимо от твоих личных качеств характера. Часто даже бывают очень хорошие специалисты, но весьма дурные, злые люди. Отсюда как раз видно, что современный мир в этом смысле уже иной, чем раньше. И мораль надо иметь не только в своем сердце.

В.И.Толстых

Попытаюсь, тоже очень кратко, вывести «мораль» из нашего разговора. Есть самый простой ответ на вопрос, поставленный в начале дискуссии. Поскольку то, что произошло в России и с Россией за последние 10 лет, это никакие не реформы, а революция, точнее, контрреволюция (по отношению к Октябрю 1917 года), то она сама себе и мораль, и право. И нечего сетовать на то, что «все не так, как надо» (Владимир Высоцкий), что от прежних, привычных представлений и установлений морали остались «рожки да ножки». В самый раз вспомнить знакомую до боли формулу, переиначив ее на новый лад — «морально все, что служит делу построения капитализма». Но почему-то это не утешает. Надо все-таки понять и объяснить, почему становление нового устройства и образа жизни носит откровенно аморальный характер. Этот чисто российский парадокс «строительства капитализма» остается загадкой и вопросом, на который еще предстоит дать сколько-нибудь внятный и убедительный ответ.

СТО СОРОК ДНЕЙ ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА. КУДА ЖЕ ИДЕТ РОССИЯ?

27 сентября 2000 г.

В.И.Толстых

Название темы — придумка моя, поэтому объясню, как оно появилось. Мысль обсудить данную тему возникла у меня в день инаугурации нашего нового президента. Полагалось бы сделать это после 100 дней, но они выпали на середину августа, когда все были на каникулах. Сегодня ровно 140 дней, так что все очень просто. А не просто вот что. Когда вся страна и многие в мире задавались вопросом «Кто есть Путин?», мы, обычно оперативно откликаясь на актуальные события, терпеливо молчали. Не хотели заниматься догадками, питаться слухами и выдавать свои ожидания за прогноз.

А сегодня интересующий нас вопрос ставится и звучит совсем иначе. За 140 дней наш молодой и энергичный президент совершил такое количество «телодвижений» — решений, действий и поступков, причем вполне целеустремленных и даже системных, что теперь надо бы не гадать, а знать и понимать — и «кто есть Путин», и «куда идет Россия».

Впрочем, в каком-то смысле он остается загадочным и сейчас. Признаться, лично у меня создалось впечатление, что есть как бы два Путина — один, который чего-то желает, видимо, очень хочет, а рядом другой, который чего-то делает, и первый со вторым часто не стыкуются. И опять приходится строить догадки, заниматься предположениями. А может быть, он унаследовал от своего предшественника пресловутую «непредсказуемость» или не хочет раньше времени открывать свои действительные замыслы?! Тут надо бы разобраться — для чего мы, собственно, и собрались...

В качестве ведущих, то есть задающих тон и позиции, я пригласил двух очень известных и очень разных людей — Александра Александровича Зиновьева и Владимира Александровича Рыжкова. Оба они отличаются, понятно, каждый по-своему, определенностью и бескомпромиссностью своих суждений и оценок, что крайне важно в такого рода дискуссиях. Предоставляю им слово.

А.А.Зиновьев

Валентин Иванович говорил о Путине как о загадке. Лично для меня загадок тут никаких никогда не было, нет и, по всей вероятности, не будет, поскольку мой способ мышления исключает всякие загадки, что касаются личности.

В статье «Третья попытка» я объяснил приход Путина к власти как еще одну попытку сопротивления западнизации и глобализации. Первой попыткой был путч августа 1991 года, второй — бунт Верховного совета в сентябре-октябре 1993 года, и теперь третья — приход к власти Путина в конце 1999 г., когда в России назрело недовольство ельцинским режимом.

Я думаю, что приход Путина к власти был выполнен теми, кто осуществлял эту операцию, на очень высоком уровне. Для этого Путин был в высшей степени удобной и проходимой фигурой. Но он, как вы знаете, узкий аппаратчик, а не человек, сидевший в президиумах. У власти же предпочтительней человек более широкого профиля, руководитель. Как он себя должен был проявить в этом качестве? Я никогда не придавал и не придаю значения качествам личности в таких ситуациях. Кто бы ни пришел к власти в нынешней ситуации, он стал бы поступать примерно так же, как поступает Путин. Поведение человека у власти в наших российских условиях на 90% определяется не зависящими от него факторами.

Что это за факторы? Это социальная система, которую сляпали после разгрома советской системы в нашей стране. Это характер человеческого материала, который вовсе не улучшился после краха Советского Союза. Это общее состояние страны и нынешнее окружение, прежде всего — Запад, Вашингтон. И если взять совокупность этих факторов, то ожидать, что новый президент будет поступать как-то иначе, просто бессмысленно.

Одно дело — наше желание, желание россиян, желание различных кругов российского общества и, может быть, субъективные намерения начинающего президента, и другое дело — то, что можно сделать в этих условиях, что может сделаться, несмотря ни

на что. Задача, которую новому президенту навязывали обстоятельства, навязывают и, по всей вероятности, будут навязывать впредь, состоит в том, чтобы укрепить, закрепить, легализовать результаты социального переворота, произошедшего в горбачевско-ельцинские годы, сделать эти результаты основой для последующей жизни. Не ликвидировать их, не возвращать Россию назад (это, как мы все понимаем, в сложившейся ситуации практически невозможно), но именно закрепить результаты прошлого периода постсоветской истории, очистив их от вопиющих дефектов ельцинского периода. Рассчитывать на то, что в обществе произойдут какие-то радикальные перемены, бессмысленно. Самые великие перемены в истории нашей страны уже произошли, и другие перемены такого масштаба в принципе невозможны. Та социальная система, которая в основе своей уже заложена в России, представляет собой гибрид западнизма, остатков коммунизма и воспоминаний об идеализированном российском прошлом. Гибрид ненормальный, конечно, но этот уродливый монстр протянет десятки лет, а может быть, и больше. Вот этому социальному гибриду и предстоит определять дальнейшую судьбу России.

Я хочу обратить ваше внимание на одну особенность этой социальной системы. Она сконструирована вовсе не стихийно и вовсе не дилетантами. Это в России ее создавали руками дилетантов. Организацией же ее манипулировали люди вполне квалифицированные. Это — люди, которые вели холодную войну, осуществляли разгром Советского Союза и разгром коммунистической системы. Эта система сконструирована специально, чтобы Россия не могла подняться и вновь стать сильной державой, конкурирующей с Западом, возглавляемым Соединенными Штатами. Специально! Я называю ее конфликтной демократией. Если вы изучите ее компоненты, вы заметите, что конфликты в ней неизбежны. Возьмем, например, систему власти: Кремль и парламент, Кремль и правительство, федеральная власть и региональные уровни, — все эти пары являются конфликтными. Будет преодолен один конфликт, возникнет другой. С чего начал свою деятельность Путин? Вы помните — конфликт с олигархами, конфликт с парламентом, конфликт с регионами, конфликт с идеологической сферой (я имею в виду средства массовой информации, которые становятся «новыми ватиканами»). Они возникли вовсе не потому, что Путин к этому стремился или склонен к этому. Они неизбежны — не в той, так в другой форме.

Россия эволюционирует и будет эволюционировать в направлении к сверхобществу, сочетая компоненты советизма (коммунизма) и компоненты западнизма. Но какая тенденция будет доминировать, трудно сказать. Скорее всего, в силу русских традиций, в системе власти доминирующей будет все-таки тенденция политическая, а не экономическая, как бы последнюю ни навязывали насильно. По существу «Кремль» выполняет сейчас в России ту же функцию, которую выполнял у нас ЦК КПСС в советское время.

Спасет ли этот новый социальный строй Россию от дальнейшей деградации? В какой-то мере он может затормозить этот процесс деградации. Но в принципе я сомневаюсь в том, что остановит совсем. Запад во главе с Америкой (глобальное сверхобщество, локализующееся в Америке) свою программу разгрома России проводит в жизнь неуклонно. Сейчас на очереди разрушение вооруженных сил России, а в перспективе — лишение России атомного потенциала, превращение ее в орудие глобального сверхобщества. Я вижу такую перспективу: России готовят роль антикоммунистического бастиона в будущей войне с Китаем, войне теплой, холодной или горячей — это покажет будущее. Но в XXI веке Запад будет пытаться сделать с Китаем то же самое, что делает с нашей страной. Конечно, это не абсолютный приговор. История есть творческий процесс.

Если бы президент обнаружил намерение мобилизовать лучшие силы, интеллектуальные силы страны, то в России можно было бы придумать, изобрести нечто такое, что помогло бы нам выкарабкаться из этой ситуации и постоять за себя. Но пока я не вижу на горизонте что-нибудь обнадеживающее.

В.А.Рыжков

Я должен признаться, что мой взгляд на президента, на ситуацию в России и вообще в мире существенно отличается от взгляда Александра Александровича. Но если говорить о попытках борьбы с Западом и с западнизацией России, то вся наша история представляет очень богатый материал для подобного рода рассуждений.

За последние пятьсот лет, с конца XV — начала XVI века, у нас менялись цари, режимы, даже религии, был период, когда религия вовсе была отринута нашим народом и официально был провозглашен атеизм, но роль Кремля менялась очень незначительно. На протяжении всех этих веков и общество, и государство, на

мой взгляд, имели в России некоторые неизменные черты, которые во многом до сих пор под легким покрывалом реформ последнего десятилетия проступают как грубые, зримые, крупные формы.

Первая такая черта — это, безусловно, приоритет государственных интересов над интересами общества и интересами гражданина, прежде всего в вопросах безопасности, защиты границ. В жертву этим интересам приносилось все, и за жертвами, за потерями мы никогда, как вы знаете, не стояли. Вторая — отсутствие самостоятельных классов, прежде всего класса собственников, которые могли бы претендовать на независимую от трона, от Кремля политическую и социальную роль. И третья черта — это личная несвобода подавляющего большинства населения: крепостное право, государственное крестьянство, служилое дворянство как различные виды ограничения личной свободы.

При этом мы видим несколько архетипов российского лидера, которые выявились за пятьсот лет в попытке решить кардинальные проблемы, возникающие при таком устройстве общества и государства. Первый архетип — тиран-реформатор. Это лидер, который реализует сверхидею методами террора и насилия. Примеры — Иван Грозный, Петр I, Павел I потенциально был правителем такого же плана, но его задушили. Второй архетип — автократ-контрреформатор, лидер, который стремится подморозить страну, чтобы не было ничего такого, что могло бы расшатать власть и как-то дестабилизировать режим, — Николай I, Александр III. Просвещенные реформаторы, то есть люди, которые имели некий общественный идеал, государственный идеал, и стремились расширить опору своего режима и провести реформу, — Екатерина Великая, Александр II. Очень, кстати, схожие методы — Екатерина собрала Уложенную комиссию, в которой были представлены все сословия, и стремилась, опираясь на эту комиссию, выработать конституцию и какие-то либеральные реформы. То же самое делал Александр II, который земельную реформу согласовывал с широкими слоями дворянства. И, наконец, последний тип — это колеблющиеся лидеры, лидеры, которые за многие годы своего правления так и не сделали стратегического выбора, — Александр I и Николай II.

Вот если взять эти архетипы нашей истории в соотношении с теми типичными чертами нашего государства и общества за эти века, то кто такой Владимир Путин? Я лично, в отличие от Александра Александровича, не знаю. На сегодняшний день, когда Путин вот уже больше года у власти (считая с августа, когда он был

назначен премьер-министром), мне он абсолютно непонятен. По каким-то отдельным шагам я вижу, что многовековые инстинкты Кремля берут верх. И эти инстинкты очень просты. Вот Совет Федерации — он постоянно досаждаёт, вызывает на отчет министров, целый год отказывается снять Скуратова, наконец, вмешивается в президентские выборы и создает движение «Отечество — Вся Россия». Первый инстинкт власти — уничтожить: вносится закон о реформе Совета Федерации. Дальше — «А почему меня телевидение критикует? Что это за НТВ? Почему они меня все время критикуют?» Закрыть. Как закрыть? Ну, естественно, закрыть красиво — через долги, через законы, через банкротство и так далее. Это тоже инстинкт власти. Потом избирается новая Дума. Старая Дума все время критиковала, занималась импичментом, все время от нее были какие-то неприятности. Значит, нужно сделать так, чтобы она была лояльна. Создается «Медведь», идет кампания дискредитации «Отечества — Всей России», — вы помните эти ужасные программы Доренко. Но задача решается, в итоге уничтожается верхняя палата, подчинена нижняя, получается лояльный парламент. Что там еще? Вертикаль надо? Давайте вертикаль. Учреждаются семь генерал-губернаторов, которые сейчас маются, бедные, не знают, чем им заняться. Им поручили координировать силовые структуры. Но возьмите какого-нибудь генерала милиции в области или в крае. Для него кто главнее — Рушайло или Кириенко? Очевидно, Рушайло, потому что он министр, он его назначает, снимает, дает ему звания, награды и так далее. Значит, силовиков Кириенко контролировать не может, губернаторов тоже не может, потому что те распоряжаются бюджетами по Конституции, пока по крайней мере. В итоге — абсолютно пустая структура, которая ни на что не опирается, не имеет никаких полномочий, но там уже двести человек штатная численность. Что еще? Нужно иметь лояльный Конституционный суд. И президент вносит в Государственную Думу постыдный, на мой взгляд, законопроект о том, чтобы снять возрастной барьер для председателя Конституционного суда. Раньше нельзя было оставаться председателем Конституционного суда в возрасте 70 лет, и Владимир Александрович Туманов, достигнув 70 лет, ушел в отставку. Теперь, когда хочется, видимо, иметь лояльный Конституционный суд, этот барьер снимается. Сейчас Шаймиев собирается идти на третий срок президентства в Татарстане. Это абсолютно незаконно, потому что в федеральном законе есть ограничение — два срока. Но уже в Кремле обсуждают: а давайте мы внесем поправку и раз-

решим избираться три или четыре срока. Пока эти шаги — просто инстинкт власти в чистом виде. Власть подавляет все, что шевелится, все, от чего может исходить для нее беспокойство.

Но это не стратегия. Потому что вопрос «а во имя чего это делается?» остается открытым. И Путин дает самые разнонаправленные сигналы. Я приведу пример «Курска». Случается это несчастье, и вот первый комментарий президента: он говорит, что те, кто развалил страну, сейчас критикуют меня, но мы вместе с народом восстановим и армию, и флот, и державу, и так далее. Идет великодержавная риторика. Горит Останкино, и президент дает совершенно другой комментарий. Он говорит, что без экономического процветания на современной основе так у нас все и будет гореть. То есть он дает два совершенно разнонаправленных сигнала одновременно по схожим ситуациям. Сейчас он встречается с Солженицыным, с Найшулем, с Левадой, с Хазановым, с Горбачевым и так далее, можно перечислять до бесконечности. Это люди, которые несовместимы по взглядам, по философии, по мировосприятию. О чем это говорит? Видимо, о том, что идет поиск и что никаких стратегических решений и представлений о том, что надо делать в России и как двигаться дальше, просто нет. Есть инстинкт власти. Валентин Иванович правильно сказал, что есть президент, который ищет, а есть президент, который действует. Вот тот президент, который действует, — это классический российский Кремль: задавить, зажать, подгрести, подмять, чтобы все ходили строем. А тот президент, который ищет, — он встречается со всеми от ультрапатриотов до Найшуля, считающего образцом Пиночета. Или до Юрия Александровича Левады, человека с совершенно либеральным взглядом на мир. Это значит, что идет некий поиск.

Поэтому пока я лично не могу дать ответ на вопрос, что такое Путин. Если и дальше он будет выказывать просто инстинкт власти без всякой стратегии, тогда из него получится скорее всего классический русский царь — «давить и не пущать», чтобы продержаться четыре года или восемь, а лучше пятнадцать, а лучше пожизненно. Но это бессмысленное времяпрепровождение. Если все-таки какая-то стратегия будет избрана, то, видимо, мы узнаем об этом немного позже, потому что сейчас совершенно непонятно, какая именно.

Теперь я выскажу свою точку зрения, мой символ веры. Вот Александр Александрович сказал, что, кто бы ни был на месте Путина, он делал бы то же самое. Я так не думаю. Я уверен в том, что если бы там был человек, думающий примерно так, скажем,

как думаю я, то, видимо, действия были бы прямо противоположными тому, что делает сейчас Путин. Например, Путин вносит закон, ограничивающий права местного самоуправления. Я считаю, что это грубейшая ошибка. На самом деле сейчас нужно было бы кардинально усилить муниципалитеты. И сделать это очень простым образом. Путин и его правительство сейчас забирают 20% денег в федеральные бюджеты у субъектов Федерации. Эти деньги нужно было дать муниципалитетам, создать для них финансовую основу, чтобы местное самоуправление могло реально развиваться. И чтобы граждане, выбирая местных депутатов, могли бы выбирать реальную власть, а не синекуру, как это сейчас делается. Дальше. Путин ослабляет парламент, делая лояльной Думу и разгоняя Совет Федерации. Я за усиление парламента. Я считаю, что только через усиление парламента общество может включиться в реальный процесс управления страной. И я уже несколько лет предлагаю постепенно переходить к правительству парламентского большинства. Потому что только в этом случае общество будет видеть смысл в парламентских выборах. Сейчас же мы людям подсовываем партийные списки, они выбирают партии, какая-то из них получает большинство, но при этом она никакого отношения не имеет к формированию исполнительной власти. Это же чистой воды надувательство! Так что и здесь тоже мы видим шаг в неправильном направлении. И такие примеры можно множить. Чему учит наша история? Есть, если угодно, такая вещь, как уроки истории, хотя многие мыслители говорят, что история никогда ничему не учит и в принципе учить неспособна. Я все-таки в этом смысле немножко прогрессист и считаю, что кое-чему она может научить. Так вот мне кажется, наша история учит, что ставка на сильных, крутых, авторитарных и радикальных лидеров всегда приводила наш народ к огромным неприятностям. Чем кончил Иван Грозный? Вся Центральная Россия была обезлюжена, земля не засеивалась, народ бежал сотнями тысяч, лишь бы бежать куда-то. Ливонская война была с треском проиграна, царь потерял даже то, что сумел завоевать в первые годы своего правления. Чем кончил Николай I с его подмораживанием России? Крымской войной, потерей Черноморского флота, Севастополя и Крыма.

Из нашей истории я извлекаю один урок: самые благодатные, самые блестящие периоды нашей истории связаны с либерализацией — это Екатерина Великая, это шаги Александра I, пусть даже маленькие, это Александр II. Мы должны ответить на вопрос: чего мы хотим — великой державы или великого народа? Вот дилемма:

великая держава или великий народ. Если великая держава — тогда все жертвы оправданны, если великий народ — тогда... Между тем вся наша история последних веков — это история человеческих жертвоприношений. Вяizzlyваться нам в очередной конфликт в Средней Азии или не вяizzlyваться? Или еще один вопрос — после того, как затонул «Курск»: одна лодка стоит 500 миллионов долларов. Чтобы сделать Интернет во всех российских школах, нужна как раз такая сумма. Вот выбор: одна лодка или прорыв в области образования? Вот что решается сейчас голосованием в Государственной Думе. Поэтому мне представляется, что если Путин искренне верит в то, что, подавляя парламент, подчиняя партийную систему, ограничивая свободу слова, закрывая страну хотя бы частично, он добьется успеха, то, на мой взгляд, это глубочайшая ошибка. С помощью государства, с помощью госаппарата и вертикали власти Россию не спасешь, ее можно этим только добить окончательно. Я в большей мере верю в общество, я вижу в практической жизни тысячи и тысячи людей, которые что-то делают сами, которые что-то создают, вне зависимости от государства. Только инициатива людей, только их раскрепощенность и свобода, на мой взгляд, могут сделать Россию конкурентоспособной в XXI веке. И никакая великая держава и никакое государство сделать этого не смогут.

А что касается Запада, то что это такое — Запад? Запад раздираем противоречиями. Посмотрите, что сейчас в Европе делается. Они все переругались. Та же Америка, Александр Александрович, вы хорошо ее знаете. Разве можно говорить об Америке как о едином организме?

А.А.Зиновьев

Можно!

В.А.Рыжков

Не знаю, не уверен.

А.А.Зиновьев

А я знаю.

В.А.Рыжков

Мне кажется, что Запад — это тоже одна из выдумок. Запад, который нас гнетет, Запад, который нас разрушает — это, мне кажется, химера. Никто так нас не гнетет и не разрушает, как мы сами и наше собственное государство. Ни от кого мы не пострадали так сильно в нашей истории, как от самих себя. И мне кажется, что если мы все вместе, и Путин в том числе, извлечем уроки из нашей истории, правильные уроки, то тогда появится какая-то надежда. Если же вновь Кремль обретет тот смысл, который он имел в течение последних нескольких веков, то тогда нам придется надеяться, может быть, на следующего лидера и на то, что следующий лидер после очередных унижительных поражений нашего народа извлечет правильные уроки.

В.Т.Логинов

Люди старшего поколения, видимо, помнят режиссера Александра Зархи, поставившего фильмы «Депутат Балтики», «Высота», «Анна Каренина» и другие. Свой последний фильм — «Чичерин» — он делал по сценарию, который мы писали вместе. И когда мы до хрипоты спорили, он всегда подводил итог так: «Ты, естественно, хочешь, чтобы было хорошо, а я, как ты полагаешь, хочу, чтобы было плохо». И это сразу снимало остроту спора, ибо было ясно, что он не только хочет, «чтобы было хорошо», но больше в этом понимает. Если мы сейчас посмотрим на разговоры вокруг Путина, то увидим, что все хотят, «чтобы было хорошо». Но общественная мысль наша вернулась ровно на сто лет назад, во времена Платонова, Михайловского, субъективной социологии и так далее. Вам, Владимир Александрович, очень нравится Александр II: такой милый реформатор. Но, простите, это же истина, что именно реформы Александра II породили 1905 год, а 1905-й породил 1917-й. Но я не хочу вдаваться в исторический экскурс по данному поводу. Абсолютно прав Зиновьев в том смысле, что в моменты критических ситуаций коридор возможных решений сужается до предела. И тот, кто приходит в такой момент к власти, по существу имеет крайне ограниченный набор средств для выхода из кризиса.

И в этом смысле, действительно, личные качества лидера — тоталитарный это тип вождя или либеральный — не помню уже ваши определения, — зачастую не имеют такого уж большого зна-

чения. К примеру, Рузвельт не был «тоталитарным типом», но меры, предпринятые им для вывода США из кризиса, были достаточно крутыми.

У нас существует миф о «великом реформаторе» Столыпине. Между тем Столыпин — это один из самых больших неудачников среди реформаторов. Он определил задачу своих реформ очень четко: «Дайте мне двадцать лет покоя, и вы не узнаете Россию!» Ровно через четыре года после начала реформ Россия получила новый революционный подъем, а потом и революцию 1917 года. Почему? Очевидно, главная проблема не в том, какой это был тип лидера. Жесткости ему было не занимать. Ее хватило на то, чтобы тысячи повесить и десятки тысяч расстрелять. И все-таки ничего не получилось. Потому что главное — в другом: существует объективный выход из кризиса или не существует, возможно реформистское решение или невозможно.

Можно ли выйти из нашего кризиса? Столыпин пытался это сделать таким путем, в котором сегодня главная опасность для Путина: решить главный — «крестьянский» вопрос, не трогая интересов помещиков; решить «рабочий» вопрос, не задевая интересов фабрикантов. И оказалось, что в обществе, которое очень четко дифференцировалось на богатых и бедных, справиться с главными проблемами, не затрагивая чьих-то интересов, невозможно. Поэтому, как правильно писали старые историки, Столыпин фактически стал сходить со сцены еще до того, как его убили.

А теперь поставьте другой главный вопрос: возможны ли реформы в стране, где нет согласия, где не удалось добиться хоть какого-то исторического компромисса? Возможен ли вообще исторический компромисс у нас сегодня? Во-первых, у нас, как правило, не понимают, что такое исторический компромисс. У нас чаще всего считают, что компромисс состоит в том, что президент договаривается, скажем, с Зюгановым о том, что он даст ему одно место в правительстве, и на этой почве они «примиряются». Какое это имеет отношение к историческому компромиссу? Вспомните классику — «Пакт Монклоа» в Испании. Ведь там решался не вопрос о том, кто будет в испанском правительстве, а прежде всего проблемы социальной политики, роли профсоюзов и так далее.

Далее: с кем договариваться? Наши финансовые олигархи создали свои богатства не за счет процветания отечественной экономики и производительности труда. Они просто в принципе не хотят вкладывать свои средства в развитие страны. Многим из них эта страна вообще «до лампочки». Они отстаивают свое исключи-

тельное положение не столько экономическими, сколько сугубо политическими методами, всегда за гранью или на грани недозволенного.

Ну и, наконец, надо учитывать еще и то, что процесс распада зашел настолько далеко, что сегодня договориться с Москвой и в Москве — это не значит договориться с Россией.

Вот вы, г-н Рыжков, говорите об ущемлении «местного самоуправления». У меня дочка только что вернулась из Екатеринбурга. В Екатеринбурге правит «мафия»! Прочтите последний номер «Новой газеты»: от уличной проститутки до губернатора — все там ходят под Федулевым. И это — «местное самоуправление!» А возьмите историю с красноярским «алюминиевым королем» Быковым. При всей тяжести обвинений, после долгого укрывательства, краевой суд выносит решение освободить его под залог. Это что — местное самоуправление? Местное правосудие? Или просто коррумпированность? Видеть ошибку Путина в том, что он «наступает на пятки местному самоуправлению», — это, простите, смешно.

Сегодня перед Путиным стоят две задачи. Во-первых, нельзя проводить никакие реформы в атмосфере обструкции со стороны средств массовой информации. Сегодня, вы знаете, ни газеты, ни радио — ничего до российской глубинки не доходит. Есть, да и то не везде, — первый и второй канал, да еще НТВ благодаря спутникам. А поскольку никакая реформа невозможна в атмосфере обструкции, значит, надо решать эту проблему.

Вторая задача состоит в том, что Советский Союз всегда существовал за счет своих природных ресурсов. Мы в этом отношении самая богатая страна в мире. И пока государство держало в руках нефть, газ, цветные металлы, какие-то возможности существовали. Вся оборонка, все образование, вся наука были выстроены на нефти и газе.

И сейчас в России нет других источников для восстановления ее экономического потенциала. А ведь речь идет о миллиардах долларов. Почему сегодня так взъелись на Лужкова? Потому что он единственный, кто написал в своей программе — «пересмотр итогов незаконной приватизации». Он открыто это сказал. И, думаю, мирно решить это дело будет очень трудно. А отсюда и ответ на вопрос о возможности реформ.

Не забывают и другое. Сегодня выровнялись по численности армия государственная и армия «частная». У нас сегодня в охране банков, личной охране и так далее — более миллиона человек. Это прекрасно вооруженные, вышколенные, имеющие опыт боевых

действий бойцы. А вооруженные силы России — это голодная, ободранная армия, в которой сейчас миллион двести тысяч человек, а будет вообще восемьсот тысяч. Так что «армия олигархов» будет даже превышать «государственную армию». Так можно ли мирно решать все эти дела?

На днях на одном из «круглых столов» профессор Федотова сказала очень правильную вещь: «клуб западных государств» очень ограничен и доступ туда «новеньким» закрыт, а для нас в особенности. Даже если мы научимся производить современные японские компьютеры и делать такие машины, как, скажем, «Опель» или «Форд», — нас все равно туда не пустят, все уже поделено. Мы должны предложить нечто такое, чего не может предложить никто. Вот только тогда мы получаем возможность выхода на достойную роль в мировом сообществе.

Есть ли у России такие предложения?

Уже много лет назад академик Никита Моисеев выдвинул свой проект. Он сказал: единственное, что мы можем предложить миру, — это наше геополитическое положение. Мы являемся кратчайшим путем между двумя очагами цивилизации, между двумя регионами — между Европой, роль которой в XXI веке будет возрастать, и всей азиатско-океанической цивилизацией. Если бы мы сумели сегодня наладить транспорт — Севморпуть, железные дороги, авиацию и так далее, мы бы получили гигантские инвестиции, потому что путь Лондон — Токио через Россию в три раза дешевле, чем вокруг Африки. Значит, есть выход.

И не надо надеяться на то, что все само по себе образуется. Когда говорят о Путине: «он создает стабильность», надо знать, что для нас «стабильность» — это гибель. Стабильность — это консервация того трагического положения, в котором находится сейчас Россия. Мы можем надеяться только на прорыв.

В.Н. Шевченко

Главная особенность переживаемого нами момента состоит в том, что нынешний этап правления Путина вовсе не есть разрыв с ельцинской эпохой, он есть завершение этой эпохи, предельно четкое оформление тех противоречий, которые возникли во времена Ельцина и которые его наследнику предстоит разрешить, прежде чем страна сможет выбрать более или менее определенное направление развития.

Сегодня можно уверенно говорить по крайней мере о четырех острейших противоречиях, скажу сильнее, четырех антиномиях кантовского типа, с которыми сталкивается вся страна, с которыми сталкивается так или иначе Путин. Сейчас у нас затишье перед бурей. Я уверен, что такая буря скоро грянет и мы станем ее свидетелями и, наверное, участниками. Здесь я согласен с Логиновым, что выход из сложившихся противоречий вряд ли будет найден демократическим, мирным путем. Скорее всего, это будет та или иная форма социального потрясения в обществе, революционно-го потрясения.

Противоречие первое — между патриотизмом по форме и патриотизмом по содержанию. Патриотизм — это любовь к Родине, готовность защищать страну от врагов. Есть ли у нас вероятный противник? И если есть, то кто он? Крайне показательна в этом отношении ситуация с «Курском». Если США и НАТО — это наши потенциальные противники, то понятно, почему «Курск» уходил на стратегическое дежурство и почему американские подлодки непрерывно находятся в Баренцевом море. Если у нас есть потенциальные противники на Западе, Востоке или Юге, тогда понятны все попытки Путина поднять военно-патриотический дух в стране. Но если США и НАТО сегодня наши друзья, партнеры, если их представители приезжают к нам договариваться о том, как разделять устаревшие атомные подлодки, как уничтожить химическое оружие, если они на все это и многое другое дают нам деньги, если вообще у нас нет потенциальных противников, то зачем нам нужна такая мощная военно-патриотическая риторика? Или, лишенная внутреннего содержания, она служит прикрытием для другого рода процессов, идущих в обществе? Нельзя одновременно говорить о патриотизме и утверждать, что у нас не хватает денег на содержание армии. Что-то должно быть главным. Армия, если она защищает страну от вероятных конкретных противников, должна иметь соответствующее обеспечение независимо ни от чего, даже ценой введения продовольственных карточек. Притом годовой доход десяти ведущих олигархов страны, по свидетельству печати, больше годового бюджета российского государства, а нам говорят — нет денег. Так не может продолжаться бесконечно долго.

Противоречие второе, вытекающее отсюда. Если Россия — великая держава, то это означает, что у нее есть или должен быть свой путь развития, как у Китая, Индии, Ирана, путь, который она призвана отстаивать на мировой арене и от которого не вправе

отступать, несмотря на все угрозы или соблазны. А если Россия просто входит в мировую цивилизацию на правах какого-то полу-сырьевого придатка «золотого миллиарда», то ей не нужно быть великой державой. Тогда я подозреваю, что вся эта великодержавная патриотическая риторика Путина, настойчивое его стремление любой ценой укрепить вертикаль власти нужны для одной цели — для консолидации правящей политической элиты, которая фактически распоряжается всем национальным богатством страны и для которой это богатство становится условием торга с Западом за спиной народа по поводу условий вхождения либеральной, капиталистической России в мировую цивилизацию.

Поэтому в стране и не сложились за все десять лет реформ настоящие политические партии, поэтому не развивается, а глохнет демократия и внизу, и наверху. В стране нет и не предвидится в обозримом будущем правительства парламентского большинства, нет и не предвидится реально действующего местного самоуправления. Цели и задачи политической элиты становятся препятствием на пути подлинной демократизации страны.

Противоречие третье: светское государство или теократия? Все более целенаправленными становятся попытки превращения православия в государственную идеологию. Вводится — ни много ни мало — преподавание богословия в вузах страны. Батюшка у нас теперь повсеместно вместо секретаря партии по идеологии. Происходят удивительные вещи. При встречах президента светского государства Путина в столицах субъектов Федерации рядом с губернатором согласно официальному этикету на летном поле стоит батюшка, глава местной патриархии. Едут наши спортсмены в Сидней и вместе с ними батюшка, который благословляет их на победу и вообще работает вместо психолога. Во всех командах спортсменов из цивилизованных стран имелись специальные группы ученых-психологов, работавших со спортсменами, а у нас батюшка вместо науки. И кто бы возразил в этом светском царстве-государстве!

В монастыре Оптиная Пустынь, где я был недавно, всем выдают брошюрку «Истоки зла» про тайны коммунизма. Более злобных строк о Марксе и его идеях вообще трудно себе помыслить. Вот только одна фраза из этой брошюрки: «Пока Кремль осеняют звезды Люцифера, пока на Красной площади, внутри точной копии Пергамского алтаря сатаны, находится мумия наиболее последовательного марксиста, мы знаем, что в принципе с 1917 года ничего не изменилось». Даже если это так — неужели церковь

должна заниматься подобного рода обличениями? Неужели это и есть подлинное лицо православной церкви в ее идеологическом измерении?

Но здесь возникает более общий вопрос. Мне интересно, как власти удастся совмещать в дальнейшем либеральные ценности и православие. Если либеральные ценности — это призыв к тому, чтобы человек пользовался своим разумом, то я думаю, что здесь по-прежнему остаются огромные задачи, поставленные еще Просвещением. И в этом отношении светский человек не может не быть западником, будь он либерал или коммунист. Но если спросить у тех монахов, которые нас водили по монастырю, почему прекратилось старчество, то получите в ответ: «То есть веление Бога». А почему у нас так часто бывают плохие правители? Скажут: «А это так Бог распорядился, он вновь и вновь испытывает человека. Все в руках Божьих. Замысел Божий предугадать нельзя». И это нам хотят навязать вместо светской науки под флагом духовного возрождения России?

Конечно, в условиях растущей социальной несправедливости просто необходимо толпами водить людей в монастыри и церкви для достижения главной цели — приучения их к покорности. Действительно, вопиющие нарушения социальной справедливости можно встретить буквально на каждом шагу — и никому дела нет. Что-нибудь подобное вы можете встретить на Западе? Нам, ученым, в пять раз понизили уровень жизни за последние десять лет. В пять раз! И ничего! Живите так, как можете, а не хотите, так идите побирайтесь, воруйте, умирайте, служите где угодно, хоть дворниками или киллерами.

Противоречие четвертое и последнее. На протяжении полутора лет — с августа 1998 года по конец 1999-го — за рубежом опубликовано свыше трех тысяч статей по коррупции в России. На первом месте по числу публикаций идут США, на втором месте — Китай. Если все эти материалы — ложь, напишите, что украденные конкретными людьми миллионы долларов, номера расчетных счетов этих людей в банке и так далее кем-то придуманы. Опровержений нет. Но и не найдено ни одного коррупционера. Что же имеем вместо этого? Призывы к нравственному самосовершенствованию и нравственному возрождению общества... Так есть у нас коррупционеры или нет? Спросите любую мамашу призывника, и она вам точно скажет, сколько стоит отсрочка от армии. Сегодня — пять тысяч долларов. Все это, как и многое другое, становится и даже стало нормой! Идет нравственное разложение

общества снизу доверху и сверху донизу. Кто за это несет ответственность? Мы должны сегодня все-таки выбирать: либо мы продолжаем ничего не менять и жить в обществе, в котором успешно стираются все грани между добром и злом, пороком и добродетелью и которое погибнет рано или поздно, — либо мы должны встать на какую-то твердую идейно-нравственную позицию и ее отстаивать. К сожалению, Путин и его «техническое» правительство нам здесь пока не в помощь. Весь вопрос в том, как скоро нам удастся разрешить эти противоречия, с помощью каких средств и в каком направлении.

В.Ю.Царев

В сказанных речах присутствует высокая печаль, чувство в настоящем случае и приличное, и уместное. Как же не печалиться, когда светлое будущее не открывается никому, кроме редчайшего человека, который пронзает орлиным взором темную воду во облацех (что такой человек нашелся, причем не в Испании, и что это один из сопредседателей именно нашего собрания, — радостная удача). Печально и то, что очертания путинского президентства даже для присутствующих здесь государственных мужей оказываются невнятные.

А меня непостижимость Путина сильно успокаивает. Хорошо, что его пока не вычислили ни прожженные чинари из кремлевской пепельницы, ни свежеприкуренные чинарики. Как только вычислят, как только поймут, как президенту кадить и где чадить, тогда все, тогда надо звать патриарших специалистов, чтобы последних святых выносили.

Не дается Путин пока. Ускользает, понимаешь. Не делает того, чего от него ждут знающие люди. Может быть, это и нехорошо с его стороны, но зато, по-моему, правильно. В России только тот настоящий командир, кто умеет вырваться из-под гнета своей команды, кто сумеет, когда нужно, сыграть с ближним или с дальним окружением и в прятки, и в наперсток.

Школа разведки для российского президента — это самое то, что доктор прописал. Разведчик приучен конспирировать против всех, охоту откровенничать с членами семьи, с товарищами по работе и друзьями, если таковая и была, у него отбивают в самом начале карьеры, поэтому опасности, проистекающие от особо доверенных лиц, ему не грозят. Да и бывают ли у приличного разведчика настоящие друзья, а также лица на полном доверии?

И путинские погоны могут оказаться как нельзя более к месту. До революции смеялись над прижимистостью духовного сословия, в советское время шутили по поводу бережливости краснознаменного офицерства. Помню, в Дрездене мне показывали дома комсостава Группы советских войск в Германии — многие окна были заклеены газетами, меж тем как приличные немецкие бумажные шторы стоили сушие пфенниги. Путин тоже в Дрездене служил.

Вспоминая роскошества предыдущего режима, невольно задумаешься, а не лучше ли выйдет, если в государственно-личных тратах Владимир Владимирович будет похож не на тороватого Бориса Николаевича, а на, допустим, скуповатого Петра Алексеевича? Суровая походная койка Наполеона многое значила во всемирной истории. Суровая скромность величию не помеха. В истории нередко получалось, что чем более стоящим оказывался правитель, тем менее стоили казне его привычки.

Ладно — Наполеон. Пусть французово остается французам. А с кого брать пример президенту-петербуржцу, как не с основателя Петербурга? Лучше всех российского императора понял, я думаю, французский поляк Казимир Валишевский. Валишевский показал, что у нашего великого преобразователя никакого великого преобразовательного плана не было. Петр действовал по наитию и делал в точности то, что его подданным было особенно не в жилу. Он шел против привычек, как форель идет против течения.

Привычки ельцинизма таковы, что идти против любой из них — подвиг благочестия. Тут и планы не нужны: постигай, чего желают плутократы, подобострастно именуемые олигархами, пойми, что привыкло хотеть чиновничество всех мастей, — и делай в точности наоборот. А планы в президентском деле опасны. Они как роспись дорожного маршрута — полезны главным образом тем, кто закладывает фугасы.

Между прочим, российское народонаселение само устало от своих привычек. Юрий Болдырев выступал как-то раз на заседании «Свободного слова». Оказывается, его отнюдь не идеалистически настроенные подчиненные по Счетной палате при первой более-менее надежной возможности переходят от жизни по понятиям к жизни по законам. Выгода, стало быть, тоже надоедает. Странная это все-таки штука — привычки...

Посмотрите: дружно пьющие россияне воспринимают необычно трезвенного президента лучше, чем президента, который следовал национальным обычаям с истовостью, временами доходившей до всем известных неистовств.

Народ, безмолвствуя по-прежнему, по-прежнему ждет перемен. По-моему, люди готовы к новизне, однако им нужен добрый пример. Пример не обязательно всеблагой, но непременно *другой*. Продержится на виду у усталой от свинства страны тот, кто способен такой пример подать, — тогда есть надежда. Тогда что-нибудь *путное* из нас, глядишь, и получится.

В.М.Межуев

Я воздержусь от собственной характеристики личности президента, которого никогда вблизи не видел. Меня больше интересует отношение к тому, что происходит, двух наших докладчиков, казалось бы, во всем противоположное, но достаточно типичное для преобладающих сегодня в нашем обществе настроений и мнений по поводу президента Путина.

С Александром Александровичем я спорить не буду. Мне понятно, что у него болит душа за Россию. Она болит у многих — все хотят, чтобы Россия, наконец, встала на ноги, избавилась от чувства национального унижения, заняла достойное место в мире. Надежду на возрождение России —возможно, последнюю — Зиновьев связывает с Путиным. Это его право. Не только он усматривает в Путине последний шанс для России. Остается, правда, вопрос: столь ли уж велик этот шанс, если он опять целиком зависит от одного человека? Не дай Бог, случись что с ним, и надежде конец? Во всем остальном мне понятны и близки чувства и настроения Александра Александровича. Непросто жить в стране с ощущением ее постепенного погружения в небытие.

Хотелось бы, однако, более подробно откликнуться на выступление Владимира Александровича. Я полностью разделяю все его констатации относительно политической линии нынешнего президента. Он вполне понятно объяснил феномен Путина, увидев в нем возвращение к традиционной для России политике самовластия. Возможно, мы только по-разному трактуем природу и причину живучести этой традиции.

Самовластие, как я думаю, — это не тиранство, не злая воля одного лица, силой навязавшего свою власть обществу. Его не надо смешивать с тем, что мы называем злоупотреблением властью, произволом, капризом, самодурством властвующего лица. Самовластие — синоним не беззакония, а власти, наделенной по закону практически неограниченными полномочиями. Его политическая суть — в фактическом отрицании принципа разделения влас-

тей (делиться властью в России никогда не любили). Самовластие и есть главная политическая традиция России, постоянно воспроизводимая на всех этапах ее исторического существования — от самодержавия до сегодняшних дней.

Не в том проблема, что Путин, подобно многим своим предшественникам, оказался в плену этой традиции (здесь я вполне согласен с нашим докладчиком), а в том, есть ли сегодня в России альтернатива ей. Короткие периоды либерализации, о которых говорил Владимир Александрович, когда власть шла на определенные политические уступки под давлением внешних и внутренних обстоятельств, быстро сменялись периодами еще большего ужесточения режима. И еще вопрос, что типично для России — попытки ее либерализации или ответные реакции на эти попытки.

Не будем забывать, что самовластие в России — результат не насильственно навязанной воли, а добровольного согласия между народом и властью. Россия как бы открыла для себя особый, отличный от западного, тип общественного договора, согласно которому власть берет на себя обязательство служить народу, заботиться о его внешней безопасности и благополучии, а народ обязуется беспрекословно подчиняться власти, быть во всем ей покорным и послушным. Договор этот не всегда буквально соблюдался, но негласно подразумевался на протяжении большей части нашей истории. Он и сегодня лежит в основе политического мышления большинства.

Народ и власть связаны по этому договору отнюдь не отношениями угнетения и эксплуатации, как часто думают, а узами почти что семейного родства, где власть берет на себя функцию отцовства («царь-батюшка», «отец родной»), а народ — ее малых и неразумных детей, нуждающихся в постоянной опеке и покровительстве над собой. По отношению к власти народ осознает себя не сообществом граждан, наделенных собственным разумом и свободой воли, а безличной, однородной и безгласной этнической или конфессиональной общностью (русский народ, православный народ), в которой отдельный индивид не отличает и не отделяет себя от всех остальных.

Отсутствие гражданского общества и есть главная причина живучести самовластия. Правление Ельцина в полной мере демонстрирует эту особенность нашей жизни: глава государства неуклонно возвышался над всеми ветвями власти — исполнительной (правительство), законодательной (Дума) и судебной. Конституция 1993 года, наделившая президента фактически неограниченными полномочиями, стала логическим следствием этого процесса.

Стоит ли удивляться тому, что Путин пошел по пути, уже проложенному Ельциным, — по пути дальнейшего упрочения «вертикали власти», сосредоточения в одних руках всех нитей государственного управления? Лозунг перехода к гражданскому обществу уже при Ельцине был заменен лозунгом перехода к рыночной экономике, что совсем не одно и то же. Если гражданское общество требует демократии и независимого парламента, то рынок возможен и при авторитарной власти. Парламент нужен не рынку, а гражданскому обществу. Связка Путин — Греф, то есть предельно централизованной власти с предельно либеральной рыночной реформой, и есть то, что предлагается сегодня взамен перехода к гражданскому обществу. Вопрос в том, чем обернется рыночная реформа, если она осуществляется недемократическими методами.

Рынок без демократии — это экономическая власть людей, так или иначе приближенных к политической власти, связанных с ней либо личными отношениями, либо подкупом. Для большинства людей такой рынок и вытекающий из него общественный порядок более невыносим, чем государственное управление экономикой. Тот хоть компенсировал отсутствие гражданских свобод наличием каких-то социальных гарантий — бесплатные медицина, образование, жилищно-коммунальные услуги, низкие цены, отсутствие безработицы и прочее. Рыночная экономика в условиях самовластия не только ограничивает свободу людей, но и снимает с государства ответственность за их выживание в обществе. Если это и есть политика Путина — она бесперспективна.

Я думаю, власть в условиях рынка, но без гражданского общества столкнется со следующей дилеммой: либо она будет вынуждена сдать на милость рожденным с ее помощью олигархам, либо, желая сохранить и укрепить себя, должна будет подчинить их себе, если вовсе ее упразднить, вернувшись полностью или частично к старым формам государственного регулирования экономикой. В любом случае у нее нет шансов найти хоть какой-то разумный компромисс с рыночной экономикой. Думаю, рано или поздно эта дилемма встанет и перед Путиным, если уже не встала. А как он с нею справится — покажет время.

В.И.Данилов-Данильян

Здесь не раз говорили о том, что в острые, трагические моменты истории крайне узок коридор возможностей. Могу согласиться с этим тезисом лишь в том смысле, что очень трудно найти

продуктивные решения, реализуемые и улучшающие ситуацию. Однако всегда существует огромное количество контрпродуктивных решений. Именно в острый и трагический момент истории Хрущев нашел свою кукурузу, и примеров такого рода из нашей истории, разве что не столь анекдотических, можно привести сколько угодно.

Если судить по декларациям, всевозможным программам и законодательным инициативам, то нельзя понять, какой выбор сделан сейчас. Мы имеем массу противоречивых данных, которые просто невозможно систематизировать. И если на этом основании выбирать из четырех «архетипов», которые предложил Владимир Александрович, то Путина следует отнести к колеблющимся, к четвертому «архетипу».

Если же рассмотреть конкретные решения, не просто слова, но такие слова, за которыми обязательно следуют какие-либо дела, то сначала нашему взору предстанет опять-таки неупорядочиваемое множество ситуационных реакций, что-то вроде броуновского движения в сфере принятия решений. Такая мышьяная возня (в многозначительном пиаровском оформлении) порой выглядит совсем бессмысленно, временами даже неприлично, и возникающая при этом психологическая атмосфера предстает как откат к закоснелой совковости.

Но это броуновское движение происходит не в стоячей воде, а в потоке, инерция которого сформировалась давно и предопределяется взаимно поддерживающими друг друга структурой материального производства и «надлежащей» системой общественных отношений. И оказывается, что, рассматривая множество реальных решений, мы не обнаружим среди них ни одного такого, которое было бы направлено против этой инерции, мешало бы ей. Более того, некоторые решения направлены на устранение препятствий этому инерционному потоку. Получается, что впечатление пестроты возникает лишь в силу случайности огромного количества решений, безразличных для инерционной «генеральной линии». А все декларации, программа Грефа и прочее оказываются не более чем пиаровским прикрытием отнюдь не акцентируемой инерции.

Что же это за инерция? Всем известная традиционная ориентация на эксплуатацию природных ресурсов, на торговлю сырьем, на нефтедоллары как главный источник наполнения бюджета. Самая близорукая политика из всех возможных, обрекающая страну на арьергардное место в мировой экономике, на непрерывное воспроизводство замучивших нас проблем без каких-либо перспектив их решения.

Эта политика питается теми иллюзиями, отзвуки которых здесь уже прозвучали: Россия — страна, чрезвычайно богатая природными ресурсами, только сырьевой сектор (точнее, топливно-сырьевой) способен вытащить нашу экономику из затянувшегося кризиса, и прочее. Да, у нас 17 миллионов квадратных километров территории. Да, у нас примерно три седьмых мировых запасов каменного угля, много нефти, газа, леса, почти вся таблица Менделеева в разведанных месторождениях. Но Тунгусское угольное месторождение вряд ли когда-нибудь будет разрабатываться, хотя оно — из самых крупных в мире. Дело в том, что у него практически нет шансов стать экономически эффективным. Именно по эффективности (а не по объемам, конечно) все наши основные запасы существенно уступают «лучшим мировым образцам», например, ближневосточной нефти, бразильской железной руде и так далее. Делая ставку на эксплуатацию своих природных ресурсов как доминанту экономической стратегии, наша страна какое-то время может, конечно, перебиваться с хлеба на квас, однако не только не достигнет благосостояния в предвидимом будущем, но потеряет всякие шансы обеспечить его даже в очень отдаленной перспективе. Кстати, едва ли не главное (во всяком случае в рассматриваемом аспекте), что научился делать технический прогресс, — сокращать потребность в ресурсах и замещать одни ресурсы другими.

Ресурсный путь для нашей экономики — путь в пропасть. Тот интеллектуальный потенциал России, о котором говорил Александр Зиновьев, будет окончательно утрачен, если мы будем делать ставку на развитие тех отраслей, где работают в шахтах и на карьерах, бурят за Полярным кругом или на полярном шельфе очередные скважины, и так далее. При сохранении этой ориентации мы останемся страной скважин и катастроф.

Здесь вспоминали о другой «панацее» — развитии Северного морского пути. Эта идея — еще один камень в ту же яму. При нынешних мировых тенденциях выживет минимально капиталоемкий транспорт, а нам предлагают нести чудовищные затраты на создание системы ледоколов (которые ни для чего, кроме СМП, не нужны), системы портов за Полярным кругом. Выживет транспорт максимально надежный, стабильный, а нам предлагают максимальную зависимость от метеорологических условий. Выживет максимально экологичный транспорт, а нам предлагают авантюру с неизученными, неясными последствиями для окружающей среды. За что такое наказание?

Но есть ли у нас реальные альтернативы? Имеется ли в нашем «коридоре возможностей» что-нибудь, кроме сырьевой ориентации? Не сомневаюсь, что имеется. Сейчас первое место в мире по экспорту программного продукта занимает Индия. Между тем, по официальным данным, Россия вовсе не экспортирует программный продукт. Безусловно, в России он производится и экспортируется, только все это происходит, как теперь говорят, «в тени», и никто не знает, каков наш теневой экспорт. Отправить такой продукт за рубеж (в том числе и в Индию — для последующей перепродажи) очень просто, не требуется ни чемодана, ни двойного дна, ни заглазываемых капсул, — достаточно Интернета или e-mail, и никакой регистрации в нашей официальной экономической системе. В результате Россия от этого производства не получает ничего, кроме убогой («в тени» всегда так) зарплаты, выплачиваемой создателям программного продукта, на какую-то они и живут здесь со своими семьями. Так, между прочим, и используется наш интеллектуальный потенциал.

Вот на что надо было бы делать ставку. Надо выводить «из тени» реально существующее высокотехнологичное производство, надо развивать целый спектр соответствующих отраслей, устраняя препятствия и создавая стимулы для их роста. Но что делает власть для решения этой проблемы? Ничего! Так же, как ничего не делала предшествующая власть, и позапрошлая, и позапозапрошлая. Мы хотим бурить скважины, продавать сырье и природные ресурсы (это даже не сырье, а лес на корню, месторождения — через соглашения о разделе продукции, и прочее). Все, что мешает этой политике, устраняется (ликвидирована природоохранная система, упразднена Федеральная служба лесного хозяйства, Министерство науки влило в Министерство промышленности — на всякий случай).

Но даже если бы не было таких решений, которые устраняют препятствия инерционному потоку, ситуация мало отличалась бы от нынешней. Нам необходимо изменить направление нашего развития, переломить губительную инерцию. Однако совокупность ситуационных решений никогда не приведет к этому результату, броуновское движение никогда не изменит направление потока.

Можно, конечно, и, пожалуй, полезно воспарять мыслью в рассуждениях о том, выживет ли Россия, приведет ли к потере нашей самостоятельности ориентация на Запад, какими будут реальные последствия нашей геополитики на Востоке и пр. Я, однако, согласен с Поппером в том, что социальное будущее непредска-

зуюмо, и облика будущей России, сколько бы мы ни старались, нам все равно не угадать. А вот шаги, которые абсолютно необходимо предпринять сейчас, чтобы предотвратить дальнейшее сползание в пропасть, достаточно очевидны. И рядом с президентом нет ни одного человека, который видел бы и понимал эти шаги. Ни одного!

А.В.Бузгалин

Я хотел бы обратиться к Валентину Ивановичу Толстых с предложением пригласить и послушать тех исследователей — как известных профессоров, так и молодых, еще неизвестных, которые серьезно занимаются тем, что условно можно назвать стратегией опережающего развития России. Проблема структуры государственности очень важна, но и материальную основу не надо упускать из виду. Первый шаг в этом направлении — рассмотреть программу Грефа, которая на самом деле не такая уж пустая. Это некая система институциональных макроэкономических шагов, в том числе в области социальной политики. Это сдвиги в экономической политике, в экономических отношениях и институтах, но, к сожалению, не в области технологии.

Реплика — в какую сторону?

А.В.Бузгалин

В либеральную, хотя и не очень сильно на самом деле, если судить по практике, а не декларациям. КЗоТ, предложенный правительством, это капитализм XIX века с двенадцатичасовым рабочим днем и многими другими чудесами. Бюджет — более асоциального бюджета трудно найти. Отказ от пересмотра итогов приватизации — совершенно четкие, жесткие праволиберальные шаги на практике, и все одобрены Путиным.

Второй блок практических действий — построение бюрократической вертикали. Причем не ради усиления державы, ее способности противостоять США. В этом плане Примаков был гораздо большим антиамериканистом, чем Путин на практике. Но построение бюрократической вертикали и построение сильной державы — это разные вещи.

Третий шаг на практике — бойня в Чечне, где мы в который раз увязли. Что же мы получаем? Мы получаем продолжение политики Ельцина, уважаемые коллеги. Риторика другая, а реальная политика — та же самая. Об этом писал и говорил — Ельцин и

Зюганов пятятся спинами навстречу друг другу, и скоро состыкуются, это было сказано два года назад, я помню точно. Так вот в лице Путина они почти уже сошлись. На выборах Путин сделал совершенно бессмысленный с политической научной точки зрения шаг — соединил лозунги либералов и лозунги державников. Соединил и выиграл. Что он будет делать дальше? Ничего. Он будет делать то, что делал Ельцин, только при помощи новой демагогии, это более трезвый политик, умело играющий тактик, судя по тому, что он в сорок семь лет стал президентом и надеется соединить различные политические силы. Сейчас его любят все, вплоть до Зюганова. О критической поддержке курса президента заявили и Проханов, и Рой Медведев. Трудно найти кого-то, кто сейчас прямо бы сказал «я являюсь противником Путина».

Теперь по поводу того, что из этого может получиться. Из этого может получиться, к сожалению, консервация сегодняшней ситуации, т.е. власти баронов, олигархов и коррумпированного чиновничества. Этакая смесь позднего феодализма с пережитками советской бюрократии и видимостью рынка. Вот эту систему можно законсервировать как переходную, и Путин как, повторюсь, умный действующий политик может при помощи умелых тактических шагов и бонапартистских методов, обеспечить некоторый компромисс этих баронов, олигархов и коррумпированных чиновников при создании видимости стабильности. Это будет все то же воровство, но по правилам и в пределах, границах самовывживания. Это когда бандиты между собой дерутся, но понимают, что есть некоторые правила, которые нарушать нехорошо, а если ты их нарушаешь, ты отморозок, и тебя убирают из этой структуры. Если это удастся сделать Путину, то будет обеспечен экстенсивный, структурно бесперспективный рост экономики и воспроизводство этого переходного состояния. Это не выход, но есть ли альтернатива? Но это уже другой вопрос.

Есть некоторые любопытные тенденции, на которые я хотел бы обратить ваше внимание. Иногда из маленьких тенденций появляются большие процессы. Вот мы провели мониторинг, который показал, что в стране уже более сорока предприятий за последние полгода провели акции по оккупационным забастовкам и действиям гражданского неповиновения. Такого раньше не было вообще. Это реальный процесс. При этом в большинстве случаев закон не нарушается, во всяком случае нарушается гораздо меньше, чем олигархами, президентом и всеми остальными, которые попирают свои же собственные указы. Эти люди, в отличие от нас,

умеющих лишь сотрясать воздух, ничего не боятся, хотя и рискуют жизнью. Если мы хотим изменить ситуацию и систему, то, видимо, должны действовать не менее решительно, чем действует Березовский, чем действует Гусинский.

В.Г.Сироткин

Виктор Иванович Данилов-Данильян сказал, что у нас существует установка на сырьевое направление. Здесь следует обратить внимание на один фактор — на долларовую иглу. Самое главное — это то, что мы сидим на долларовой игле, и никто об этом не говорит.

Реплика. Я не сижу.

В.Г.Сироткин

Почему не сидишь? Ты же получаешь свои три доллара в день? Или сколько ты там получаешь? По статистике ООН, нищета начинается с двух долларов в день. Вся профессура здесь получает в день максимум два с половиной — три доллара.

А между тем реальная стоимость доллара на сегодня — 5 центов. Восемьдесят пять процентов американских бумажек — это резаная бумага. И сейчас доллар под угрозой срыва. И если что нас и погубит, так это мировой крах доллара, потому что посыплется все, и прежде всего мы. Потому что мы себя привязали к доллару. Вот где основная проблема. Вот о чем должны думать Путин, Греф и все остальные. Это будет хуже, чем экономический кризис 1929—1933 годов, который привел к власти Гитлера, к ужесточению политики большевиков, Сталин, даже Рузвельт стал проводить новый курс — на вмешательство государства.

Куда бедному крестьянину податься? Скорее всего, конечно, к Европейскому союзу. Другого варианта вроде бы нет, потому что иначе будет полный развал. Но нас-то теперь и развалить нельзя. Тысячи ядерных боеголовок кому отдать? Росселю, Лебедю, Наздратенко, Горбенко?

Вот сгорела Останкинская башня. Это сигнал. Конечно, ее не подожгли. Просто сгнило все, сгнили эти кабели. Я говорил недавно с одним энергетиком, он сказал: да, конечно, РАО «ЕЭС», Чубайс отключает, но главным образом — все уже не выдерживает нагрузку. Никто же не ремонтирует ничего! Вот где проблема. И это — гигантская технологическая катастрофа, которая нам угрожает. Поэтому, Александр Александрович, я не думаю, что наш гибрид, о котором вы говорили, проживет долго.

В.А.Рыжков

Здесь оспаривалась моя мысль о том, что нужно укреплять земство, то есть самоуправление. Оспаривалась на том основании, что есть бандит Федулев и бандит Быков, и они подмяли под себя города. Но я не думаю, что это очень сильный аргумент, потому что если так рассуждать, то вообще жизнь — это смертельная болезнь и путь в могилу. И я, например, могу привести вам огромное количество примеров, когда самоуправление является благом. Вот, скажем, мой родной город, в который я ездил, Барнаул, — если вы приедете туда и если вы были раньше, вы его просто не узнаете: он преобразился, преобразился в лучшую сторону. И это можно говорить сейчас о десятках русских городов, которые благодаря именно инициативе людей, их раскрепощенности, их свободе, их возможности самим распоряжаться, пусть даже скудными ресурсами, действительно выглядят совершенно иначе, чем раньше. Я все-таки думаю, что основные базовые институты гражданского общества, такие, как свободные СМИ, как ассоциации, общественные организации, местное самоуправление, партийная система и так далее, — требуют поддержки, а не удушения. А мы пока видим стремление поставить все это под контроль чиновников, под контроль государства. Сейчас речь идет о том, что будет принят новый закон о партиях. Суть этого закона очень проста: партии, которые нас критикуют, мы закроем, партии, которые нас поддерживают, мы не закроем. То есть предполагается расширить полномочия государственных органов по контролю за партийной системой. То есть над обществом. И эта волна нарастает с каждым днем. Поэтому я думаю, что все-таки на основании того, что есть злоупотребления в муниципалитетах, отрицать саму идею местного самоуправления было бы не вполне справедливо.

Мне очень понравилась мысль о том, что мы можем конкурировать, только если предложим нечто, чего нет у других. Вообще эта тема конкурентоспособности России действительно ключевая. Я лично считаю, что, безусловно, конкурентоспособными нас может сделать интеллект нации. И действительно: какие новые компании наиболее преуспевающие? Рекламный бизнес, программный продукт и так далее. Мне кажется, что наш народ имеет совершенно выдающуюся способность придумывать что-то, чего еще нет. Поэтому если бы общество и государство смогли создать условия для того, чтобы это воплотить в деньги, в бизнес, в технологии, то мы могли бы стать конкурентоспособными. Нефть у нас

неконкурентоспособна. Себестоимость нефти у нас 8 долларов, в Кувейте — 50 центов. Газ у нас неконкурентоспособен, уголь у нас неконкурентоспособен, климат у нас неконкурентоспособен, мозги у нас конкурентоспособны.

Но вот здесь, кстати, реальная проблема. Мозги не могут быть раскрепощены в условиях тоталитарного, авторитарного, бюрократического чиновничьего государства. Если государство будет подавлять любые инициативы, любые формы экономической общественной жизни, то мозги никогда не начнут работать. И то, что делает наш президент, сейчас по крайней мере, когда он укрепляет вертикаль, усиливает бюрократию, — по-моему, это безумие. Это путь в никуда. Создаются новые чиновники, им даются новые права, но так мы никогда не раскрепостим то главное, что у нас есть. Интеллект всегда будет порабощен, и он никогда не сможет реализоваться.

И еще буквально несколько слов. По поводу путинской традиции самовластья — я абсолютно согласен. И я не верю в то, что сейчас, после семидесяти лет коммунизма, возможна взаимная любовь власти и народа, как это было, скажем, при первых Романовых или потом, на протяжении многих веков. У нас очень сильное отчуждение от власти. Парадокс: выборы показывают, что люди приходят и голосуют, но отчуждение от власти чудовищное. Все опросы показывают, что никаким институтам не верят. Не верят политикам, не верят партиям. Вот сейчас Левада показывает парадоксальные вещи в опросах, что люди недовольны экономической ситуацией, недовольны политикой в Чечне, недовольны социальным положением, но верят Путину. Пока верят. Но эти ножицы сойдутся очень скоро.

По поводу отношения к ельцинскому наследию. Я не хотел бы, чтобы меня поняли так, что мне нравится то, что было при Ельцине. Я лишь могу сказать, что меня примиряло с этим периодом. Меня примиряло то, что я видел пробуждение общества. Вопреки власти, благодаря власти, параллельно с властью — но общество пробуждалось, возникали независимые от власти ассоциации, системы, которые сами начинали себя самопроизводить... вот это меня примиряло. То, что я критикую в первых шагах Путина, — это подавление даже того небольшого, что было тогда создано независимо от власти. И я абсолютно согласен, что построение рынка и построение общества — это совершенно разные задачи. Вот есть Сингапур, там блестящая рыночная экономика, но там до сих пор есть смертная казнь, головы отрубают. Это абсолютно тоталитар-

ный режим, восточная деспотия. И меня Андрей Илларионов напугал, когда я слышал его лекцию месяцев пять назад. Он приво- дил только три примера для России — Китай, Сингапур и Тайвань. А ведь он советник президента по экономике. И как можно совме- щать усиление бюрократии с рыночной экономикой? Это вещи несовместимые. Поэтому мне кажется, что, если говорить о новом президенте, на самом деле пока ничего путного нет. Есть огром- ные ожидания общества, причем каждый видит свое — рыночни- ки думают, что все будет по рынку, антирыночники думают, что все национализируют, демократы верят, что он в душе патриот, и патриоты верят, что он в душе патриот. Это означает, что на самом деле на вопрос «круглого стола» ясного ответа дать сегодня невоз- можно, пока это действительно загадка.

Поэтому мне кажется, Валентин Иванович, что, может быть, нам есть смысл еще раз встретиться через полгода. Вообще-то Александр I мучился 24 года и так и не решил, так и не выбрал меж- ду Аракчеевым и Сперанским. Были у нас такие в истории. А были те, кто с места в карьер, как Павел I. Он так долго ждал у себя в Гатчине, что, когда пришла власть, он буквально три раза в день менял решения: утром одно, в обед другое, вечером третье. И был задушен через пять лет...

О.В.Гаман-Голутвина

Мне кажется, для того, чтобы понять, что такое Путин сегод- ня, имеет смысл вернуться хотя бы на полгода или год назад, что- бы посмотреть, в какой ситуации все это начиналось. И, открово- венно говоря, тогда мне казалось, что избрание Путина будет оз- начать поражение государства, я об этом даже писала в «НГ-сценариях». Но сегодня у меня другая точка зрения. Мне ка- жется, что Путин — это реформатор поневоле, подобно тому, как Александр II осуществил прославившие его реформы вопреки по- литическим симпатиям своей молодости, вопреки своему психо- логическому складу, вопреки своим первым сознательным шагам в политике. Коллапс государства в результате Крымской войны не оставил ему другого выбора.

Что касается Путина, то здесь точно такая же ситуация, зер- кальная практически, потому что коллапс после десяти лет тоталь- ного отступления государства вынудил его задуматься над тем, что является насущным практически для всех конкретных сфер жиз- ни, начиная от программного продукта и заканчивая атомными

подлодками. Сверхзадача изначально заключалась в восстановлении субъектности страны. А это неизбежно требовало восстановления субъектности и эффективности государства. Тут логика более чем простая. И это совсем не инстинкт самовластия и самодержавия, это просто элементарная инверсия. Отсюда совершенно простые и понятные, с моей точки зрения, шаги, направленные на ущемление тех субъектов, которые как бы приватизировали государство. Ибо коллапс и неэффективность государства, как всем хорошо известно, были обусловлены приватизацией его институтов и фондов. Отсюда соответствующее ущемление интересов региональных баронов и СМИ, то есть тех субъектов, которые претендуют на то, чтобы заместить государство.

Как это совмещается с предшествующей традицией? И, главное, как это смотрится на фоне современных тенденций мирового развития? Что касается соотносительности с прежней историей, то здесь, в общем, все понятно. Вадим Михайлович совершенно справедливо говорил: надо понимать, почему существовал феномен российского самовластия и на что он был направлен. А существовал он потому, что государство в России инициировало импульсы развития и, более того, выступало инструментом достижения цели развития. А модернизация в России имела авторитарный характер именно по этой причине. Независимо от того, кто стоял у власти, — Иван Грозный, Петр I или Сталин. Первенствующая роль государства как инструмента модернизации обуславливала высокую степень зависимости облика этого государства от личных качеств носителя верховной власти — но только в конкретном психологическом рисунке. Ибо основные задачи авторитарной модернизации, они что при Иване IV, что сегодня определяются уязвимостью геополитической ситуации страны, отсутствием реальных союзников (в чем убедился еще Петр), отсутствием гражданского общества, бедностью государства и уязвимыми природно-климатическими условиями. Вот этот комплекс определял специфику российских модернизаций.

Сегодня мир очень по-разному смотрит на роль государства. И дилемма «государство или личность» не то чтобы надуманна, но просто устарела. Это предрассудок, что государство обязательно душил личность. Современная западная политическая наука стоит на том, что личность невозможна без эффективного государства, что эффективное государство является инструментом защиты личности. С другой стороны, если говорить о тенденциях развития, то да, конечно, Запад выступает за минимизацию государства. Одна-

ко, говоря о России, нужно помнить, что, во-первых, реальный объем полномочий государства и степень его реального участия в делах общества сегодня в России существенно ниже, чем в таких демократических странах как США и Великобритания. У нас государство практически самоустранилось от участия в социальном регулировании. Кроме того, нужно иметь в виду, что тенденция к минимизации государства характерна для первого мира, но Россия-то, к нашему прискорбию, в этот мир не входит. И с каждым годом она удаляется от него. А в третьем мире государство продолжает выполнять свою функцию инициатора развития и осуществляет задачи развития.

Другое дело, что восстановление субъектности государства упирается сегодня в то, что в предшествующий период его ключевые инструменты были приватизированы. Вот, например, фигуры министра Лесина, или Абрамовича. Получается, что приватизированы сами инструменты, с помощью которых должна быть решена эта задача. Поэтому основным инструментом восстановления субъектности государства выступает политический торг. Я уверена, что Путин не случайно ездил на сабантуй в Татарстан — видимо, там имел место некий торг и для того, чтобы сломить волю региональных баронов, нужно было бросить какие-то кости самым влиятельным. Отсюда третий срок Шаймиева. Отсюда и торг с Гусинским. Сегодня невозможно ожидать прямого фронтального наступления — у нас другая эпоха, другая ситуация.

Б.Ф.Славин

Мы собрались сегодня, чтобы попытаться понять, что будет с Россией в будущем. Отвечая на этот вопрос, я хотел бы вступить в полемику с Александром Александровичем, точнее, вступить с ним в диалог. Меня глубоко ранит то, что я читаю у Зиновьева по поводу будущего. Я вижу его мощный интеллект, знаю открытые им законы общественного развития. Но когда он рисует наше общество как часть или элемент будущего «глобального человечника», в котором мы представляем собой отсталую периферию, я не хочу с этим соглашаться. Я не хочу находиться под «железной пятой» будущего конгломерата во главе с Соединенными Штатами. Этого очень хочет Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска», но этого не может хотеть наш народ. Когда Александр Александрович был в «Правде», я его спрашивал: «Что же делать России в современных условиях?». Он говорил: «Есть одна возможность выхо-

да из ситуации. Она похожа на то, когда партизаны во время войны находились в окружении. Деваться было некуда. Вот тогда по примеру одного человека, поднявшего автомат, мы совершили прорыв из кольца врагов». Мне кажется, мы сейчас в таком же окружении. И я ставлю вопрос — станет ли Путин таким партизаном? Уверен, что не станет. А кто же им будет? Я думаю, что эти силы пока только созревают в толще народа. Как всегда в России, они зреют подпольно, снизу. Чешская молодежь уже недавно поднялась против политики МВФ, поднимаются англичане, французы. Российский народ пока молчит. Россия всегда медленно запрягала, но лихо погоняла. Думаю, скоро ее народ скажет определенно: нет, мы не хотим жить в этом глобальном человеичнике. Мы хотим прорваться к лучшему будущему. Может быть, мы до него не доживем, к сожалению, но я хотел бы видеть, как новое поколение разберется с тем, что у нас творится сегодня.

Думаю, что рано или поздно найдутся и социальные силы, и реальные программы, и соответствующие политические лидеры. Прямо скажу, вряд ли это будут представители нашего поколения, которые сегодня во многом напоминают маргиналов. Возможно, это будут наши сыновья или даже внуки, которые все поймут и все сделают для освобождения народа и страны от сегодняшнего унижающего политического и экономического рабства. Уверен, их идеалом не будет Путин или кто-либо иной из так называемой «семьи». Думаю, движение в России начнется с нового Герцена и его «Колокола», а закончится новым Лениным.

Л.П.Буева

Поддерживаю позицию А.А.Зиновьева — время и воля народов вызывают к жизни определенных лидеров. Путин выступил в качестве лидера, сконцентрировавшего в себе надежды и ожидания на изменение экономической и социальной ситуации тех многочисленных слоев общества, кто критически относится к результатам ельцинского периода. Путин — государственный — и этим отвечает растущей потребности в усилении роли государства. Государство — реальная сила, регулирующая, контролирующая сила и собирательный центр в противовес растущим угрозам криминализации и сепаратизации общества, которые раскалывают Россию и делают проблематичным ее дальнейшее существование. И тем самым он имеет исторический шанс.

Я думаю, что Путин начал движение в этом направлении. Заметно его «отпечкование» от нравственно и политически себя скомпрометировавшей «Семьи». Заметен и его отказ от вакханалии безответственности, провоцирующей анархическую вольницу «дикого» капитализма. Заметны пока еще слабые, но все же попытки борьбы с криминализацией чиновничьего аппарата, которая стала жизненно опасной для России и ее народа. Заметно и его стремление к ответственному слову. Время и результаты покажут, как он использует данный ему шанс и пока высокий кредит доверия народа.

Хотелось бы при этом возразить В.А.Рыжкову, который предложил дилемму: «или великая держава, или великий народ». На мой взгляд, эта дилемма ложная. В реальной истории одного без другого не бывает. Только великое государство народ может поддерживать и защищать с той мерой отдачи и самопожертвования, которые типичны для российской истории. Конечно, идиллического слияния между ними не может быть. Трагические разрывы, типичные для великих переворотов, как правило, связаны с нравственно-социальным падением государства. Современный период лишь подтверждает это правило. Возникают вопросы — если наши «отцы либерализма» поставили во главу идею великого народа, то почему же в результате десятилетия «свободных реформ» народ вымирает? Смертность более чем в 1,5 раза превышает рождаемость, а такого спектра болезней давно уж не видывала Россия. Почему огромные слои населения потеряли реальное право на труд, на образование, на лечение и отдых? Как возник такой парадокс, что столь привлекательная либеральная идея оказалась на практике столь выхоленной, обесмысленной и дегуманизированной?

Причин много, но в числе первых — резкое ослабление государства, что явно неадекватно кризисной ситуации России. По существу в период реформ государство не выполняло ни одну из своих функций, освободив себя от ответственности и отчетности перед народом. Народ нельзя сменить, но можно и нужно сменить лидеров и правящие элиты. Для этого России вовсе не требуется опять срывать в «крутой бунт». Вполне достаточно сделать это цивилизованным выбором. Для Путина проблема состоит не в выборе между «великой державой» или «великим народом», а в решении вопроса о том, в чем будет состоять сила и достоинство и государства, и народа.

Архетип российской истории — «на Руси бояре страшнее царей» — не менее опасен, чем архетип самовластья. Необходим поиск новой меры между центробежными и центростремительными

тенденциями. Так продолжаться не может. Сейчас слабы не только регионы, но и центр. России же по ее социокультурному разнообразию и геополитическому пространству нужен сильный центр. Если Путину удастся сблизить цели «великого государства» и «великого народа», он будет обречен на успех. Правда, при этом важно еще выяснить, что такое социальное государство, и возможно ли таковое при почти полном снятии социальных программ, но это уже особая тема.

Л.И.Сараскина

Наш клуб, как мне пришлось наблюдать, действительно один из самых интеллектуальных в Москве, где собираются люди умные, продвинутые, как сейчас говорят. Поэтому можно было ожидать гораздо большего «наезда» на президента, — я прекрасно помню, как это происходило в связи с Горбачевым и особенно Ельциным, какие произносились слова и выражения, с какими чувствами и с каким пафосом. И это заставляет меня сделать вывод, что Путин завоевал умы и сердца — не только тех, кто голосовал за него, не понимая, что делает, но и тех, кто способен анализировать и рассуждать. Очень осторожная и почти виртуальная критика, которая здесь звучала, показывает, что сегодня ничего серьезного Путину никто не может поставить в укор.

Больше всего меня разочаровал анализ, сделанный Владимиром Александровичем Рыжковым. Он говорит, что Путин ищет, но не действует. Так в том, очевидно, и состоит стратегия Путина, что он ищет! И в этом он абсолютно противоположный Ельцину человек. Ельцин окружал себя писателями и режиссерами, которые, войдя в Президентский совет, немедленно начинали его любить и уже ничему не возражали. При этом Ельцин проводил радикальные губительные экономические реформы, он устроил октябрь 1993 года, то есть поступал как крайний радикал.

Путин делает ровно наоборот. Он ходит и ищет не в Кремле, а где-то по краям. Ходит к Солженицыну, который абсолютно не является его человеком, беседует с Найшулем, с Левадой, с Горбачевым, тоже не его людьми, даже с Прохановым встречался, — зачем, спрашивается? А для того, мне кажется, чтобы найти ту самую трудную среднюю линию, тот путь, которого в России нет и не было. Поиск Путина — это его стратегия. Александр Зиновьев предположил, что, может быть, Путин затормозит процесс деградации России. И примерно то же самое сказал Царев. То есть Пу-

тин способен внушить мысль, что что-то в России возможно сделать. Мне кажется, что средняя линия нашего сегодняшнего обсуждения как-то больше сходится к этой формуле.

В.Л.Махнач

Я, вероятно, буду выглядеть сегодня революционером, хотя ненавижу революции, выступать против коллеги Сараскиной, хотя мы преподаем одним студентам, против коллеги Зиновьева, хотя я прочитал все его работы.

Во-первых, менее всего глава государства Путин либерален. Есть только один либерализм в собственном смысле этого слова — либерализм английский, идущий от Адама Смита, сущность которого — поощрение самостоятельного хозяина. Правда, есть еще и французский либерализм, укравший имя английского либерализма. Менее всего... У нас же не было ни одного либерала. Гайдар — грязный радикал. Чубайс — вор, менее всего сделавший для развития либерализма в России. Если бы мы провели приватизацию как в Чехии, не по Чубайсу, мы увеличили бы число свободных граждан, число свободных хозяев. У нас не было либералов, были только радикалы. Не было никаких либералов за последние двенадцать лет.

Итак, вычеркнем либерализм. Путин, заявив до вступления в должность, что невозможно постановка вопроса о пересмотре результатов приватизации, заявил себя как антилиберал, для меня это однозначно абсолютно.

Теперь, я вычеркиваю вторую, записанную мною графу. Один боярин опаснее, чем целый царь, угнетающий общество. У нас боярину, в частности князю Пожарскому, доверяли больше, чем царю, в частности Василию Шуйскому. И демократически царя совлекли с трона и пинками прогнали в плен. Если считать, что русские все-таки арийский народ, индоевропейский, то как угодно кому, как звучит, почтение аристократизма у нас в крови. Когда в известной песне ездок поет «милый барин, добрый барин», он не холоп, а гражданин, взыскующий аристократа. Так вот, сдавшийся сенат, Совет Федерации, продал демократическую позицию, разрешив губернаторам снимать мэров, значит, нет земства, муниципализма нет, и тем самым снял аристократическую позицию, когда разрешил президенту снимать в особых случаях губернаторов. То есть нарушил все, не только русские, но и славянские, и арийские, которые старше славянских, позиции. Здесь Путин изменил национальной традиции, коллега Сараскина, и потому он не либерал.

Здесь ругали демократов, а я честно признаюсь, демократ. Демократ настолько, что я полагаю, что вместо чиновника начальника ЖЭКа надо избирать старосту ЖЭКа. А тот назначит кого водопроводчиком, кого тем, кого сем. В этом смысле я демократ. Русского человека обвиняют в том, что он недостаточный коллективист и ему, мол, надо учиться на Западе. Господа, поверьте историку, который Средневековьем занимался очень много: русский человек не коллективист и не индивидуалист по той простой причине, что он корпоративист. Русский человек — корпоративист потому, что наша община восходит по документам к X веку. Он не вселенский — вот на всех поделить, но у него есть соседи. И с соседями он нормально живет. Вот что я пытаюсь показать. Для этого Путин тоже не сделал ничего, потому что он антикорпоративист.

И последнее, что вытекает из трех предыдущих моих позиций. У меня нет ни одного знакомого олигарха. Но богатые люди (я бедный) у меня знакомые есть, которых можно было бы назвать «новыми рашенами». Они из среднего класса, так вот, они все против Путина. Они либералы, и если не аристократы, то корпоративисты, безусловно, они готовы делиться, они все понимают, у них дочки и сыновья учатся в нормальных или полунормальных школах, а не в сверхэлитных. И они вполне оценили парадигму марксизма — «это что, нам хотят сказать, что дележ закончен? что первоначальное накопление капитала завершено?». Никакого мира здесь не будет, коллега Сараскина, будет война, будут мочить эти. А это крепкие русские мужики, ни один из них не прорвался в олигархи, эти будут драться. И я честно признаюсь, я буду с ними безусловно. Думаю, и мои студенты, а это четыре учебных заведения, тоже.

А.А.Зиновьев

Все, кто здесь выступали, рассматривали явления постсоветской истории России изолированно. Я же рассматриваю процессы, происходящие в России, как часть мирового процесса. Далее, российскую ситуацию описывали здесь в терминах, которые, на мой взгляд, потеряли всякий смысл и превратились в чисто идеологические пустышки: «капитализм», «демократия», «свобода», «самовластие». При этом и аргументация берется из прошлого. Я знаю, что вся российская и мировая история сфальсифицирована и фальсифицируется сейчас. Исторические ссылки не имеют никакого научного смысла. В особенности — то, что касается советской истории и современной западной. Советский период русской исто-

рии и советская система полностью сфальсифицированы. Западный же мир представляется нам в таком виде, в каком я не видел его в реальности, прожив там 21 год и изучая его профессионально. Там нет такого Запада. Там есть нечто другое.

Что происходит в России? Россия деградирует. Россию убивают. Идет война. Холодная война кончилась. Началась теплая война, то есть война на грани горячей, с использованием средств горячей войны. Сейчас в самой России выходят сотни книжек, где все это описывается. Как вы знаете, Бжезинский говорил, что русских хватит и тридцати миллионов, а Тэтчер заявила: зачем тридцать, когда хватит пятнадцати миллионов. И это приводится в исполнение! Вот о чем идет речь. Именно это правда, а не всякие рассуждения о самовластье, об Александре I, Николае II, Петре I и так далее. Все это праздные разговоры. Все аналогии лишены смысла. И не только потому, что сфальсифицирована история, а прежде всего потому, что таких явлений, как сейчас, не было. Не было!

Решается историческая судьба России и русского народа: быть нам или не быть в истории в качестве значительного феномена. Хозяева западного глобального сверхобщества давно решили: не быть! Запланировано не просто ликвидировать коммунизм, — это лишь предлог, — а вообще стереть Россию с лица Земли и вычеркнуть из истории, чтобы вообще воспоминания о ней не осталось никакого. Вот что надо принимать как аксиому, если мы хотим противостоять этому. Есть ли люди, которые способны возглавить сопротивление? Нет этих людей! Я симпатизировал и до сих пор симпатизирую Путину, потому что изо всего того, что было возможно, реализовался наилучший вариант. Но и этот наилучший вариант не решает проблему.

Я с самого начала сказал (почему-то не обратили на это внимание), что историческая функция Путина — не радикальные перемены, а закрепление и легализация того, что сделали в горбачевско-ельцинский период. Узаконивание и укрепление результатов антикоммунистического переворота, а не отмена их. Но сделать это в таких формах, которые выглядели бы приличнее, чем то, что делалось в ельцинские годы. И не больше того.

Тут говорили об угрозе самовластья, диктатуры и тому подобного, вырастающей из стремления к сильной власти. А что такое сильная власть? Может ли быть сильной нищая российская власть, которая даже своих чиновников не способна законным образом обеспечить так, как им хотелось бы? Перетасовки в механизме власти сами по себе еще не делают власть сильной. Они суть имита-

ция сильной власти, но не реальное усиление власти как органа управления страной. Превращение некоей сильной власти в диктатуру, подобную сталинской или гитлеровской, в наших современных условиях в принципе невозможно. Социальная организация постсоветской России умышленно сконструирована так, чтобы этого не случилось. В постсоветской России формируется сверхобщество, система власти которого включает в себя не только явления сверхгосударственности («Кремль»), но и явления сверхэкономики, то есть механизм финансового тоталитаризма. Вот из последнего угроза диктатуры исходит в большей мере, чем из усиления государственной власти в традиционном смысле. В западном мире носители высшей государственной власти (президенты, канцлеры, премьер-министры, короли и так далее) фактически являются соучастниками сверхвласти финансового механизма и исполнителями ее воли. К этому идет дело и в России, раз она пошла по пути западнизации и глобализации.

Имеются ли в стране силы, способные пойти на прорыв, то есть на радикальную конфронтацию с глобализацией и западнизацией? Способен ли Путин как президент возглавить тех, кто пойдет на прорыв?

В.И.Толстых

Как и следовало ожидать, подводить итоги и делать окончательные выводы — рано. Путину досталось тяжелое наследство, из которого выбраться не так-то просто. За последние десять лет удалось многое разрушить и почти ничего не построить. Реформы не просто не получились, они и не восприняты обществом как реформы. Никто, кроме узкого слоя заинтересованных лиц, не принимает существующие квазирынок и квазидемократию за их цивилизованные аналоги, повсеместную коррупцию и криминальный беспредел — за достижения свободной инициативы, а резкую поляризацию общества на богатых (абсолютное меньшинство) и бедных (абсолютное большинство) — за торжество социальной справедливости. Эфемерная стабильность держится на вековечном долготерпении и «безмолвствовании» народа, которые власть предрежащие нещадно эксплуатируют, полагаясь, видимо, на русское «авось пронесет». Верхушечными («валерьяновыми») мерами тут ничего не изменить и не добиться. Понимает ли сам Владимир Владимирович, какой «гордиев узел» проблем ему достался в наследство?

Вот запущена в оборот идея сильного государства, с ударением на «сильное», а надо бы — на «государство». Может ли быть сильным государство, которое повернулось к своим гражданам, простите, телесным низом, государство, организовавшее два массовых ограбления населения в особо крупных размерах и бросившее большинство людей на произвол судьбы? Суть проблемы в том, что государство это антинародное в прямом смысле слова, и потому чем оно слабее, тем лучше для его подданных. Даже те, кто это государство соорудили, ныне признали, что оно по природе своей «криминальное», «рэкетируское», проще говоря, «бандитское» (не сильное, а «наглое», по любимому словечку Чубайса). И оно останется слабым, если не превратится в инструмент общества, в орудие фактического (а не мнимого, как сейчас) народовластия.

Увлеченный задачей реконструкции и усиления вертикали — исполнительной власти, наш президент, судя по всему, совсем не озабочен состоянием горизонтали, то есть самого общества. А его как такового у нас, по сути, нет, оно пребывает в состоянии аномии, распада всех связей (кроме «чистоганных») и подавления всех основных социальных инстинктов, в том числе и наиболее чуждых русским — коммунальности, соборности, человеческой отзывчивости. Понимает ли президент, что без крепости и надежности горизонтали любая ловко выстроенная вертикаль окажется малоэффективной? Это если исключить возможность и намерение вернуться к модели унитарного государства и, значит, тоталитарного общества.

И третья несущая опора — мораль. Вот уже десятый год мы живем как бы вне и без морали и настолько привыкли к этому, что, кажется, даже и не нуждаемся в ней — и в политике, и в экономике, и в повседневном обиходе. В своих программных выступлениях наш президент заявил о необходимости начать с «морального возрождения России», справедливо поставив эту задачу на первое место. Пока сколько-нибудь серьезных усилий и признаков «оздоровления» в этом направлении не видно. Все те же лица, и те же «икарийские игры» в политику, моралью и не пахнущие...

Думаю, мы проявили достаточную осторожность и мудрость в наших суждениях и оценках. И нас вполне бы устроило, если бы уважаемый президент, при всей своей предельной занятости, нашел время познакомиться с тем, что мы здесь наговорили.

СУДЬБА РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

15 ноября 2000 г.

В.И.Толстых

Я рассматриваю сегодняшнюю тему как органическое продолжение предыдущей, когда мы попытались охватить феномен Путина в целом, как некое особое явление общественно-политической жизни страны. А в данном случае хотим сосредоточиться на одном, но важном фрагменте деятельности президента, который, надо сказать, заставил многих поволноваться и задуматься в связи с преобразованием Совета Федерации. Есть внешняя сторона этой акции, но есть здесь и какая-то скрытая подоплека, какое-то внутреннее смысловое содержание, некая дальняя цель, еще не до конца ясная. Как я это воспринимаю и полагаю, речь идет о чем-то большем, чем просто об укреплении вертикали исполнительной власти, или о разделении власти, и даже просто о власти. Думаю, речь все-таки идет о том, что именуется нынешним и будущим государственным устройством России. Так наша тема и сформулирована — «Судьба российского федерализма».

Обстановка у нас здесь свободная, нет губернаторов: они что-то боятся связываться с Путиным, ведут себя предельно осторожно, за исключением некоторых ретивых людей, вроде Николая Федорова. А мы вполне свободны и можем попытаться выяснить, что сие означает, к чему такое развитие событий ведет и может привести. Разговор может коснуться и возможного распада России, который может произойти двумя способами: не только в силу действия центробежных сил, если им дать разгуляться, но и в силу чрезмерного усердия центростремительных сил. В устремлениях и действиях президента можно усмотреть желание усилить роль государства в эпоху перемен, что подавляющим большинством

населения явно поддерживается. Пусть задним числом, но уроки распада Советского Союза должны быть извлечены и учтены. Но не менее важно заблаговременно почувствовать и понять, какого рода «сильное государство» может появиться в итоге предпринимаемых сейчас усилий. Федерализм российского типа — штука тонкая и весьма прихотливая, и было бы опрометчиво свести его суть к взаимоотношениям центра и периферии. Короче, здесь есть какая-то очень серьезная проблема, с которой, как мне кажется, стоило бы разобраться.

В качестве ведущих выступают два авторитетных человека — председатель законодательного собрания Дагестана Муху Гимба-тович Алиев и Петр Анатольевич Федосов, известный профессор политологии, советник председателя Совета Федерации. Они хорошо знают существо дела и вопроса и, думаю, дадут нам хороший материал для обсуждения.

М.Г.Алиев

Прежде всего хотел бы поблагодарить Валентина Ивановича за приглашение принять участие в обсуждении этого вопроса. Хотел бы сразу оговориться, что не являюсь специалистом по этому вопросу — я практический работник, Председатель Народного Собрания Республики Дагестан. Но в последние годы я не раз принимал участие в обсуждении вопроса о судьбе российского федерализма, в том числе и на различных всероссийских совещаниях.

Поскольку наше государство многонациональное, многоконфессиональное, ему больше всего подходит именно демократическое (не унитарное) федеративное устройство. Совершенно очевидно, что мы находимся на самых ранних этапах формирования такого государства, и у России еще нет стратегии развития собственного федерализма. Могут сказать: «как нет стратегии? У нас есть Конституция, основы региональной политики, концепция национальной политики, мы провели выборы глав администрации, имеем везде законодательную власть и функционирующие органы местного самоуправления». Конечно, что-то сделано, но это первые робкие, если хотите во многом еще не осмысленные шаги, а не целенаправленная государственная политика. Все то, что сделано за последние десять лет, сделано методом проб и ошибок, и провалов гораздо больше, чем удач. И это не трудно доказать. Скажем, как будто есть концепция национальной политики. Но...

Я живу и работаю на Северном Кавказе, и вижу, знаю, что эта концепция, по сути, не помогает решать ни один вопрос. Я понимаю — дело не в самой концепции, а в ее реализации. Но чтобы ее реализовать, она должна быть построена и сформулирована таким образом, чтобы, решая один вопрос, не создавать второй, еще более сложный. Поэтому эта концепция не работает и не будет работать. Так что же мешает становлению федерализма в России? Прежде всего, думаю, мешает то, что нет государственной федеральной политики. Это первое. Второе, нет исторической традиции федерализма в России. Третий серьезный момент, препятствующий становлению федерализма, связан с сегодняшним уровнем социально-экономического развития государства. Ведь уровень жизни на душу населения не в один и не в два раза, а в пятнадцать-восемнадцать раз отличается в одном регионе от другого. Разве это нормально, когда, скажем, в Москве или в каком-то другом регионе инвалид войны получает значительно больше, чем на Северном Кавказе. Когда они воевали за одну страну, ничего не делили. От того, что сегодня по стечению обстоятельств вследствие развала страны одни регионы остались с мощной налоговой базой, а другие — грубо говоря, ни с чем, причем здесь народ, почему он должен страдать, если это общая страна. Вся страна разделилась на три группы регионов — есть так называемые доноры, есть аутсайдеры и все остальные, что между ними. Для того, чтобы было нормальное демократическое федеративное государство, надо каким-то образом уравнивать разницу жизни. Нельзя, чтобы человек на одном конце жил по-одному, а на другом конце жил по-другому. Для исправления этой ситуации понадобятся многие годы, может быть, десятилетия, если и дальше экономика будет развиваться так, как сегодня.

Говоря о развитии федерализма в России, надо остановиться на принципах, лежащих в основе нашего государственного строительства. В последнее время что-то очень активно начали писать об административно-территориальном принципе построения нашей федерации, при этом полностью игнорируя национально-территориальный принцип. А аргумент, как всегда, один и тот же — посмотрите на Европу, на США, с них надо, мол, брать пример. Но далеко не всегда и не все чужие лекарства подходят для нашей страны. Для того, чтобы было территориальное построение, надо иметь мононациональную страну, а не многонациональную. Это с одной стороны. А с другой стороны, надо, чтобы в стране эта инициатива шла не сверху вниз, т.е. не навязывалась, как у нас, а

шла бы снизу вверх, чтобы люди сами проявляли эту инициативу. Судьба административного нажима будет такая, как у известного договора об общественном согласии — наверху все подписали, но он не работает. Есть концепция национальной политики, но она не работает, как и концепция региональной политики. В основе всего этого — игнорирование общественного мнения.

Другая группа вопросов — это асимметричность нашей федерации. Этот принцип, конечно, больше защищает права народов, которые населяют нашу страну. Он соответствует и международным нормам, в частности коллективному праву народов на самоопределение. Я повستояю, территориальный принцип удобнее, но он может быть введен только через десятки лет, при этом с согласия народов, путем объяснения, разъяснения, решения социально-экономических и других проблем. Но и в этом случае лично я не убежден, что это благо для России. Сегодня же навязывать такую модель как единственно подходящую для России — это губительный путь, ведущий к развалу российского государства. Доводы ученых и практиков о том, что в России восемьдесят пять процентов русского населения, где-то около пятнадцати процентов проживает в республиках, и только в четырех республиках имеется большинство так называемых титульных народов, как и тот, что за принцип национально-территориального устройства России ратует в основном элита этих республик, чтобы сохранить свои интересы и привилегии — лично меня не убеждают. Конечно, есть проблема сепаратизма. Это очень опасно. Но не менее опасен и шовинизм в той или иной форме. Поэтому надо стараться уйти и от того, и от другого.

Если это общая страна, общий дом, то в этом доме одинаково уютно должны жить представители абсолютно всех народов — и коренные, и некоренные, и титульные, и нетитульные народы. Например, в Дагестане на всех четырнадцати языках выходят газеты, литература, ведутся телевизионные передачи. Сложностей немало, но нельзя сказать, что это мешает республике. И нет здесь титульного народа. Нет ни одного народа, который составлял бы больше пятидесяти процентов.

После развала Советского Союза начались всевозможные конфликты на территории России. Первыми были беженцы из Казахстана. Двенадцать тысяч человек беженцев из-за какой-то драки буквально за две-три ночи были вынуждены покинуть места, где они десятки лет жили, и вернуться в Дагестан. У нас в республике жили тысячи людей казахской национальности. И перед нами сто-

ял вопрос «как быть?», потому что горячие люди, молодежь требовала — давайте их выселять и эти дома заселять дагестанцами. Но причем здесь казах, который жил в Дагестане, здесь работал, здесь вырос? В общем-то он является уже дагестанцем, мы за него должны отвечать точно так же, как за аварца, даргинца, кумыка и так далее. Ни один казах из Дагестана не уехал, и мы до сих пор продолжаем в течение десяти лет устраивать дагестанцев, которые отсюда убежали. Или в Грузии, помните, при Гамсахурдиа была политика «Грузия для грузин»? Там жили дагестанцы, с XVI—XVII века, более шести тысяч человек. Грузинское руководство потребовало забрать дагестанцев. А на наш вопрос, как быть с грузинами, которые живут у нас, отвечали: это ваше дело. И опять пришлось объяснять, что не надо грузин из Дагестана выселять, мы же соседи. И обустроить пришлось кварельцев из Грузии, до сих пор занимаемся их обустройством.

Я эти примеры привожу к тому, что если уж мы живем в многонациональном государстве, то надо к каждой народности, к каждому человеку относиться, как к человеку, которому принадлежит этот дом, это государство. И еще раз призываю тех, кто ратует за унитарное государство, за территориальный принцип построения федерации, хорошо подумайте. Не надо игнорировать национальное в России, это вызовет напряжение и породит большие осложнения в стране. Жесткое проведение идеи территориальной федерации приведет к игнорированию интересов этнических общностей. Сегодня простых людей гораздо больше беспокоят вопросы равенства субъектов, их возмущает вопиющее неравенство в уровне жизни народов, которые живут в одном государстве. Вот о чем надо больше думать, тогда, быть может, легче будет справиться и со всем остальным.

В связи с вопросами, которые поднял Валентин Иванович в начале, — создание округов, восстановление вертикали власти, влияние этого всего на судьбу федерации. Не думаю, что создание округов приведет к каким-то большим принципиальным изменениям. Подобные попытки приблизить руководство к регионам и ранее предпринимались, но часто не оправдывали себя. В то же время я и не противник создания округов. Все зависит от тех людей, которые там работают, и от четкого определения их прав и обязанностей, взаимоотношений с субъектами.

Когда была встреча с Путиным, я в своем выступлении сказал, что самое опасное, если этот округ будут формировать криминальные силы Кавказа. Сегодня в России страшная кримина-

лизация во всех структурах власти. Я недавно прочитал книгу одного профессора о судьбе федерализма в России, где он, не мудрствуя лукаво, заявляет, что эти округа — будущие территории, вокруг которых будет строиться федеративное государство. Если это так, то нас ждет полный провал. Ничего из этой затеи не выйдет. Никому и никогда не удастся объединить друг с другом республики Северного Кавказа. Это утопия. Ведь надо помнить, что в России есть республики, которые раньше в Россию не входили. Скажем, Дагестан в XIX веке воевал вместе с Чечней за то, чтобы не быть в составе России. Вы это знаете. Но сейчас мы выступили в защиту России и за то, чтобы остаться в составе России. Мы сюда добровольно не входили, но и выходить из России сейчас не собираемся. Сегодня, как мне кажется, какие-то несерьезные люди, которые есть в окружении президента, внушают ему — надо объединять! Однако в таких делах недопустимы гонки, соревнование, солдафонство. Время — лучший судья. Нужно проявлять терпение.

Второй момент, связанный с реформами, которые сейчас происходят, — это восстановление вертикали власти. Идея хорошая. Кто когда-нибудь работал в исполнительной власти, знают, если вышестоящим руководителям нижестоящий не подчиняется, если его нельзя вызвать, сделать замечание, а в случае провала и снять, — то это же хаос. К сожалению, при Борисе Николаевиче этот хаос был создан, но все у нас были всенародно избранные — глава какого-то хутора, глава района, глава республики — никто никому не подчиняется, никто никого снять с работы не может. Это безобразие! Так было. Сейчас это положение исправляется: принят закон, который дает право в случае серьезных нарушений Президенту страны снять с работы любого руководителя региона. Это, я считаю, хорошее дело. Но и в этом хорошем деле есть тоже одна бомба замедленного действия, заложенная в законе. Если Президент имеет право снять губернатора с работы, губернатору же тоже надо дать право на своей территории снимать руководителей районов и городов, не делая никому исключений.

Говоря о реформах Путина, хочу подчеркнуть, что в них позитива много, но есть и определенные моменты, которые требуют большей ясности, а где-то и корректировки. Мы не против усиления центральной власти, мы за восстановление вертикали исполнительной власти, мы за сильные и нормально функционирующие округа, но мы против специально продуманных и проводимых под всякими предложениями идей ослабления регионов. Не надо огульно критиковать, тем более оскорблять руководителей регио-

нов. В соответствии с законом проверяйте, надо — наказывайте, снимайте. Дайте то же самое делать и на местах строго по закону. Мы против назначения в регионы федеральных руководителей без всякого совета, согласования с местными руководителями. Ибо в таком случае невозможно управлять территорией как единым целым.

В.И.Толстых

Ну что, теперь посмотрим сверху, взгляд из центра. Петр Анатольевич, пожалуйста.

П.А.Федосов

Одно предварительное замечание: в России нет (или почти нет) специалистов по федерализму. Все, кто пишет на эту тему, учились чему-то другому, людей, которые получили специальное образование, единицы. Это еще раз проявилось на Втором всероссийском конгрессе политологов, который мы провели недавно. Специалистами по федерализму стали экономисты, философы, историки, кто угодно. Поколение специалистов по федерализму у нас только еще растет, и вырастет оно не скоро. Поэтому нам всем надо быть очень скромными в том, что касается профессионализма в этих вопросах.

Первый принципиальный вопрос, вопрос почти философский, — а вообще федерализм в России — это естественно? На эту тему можно прочитать самые разные оценки. Вот у Абдулатипова и Болтенковой читаем — «исторически Россия довлеет федерализму». Сомнительно! Российская империя представляла собой жестко централизованную, унитарную метрополию с колониальными окраинами, которые имели некоторые особенности управления. Скажем, Польша, Финляндия имели особую форму управления, но это никоим образом не меняет того обстоятельства, что метрополия Российской империи, в которую, кстати говоря, входила и Украина, и большая часть Белоруссии, и естественно собственно русские регионы, и регионы Поволжья, где компактно проживают крупные нерусские народы, была жестко унитарной.

Говорят, Россия велика по территории и многонациональна и поэтому она довлеет федерализму. Но, во-первых, если судить по доле нерусского населения в России (около 15 процентов), то по меркам крупных современных государств она скорее мононациональна, чем многонациональна. 80–85 процентов — это доля ос-

нового этноса в большинстве европейских стран — во Франции, в Германии, в Великобритании, в Голландии и так далее. Но, конечно, у нас есть очень существенные отличия, и об этом я скажу ниже. Во-вторых, в мире есть разный опыт государственного устройства больших полиэтничных стран. Есть, скажем, опыт огромного Китая, который представляет собой унитарное государство.

Итак, история и состав населения не дают нам ответа на вопрос — обречена Россия на федерализм или нет. Более того, если мы возьмем историю формирования федераций, то мы не можем не констатировать, что подавляющее большинство федераций — это продукт **объединения**, исторического **слияния** на договорной основе государств, которые до того были самостоятельными. Возникновение федерации путем децентрализации унитарного государств — явление гораздо более редкое, хотя и не уникальное.

Мой тезис состоит в том, что федерализм в России — это не веление судьбы, а эксперимент. Эксперимент с незадаанным результатом. На мой взгляд, выбор в пользу федерализма в современной России может и должен быть результатом *rational choice* — рационального выбора. Федерализм ценен не сам по себе, не как самоцель, а как средство укрепления демократии, приближения власти к гражданину, совершенствования управления, включения дополнительных стимулов развития, решения национального вопроса. Выбор в пользу федерализма отвечает этим потребностям, создает благоприятные условия для более адекватного решения этих задач.

Я сознательно, может быть, для того, чтобы несколько обострить дискуссию, поставил решение национального вопроса в конец этого каталога целей, для достижения которых применим инструментарий федерализма. Не для того, чтобы его значение преуменьшить, а для того, чтобы выдвинуть такой тезис: федерализм не является средством для решения национального вопроса *par exelance*. Решение национального вопроса в России с помощью и на основе федеративных принципов возможно, но это не сверхзадача, а лишь одна из многих целей федерализации.

В двадцатом веке Россия пережила две волны федерализации. Первая волна федерализации — это 1918–24 примерно годы, когда в процессе распада империи возникли мощные национальные движения, мощные центробежные тенденции. И отчасти как временное средство для установления и сохранения контроля над территориями, отчасти в силу определенных идеологических позиций, которые я считаю догматичными, большевики пошли на федерализацию, и воссоздали на федеративной, договорной основе

то, что представляло собой метрополию империи. Подчеркну — то, что представляло собой метрополию империи, потеряв некоторые огромные и богатые территории, которые не принадлежали к метрополии империи. Сталин никогда не скрывал того, что в его глазах социалистический федерализм это переходный этап на пути к более высокой форме — к социалистическому унитаризму. Я представляю себе, как он ухмылялся в усы, когда читал, а потом подписывал Конституцию 1936 года, где зафиксировано право наций на самоопределение, вплоть до территориального отделения. «Хотел бы я видеть, что произойдет с тем, кто попробует воспользоваться этим правом», думал, наверное, отец народов. Федеративные нормы были прописаны в Конституции, но федерализма по существу не было, была жесточайшая политическая, идеологическая и экономическая централизация. Иначе говоря, был псевдофедерализм.

Когда рассыпалось то, что служило политической основой квазифедеративного государства — властная и идеологическая монополия КПСС — то, что было заложено в Конституции предыдущим поколением, стало стрелять в ныне живущих, стало взрываться, как мина замедленного действия. Я думаю, что если бы в конституции СССР не было права республик на выход из СССР, то распад СССР, может быть, и не произошел бы так как стремительно и неудержимо, а может быть, не произошел бы и вовсе.

Отсюда мой второй тезис: мы не знаем, какими будут результаты федеративного эксперимента, но то, что псевдофедерализм разрушителен для государственности, убедительно доказано нашей же историей. Если мы сейчас пойдем путем псевдофедерализма, то есть сохраним в нашей Конституции, в нашем законодательстве федеративные нормы, а де-факто будем отстраивать унитарное государство, то как только политический скреп этого нового унитаризма, будь то энергичный президент или какая-то вновь созданная политическая структура, уйдет в небытие, встанет вопрос о целостности государства. И я боюсь, что этот вопрос не будет решен позитивно.

Теперь третий момент — об асимметрии. Да, нынешнее федеративное устройство досталось нам от истории. Восемьдесят девять субъектов с шестью разными статусами, смешение территориального и этнического принципов. Ведь национальные квазигосударства создавались по соображениям очень далеким от стратегии государственного строительства, создавались зачастую там, где нерусское население даже не составляло большинство, а

составляло только значительное меньшинство. Но как бы то ни было, нам такое устройство досталось от истории. Мы занимаем уверенно первое место среди двадцати четырех федераций мира по количеству субъектов и столь же уверенно первое место по разностатусности субъектов. Эта разностатусность закреплена конституционно. Это большая проблема. Я уверен в том, что если российскому федерализму суждена долгая жизнь, то рано или поздно мы должны будем ставить вопрос о рационализации субъектного состава Российской Федерации. Но я глубоко согласен с Муху Гимбатовичем в его основном тезисе, что Боже упаси нас обращаться к этому вопросу сейчас, ставить его в политическую повестку сегодняшнего дня, выдумав предварительно из головы некое более совершенное субъектное устройство. Нынешнее субъектное устройство, при всех его недостатках, имеет то неоспоримое преимущество, что оно есть, оно существует, оно так или иначе зафиксировано в системе интересов, оно так или иначе снабжено системой более или менее сложившегося взаимодействия: экономического, политического и проч. И уже в этом смысле оно, на мой взгляд, менее рискованно, чем любое, выдуманное из головы, как бы симпатично и аккуратно не выглядел бы такой теоретический конструкт. Поэтому, я думаю, было бы правильно настраиваться на то, чтобы с таким субъектным устройством жить еще достаточно долгое время.

Четвертый тезис. В ходе путинской реформы федеративных отношений было сказано много горьких слов о состоянии российского федерализма. Было сказано, что он асимметричный, рыхлый, что у нас не федерализм, а децентрализованное государство, что у нас отсутствует вертикаль управления. Сказано с самых высоких трибун, начиная от послания Президента к Федеральному Собранию и кончая огромным количеством публицистики. В этой, последней, сотни страниц исписаны на тему об ужасной злокозненности региональных руководителей: они и бароны, и байы, и зубы дракона, рвущего целостность страны, и крестные отцы криминалитета, и так далее. Вообще, губернаторы не ангелы и не эдакие «белые голуби чистой демократии». Но этот вид птиц вряд ли возможен в нашем обществе и государстве при нынешнем их состоянии. К тому же элементы авторитаризма в некоторых региональных режимах — это прямое следствие рыхлости федерального центра в затянувшуюся эпоху позднего ельцинизма, который в этом смысле оказала ужасную услугу всем нам. Следствие абсолютно безответственного, антигосударственного подхода москов-

ских политических элит к решению стратегических вопросов государственного строительства в ходе политических баталий 1989—2000 годов. Кто только не делал этот вопрос разменной монетой! И Горбачев, и вслед за ним Ельцин, причем самым циничным образом. В обмен на политическую лояльность последний был готов дать и зафиксировать конституционно любой кусок самостоятельности. Хотите записать, что республики — это государства, обладающие суверенитетом — пожалуйста, хотите заключить договор с Россией как с равным вам по статусу партнером, причем заключить бессрочно и без права одностороннего выхода — ради бога, только будьте лояльны!

Мы же прекрасно помним, как это все происходило, мы же участвовали в Конституционном совещании, мы читали его документы, мы помним, что в первом варианте Конституции, так называемом первоначальном президентском варианте, было, например, записано, что вторая палата, Совет Федерации, формируется из представителей регионов, но таким образом, чтобы представители национальных республик и автономных округов имели в нем не менее пятидесяти процентов голосов. И одновременно предполагалось, что председателя правительства будет назначать Совет Федерации. Этот документ опубликован, он не является засекреченным. Это что означает? Это означает, что пятьдесят процентов Совета федерации, составленные из представителей национальных республик и автономных округов, фактически определяли бы вопрос о составе российского правительства. Я привожу только один пример. И очень легко проследить за тем, как особенно в условиях двоевластия 1991—1993 года обе противоборствующие стороны вновь и вновь ставили на карту и использовали в качестве разменной монеты вопрос территориального устройства. Именно это привело к тому плачевному состоянию, в котором Путин застал наше федеративное строительство к тому моменту, когда он стал президентом. И в этом смысле многое из того, что говорится им о состоянии Федерации, верно. Но не верно возлагать ответственность за это на регионы. Львиная доля ответственности лежит на федеральном центре.

В то же время я считаю абсолютно неверным в короткой истории становления нашего федерализма видеть только негатив. Есть целый ряд позитивных моментов. Возьмем ситуацию 1996—1999 годов, когда вся федеральная власть была фактически недееспособной, когда она, грубо говоря, лежала в грязи. Чем обеспечивалось бы поддержание управляемости, социального мира, це-

лостности государства, если бы регионами правили назначенцы полностью дискредитированного и нелегитимного (в веберовском смысле) президента? То обстоятельство, что к 1997 году мы имели в регионах избранных руководителей, отстроженные структуры управления, избранные законодательные органы в колоссальной степени помогло сохранить Россию.

Но дело не только в этом. Вообще говоря, актуализация субъектности, «самости» исторических регионов и территориальных сообществ граждан — это общемировая тенденция. Процесс федерализации у нас в значительной степени открыл двери для распространения этой тенденции в России. Осознание своей исторической и территориальной общности тверичами и самарцами, уральцами и рязанцами, выход этих общностей на всероссийскую и европейскую сцену в качестве субъектов регионального законодательства, развития региональной культуры и региональной экономики — это в высшей степени позитивный процесс. Он вовсе не противостоит процессу формирования общенационального самосознания и укрепления национальной государственности. И то же самое — включение регионального внутреннего потенциала регионов, включая, конечно, и национальные республики, в процесс реформирования, в процесс адаптации экономики к новым условиям. Первая половина 2000 года дала по большей части регионов существенные цифры роста. Во многих регионах — двузначные показатели. Это не нефтяные деньги. Нефтяные деньги туда вовсе даже еще не притекли. Это результат адаптации субъектов хозяйствования, населения, управленцев, руководителей разных уровней к новым условиям. Думаю, если сейчас не начать тасовать колоду заново и не менять резко условия хозяйствования, то тенденции стабилизации сохранятся и закрепятся. Но это совершенно отдельный разговор. Мысль моя состоит в том, что федерализация дала вовсе не только печальные, но и целый ряд позитивных результатов.

Более того, полагаю, что процесс разрыхления федерации, разбалтывание гаек и скрепов государственного устройства к концу 1998 года миновал свою высшую точку. Всем стало понятно, что Ельцину остались месяцы, что вот-вот придет новый лидер и он «спросит». Это психологически важный фактор. Государственные органы с тревогой заговорили о состоянии федерации. Вспомните Примакова, вспомните Совет Федерации, который, кстати говоря, в 1998 году первый среди государственных органов поставил вопрос о необходимости создания механизма федерального вме-

шатательства на конституционном и законодательном уровне. (Почему, действительно, в благополучной Германии 37-я статья Конституции говорит о механизме федерального вмешательства, а Конституция РФ не знает такого.) Были, наконец, приняты в 1998—1999 году два важнейших закона, которые, конечно, не покрывают все огромное поле юридической неопределенности в федеративных отношениях, но первый, очень важный шаг был сделан. Это закон об общих принципах организации органов законодательной и исполнительной власти субъектов федерации и закон о порядке разграничения предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, закон, который регулирует договорной процесс.

Под этим углом и нужно посмотреть на путинские реформы. Они внутренне противоречивы. Несомненно то, что они продиктованы желанием укрепить федерацию. Но, во-первых, для этого выбраны односторонне административные меры — меры усиления надзора за органами власти субъектов Федерации и их ответственности. Первое должно обеспечить уполномоченные представители президента в федеральных округах, второе — поправки, внесенные в закон об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов власти субъектов федерации. Но административных мер недостаточно. Необходимы автономные и надежные источники финансирования каждого уровня власти — федерального, регионального и муниципального. Пока этого нет, административные меры не дадут результата. Доказательство — ситуация в Приморье. Во-вторых, и предложенные административные меры недостаточны. Основания для вынесения президентского предупреждения губернатору и отрешения последнего от власти президентским решением описаны в законе совершенно недостаточным образом, а механизм реализации этих мер слишком громоздок. На мой взгляд, неверно и то, что руководители регионов лишены возможности административного влияния на руководителей муниципальных органов административных центров субъектов Федерации. Это крупный просчет. И я могу только присоединиться к тому, о чем говорил Муху Гимбатович.

Что касается создания федеральных округов, то сейчас еще трудно давать какие-то однозначные оценки. Пока трудно себе представить, каким образом назначенные полномочные представители — они хорошие люди, проверенные жизнью — сумеют взять под контроль деятельность таких «матерых человечещ», как наши нынешние руководители регионов. А вот как руководители реги-

онов, если полпреды президента окажутся контрпродуктивными с их точки зрения, блокируют и парализуют их работу — это я себе представляю очень даже хорошо. Но я смотрю на этот вопрос без пессимизма. Есть целый ряд случаев, когда полпреды стараются найти и находят общий язык с губернаторами. И опираясь на них, выступают в качестве инстанции надзора. А сама по себе мысль вынести инстанцию надзора за пределы конкретного региона — это очень правильная мысль, даже с точки зрения наведения, например, порядка в законодательстве. А это одна из первоочередных задач, ибо не может быть долго терпима ситуация, когда двадцать процентов законов, принимаемых в регионах, противоречат федеральному законодательству и Конституции.

О реформе Совета Федерации. Содержание ее всем известно. В мире 67 двухпалатных парламентов и в последнее десятилетие их становится все больше. В Европе 90 процентов населения живут в странах с двумя палатами парламента. Сколько вторых палат в мире — столько и способов их формирования. Порядок формирования вторых палат, особенно в государствах, находящихся в состоянии транзита, изменяется довольно часто. В этом смысле ничего ужасного в произведенной реформе нет. Непонятно только, почему она произведена именно сейчас. В пояснительной записке к закону положено начинать с объяснений — чем вызвана необходимость закона. Там написано примерно так: для более эффективного исполнения Советом Федерации своих конституционных полномочий. Это не очень убедительно: во-первых, нет доказательств того, что Совет Федерации до сих пор выполнял свои конституционные обязательства не эффективно, во-вторых, нет и не может быть аргументов доказательств того, что новый порядок формирования позволит палате работать лучше. Но что произошло, то произошло. Сейчас было бы неправильно постфактум махать кулаками, нужно думать, как сделать дееспособным новый Совет Федерации. Это непростая задача. Как, например, найти сочетание между признанным во всем мире принципом свободного мандата и зафиксированным в новом законе порядком назначения (выборов) и отзыва членов Совета Федерации губернаторами и региональными законодательными собраниями? Вопрос об императивном мандате сам собой выплывает на повестку дня. А чем занять 178 членов Совета Федерации, которые будут работать на Большой Дмитровке на постоянной основе, если придерживаться тех же принципов работы Совета Федерации, которые были прежде и учесть, что Дума в разы сократила интенсивность своей законо-

дательной деятельности? Думаю, что Совет Федерации может взять на себя очень большую законоподготовительную работу, например, по законам, уточняющим 72-ую статью Конституции — о предметах совместного ведения федерации и субъектов федерации. Совет Федерации может играть важную методическую роль в обеспечении соответствия законодательства субъектов федерации законодательству федеральному. Убежден, что нынешняя формула формирования Совета Федерации, установленная законом 5 августа, жизнеспособна, но это переходная формула. Возможны два варианта развития событий. Первый — движение к однопалатности. А движение к однопалатности равнозначно движению от федерализма к унитаризму. Ибо федераций с однопалатным парламентом в мире нет, федерализм без бикамерализма — нонсенс, хотя мы много насоздавали такого, чего в мире никогда не бывало и, казалось бы, и быть не может. На мой взгляд, это был бы очень неблагоприятный вариант, поскольку представительство территориальных сообществ на сегодняшний день может быть даже более важный элемент представительства, чем партийно-политическое представительство. Вторая возможность, на которую я уповаю, но не думаю, что она более вероятна, чем первая, — это движение к новой двухпалатности, прообразом которой в какой-то степени мог бы быть американский сенат с прямыми выборами представителей от каждого региона. Одновременно было бы желательно ввести по германскому образцу какую-то градацию по числу мандатов каждого региона в палате федерального парламента — в зависимости от численности населения данного субъекта Федерации.

Б.П.Гуселетов

Я хочу присоединиться практически ко всему, что сказал Петр Анатольевич. На мой взгляд, общую картину и ситуацию, которая сложилась у нас в вопросах федерализма, он описал достаточно четко и правильно. Он навел меня на мысль, которой хочу поделиться с вами в начале, хотя я не хотел об этом говорить. Я имею в виду феномен так называемых регионалистских государств, к которым относят, например, Италию, Испанию. Это как бы переходные государства — уже не унитарные, но еще не федеративные. В той же Франции мы тоже наблюдаем четкие проявления процесса децентрализации, повышения полномочий, компетенции регионального, департаментального и коммунального уровней власти. На мой взгляд, это очень важно особенно для нас, потому

что по существу Россия из унитаризма пытается перейти к федерализму. И мы должны понимать, что строительство федерации в России будет идти весьма нетрадиционным путем, и нам придется во многом восстанавливать какие-то нормальные унитаристские отношения внутри страны и на их основе строить нормальные федеративные отношения.

И здесь я хотел бы обозначить две реферные точки, сославшись на двух известных ученых, на мой взгляд, специалистов в области федерализма. Один из них американец Элейзер, который сказал, что федерализм есть территориальное выражение демократии. Я бы только добавил к этой формуле еще тему «федерализм и местное самоуправление». Другая цитата взята из комментариев к Конституции Российской Федерации, изданных под редакцией Четвернина, где сказано, что государственное устройство России это не федерация, а некое состояние эдониического равновесия между угрозой развала страны и компенсирующей унитаристской тенденцией. Любое федеративное государство, будь то США, Германия, Италия или Австралия, это достаточно жесткие государства. Механизм воздействия федерации на нижестоящий уровень власти достаточно жесткий и четко отработанный: существуют механизмы федерального вмешательства, механизмы снятия с должности руководителей регионов, и все это достаточно четко прописано. Всего этого, к сожалению, нет в России, где за эти годы сложилось олигархическое государство, состоящее из 89 «княжеств», маленьких олигархических государств. Менять, трансформировать придется систему, сложившуюся в каждом субъекте федерации, и систему, которая существует во взаимоотношениях между субъектами федерации.

Здесь, на мой взгляд, существуют два вектора или направления. Один — это реформа самих федеральных органов власти, потому что то, что в СССР работало как унитарная система, когда полномочия делегировались вниз и региональные и местные руководители исполняли их, в нашей федерации просто не работает. Они у нас не делегируются, а просто забираются региональными руководителями, которые бесконтрольно распоряжались федеральными субсидиями и дотациями. А само федеративное государство, как правильно отметил Петр Анатольевич, в эпоху позднего Ельцина превратилось в государство Садового кольца, которое жестко контролировало лишь два параметра: финансовые ресурсы и средства массовой информации. Россия как политическое, экономическое и правовое пространство распалось на эти 89 маленьких олигархических государств, стягиваемых двумя рычагами.

Следует поддержать начатый сейчас процесс деконцентрации власти, который позволит федеративным органам власти стать более внятно представленными в регионах, а правительству и президенту управлять своими представителями. Но здесь возникает опасная тенденция — опасность того, что представители президента начнут подминать под себя полномочия, которые по праву принадлежат субъектам федерации. Ведь в Конституции провозглашен принцип разделения полномочий, определено, что относится к компетенции федерации, а что к компетенции субъектов, и это должно жестко выполняться. Но сам по себе этот процесс деконцентрации власти я считаю совершенно правильным и необходимым.

Второй важный момент — реформа власти внутри субъектов федерации. Нам нужна реформа как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации. Она, конечно, не должна сводиться к простой замене одного руководителя на другого. Необходимо, чтобы в субъектах федерации формировалась иная, более демократическая, более эффективная система управления и взаимоотношений между различными уровнями власти.

Третий важный момент — это необходимость придания субъектам федерации больших полномочий в экономической и социальной сфере, прежде всего в налоговой сфере (налоги на собственность, налоги на имущество и т.д.). Почему это важно? Потому что из центра очень тяжело управлять этими налогами, а мэр и губернатор гораздо активнее и эффективнее будут управлять этими налогами и будут заинтересованы в расширении налоговой базы. Такое расщепление налогов по уровням власти, на мой взгляд, позволило бы субъектам федерации и местному самоуправлению чувствовать себя более самостоятельными, более ответственно и эффективно использовать землю, имущество, стимулировать развитие предприятий, и т.д.

На мой взгляд, было бы очень хорошо, если бы мы, используя систему федеральных округов, создали региональные счетные палаты. Есть опасность, что сегодня, создавая палаты на уровнях субъектов, мы отдадим их под контроль губернаторов. А создавая их на межрегиональном уровне и включая туда представителей всех регионов, входящих в этот округ, и представителей федерации, можно было бы создать более самостоятельную счетную палату, которая бы контролировала расходование финансовых средств в субъекте федерации, а сам субъект создал бы такую же систему на уровне местного самоуправления.

Последнее мое замечание касается чиновничества, которое, на мой взгляд, сегодня неэффективно на всех уровнях — федеральном, региональном и местном — во многом еще и потому, что очень неэффективна система набора. По существу, идет принцип набора по знакомству, по дружбе, а отнюдь не нормальная система конкурсного набора. Здесь тоже можно было бы включить механизм создания так называемых конкурсных комиссий, который есть по закону, но на деле не используется. Межрегиональные конкурсные комиссии могли бы отбирать на федеральную, региональную и местную службу людей достойных, людей квалифицированных.

Ю.М.Бородай

Тема неисчерпаема, говорить можно много, а времени мало, поэтому я ограничусь одним моментом — коснусь национально-этнической составляющей в этой проблеме.

Тут во вступительном слове прозвучал тезис, что мы не можем отказаться от федерализма и пойти по пути воссоздания унитарного государства по той простой причине, что, мол, у нас не унитарное, а полиэтничное население. С моей точки зрения, это не довод. Вот, скажем, Соединенные Штаты Америки — тоже федерация, причем первая и самая известная, но устроена она вовсе не по национально-этническому принципу. Во Флориде, которая сейчас у всех на слуху, латиноамериканского, испано-язычного населения, наверное, в процентном отношении гораздо больше, чем татар в Татарстане. Но представил бы кто-нибудь, чтобы Флорида вдруг поставила вопрос о государственном испанском языке или что-нибудь вроде этого. В этом смысле Соединенные Штаты Америки не сравнимо более многообразный полиэтничный котел, чем современная Россия. Тем не менее федерализм американский отнюдь не основывается на национально-этническом принципе.

Я постараюсь объяснить одну вещь и повернуть дискуссию немножко в другую сторону. Почему для нас сейчас плох федерализм, основанный на национально-этническом принципе? Внешняя, поверхностная сторона этого дела очень простая. У меня приятель есть, я знаю, что он чуваш. Так он сам уже забыл, что он чуваш, он русский давно. И я — Бородай, но ощущаю себя всецело русским. И ничего плохого в этом не вижу. Вот я представляю, окажись я сейчас волею судьбы в Киеве или на своей родине в Полтаве. Бородай на Украине славная фамилия! Там больше десяти полковников на Сечи были Бородаями! Неужели я бы не вос-

пользовался своей фамилией Бородай? Я бы чина себе высокого потребовал. С какой стати там какой-то Иванов или Петров? Я — Бородай и у себя в Полтаве! Я распространяться не буду, у нас это зацвело пышным цветом с тех пор, как сказали — берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить. Вот и глотают.

Не только Россия, нет вообще ни одной современной нации, которая не была бы полиэтнической. Нет таких наций! Этносы — это прекрасно, этносы своеобразны, каждый отличается друг от друга, и их своеобразие — это благо и хорошо. Но есть особенное своеобразие некоторых этносов, которые почему-то все в упор не видят и стараются его замалчивать и забывать. Есть не просто этносы, а консерванты, выражаясь языком Гумилева, которые действительно, если угодно, сознательно или бессознательно стремятся сохранить себя как некоторую особенность, своеобразие, а есть этносы другого типа — плодоносные, можно сказать, нациообразующие. Кстати, быть нациообразующим этносом — это невеликая привилегия. С нациообразующим этносом дело происходит обычно так в истории: по евангельской притче, чтобы состояться как нациообразующий этнос, зерно должно, упав в землю, умереть. Истинно говорю вам, говорил Иисус, если зерно, упавши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то даст очень много зерна. Вот судьба нациообразующего этноса! Таким нациообразующим этносом в России являлись русские. И это давало им особенный характер, который выражался в литературе. Вот Достоевский фантазировал насчет того, что русские все человеки, на основании того, что русские все человеки, власть должна принадлежать русским. Я не вижу ничего крамольного в этом лозунге, Достоевский знал, о чем он писал и что он говорил. Кстати, когда он выговаривал слово «русский», да еще, если угодно, в сочетании со своей формулой «власть в России русским», он имел в виду под русскими, разумеется, и Багратиона, и Даля, и так далее.

Тема эта довольно важная, ее мало кто трогает, все как-то боится ее выговаривать. А пора ее выговаривать, потому что... быть нациообразующим этносом — это огромная ответственность. Это значит надо забыть о своих привилегиях. Простой пример: сижу в армянской компании, вот надо помочь этому, сволочь он, конечно, но он же наш, армянин. А вот у русских, пусть армяне на меня не обижаются, нет такой психологической черты. Практически нет этого. Этнос как нациообразующее ядро отличается от всех других этносов тем, что он не способен становиться мафией. Этнос-консервант элементарно превращается в мафию. Кстати говоря,

само слово «мафия» — слово сицилийское. Мафия в Сицилии образовывалась как кланово-этническая организация сицилийцев, которые хотели себя отличать и защитить от итальянцев, от испанцев, от французов. Первоначально так оно и было, это было национально-освободительное движение в Сицилии. Это была борьба за сохранение своей самобытности против всех прочих, других, чужих. И этносы-консерванты так себя и ведут, и так и складываются. «Ах, жрите столько, сколько можете проглотить» — вот мы и глотаем. Каковы порядки в России, в России, в исторической России до великой катастрофы 1917 года — а они были простые, неважно, высказывались они или не высказывались, да, они были таковыми. С ответственностью, да, власть федеральному центру. А что значит — власть федеральному центру? Что значит это применительно к сегодняшней ситуации? Во всех этих попытках жалких или, может быть, не совсем жалких реформ, которые противоречиво намечаются? А обозначают они шаги, с моей точки зрения, скажем, путинские шаги, в очень правильном направлении. В том самом направлении, что власть — федеральному центру. Какая власть? Вся реальная власть. Полиция, прокуратура, суд — это не региональное дело, а исключительно прерогатива федерального центра. Кстати говоря, прерогатива того, что называется Российской Федерацией. Если кто-нибудь задумывался, и здесь парадокс. Мы знаем массу федераций на свете сейчас. Но мы себя называем Российская Федерация. Почему-то не Мордовская Федерация, не Карельская Федерация, не какая-нибудь другая, а все-таки Российская Федерация. Вольно или невольно, подсознательно — мы все-таки это во главу угла ставим. Вот над этим стоит подумать.

Е.А. Никифоров

Я думаю, что проблему федерализма нельзя рассматривать вне контекста общего состояния общества. Это было бы достаточно спекулятивно. А состояние общества, как оно сложилось в условиях ельцинского режима — это общество застойное, лишенное внутренней динамики и конкурентоспособности. Короче говоря, Россия сейчас потихонечку расплзается. Если с этой точки зрения посмотреть на появление Путина и его политику, как она проводится, то тут просматриваются какие-то субъективные устремления, но есть и объективные моменты. Видимо, срабатывает инстинкт социального самосохранения — надо спасать

Россию от этой вот гидры расползания, катастрофы, которая могла произойти сразу после осени 1998 года, но тогда ее удалось, слава Богу, избежать.

Как же можно уберечь Россию от расползания? Я полагаю, в этом суть, собственно, той политики, которая проводится федеральной властью, и это, конечно, не развитие федерализма. Где-то подспудно идет процесс и делаются попытки создания унитарного государства. Естественно, резкие движения в данной ситуации невозможны, делается это все постепенно, и появляются противоречия. Прежде всего противоречия между центром и региональными баронами, с одной стороны, и олигархами — с другой. Ситуация, я имею в виду и действия Путина и реакцию на них, чрезвычайно похожа, в данном случае, если корректны какие-то исторические сравнения, с тем, что делал Грозный с опричниками. Она лишена той жестокости, но действия Путина — деление властей, территорий, уровня вертикальной власти, и создание некоего образования вроде партии «Единство», которой можно только привесить собачью пасть и метелку, все это, пусть и в смягченном, карикатурном виде, напоминает эту самую ситуацию. Там общество тоже находилось на грани распада. И борьба, которая шла тогда у Ивана с боярами, приняла примерно такой же характер. Казалось бы, никакого сопротивления нет, все идет латентно, и тем не менее, чем жестче поступал Иван Грозный, сопротивления не было. В конце концов, казалось бы, удалось преодолеть, снять это противоречие, но потом все эти деятели, все эти князья благополучно вернулись на свои места. То есть Грозному так и не удалось разрешить эти противоречия в расползающемся обществе. Ну, а потом все кончилось гражданской войной, которую развязало именно это боярство, остатки удельной аристократии.

Итак, что же в перспективе может быть? Думаю, что Путину до конца провести дефедерализацию этого общества не удастся, как, впрочем, и устранить противостояние этих элит, которые на обострение не пойдут. Их вполне устроит тихий процесс данного существования, который может продлиться сколько угодно долго, если не будет каких-то внешних воздействий. Мы ведь живем потому, что у нас есть труба, если ее перерубить, то возникнут проблемы. Нет внешнего врага. Путину очень хочется создать унитарную систему, восстановить жесткую вертикаль. Но реальных предпосылок для этого нет, как нет их и у местных княжат. Общество находится в состоянии апатии и усталости, и эта усталость не проходит, поэтому какое-то время это ползучее противостояние и тихое расползание, гниение общества будет продолжаться.

О.В.Гаман

Тезис первый. Поставленная цель — возвращение не только внешней, но и внутренней субъектности государства, — безусловно рациональна, справедлива и заслуживает поддержки. Что касается средств достижения этой цели, то здесь возникает проблема. Средством должна быть стратегия, которой нет, в этом я согласна с Муху Гимбатовичем, так же, как нет этой стратегии и в других областях. Но есть декларация — построение сильного государства. Но что такое сильное государство? Сильное государство отнюдь не авторитарное государство, скорее это эффективное государство. А что происходит у нас? Говорят и пишут о том, что у нас происходит становление авторитаризма. Я бы воздержалась от такой категорической оценки. Почему? — Потому что даже такому талантливому человеку, как Иосиф Виссарионович, потребовалось 15 лет, чтобы выстроить авторитарное государство. Авторитарное государство — это когда после нажатия кнопки нечто происходит и цель достигается.

О том, как достигается и работает авторитарный механизм, у нас сегодня свидетельствует один маленький пример, который мне рассказал один мой коллега, эксперт. В ходе визита Путина в Ташкент было заключено соглашение с Каримовым о том, что Российская Федерация в связи с военно-политической ситуацией в Узбекистане окажет военно-техническую помощь Узбекистану путем поставки военной техники. После этого люди из Узбекистана приезжают в Москву для реализации соглашения. Им здесь говорят «гоните деньги». Те говорят — как же так, было заключено соглашение о том, что без денег. Но я вывожу за скобки саму суть вопроса, в принципе я считаю, что деньги нужно платить за все, и за военную технику тоже, как бы не были велики стратегические интересы. Но в данном случае речь идет о формально-процессуальной стороне дела — президент заключил соглашение, которое не выполняется на подчиненных ему уровнях управления. Это — авторитаризм? Я не уверена.

В области построения федеративных отношений государство уже показало свою неэффективность. И вряд ли оно станет более эффективным в ходе реализации путинской реформы. Муху Гимбатович тут приводил пример о назначении руководителей федеральных структур в регионах из центра, этих структур в регионах много, например Россель в Свердловской области насчитал 64 федеральные структуры. Безусловно, руководители должны назначаться в центре, но обязательно по согласованию с региональным руководством. Ибо с назначенцами, которые пришли вопреки воле

региональных руководителей, у последних эффективного взаимодействия никогда не будет. Будет тихий саботаж даже при внешней лояльности. Так что же нужно? Подход, мне кажется, может быть выработан в русле такого логического дискурса. Что такое региональная власть? Это разновидность групп интересов и групп давлений, если рассуждать в терминах современной политологии. Теория и опыт показывают, что наиболее эффективные технологии взаимодействия групп и интересов является согласование интересов. К сожалению, у нас этого не происходит. В русле согласования интересов технологией оптимизации является политический торг. Торг между центром и регионами в данном случае. Но те люди и инструменты, которые используются на практике сегодня, мало работают на цель эффективного взаимодействия, потому что на деле лозунг сильного государства трансформируется в лозунг силового государства, а это совсем не одно и то же. Когда пять из семи постпредов люди военные... Я не испытываю никаких симпатий к Кириенко, но почему-то думаю, что он будет более эффективен во взаимодействии с Шаймиевым, весьма сложным человеком, чем, например, Казанцев, перед которым нужно снять шляпу как военным, который в условиях развала государства все-таки худо-бедно как-то пытался интересы армии защитить. И когда в губернаторском корпусе появляется все больше военных, как тот же Шаманов, я не очень уверена, что в технологиях политического торга он будет более эффективен, чем гражданский человек.

Мой финальный тезис заключается в том, что силовое государство, которое у нас сегодня рождается, парадоксальным образом скорее может стать инструментом ослабления государства, а не его усиления.

И одна маленькая ремарка по поводу замечания Петра Анатольевича относительно Российской Империи как метрополии. Я поддерживаю все тезисы Вашего доклада, кроме одного: все-таки Российская Империя была империей, существенно отличающейся от классического типа империй, ибо строилась она по формуле «империя минус империализм». А это значит, что метрополия выступала здесь не реципиентом экономических и прочих ресурсов со стороны окраинных территорий, а донором по отношению к тем землям, которые входили в ее состав.

М.В.Масарский

В своем вступительном слове Валентин Иванович Толстых высказал парадоксальную, на первый взгляд, мысль, что распад государства возможен под воздействием как центробежных, так и

центростремительных сил. В первом случае срабатывает взрывная энергия деления, во втором случае срабатывает не менее взрывная, а еще более взрывная энергия синтеза.

Сразу же возникают, по закону ассоциации, в памяти слова А.К.Толстого, которые он вложил в уста молодого еще Бориса Годунова в «Смерти Иоанна Грозного» — «та власть, что нас на части раздробила, она одна и связывает нас. Исчезни власть — и тело распадется». О каком теле шла речь? О социальном теле, об обществе, деструктурированном, кстати говоря, Иваном Грозным. И когда говорят, что он великий государь, потому что укреплял государство, он на самом деле уничтожал наиболее структурированную часть, феодальную часть зарождающихся феодалов, княжат и аристократию, покушаясь на клир и независимость церкви, уничтожая, например, право на представительство интересов милосердия у мирян перед властью. И вот, перебрасывая мостик из прошлого в настоящее, задумаешься, а какой вектор несут в себе реформы Путина? В 1983 году тогдашний генсек Андропов поручил своей аналитической группе составить проект разделения территории Советского Союза на 17 федеральных округов, они назывались тогда не федеральные, а союзные округа. И возглавил эту аналитическую группу тогдашний советник генсека Аркадий Иванович Вольский. Уже тогда границы союзных округов — они были показаны на карте — почти совпадали с границами нынешних семи федеральных округов. Это произошло случайно вроде бы. На самом деле тут пробивала себе дорогу необходимость. Восстановление властной вертикали, безусловно, лежит в русле укрепления государства. Кто спорит? Но, заметим, это происходит под флагом борьбы с феодальными вольностями, которые, тоже отметим, послужили исторической основой для гражданских свобод. Трагедия для России в гражданском плане была в том, что она не прошла этой школы феодализма, и было бы неверно отрицательно оценивать с этой точки зрения этих наших бояр, княжат, удельных князей — как угодно их называйте сейчас. Ибо бояре — это был серьезный противовес самодержавному произволу, когда они были корпоративно организованы в дружину, они эффективно противостояли. Как только они были разгромлены, т.е. была сломлена боярская военная рать и их политическое могущество, распалось тело и началась смута. Произвол не создал сильного государства. Оно обессилело, фактически уничтожило свой политико-образующий слой.

С этой точки зрения опасно доверять гражданское строительство военным. Они мыслят иерархически. Когда Наполеон стал первым консулом, он стал подчеркнуто дистанцироваться от во-

енных, и практически ни одного военного не ввел в правительство. Дело не в кадрах, дело в менталитете определенных социальных групп. Дальше я тезисно обозначу свою позицию.

Относительно федералистских традиций в России. Были ли они? Слабой федерацией была Новгородская Республика. Конец XV века — это была точка исторической бифуркации, когда можно было пойти по пути либо федеративного, либо унитарно-вотчинного устройства. Золотой Орде удобна была унитарно-вотчинная, и, кстати говоря, один из улусов Золотой Орды настолько укрепился в военном, материальном и финансовом отношениях, что взял и проглотил метрополию Сарай. Победил и стал очень большой Золотой Ордой под названием «Московское царство». Примеров можно привести и других немало, когда слабая конфедерация становится сильной, прочной федерацией. Конфедерация, например, Швейцарская, или конфедерация Соединенные Штаты Америки, весьма слабая тогда конфедерация, состоявшая из 13 штатов, которые долго спорили, иметь ли им президента и 9 лет вообще без президента жили.

Следующий тезис. Как вообще надо относиться к региональным элитам, к этнократии, и вообще, хороша ли вот эта асимметричная федерация, которая утвердилась у нас формально с 1993 года. Я также, как коллега Федосов, работал в той же самой группе по написанию Конституции, только в другой секции. И вот мы тоже были озабочены тем, что в первоначальном варианте, представленном от имени Президента, писали его два человека, Собчак и Алексеев, был прописан этот колоссальный перекосяк в сторону этнически организованных государственных образований. Вообще говоря, слова «нация» и «этнос» на Западе четко разведены. Политическая совокупность граждан — это нация, этнос — это историческое образование, культурно-историческое образование. Вот Чечня являет пример того, как этнос не становится государственно-образующим слоем. Это не нациообразующий этнос — Чечня распадается на кланы, тейпы, и потому чеченцы никак не могут создать свое государство. Русские создавали государство не по этническому, а по корпоративному, семейно-дружбинному принципу. Они называли русскими тех, кто входил в дружину варяжскую, кто обслуживал интересы этой дружины, кто группировался вокруг центра этой первичной кристаллизации русского государства. Потом, русские, строго говоря, это не этнос, это с самого начала была политическая совокупность не граждан, конечно, это был государственно-образующий слой, который расширился

до этнических характеристик. Точно так же возникали и европейские государства. Можно провести строгую параллель между европейскими государствами каролингской империи и Киевской Русью, то, что потребовало в Западной Европе пятьсот лет, за пятьдесят лет прошла славянско-варяжская русская государственность. Так что ничего трагичного сейчас не происходит.

Только не следует нам надевать на глаза идеологические шоры и говорить, что феодальные вольности — это зло. Феодальные вольности в начале XIII века, в 1215 году, заложили основу конституционных гражданских свобод всей английской нации, хотя в интересах, конечно, баронов. Но вспомните, что те самые 25 баронов, которые составили первый парламент, они на самом деле, защищая свои корпоративные интересы, защитили интересы всех остальных перед лицом произвола. А вот Людовик I, у которого в руках была вооруженная сила, разгромил феодальные замки, сломил аристократию, сделал ее ручной, придворной, и она погубила Францию.

Теперь последнее замечание. Насчет того, что в каждом политикообразующем слое есть две тенденции, одни унитарные, условно назовем якобинцы, другие — федералистские, условно назовем их жирондисты. Вот эти две части политико-образующего слоя Франции и разорвали ее, началась гражданская война. Возможна ли она у нас? Нет, конечно. Общество настолько слабее государства, а государство настолько систематически организовано, что государство действительно у нас, воспользуюсь словами Маркса, свободно — что хочет с народом, то и делает, ибо народ-то децентрализован. Да, разорвались региональные элиты. И слава Богу! Они не позволят владеть и править по принципу опричнины, так, как это было в 1564–72 годах, когда опричники все, что угодно могли сделать, когда сломали шеи княжатам. Ведь в 50-е годы Иван Грозный не посмел делать ничего того, что он потом творил в 60-е, 70-е и начале 80-х годов. Не посмел, потому что была оппозиция. Поэтому не надо проклинать Шаймиева, Лужкова и других княжат, красных баронов, как раньше в промышленности их клеймили, и вообще баронов. Воздадим должное феодальным вольностям.

Ю.М.Бородай

Принципиальная поправка: я как специалист по капитализму должен сказать, что вольность и демократия — это абсолютно разные вещи. Прежде чем достичь демократии, все европейские государства прошли этапы абсолютистской монархии, а не вольно-

стей феодальных. Вольности феодальные надо было победить и всех сделать равноправными перед центром — и крестьянина, и ремесленника, и дворянина. Это принципиальной важности вещь.

В.И.Данилов-Данильян

Я очень благодарен докладчикам за замечательные доклады и согласен со всем, что говорил господин Масарский. Я не хочу излагать каких-то систематизированных взглядов на федерализм, потому что не являюсь специалистом в этой области. Но мои наблюдения сводятся примерно к следующему.

Во-первых, я согласен, что к 1999 году процесс разбалтывания болтов и гаек, как здесь было сказано, прошел свой минимум. Но это был не процесс разбалтывания болтов и гаек в федералистском смысле. Это разболтались все общегосударственные болты и гайки, и в сфере государственности, и во всех аспектах управления экономикой, и т.д. И когда наш нынешний президент стал задумываться относительно того, как все это дело собрать, мне кажется, он меньше всего думал о федерализме. Он собирался, безусловно, и собирается сейчас затягивать болты и гайки, исходя из своих представлений о власти, над чем властвовать. Естественно, над государством, в котором эти самые болты и гайки затянуты и лучше всего, конечно же, когда оно является унитарным. Но, избави Бог, нам погружаться в сложные раздумья относительно того, как унитаризм согласуется или не согласуется с федерализмом, не до того. Естественно, лучше всего, когда есть четко работающие приводы, как сказано у Козьмы Пруткова — шелкни кобылу в нос, она махнет хвостом. Вот только точно бы знать, чем она махнет — ему больше всего нужно. Ну и кто властвует? Конечно, президент. Дальше привлекаются элементарные понятия теории управления. Один человек может властвовать, непосредственно управлять и контролировать семью, десятью, максимум двенадцатью исполнителями. Он не может иметь дело со ста управляемыми единицами. Поэтому надо ввести какие-то территориальные единицы, более крупные, чем субъекты Федерации, и так еще, чтобы осталось внимание, которого потребуют иные, не территориальные структуры. Вот и получается семь округов плюс силовые ведомства плюс премьер-министр. Все. Я совершенно уверен, что эта формула и была господствующей при выборе направления так называемых реформ. А федерализм сюда просто попал под колесо.

Конечно, слишком многое в России зависит не только от идеи, но и от ее исполнителей. И этим-то Россия, между прочим, отличается от так называемых цивилизованных государств, которые ухитряются организовывать исполнение идей в значительной степени, или, по крайней мере, не слишком зависимо от конкретных исполнителей. А у нас всегда любую хорошую идею можно извратить, любую идиотскую идею можно пустить на благо обществу, если, конечно, найти для нее умных, хороших и умелых исполнителей. Те, кто сейчас являются руководителями федеральных округов, себя не зарекомендовали пока абсолютно ничем, ни в своей предыдущей службе, ни в этой. Ради Бога, не обольщайтесь насчет господина Кириенко, ведь именно он обладает удивительной неспособностью к переговорам, именно он схлопотал нашему государству дефолт 1998 года. Вместо того, чтобы договориться со всеми кредиторами, как это положено в мире, сделать это за закрытыми дверями, без всякого пиара, без крика, он взял и грохнул — не будем платить по долгам. И получился дефолт. Вот так никто не делает. Это варварство, то, что тогда произошло, происходящее от полной неспособности и отсутствия представлений о том, что такое переговорный процесс, что такое согласование интересов и как надо делать такие дела. Может, жизнь этого молодого человека чему-то и научила, я этого совершенно не исключаю... Не знаю, что он представляет собой сейчас, но опять-таки, по его бэк-гранду в государственной службе он как раз и не способен организовать что бы то ни было переговорное.

В наших социальных условиях процесс согласования интересов — это центральный момент! — отличается одним замечательным, к сожалению, негативным, свойством: любой компромисс, достигнутый сегодня, отвергается завтра, потому что он оказывается неустойчивым. Наши социальные структуры, наш менталитет, к сожалению, таковы, что достижения устойчивого компромисса, устойчивого согласования интересов — для нас это фикция. Вы спрашиваете, что авторитаризм это или не авторитаризм, если Путин подписал с Каримовым соглашение о поставках вооружения бесплатно, а когда узбеки приехали сюда, им сказали «гони монету». Да уверяю вас, Путин прекрасно знал, что платить заставят. А если не будут платить, то ничего не дадут. Он это знал, когда подписывал это соглашение. Это, между прочим, во-первых, авторитаризм в чистом совершенно виде, а во-вторых, все то же наше отношение к согласованию интересов и компромиссам. Все то же самое. И к тому же разгильдяйство.

Ну, а финиш, — скажу как эколог, конечно, вынужденный заниматься и демографическими глобальными проблемами, в том числе и проблемами депопуляции. У нас, знаете ли, есть такой лозунг — каждый родившийся имеет право на достойную человека жизнь, и каждый народ имеет право на место в семье народов. Но в нашем государстве все перепутано, и давать права и гарантии этносу, конечно, еще труднее, чем давать права и гарантии субъекту федерации. А так, в общем-то, процесс, который сейчас идет, это вовсе не дополнительные полномочия региональным органам власти, это, наоборот, сокращение их полномочий. И для того, чтобы эти полномочия сократить, и вводится этот промежуточный уровень, семь федеральных округов. Только для того, чтобы сократить полномочия внизу и подтянуть болты и гайки. А кто уж они там — этносы, субъекты, князья, князьки — об этом обо всем меньше всего думаем.

В.М.Межуев

Я тоже не считаю себя специалистом в области федерализма, и пытаюсь только во всем, что слышал, какую-то логику для себя просчитать. Все, что я услышал о федерализме, не объясняет мне одного, не могу понять, как это объяснить для себя, может быть, мое выступление как вопрос к заключению — не понимаю, почему Тамбовская или Якутская область — почему это субъекты федерации? Чем плохо быть просто губернией, просто областью? С теми же выборными губернаторами, с теми же органами местной власти. Что дает то, что я Тамбовскую область непонятно почему буду считать субъектом федерации? Я пока от национального вопроса отвлекаюсь. Меня интересует, почему в составе исконных территорий России их поделили на субъекты федерации. Зачем? Сбалансировать с национальным составом?

Мы никак не можем понять, что федерация это чисто политическая категория, т.е. это не национальная, не территориальная, не географическая, не региональная категория — это чистая политика. Проблема федерации всегда возникала в ситуациях перед государствами, насколько я понимаю, которые по каким-то причинам не могли быть представлены в качестве некоторого единого мононационального государства с единой территорией, с единой землей и с единым народом на этой земле. И тогда, поскольку какие-то территории, которые до того жили, может быть, раздельно, может быть, независимо друг от друга, объединяются; тогда

возникает необходимость некоторого договора между этими территориями и народами, на них живущими, об образовании государства, которое не может сразу превратиться в некоторое единое государство и вынуждено существовать в такой промежуточной зоне между независимостью полной и невозможностью жить в едином, мононациональном государстве. Это особый тип политического договора, который, чего я никак не могу понять, почему-то надо распространять на исконно единую территорию. Ведь что такое быть субъектом федерации в отличие от того, чтобы просто представлять местную область или губернию? Это значит считать себя соучредителем этого государства. Тогда давайте договоримся, что это государство образовано по решению Тамбовской области. Мне совершенно непонятно, почему то, что сложилось и существовало в течение столетий как некоторое единое целое, надо дробить по этому принципу. Ради Бога, дайте им какие угодно права и пусть там будет и местное самоуправление и выборность всех органов власти. Но причем тут быть субъектом федерации? Вот этого я никак понять не могу. Это первое, что я хочу сказать.

Второе. Что значит президент имеет право назначать и снимать? Во-первых, это, конечно, никакого отношения к федерализму не имеет. А кто может снять президента? Давайте решим, президент может снимать только тех и вообще каким-то образом на них влиять, по отношению к которым он чувствует себя выше. То есть вы хотите сказать, что президент у нас перед законом не равен? Вы понимаете, какую вы федерацию строите? Президент может снять по каким-то там каналам и процедурам выборного губернатора, а его снять по тем же мотивам нельзя.

Реплика — Почему? Парламент, импичмент...

В.М.Межуев

Так парламент же снимает, а не президент какой-то, над ним стоящий. Так то же самое и в Америке происходит, какой американский президент может какого губернатора снять? Губернатора может снять суд или во всяком случае та масса, которая его избрала. Тогда давайте честно говорить, что это за федеративный принцип? Я понял так, что мы в России изобрели третий тип федерации. Есть федерация земельная, как, скажем, в Германии, где она возникла в силу того, что Германия вообще-то образовалась в единое государство сравнительно недавно, с Бисмарком. Есть федерации национальные, самые непрочные, кстати, все они распада-

ются. Ну, Швейцария, там всемирный банк, поэтому она не распадается. Распалась Чехословакия, распалась Югославия, какой ценой — мы все это знаем. Федерация-нация это вообще самое непрочное образование, потому что либо ты уже движешься в сторону единого государства, либо ты в конечном счете будешь из него выходить. Мы придумали третий тип федерации. Поэтому у нас все так и происходит. Мы придумали федерацию начальников. Не земель, не наций, а начальников. У нас о федерации мечтают местные элиты, которые хотят завоевать какую-то толику власти. Я уверяю вас, что никто не носится среди значительной массы населения с этой идеей федерации, никому она не нужна, это нужно начальству. И мы для этого дела и придумали этот самый федеративный принцип.

Теперь национальный вопрос. Да не решается национальный вопрос посредством федерации. Да, дайте автономию! Есть классические формы решения всех национальных проблем. Дайте автономию — культурную, экономическую дайте автономию. Почему плохо быть автономным? Почему обязательно надо стать и называться субъектом федерации? Естественно, нельзя сказать, что все народы, которые населяют территорию России, одновременно являются соучредителями. Тогда мы вообще запутаемся в собственном государстве. Ну не так оно складывалось, исторически не так складывалось. А если они хотят оставаться на своей земле со своими обычаями, со своим языком, со своей культурой, со своими даже какими-то нормами политическими — дайте автономию. Я даже больше думаю — если мы пойдем по пути не федеративного устройства, а по пути автономии, эти народы и эти земли получат больше прав. Потому что как только в России возникает федерация, как она в начале века возникла, сразу же возник страшный противовес в виде монолитной партии. И только поэтому федерация была разрешена. Возникает совершенно авторитарная власть, и вот в этом весь фокус — в любой федеративной системе вы, как ни странно, в качестве неизбежного следствия получите абсолютистское начало. И сегодня эта логика четко просматривается. Ведь с помощью федерации мы хотим компенсировать отсутствие гражданского общества. Его у нас нет. Россия еще не сложилась как единая социально-общественная система. И мы решили, что можно эту штуку каким-то образом хитро объехать с помощью этого самого федеративного принципа. К чему приведет федерация? Я вам точно скажу — к созданию нового типа тоталитаризма. Вот к чему мы приедем. А если бы мы пошли действительно по линии

создания моноединого, унитарного государства, но с колоссальными автономиями, — тут бы мы ближе подошли именно к демократическому и гражданскому обществу.

М.Г.Алиев

Я прежде всего хотел бы сказать, что получил огромное удовольствие от того, что явился участником этой дискуссии и имел возможность выслушать такое разнообразное количество мнений, суждений. Я согласен отчасти с теми, кто говорил, что федерализмом все вопросы в России решить нельзя. Но судьба федерализма у нас в повестке дня стоит. Мы забыли бы о федерализме, если бы страна была похожа на страну. Что такое страна? Страна — это границы государственные, а у нашего государства нет границ. Государство — это единое законодательное поле деятельности. И этого нет. Государство — это публичная власть, единая. И этого нет. Поэтому сегодняшняя Россия — это какое-то дырявое образование, где люди страдают. Дагестан, замечу, когда в стране гулял парад суверенитетов, никакой суверенитет не принял. Это единственная из республик России, которая на сессии Верховного совета официально отклонила идею суверенитета. Это единственная республика, в конституции которой написано, что это субъект Российской Федерации, часть Российской Федерации. Мы так и сейчас рассматриваем себя.

Но сегодня, когда государства в полном смысле нет и оно мало что может дать горцу, который живет в горах, и он живет значительно хуже, чем средний житель Российской Федерации, он думает, кто же виноват в этом? Федерализм его не накормит, и унитарное государство не накормит, если в этом государстве не будет нормальной экономической, социальной, национальной, военной и любой другой политики, которая была бы понятна хотя бы нам, руководителям. Сегодня один говорит: федерализм — эксперимент в России. Это одна точка зрения. Я говорю — нет, я с этим не согласен. Третий — третье, четвертый — четвертое, а у государства должна быть четкая политика во всех вопросах. У дагестанцев огромная надежда на Путина. Более 80 процентов дагестанцев проголосовали за Путина. Мы не хотим, чтобы старая политика продолжалась в стране. Нам нужно поднять уровень экономической жизни нашей страны. Любым способом. Кто-то считает, что в этом году идет стабилизация. Я, например, так не считаю, так как не вижу крупных структурных сдвигов в экономике, которые позво-

ляли бы делать оптимистические выводы. А не будет нормальной экономики — ничего не будет. И никакая федерация ничего не даст. Хотя форма государственного устройства страны — фактор исключительно важный в решении всех вопросов. И здесь, повторяю, спешить нельзя, рубить с плеча нельзя, совершенствоваться надо шаг за шагом. И не с упразднения или укрупнения республик надо начинать. Лучше начать с укрупнения других субъектов, тогда видно будет, что это такое, какие возникают проблемы. Никто не спорит с тем, что управлять 89 субъектами трудно, невозможно из Центра. Но и очертя голову принимать решения нельзя.

Здесь очень эмоционально выступал Юрий Мефодьевич. Вы счастливый человек, если никто не напоминает вам о вашей национальности и вы сами не чувствуете русский вы или украинец. Хорошо вы живете, я вам завидую. Но не все в России чувствуют себя так, как вы, и призываю немножко на землю опуститься. Я, председатель парламента Дагестана, пока дойду в Москве до гостиницы, меня два-три раза останавливают: «Ваши документы». Я показываю. Как только я документы показываю — «идите». Ведь некоторое время назад в советское время в Москву я приезжал как домой. Вы знаете, я гулял до утра, я шел к друзьям в тоталитарном государстве до 12 часов ночи, а потом спокойно приходил в гостиницу. И ни о федерации я не думал, ни о квазифедерации, как вы говорите, или об унитарном государстве, и ни один горец об этом не думал. Но сегодня же невозможно пройти. Даже мне невозможно, руководителю. У меня удостоверение члена Совета Федерации. Без этой бумаги я здесь ничего не стою! Разве это мой дом, если я здесь, в Москве, в столице государства, не чувствую себя как дома? Эту Чечню же не я навязал. Все это безобразие навязано Москвой и московской политикой. Суверенитеты это республики придумали? Нет. Опять же Москва.

Вы только что говорили — центру надо армию, милицию и т.д. А кто в регионах претендует на эту армию, милицию? Ради Бога, берите и всеми ими одного этого Хаттаба поймайте! Поймайте его! Этого эфиопа, который черт-те откуда приехал... Надо быть реалистами. А реальность такова, что страна сегодня на своей территории одного этого эфиопа не может поймать и посадить на свое место. Мне за все это обидно.

Я не призываю молиться на сегодняшнее государственное устройство. Его надо совершенствовать. Но делать это терпеливо, убеждая, разъясняя. Это долгий путь. Нельзя не учитывать в России национальные, религиозные моменты. Ведь никто не говорит,

что надо на аварском языке вести сессии Генеральной Ассамблеи или заседания Совета Федерации. Но своеобразие республик игнорировать нельзя. Поэтому подчеркиваю, сегодня нам нельзя допускать крайностей.

Другая крайность — центру все, регионам — ничего. Неправильно это. Ничего из такой политики не выйдет. Должно быть четко определено, за что отвечает центр, за что отвечает этот округ, за что я отвечаю. Третья крайность — вакханалия законов! Законы надо приводить в порядок. Никто же с этим не спорит. Внутри одного государства не может быть противоречивых законов, тем более направленных против интересов государства. Но и здесь не может быть солдафонства. Нельзя ставить вопросы ребром — за месяц или полгода все законы привести в соответствие. За десять лет делали что хотели, а теперь за месяц приведите все в соответствие с федеральным законом. А что, если в каких-то вопросах местные законы лучше федеральных? Ведь это тоже должно быть согласованно, в интересах и страны и субъектов. И здесь крайности опасны.

Приведу пример. После нападения бандитов на Дагестан мы запретили ваххабизм как идеологию войны. Обратились в Думу с законодательной инициативой внести поправку в федеральный закон. А Дума все думает, и не знаю, сколько будет думать. Тем временем ваххабизм в России распространяется. Как быть?

Другой пример. В Дагестане по федеральному закону невозможно проводить выборы в представительные органы или парламент, т.к. у нас самая многонациональная республика в стране, где проживает 14 так называемых государственно-образующих народов. Если выборы проведем по федеральному закону, то в парламенте будут представители трех-четырех наиболее крупных народов. А что делать остальным? Остальным ничего не остается делать, кроме как создавать собственные парламенты со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но надо же в интересах государства, его единства и спокойствия в республике принимать наши поправки по квотам национальным, а не просто отмахиваться от проблемы. Ничего не получится, если не исходить из жизни, из реальностей. То есть приведение в соответствие законов должно быть дорогой с двусторонним движением.

И последнее. У нас страшно бюрократическое государство. Здесь Оксана Викторовна и другие говорили об этом. Оно страшно бюрократическое и очень коррумпированное. Нормальный человек, порядочный человек в руководящих кругах даже воспринимается как анахронизм.

Кажется, что Президент страны хорошо это чувствует, пытается перебороть эту страшную силу и на каждом шагу ему мешают, оказывают сопротивление. Но без победы над бюрократами, коррупционерами никакие реформы в России не состоятся, и трудно предсказать будущее такого федерализма.

П.А.Федосов

Итак, федерализм в России — это не самоцель, а средство для решения тех или иных задач. Опыт последних десяти лет при всей его противоречивости говорит о том, что это весьма эффективное и перспективное средство. Совершенствовать федеративные отношения необходимо, но также необходимо, чтобы любые шаги в этом направлении соизмерялись с основными целями федерализма — приближением власти к гражданам, повышением созидательной активности региональных сообществ граждан, обеспечением их адекватного представительства в общенациональных властных структурах.

**Авторы-участники
представленных в книге обсуждений**

АЛИЕВ

Муху Гимбатович,
доктор филос. наук,
Председатель Законодательного собрания Дагестана — 274, 305

АПРЕСЯН

Рубен Грантович,
доктор филос. наук — 211, 213, 221

АРСЛАНОВ

Виктор Григорьевич,
доктор филос. наук, профессор — 32

БЕЛОУСОВ

Андрей Рэмович,
доктор эконом. наук — 51,58-60, 78, 91

БОРОДАЙ

Юрий Мефодьевич,
доктор филос. наук — 13,18, 33, 197, 201, 205, 213, 226, 291, 300

БУЕВА

Людмила Пантелеевна,
доктор филос. наук, профессор — 29, 264

БУЗГАЛИН

Александр Владимирович,
доктор эконом. наук, профессор — 256

БУЛАВКА

Людмила Александровна,
кандидат филос. наук — 85

ВАГАНОВ

Андрей Геннадьевич,
ответственный редактор «НГ-Наука» — 138

ВЕБЕР

Александр Борисович,
доктор ист. наук, профессор — 181

ВОДОЛАЗОВ

Георгий Георгиевич,
доктор филос. наук, профессор — 185

ГАЙДЕНКО

Пиам Павловна,
доктор филос. наук, профессор, член-корр. РАН — 110, 139

ГАМАН-ГОЛУТВИНА

Оксана Викторовна,
доктор полит. наук, профессор — 209, 261, 294

ГЛАЗЬЕВ

Сергей Юрьевич,
доктор эконом. наук, профессор, депутат Государственной Думы — 4, 13

ГОРБАЧЕВ

Михаил Сергеевич,
председатель Российской Объединенной Социал-демократической партии,
президент Горбачев-Фонда — 148, 159, 168, 170, 178, 189

ГОРОДЕЦКИЙ

Андрей Евгеньевич,
доктор эконом. наук, профессор — 22, 39, 87

ГУСЕЙНОВ

Абдусалам Абдулкеримович,
доктор филос. наук, профессор, член-корр. РАН — 192, 227, 229

ГУСЕЛЕТОВ

Борис Павлович,
зам. председателя Российской Объединенной
Социал-демократической партии — 288

ДАВЫДОВ

Юрий Николаевич,
доктор филос. наук, профессор — 126

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН

Виктор Иванович,
доктор эконом. наук, профессор — 74, 112, 252, 300

ДУБРОВСКИЙ

Давид Израильевич,
доктор филос. наук, профессор — 37

ЕРАСОВ

Борис Сергеевич,
доктор филос. наук, профессор — 229

ЗДРАВОМЫСЛОВА

Ольга Михайловна,
кандидат филос. наук — 201

ЗИНОВЬЕВ

Александр Александрович,
доктор филос. наук, профессор, писатель — 232, 240, 269

ИСАЕВ

Петр Степанович,
доктор физ-мат. наук, профессор — 113

КАЗЮТИНСКИЙ

Вадим Васильевич,
доктор филос. наук, профессор — 133

КАЛГАНОВ

Андрей Иванович,
доктор эконом. наук, профессор — 80

КОНЯЕВ

Сергей Николаевич,
кандидат физ-мат. наук — 137

ЛЕКТОРСКИЙ

Владислав Александрович,
доктор филос. наук, профессор, член-корр. РАН — 108

ЛОГИНОВ

Владлен Терентьевич,
доктор ист. наук — 240

МАКСИМОВ

Владимир Николаевич,
кандидат филос. наук — 34

МАЛКИЕЛЬ-БАЖЕНОВ

Лев Борисович,
доктор филос. наук, профессор — 132

МАМЧУР

Елена Аркадьевна,
доктор филос. наук, профессор — 106

МАСАРСКИЙ

Марк Вениаминович,
президент Международной ассоциации
руководителей предприятий — 34, 157, 297

МАХНАЧ

Владимир Леонидович,
доцент Высшей школы экономики, историк культуры — 30, 118, 264

МЕЖУЕВ

Вадим Михайлович,
доктор филос. наук, профессор — 115, 159, 249, 302

МИЛИТАРЕВ

Виктор Юрьевич,
кандидат филос. наук — 173, 213

НИКИФОРОВ

Евгений Андреевич,
доктор ист. наук, профессор — 22, 24, 89, 293

ОВЧИННИКОВ

Николай Федорович,
доктор филос. наук, профессор — 119

ОГУРЦОВ

Александр Павлович,
доктор филос. наук, профессор — 121

ПОРУС

Владимир Натанович,
доктор филос. наук, профессор — 178

РАБИНОВИЧ

Вадим Львович,
доктор филос. наук, профессор — 207

РАЦ

Марк Владимирович,
доктор геолого-минерал. наук, профессор — 125

РОЗИН

Марк Владимирович,
доктор филос. наук, профессор — 129

РЫЖКОВ

Владимир Александрович,
депутат Государственной Думы — 234, 240, 259

САМСОНОВА

Татьяна Васильевна,
кандидат филос. наук, доцент — 215

САРАСКИНА

Людмила Ивановна,
доктор филос. наук — 180, 200, 218, 221, 266

САЧКОВ

Юрий Владимирович,
доктор филос. наук, профессор — 136

СЕМЕНОВ

Вадим Сергеевич,
доктор филос. наук, профессор — 169-171

СИРОТКИН

Владлен Георгиевич,
доктор ист. наук, профессор — 70, 152, 258

СЛАВИН

Борис Федорович,
доктор филос. наук, профессор — 126, 221, 263

СМИРНОВА

Наталья Михайловна,
доктор филос. наук, профессор — 72

СОРИНА

Галина Вениаминовна,
доктор филос. наук, профессор — 222

СТЕПИН

Вячеслав Семенович,
доктор филос. наук, профессор, академик РАН — 59, 60, 80, 96, 102, 139, 162

ТОЛСТЫХ

Валентин Иванович,
доктор филос. наук, профессор — 3, 18, 33, 39, 51, 58, 99, 102, 147, 191, 200, 225, 230,
231, 271, 273

ТРЕТЬЯКОВ

Виталий Товиевич,
главный редактор «Независимой газеты» — 195, 197, 200, 201, 220, 223, 225-227

ФЕДОРОВ

Святослав Николаевич,
академик АМН — 150

ФЕДОСОВ

Петр Анатольевич,
советник Председателя Совета Федерации — 279, 308

ФЕДОТОВА

Валентина Гавриловна,

доктор филос. наук, профессор — 83, 123, 171, 203, 226

ХОЛОДНЫЙ

Василий Иванович,

доктор филос. наук, профессор — 176

ЦАРЕВ

Вадим Юрьевич,

доктор филос. наук, профессор — 66, 247

ЦЫМБУРСКИЙ

Вадим Леонидович,

доктор филос. наук — 26

ЧЕРНАВСКИЙ

Дмитрий Сергеевич,

доктор физ-мат. наук, член-корр. РАН — 5, 13, 18, 38

ШАХНАЗАРОВ

Георгий Хосроевич,

доктор социол. наук, член-корр. РАН — 166

ШЕВЧЕНКО

Владимир Николаевич,

доктор филос. наук, профессор — 18, 244

ЮДИН

Борис Григорьевич,

доктор филос. наук, профессор, член-корр. РАН — 135

Содержание

ВЫХОД РОССИИ ИЗ КРИЗИСА. ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ (1-Е ЗАСЕДАНИЕ)	3
ВЫХОД РОССИИ ИЗ КРИЗИСА. ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ (2-Е ЗАСЕДАНИЕ)	50
СТАТУС НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	99
СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ	142
ЧТО ПРОИСХОДИТ В РОССИИ С МОРАЛЬЮ?	184
СТО СОРОК ДНЕЙ ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА. КУДА ЖЕ ИДЕТ РОССИЯ?	223
СУДЬБА РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА	263
Приложения	298

Научное издание

**Свободное слово. Интеллектуальная хроника:
1999–2000. Альманах — 2000.**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *В.К.Кузнецов*
Технический редактор: *Ю.А.Аношина*
Корректор: *Т.М.Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 14.06.01.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 19,00. Уч.-изд. л. 16,91. Тираж 500 экз. Заказ № 016.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор: *Е.Н.Платковская*
Компьютерная верстка: *Ю.А.Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волхонка, 14